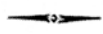

MIESIĘCZNIK
POŁOCKI.

Т о м I.
R o k 1818.

«Вестник Полоцкого государственного университета» продолжает традиции первого в Беларуси литературно-научного журнала «Месячник Полоцкий».

ВЕСНІК ПОЛАЦКАГА ДЗЯРЖАУНАГА УНІВЕРСІТЭТА
Серыя А. Гуманітарныя навукі

У серыі А навукова-тэарэтычнага часопіса друкуюцца артыкулы, якія прайшлі рэцэнзаванне і змяшчаюць новыя навуковыя вынікі ў галіне гісторыі, літаратуразнаўства і мовазнаўства.

ВЕСТНИК ПОЛОЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия А. Гуманитарные науки

В серии А научно-теоретического журнала публикуются статьи, прошедшие рецензирование, содержащие новые научные результаты в области истории, литературоведения и языкознания.

HERALD OF POLOTSK STATE UNIVERSITY
Series A. Humanity sciences

Series A includes reviewed articles which contain novelty in research and its results in history, literary studies and linguistics.

Адрес редакции:
Полоцкий государственный университет, ул. Блохина, 29, г. Новополоцк, 211440, Беларусь
тел. + 375 (214) 53 34 58, e-mail: vestnik@psu.by

Отв. за выпуск: Д.А. Кондаков, А.И. Корсак.

Редактор Д.М. Севастьянова.

Подписано к печати 30.01.2018. Бумага офсетная 70 г/м². Формат 60×84¹/₈. Ризография.

Усл. печ. л. 18,37. Уч.-изд. л. 22,13. Тираж 100 экз. Заказ 174

УДК 008:2:783.6(476.6)

**РЕЛИГИОЗНАЯ КУЛЬТУРА ГРОДНЕНЩИНЫ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

*д-р ист. наук, доц. Э.С. ЯРМУСИК
(Гродненский государственный университет им. Я. Купалы)*

Рассматривается роль религиозной культуры как составной части культурного пространства Гродненщины. Показаны некоторые формы духовно-просветительской деятельности православной и католической конфессий, среди которых особую популярность приобрели православные фестивали, парафиады для молодёжи, культурно-просветительские вечера для интеллигенции и другие. Особое внимание уделено использованию в богослужбной и религиозно-просветительской деятельности белорусского, польского и русского языков. Показана роль Высшей Духовной семинарии Римско-католической Церкви в образовательном пространстве региона. Рассмотрены направления деятельности Музея истории религии Гродно по пропаганде богатого наследия религиозной культуры.

Ключевые слова: *духовно-нравственные ценности, конфессии, миссионерская деятельность, музей истории религии, национальное самосознание, парафиада, православные фестивали, религиозная культура, санктуарии, СМИ, язык богослужения.*

Введение. Религиозная культура представляет собой сложное, комплексное образование, в котором все аспекты религии как общественной подсистемы находят выражение в социокультурной области. Религиозная культура – это совокупность способов и приемов обеспечения и осуществления бытия человека, которые реализуются в ходе религиозной деятельности и представлены в ее несущих религиозные значения и смыслы продуктах, передаваемых и осваиваемых новыми поколениями. Активным способом распространения данного вида культуры является культ.

Можно выделить две части религиозной культуры. Одну образуют те компоненты, в которых вероучение выражается прямо и непосредственно – сакральные тексты, теология, различные элементы культа и прочее. Другую составляют явления из области философии, морали, искусства, которые исторически вовлекаются в религиозно-духовную и культовую деятельность, в церковную жизнь. Важными компонентами религиозной культуры являются религиозная мораль, искусство, философия [1].

Исходя из приведенного выше определения религиозной культуры следует отметить, что она занимает важное место в миссионерской деятельности каждой конфессии, поскольку посредством различных форм и методов культурологического характера позволяет реализовать цели и задачи, стоящие перед церковным сообществом (религиозными организациями).

Вместе с тем религиозная культура в отдельно взятом регионе до настоящего времени не стала предметом глубокого изучения. Объяснить это можно тем, что феномен религиозной культуры не разработан в теоретическом плане, а также отсутствует достаточное количество источниковой базы. Для этого потребовалось бы изучить документы текущих архивов епархий, недоступных, к сожалению, светским исследователям, проанализировать произносимые духовенством проповеди, содержание религиозных культурно-просветительских мероприятий, публикации в религиозных изданиях, интернет-ресурсы и т. д. В той или иной степени проблемы религиозной культуры рассматривались белорусскими исследователями Н.Н. Беспамятных [2], Э.С. Ярмусиком [3, 4]. Следует отметить содержательную диссертацию протоиерея Александра Велисейчика «История Гродненской Православной Епархии (1992–2017)», в которой рассматриваются такие аспекты православной культуры, как фестиваль православного песнопения «Каложский Благовест», храмостроительство, иконопись и церковное искусство [5]. Среди польских исследователей проблемы католической религиозной культуры, языка богослужения в контексте изучения национального самосознания поляков освещаются в публикациях Х. Гибеня [6], Р. Дзвонковского [7], И. Кабзиньской [8], У. Качмарэк [9], Э. Смукловой [10] и др.

В данной работе ставится цель рассмотреть состояние религиозной культуры, некоторые ее формы в отдельно взятом приграничном регионе республики, каким является Гродненская область. На конкретных примерах показана роль православной и католической конфессии в формировании религиозного культурного пространства Гродненщины.

Основная часть. Основной любой культуры является язык. Беларусь одна из немногих стран на постсоветском пространстве, где использование белорусского языка было и остается предметом острой полемики. Не обошли эти дискуссии и Церкви. Более того, их границы становятся значительно шире и все более политизируются. Использование белорусского, русского, польского и других языков в богослужениях имеет свои особенности в католической и православной конфессии.

Что касается Католической Церкви, то в вопросах языка она исходит из своего миссионерского предназначения, которое носит характер религиозный и наднациональный. Однако благодаря использованию в литургии, катехизации и обучении верующих их родного языка, она развивает культуру данного народа или этнической группы, соответственно углубляет и укрепляет его национальное или этническое самосознание.

Влияние Римско-католической Церкви на Гродненщине, начиная с 1990-х годов, претерпевало значительные изменения в связи с введением в литургию белорусского языка. Парадоксально, но факт: поляки, которые составляют здесь национальное меньшинство, как прихожане костела являются большинством. Однако в послевоенный период они не имели возможности развивать свой национальный язык и культуру. Единственным связующим звеном с польской культурой оставался костел, где верующие могли слышать польский язык, а также многие семьи, в которых сохранились еще польские традиции и кое-где язык.

В начале 1990-х годов ситуация в Католической Церкви стала меняться. Он стал исполнять двойную национально-религиозную роль. Благодаря польскому языку в литургии и обучении религии он служит сохранению культуры и национального самосознания поляков. В то же время благодаря белорусскому языку он способствует укреплению национального самосознания белорусов [11].

Что касается использования белорусского языка в Православной Церкви, то эта проблема довольно активно обсуждается в первую очередь в церковных кругах. Есть «за» и «против». Последние видят в белорусском языке влияние прозападных сил, отступление от канонов Православной Церкви и, что хуже, проталкивание идеи отделения от Московской Патриархии и создания самостоятельной Белорусской Православной Церкви (БПЦ) по украинскому образцу.

Большое просветительское и культурное значение имеет перевод на белорусский язык текстов Нового Завета, который осуществляется Библейской комиссией Белорусского Экзархата при активном сотрудничестве Братства. На белорусском языке было издано четыре Евангелия, богослужбное Священное Евангелие, а также Молитвослов, Божественная Литургия Иоанна Златоуста, Молебен за белорусский народ с акафистом свсв. Виленским мученикам.

В последнее время инициативу в издании духовной литературы на белорусском языке поддержала и Гродненская епархия. Благодаря ее усилиям вышли из печати книги на белорусском языке «Проповеди» архиепископа Гродненского и Волковысского (Кищенко), Служебник [12].

В Гродно активную деятельность по белорусизации БПЦ проводит кандидат богословия протоиерей Георгий Рой. После получения богословского диплома в Регенсбургском университете (ФРГ) он стал преподавать в должности доцента в Минской духовной академии и семинарии. В 2013 году он стал лауреатом премии Института теологии. Почетную премию ему вручил митрополит Филарет (Вахромеев). В Коложской церкви, где служит протоиерей Георгий Рой, богослужения в субботу и воскресенье проводятся на белорусском языке [13].

Новым ярким явлением в религиозно-культурной сфере Гродненской области стали православные фестивали. Видное место среди них занимает Коложский Благовест, который в настоящее время приобрел международное звучание.

Впервые фестиваль был проведен в Гродно в 2002 г. по благословению Преосвященнейшего Артемия, епископа Гродненского и Волковысского и содействием Гродненского облисполкома. Цель фестиваля определялась как сохранение и развитие певческой православной культуры, повышение исполнительского уровня православных песнопений в приходских и светских коллективах.

В 2002 году фестиваль был приурочен к 10-летию возрождения Гродненской епархии. Фактически это был музыкальный форум, смотр состояния приходских певческих коллективов более чем 80 православных храмов в период возрастающего интереса к музыкальному наследию Православной Церкви. Уже в то время определилась своеобразная концепция проведения фестиваля, которая включала в себя обязательные выступления всех приходских хоров на Святках с последующим приглашением лучших коллективов на заключительный тур, проводимый традиционно в феврале в Гродно.

С годами к музыкальному событию стали проявлять интерес светские любительские и профессиональные коллективы. Представляемый на выступлениях репертуар становился разнообразнее: в него вводились как раннехристианские распевы, так и песнопения местных храмов, сохранившиеся и существовавшие в основном в устной певческой традиции. Кроме того, фестиваль получил известность за пределами Гродненщины, а затем и Республики Беларусь.

В 2008 г. фестиваль приобрел свое настоящее название – «Коложский Благовест», тем самым определив свои духовно-исторические связи с древнейшей святыней Гродненской земли – Свято-Борисо-Глебской (Коложской) церковью, этим уникальным памятником XII в., который сочетает в себе традиции византийской архитектуры и белорусского зодчества. В 2011 г. фестиваль получил статус международного [14].

Важно отметить широкий круг участников фестиваля. Это церковные хоры епархии и районных центров (10 и более человек); церковные ансамбли епархии (не более 8 человек); церковные хоры (12 человек) и церковные ансамбли (до 12 человек) областных городов; хоры священнослужителей и духовных школ; светские коллективы (профессиональная категория); светские коллективы (любительская категория); детские церковные коллективы; детские светские коллективы. Одно из требований фестиваля – программа должна состоять исключительно из песнопений Православной Церкви и охватывать различные исторические периоды.

Так, XIV фестиваль проводился 8–14 февраля 2015 г. в 2 тура. Первый тур состоялся для приходских хоров Гродненской епархии. Он являлся самостоятельным творческим мероприятием под названием «Фестиваль православных песнопений Гродненской Епархии» (январь 2015 г.) по благочиниям: Берестовицкое и Свислочское; Щучинское и Мостовское; Волковысское и Зельвенское; Гродненское и Щучинское. Второй тур (заключительный) проводился среди коллективов, отобранных оргкомитетом фестиваля «Коложский Благовест» по итогам первого тура, а также на основании присланных заявок из-за пределов Гродненской области [15]. В фестивале принял участие 41 коллектив из 7 стран. Музыкальная программа мероприятия включала ораторию митрополита Иллариона (Алфеева) «Страсти по Матфею» в исполнении Гродненской капеллы, конкурсы прослушивания и гала-концерт хоровых коллективов, презентацию книги исследователя Елены Шатько «Колокола и колокольные звоны православных храмов западных регионов Беларуси: история и современность», просмотры документальных фильмов и художественного фильма «Лука», выставку «Православные храмы Гродненщины», вечер духовной поэзии и авторской песни [16].

Не менее интересной и насыщенной была программа XVI международного фестиваля, который состоялся в Гродно 6–11 февраля 2017 г. Помимо церковных песнопений, она включала выставки творчества детей и молодежи «Красота Божьего мира» (живопись, графика, керамика) и «Убранне з Божагасвятла» (мастацтва абклада XVII – пачатак XX стет.); кинолекторий; конкурсные прослушивания хоровых коллективов; вечер духовной поэзии и авторской песни [17]. Участниками фестиваля были 38 церковных и светских коллективов из 7 стран мира. Аудитория фестиваля с учетом онлайн-трансляции Гродненской православной епархии насчитывала тысячи человек [18].

В мае – августе 2013 года и в 2014 году при организационном содействии органов исполнительной власти на территории пяти административных единиц области были проведены духовно-просветительские фестивали православной культуры «Кладезь». В рамках программы фестиваля были представлены ряд проектов, направленных на поддержание духовности и христианских ценностей в обществе, важных социальных инициатив, нравственного воспитания подрастающего поколения: «Доброе кино», «Медицина и православие», «Талант и смысл жизни», «Молодость – время выбора», концертная программа мужского вокального ансамбля «Славяне», а также прошли беседы со священниками, лекции, вечера духовной поэзии и др. [19].

В 2014 году Щучинском, Мостовском, Сморгонском и Ошмянском районах в рамках проекта «Семья. Единение. Отечество» были представлены православная выставка-ярмарка «Радость слова» и духовно-просветительная программа Белорусского Экзархата, которая состояла более чем из 40 мероприятий [20].

Не менее содержательной была духовно-просветительная программа фестиваля в 2017 г. В крупных городах Гродненщины прошли выставки-ярмарки книжной, аудио- и видеопродукции религиозного содержания, показы художественных и документальных фильмов, творческие встречи, духовные беседы. Для детей состоялись показы кукольного театра «Батлейка» на религиозную тематику [21].

Религиозно-культурная жизнь православной и католической конфессий на Гродненщине ежегодно насыщена значимыми событиями, в которые вовлечены широкие массы духовенства и верующих, представители органов власти, а также гости и единоверцы из других стран. Прежде всего это события юбилейного характера. Вот примеры, взятые за несколько лет.

В 2006 г. Гродненская и Новогрудская православные епархии отмечали 10-летие хиротонии и служения на Гродненской кафедре Преосвященного епископа Артемия, 50-летие со дня рождения и 10-летие Архиерейского служения епископа Новогрудского и Лидского Преосвященного Гурия [22]. В 2007 и 2008 гг. Гродненская и Новогрудская православные епархии отмечали празднование иконы Божией Матери Жировичской (в д. Жировичи Слонимского района), 600-летие Сынковичской церкви (д. Сынковичи Зельвенского района), 100-летие Свято-Покровского кафедрального собора в Гродно, 1015-летие Православия на Беларуси, 750-летие преставления преподобного Елисея Лавришевского, 690-летие образования Новогрудской епархии и 15-летие ее восстановления; Гродненский Свято-Рождество-Богородичный ставропольский женский монастырь – 15-летие возобновления деятельности. В 2008 г. верующие католической конфессии отмечали 250-летие костела Пресвятой Троицы (д. Ишелно Щучинского района), 100-летие деятельности в Гродно сестер-назаретанок. Верующие православной и католической конфессий участвовали в крестных ходах, посвященных празднику Собора Всех Белорусских

Святых, празднованию Божьего Тела и Крови и Святой Евхаристии, а также в паломничествах к иконе Пресвятой Остробрамской Девы Марии в Вильнюсе, к иконе Матери Божьей в д. Трокели Вороновского района, к Пресвятому Лику Иисуса Скорбящего в г. п. Рось Волковысского района, в д. Коптевка Гродненского района. Празднично при участии большого количества верующих и священнослужителей прошла Коронация иконы Матери Божией Гудогайской в д. Гудогай Островецкого района [23].

Новым явлением в религиозной и культурной жизни Гродненщины стало открытие благодаря инициативе и стараниям епископа Тадеуша Кондруевича Высшей духовной семинарии в Гродно. 17 августа 1990 г. городские власти города вернули Католической Церкви изъятый в 1940 г. бернардинский монастырь, находящийся при храме Отыскания Святого Креста. 18 августа здесь прошли первые вступительные экзамены. Годными для обучения в семинарии были признаны 37 кандидатов из разных уголков Беларуси, Украины и Грузии.

В первом академическом 1990/91 году в Высшей духовной семинарии обучение по 20 предметам проводили 11 преподавателей. Семинария шаг за шагом преодолевала трудности хозяйственного и академического характера, налаживала подготовку будущих священнослужителей для пастырской службы [24].

В 2015 г. семинария отметила свое 25-летие. В послании епископа Александра Кашкевича по этому случаю говорилось: «Высшая духовная семинария в Гродно стала известной в стране и за ее пределами. Это учебное заведение имеет хорошую репутацию, свою историю, традиции, и она прочно вошла в костельную и религиозную реальность нашей диоцезии. Деятельность Гродненской семинарии значительно обогащает религиозный, культурный и академический облик нашего города и всей Беларуси» [25].

Гродненская католическая епархия ежегодно проводит культурно-просветительские вечера для интеллигенции. Первое такое мероприятие состоялось 2 марта 2013 г. в Гродненской Высшей духовной семинарии. Для гродненцев был организован литературный вечер «Пасха с белорусскими поэтами». В мероприятиях приняли участие епископы Александр Кашкевич и Юзеф Станевский, гродненские литераторы, преподаватели университета, представители Православной и Католической Церкви. Были подготовлены выставки оригинальных пасхальных открыток. Представитель епархии отметил, что организация культурных вечеров – глубокая традиция Католической Церкви, который на протяжении многих веков выступал меценатом культурных мероприятий. «Таким образом, происходило взаимное обогащение: евангельские принципы облачались в культурные одежды разных народов, а национальная культура той или иной страны подпитывалась христианскими традициями, темами, сюжетами. Мы планируем и в дальнейшем организовывать вечера, посвященные белорусской христианской музыке, литературе, искусству, чтобы активизировать гродненскую интеллигенцию, побудить людей к творчеству», – отметил ксендз Юрий Жегарин [26].

С 2009 г. в Гродненском диоцезе ежегодно проводится парафиада под девизом «Движение укрепляет дух, сердце и тело». Эта программа носит характер образовательно-воспитательный, профилактический и общественно-патриотический. Она основана на системе соревнования детей и молодежи всех уровней обучения. Программа «Святыня» предусматривает подготовку и участие в совместных молитвах, «Театр» – участие в творческих конкурсах и постановках религиозного характера, «Стадион» – участие в различных спортивных соревнованиях [27].

На Гродненщине существует ряд значимых для верующих мест, которые являются объектом поклонения и паломничества. Как правило, это костелы (санктуарии) и православные монастыри, где имеются чудотворные иконы. Санктуарии – это богатое религиозное, духовно-культурное и материальное наследие Католической Костела и народа. Каждый из них имеет свой облик, сформированный предметами культа, особенностями окрестности, духовными потребностями жителей и другими условиями, а также играет важную роль в жизни местной парафии, региона. В Беларуси насчитывается 7 санктуариев, в том числе в Гродно, д. Гудогай (Островецкий район), д. Трокели (Вороновский район), г. п. Рось (Волковысский район) и другие. В парафии Найсвятейшей Троицы в г. п. Рось в костеле находится чудотворная фигура Иисуса Христа Скорбящего. Ежегодно здесь проводятся реколекции (богослужения), посвященные внутреннему, прежде всего, духовному, а также физическому оздоровлению. В июле 2012 г. в таких реколекциях участвовали около 5 тыс. человек [28].

Икона Матери Божьей Шкаплерной в д. Гудогай представляет собой копию известной иконы Матери Божьей Владимирской «Умиление». Знаменитая икона Матери Божией Трокельской (конец XVI в.) является прекрасной копией знаменитой римской иконы Санта Мария Маджоре (Снежной). В Гродно в кафедральном костеле уже более трех веков почитается икона Матери Божьей Конгрегатской (или у молодежи ещё и «Студенческой»), которая также является копией итальянской Санта Мария Маджоре.

В Новогрудке, первой столице ВКЛ, к сожалению, не сохранился первоначальный древний образ Богородицы, но уже более двух веков хранится в Фарном костеле чудотворная икона Матери Божьей Новогрудской. В костеле д. Боруны на стыке Минской и Гродненской областей с XVI в. находится чудотворная икона Матери Божьей Борунской.

Точно также почитается совместно католиками и православными древний образ (с конца XV в.) Матери Божьей Жировичской. Во времена Речи Посполитой эта икона в греко-католическом Жировичском монастыре считалась главной униатской иконой белорусов. Сейчас икона принадлежит православным, но католики по-прежнему молятся перед ее копией в соседнем Слонимском костеле [29].

Распространению религиозной культуры и информации о ней способствуют СМИ – газеты, передачи радио, телевидение, книги, брошюры, тиражировать которые имеют право религиозные организации. Кроме того, не стоят в стороне от этого и государственные СМИ.

В областных и во всех районных газетах регулярно освещаются вопросы жизни и деятельности религиозных организаций, государственной политики в этноконфессиональной сфере. Так, только за 2016 г. в областной, городских и районных газетах было опубликовано более 790 материалов на конфессиональную тематику в форме сообщений, интервью, обращений, статей, осуществлено более 505 выступлений и репортажей по радио [30].

Существенную роль в пропаганде религиозной культуры, в распространении посредством ее высших духовных ценностей, выработанных на протяжении веков различными конфессиями, играет музей истории религии г. Гродно.

Музей располагается во дворце XVII в., который принадлежал магнатскому роду Хрептовичей. Музей обладает уникальным собранием православных и католических икон, старопечатных книг, предметов литургической одежды, деревянный скульпторы эпохи барокко, богатой археологической коллекцией. Многие из предметов, представленных в экспозиции, имеют единичные аналоги в мире. Экспозиции музея рассказывают о городской культуре XVIII – начале XX вв., дохристианских верованиях, христианских и нехристианских конфессиях.

Музей получил это здание в 1992 г.; до этого размещался в здании монастыря базилианок, переданное Православной Церкви. В 2005 г. музей получил современное название (до этого – Республиканский музей истории атеизма и религии). Реставрационные работы завершились в 2009 г., и в октябре 2012 г. открылась экспозиция «Религия и культура в Беларуси». Музей расположен в здании демонстративной площадью залов 610,2 м² и имеет 2 постоянные, 2 временные и 7 передвижных экспозиций. Общее количество музейных экспонатов составляет 85 239, из них основного фонда – 66 687, научно-вспомогательного – 18 552.

В музее разработаны и проводятся лекции на различные темы, в том числе по проблемам религиозной культуры: «Дохристианские верования и культура древнего населения Беларуси», «Католическая церковь и культура в Беларуси», «Униатская церковь и культура в Беларуси», «Православие и культура в Беларуси», «Сначала было слово (Библия – книга книг)», «Символика иконы», «Просветители Беларуси – Евфросиния Полоцкая и Франциск Скорина», «Символика архитектуры и интерьера христианских храмов» и другие.

Экспозиция «Религия и культура в Беларуси» включает в себя 13 залов. В них представлены материалы археологии, иконы, книги (в том числе старопечатные), которые знакомят с историей христианских конфессий, иудаизма, ислама, их вкладом в развитие культуры Беларуси – архитектуры, иконописи, живописи, скульптуры, книгоиздательского и декоративно-прикладного искусства [31].

Ежегодно проводятся Рождественские вечера в музее, на которых имеют возможность побывать гродненцы и гости города. Так, в программе Рождественских вечеров в концертном зале выступали ведущие артисты филармонии. Настоящий аншлаг вызвал концерт камерного хора Гродненской капеллы. Посетители выставки «Рождество Христово» узнали об истории праздничной ёлки и празднования Рождества [32].

Заключение. Активная миссионерская деятельность религиозных организаций, партнерские отношения органов власти и конфессий существенным образом отразились на развитии религиозной культуры. Она многообразна по формам, направлениям, однако содержание ее сугубо религиозное и направлено на распространение духовно-нравственных христианских ценностей. Религиозная культура стала неотъемлемой частью социокультурного пространства Гродненщины. Она открывает все новые и новые пласты культурного наследия предыдущих столетий, приобщая к нему широкие массы населения, способствует укреплению межконфессиональных и межнациональных отношений, мира и благополучия в регионе. Вместе с тем этот феномен заслуживает дальнейшего научного изучения и осмысления. В числе таких проблем могло быть исследование связи религиозной культуры и национальной идентичности, влияния на процессы в этнокультурной сфере, вклада отдельно взятой конфессии в социокультурное развитие региона и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Религиоведение. Религиозная культура [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.bibliotekar.ru/religiovedenie/102/htm. – Дата доступа: 22.11.2015.

2. Беспмятных, Н. Н. Белорусско-литовско-польское пограничье: граница, культура, идентичность / Н. Н. Беспмятных. – Минск : РИВШ, 2011. – 244 с.
3. Jarmusik, E. Kościół rzymskokatolicki a stosunki narodowościowe i kulturowe na Białorusi (1980 – początek XXI wieku) / Edmund Jarmusik // *Studia Interkulturowe Europy Środkowo- Wschodniej*. – 2014. – № 7. – С. 71–86.
4. Ярмусик, Э. С. Каталіцкі Касцёл у сацыякультурным жыцці Гродзеншчыны / Э. С. Ярмусик // *Studia Theologica Grodnensia* : зб. навук. арт. – Гродна : Гродзенская дыяцэзія Рымска-каталіцкага Касцела ў Рэспубліцы Беларусь, 2015. – Вып. 9. – С. 193–202.
5. Vielisiejchcyk, Aliaksandr. Historia Prawosławnej Eparchii Grodzińskiej (1992–2017) / A. Vielisiejchcyk. – Варшава : Христианская Теологическая Академия в Варшаве, 2017.
6. Giebień, H. Kwestie języka używanego w liturgii rzymskokatolickiej / H. Giebień // *Kultura i świadomość etniczna Polaków na Wschodzie. Tradycja i współczesność* / Uniwersytet Wrocławski; Katedra etnologii i antropologii kulturowej; Stowarzyszenie «Wspólnota Polska»; red. A. Kuczyński (red.) [I inni]. – Wrocław : Uniwersytet Wrocławski, 2004. – S. 161–179.
7. Dzwonkowski, R. SAC, ks. Polacy na dawnych kresach wschodnich. Z problematyki narodowościowej i religijnej / R. Dzwonkowski. SAC. – Lublin : Wyd-wo Stowarzyszenie «Wspólnota Polska», oddział w Lublinie, 1994. – 150 s.
8. Kabzińska, I. Wśród «kościelnych Polaków». Wyznaczniki tożsamości etnicznej (narodowej) Polaków na Białorusi / I. Kabzińska. – Warszawa, 1999. – 208 s.; Kabzińska-Stawarz, I. Polacy na Białorusi. Informacja o badaniach prowadzonych przez pracowników IAE PAN w Warszawie / I. Kabzińska-Stawarz // *Etnografia Polska*. – T. 39. – Zeszyt 1–2. – 1995. – S. 33–49; Kabzińska-Stawarz, I. Polacy na Białorusi. Relacja z badań etnograficznych nad współczesnym procesem kształcenia się świadomości etnicznej / I. Kabzińska-Stawarz // *Przegląd Wschodni. Historia i współczesność Polaków na Wschodzie*. Kwartalnik. Warszawa. – T. 2. – Zeszyt 3(7). – 1994. – S. 680–695.
9. Kaczmarek, U. Tożsamość etniczno-kulturowa Polaków na Białorusi / U. Kaczmarek // *Rocznik Wschodni*. Rzeszów: Wyd-wo Remark. – 1996. – № 3. – S. 35–43.
10. Smułkowa, E. Problem języków narodowych w praktyce religijnej na białorusko-polsko-litewskim pograniczu etniczno-kulturowym / E. Smułkowa // *Białoruś i pogranicza. Studia o języku i społeczeństwie* / E. Smułkowa (red.). – Warszawa : Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2002. – S. 492–500.
11. Дзванкоўскі, Р. Цярпенне і надзеі каталіцкага Касцёла ў Беларусі / Р. Дзванкоўскі // *Беларускі гістарычны часопіс*. – 2007. – № 1. – С. 68–75; Dzwonkowski, Roman SAC. Rolareligii i Kościoław rozwoju kultury i świadomości na rodowej Polaków na Grodzieńszczyźnie. 2004 rok. Maszynopis.
12. *Белорусский язык и его внедрение в Церковь* [Электронный ресурс] / Антимодернизм.Ру. – Режим доступа: www.antimodern.ru/bielorussian_language. – Дата доступа: 23.11.2015.
13. БПЦ: через языковые тернии – к автокефалии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.14vn.com/index.php. – Дата доступа: 23.11.2015.
14. *Международный фестиваль православных песнопений «Коложский Благовест»* [Электронный ресурс] / Гродненский областной исполнительный комитет. – Режим доступа: www.region.grodno.by/ru/oblast/konfes/blagovest. – Дата доступа: 23.11.2015.
15. *Положение о XIV Международном фестивале православных песнопений «Коложский Благовест»* [Электронный ресурс] / Гродненская епархия Белорусской Православной Церкви. – Режим доступа: www.orthos.org/festival/polozenie-o-festivale.
16. *Утвержденная программа фестиваля «Коложский Благовест»* [Электронный ресурс] / *Telegraf.by*. – Режим доступа: www.telegraf.by/2015/02. – Дата доступа: 23.11.2015.
17. *План проведения XVI Международного фестиваля православных песнопений «Коложский Благовест»* [Электронный ресурс] / Свято-Покровский кафедральный собор. – Режим доступа: <http://www.pokrov.grodno.ru/>. – Дата доступа: 19.06.2017.
18. *Международный фестиваль православных песнопений собрал в Гродно 38 церковных и светских коллективов из 7 стран мира* [Электронный ресурс] / Столичное телевидение. Телерадиокомпания. – Режим доступа: <http://www.ctv.by>. – Дата доступа: 19.06.2013.
19. *Информация Гродненского облисполкома о выполнении Соглашения о сотрудничестве между Республикой Беларусь и Белорусской Православной Церковью*. 2013 год.
20. *Информация Гродненского облисполкома о выполнении Соглашения о сотрудничестве между Республикой Беларусь и Белорусской Православной Церковью*. 2014 год.
21. *Фестиваль православной культуры «Кладезь» проходит в Гродно* [Электронный ресурс] / *Гродненщина вчера и сегодня*. – Режим доступа: <http://www.grodnonews.by/category/dosug-i-otdych/news33487.html>. – Дата доступа: 19.06.2017.
22. *Пресс-релиз «Гродненщина этноконфессиональная»*. 2006 год.
23. *Пресс-релиз «Гродненщина этноконфессиональная»*. 2008 год.
24. *Хроника (Гродзенскай дыяцэзіі)* [Электронный ресурс] / Вышэйшай Духоўнай Семінары ў Гродна. – Режим доступа: www.wsd.gvodnensis.pl/hronika.html. – Режим доступа 21.04.2015.
25. *Гісторыя Вышэйшай Духоўнай Семінары ў Гродна*. – Беласток, 2015. – 47 с.
26. *Гродненская католическая епархия начинает серию культурных вечеров для интеллигенции* [Электронный ресурс] / БЕЛТА. – Режим доступа: www.belta.by/culture/view/grodnenskaja. – Дата доступа: 22.11.2015.
27. *Слова жыцця* // Газета Гродзенскай дыяцэзіі. – 2009. – 25 студзеня. – С. 7.
28. *Санктуарии* [Электронный ресурс] / Официальный интернет-портал Католического Костела в Беларуси. – Режим доступа: www.Catholic.by. – Дата доступа: 14.02.2015.
29. *Какие самые известные чудотворные иконы есть в Беларуси?* [Электронный ресурс] / *Большой вопрос*. – Режим доступа: www.bolshoyvopros.ru/questions/1573343. – Дата доступа: 24.11.2015.

30. Гродненщина этноконфессиональная. 2016 год [Электронный ресурс] / Гродненский областной исполнительный комитет. Официальный портал. – Режим доступа: <http://www.region.grodno.by/ru/konferens/-ru>. – Дата доступа: 26.06.2017.
31. Гродненский государственный музей истории религии [Электронный ресурс] / Экскурсии по Беларуси – Белорусский экскурсионный портал. – Режим доступа: www.ekskursii.by. – Дата доступа: 23.11.2015.
32. Гродненцы до середины января смогут побывать на «Рождественских вечерах в музее» [Электронный ресурс] / NEWS.TUT. – Режим доступа: www.news.tut.by/culture/211001.html. – Дата доступа: 23.11.2015.

Поступила 01.07.2017

THE RELIGIOUS CULTURE OF GRODNO REGION AT THE PRESENT STAGE

E. YARMUSIK

The article examines the role of religious culture as an integral part of the cultural space of Grodno region. There are shown some forms of spiritual and educational activity of the Orthodox and Catholic faiths. Orthodox festivals, parafiads for youth, cultural and educational parties and others have become especially popular among them. Particular attention is paid to the use of Belarusian, Polish and Russian languages in liturgical and religious – educational activities. It is shown a role of the Higher Theological Seminary of the Roman Catholic Church in the educational space of the region. As well there are considered directions of activities of Grodno's History of Religion Museum on propaganda of the rich heritage of religious culture.

Keywords: *spiritual-national self-consciousness, confessions, missionary activity, museum of the history of religion, moral values, parafiada, Orthodox festivals, religious culture, sanctuaries, media, language of worship, National self-awareness.*

УДК 94 (476) «1941/1945» (043.3)

**БРАТСКИЕ МОГИЛЫ Г.П. БОРОВУХА-1:
К ВОПРОСУ ОБ УВЕКОВЕЧЕНИИ ПАМЯТИ СОВЕТСКИХ СОЛДАТ,
ПОГИБШИХ ПРИ ОСВОБОЖДЕНИИ ПОЛОЦКОГО РАЙОНА В ИЮЛЕ 1944 ГОДА¹**

*канд. ист. наук, доц. А.И. КОРСАК
(Полоцкий государственный университет)*

Рассмотрен процесс увековечения памяти солдат Красной Армии, погибших и умерших от ран в период освобождения территории Полоцкого района от нацистской Германии летом 1944 г. в результате Полоцкой наступательной операции. Проведен критический анализ архивного материала Зонального государственного архива в г. Полоцке, данных ОБД «Мемориал» и надписей на братских могилах с учётом списков, имеющих в Военном комиссариате Полоцкого, Россонского районов и города Новополоцка. Исследование в административно-территориальном плане ограничено Махировским с/с (с 1968 г. Боровухский с/с) Полоцкого р-на, где братские могилы из первичного места захоронения в 1949 г. и начале 1950-ых гг. были перенесены в Боровуху-1.

Ключевые слова: братская могила, солдаты Красной Армии, Полоцкая наступательная операция, захоронение.

Вступление. Процесс мемориализации памяти о Великой Отечественной войне после освобождения территории Беларуси от немецких захватчиков летом 1944 г. на региональном уровне начался практически сразу, о чем свидетельствует появление первых в районных центрах памятников на братских могилах солдат Красной Армии, в том числе в городе Полоцк². Увековечение памяти погибших воинов продолжается, несмотря на то, что после событий 1944 г. прошло 74 года, т.к. значительное количество солдат, особенно летчиков и танкистов, во многих случаях захоронены символично, многие числятся как пропавшие без вести или «неизвестными» на мемориальных плитах. Рассекречивание архивных документов и их размещение в открытом доступе, а также технические возможности позволяют установить имена солдат и места их гибели.

Основная часть. В 1949 г. на территории Полоцкого района, в том числе и Махировского с/с, начался процесс выявления и укрупнения братских могил. 14 марта этого же года был утверждён План мероприятий по переноске могил воинов Советской Армии по Полоцкому району на 1949 г. [8, л. 40]. Следует отметить, что Махировский с/с существовал с 1924 г. по 1968 г., после чего был переименован в Боровухский с/с с центром с 1926 г. в г.п. Боровуха [35, с. 77, 140].

Основным документом, подтверждающим факт перезахоронения, является Акт от 14 июня 1949 г., составленный комиссией из 4-х человек (далее в документе перечислено 5 человек – А.К.): председатель – член Исполкома Городского Совета депутатов трудящихся, представитель от Райотдела МВД, представитель от Горвоенкомата, представитель от Райздраотдела и председатель сельского совета, в котором указано, что «в период 2-ух дней 13–14 июня 1949 г. были перенесены с вышеуказанных кладбищ (Боровуха, Гвоздово, Охотница, Коптево, Горовые, Ропно, Махирово, Дяготки, Залесье – А.К.) в одну общую могилу останки тел погибших воинов Советской Армии и партизан», «останки похороненных тел были изъяты путем раскопки каждой могилы в отдельности и останки сложены в пятнадцать деревянных гробов, которые вновь захоронены в одну общую братскую могилу на ст. Боровуха-1 северозападнее почты 100 метров» [7, л. 19]. Важно отметить, что место перезахоронения на сегодняшний момент соответствует месторасположению братской могилы № 4261 по ул. Садовая (рис. 1, 2).

Согласно Акту о перезахоронении от 1949 г. в одной могиле были увековечены солдаты Красной Армии общим количеством в 120 человек, из них: «в районе деревень ст. Боровуха-1 было обнаружено 11 братских могил и 31 индивидуальная» общим количеством в 84 человека; «в районе деревень Гвоздово,

**Рисунок 1. – Братская могила
№ 4261 в г.п. Боровуха
Фото 1980-ых гг.**

¹ Работа поддержана БРФФИ, номер гранта № Г17Р-032 «Военные конфликты XV–XX вв. на белорусских землях и их влияние на формирование идентичности населения (на примере Полоцкого региона)».

² Корсак, А.И. Увековечение памяти о событиях Великой Отечественной войны на примере братских могил советских солдат, погибших при освобождении города Полоцка в июле 1944 года / А.И. Корсак // Вестн. Полоцк. гос. ун-та. Сер. А. Гуманитарные науки. – 2017. – № 9. – С. 6–15.

Охотница, Коптево, Горовые и Ропно» – 3 братские могилы и 19 индивидуальных (всего 27 человек); «в районе деревень Махирово, Дяготки и Залесье» – 2 братские могилы и 5 индивидуальных (всего 9 человек) [7, л. 19]. К документу прилагается и список из 13 известных, а непосредственно в Акте указано 110 неизвестных из 120 человек. Вероятно, подсчёт сделан неверно. Далее при суммировании имеем всего 16 братских могил и 55 индивидуальных (всего 71 могила) [7, л. 19], а в выписке из Плана мероприятий по переноске могил от 14 марта 1949 г. по Махировскому с/с – 136 могил, приказано оставить только лишь одну могилу около школы (индивидуальная могила Д. Потапенко – А. К.) [8, л. 40].

Рисунок 2. – Братская могила № 4261 в г.п. Боровуха
Фото автора. 2017 г.

Вопрос, о соответствии количества погибших и умерших от ран либо загубленных солдат в шталаге № 354 (с 1941–1943 гг. место расположения Боровуха-1) и увековеченных имён, сложный и противоречивый и требует проведения тщательного анализа документов, особенно, что касается военнопленных нацистских лагерей. На примере шталага № 354 мы имеем цифру от 18 000 до 29 000 человек, разбежка в 11 000 человек серьезная. Согласно справочнику «Лагеря советских военнопленных в Беларуси. 1941–1944 гг.» (2004 г.), созданному на основании трёх групп документов – материалы различного характера оккупационных органов властей, данные Чрезвычайной комиссии, содержащиеся в НАРБ, и документы, находящиеся на хранении в немецких архивах, прежде всего, в Федеральном военном архиве во Фрайбурге, на территории шталага № 354 «в Боровухе 1-й содержалось около 18 тыс. военнопленных, в т.ч. и гражданское население» [30, с. 85–87]. Цифра в 29 000 в архивных документах не зафиксирована и каких-либо дополнительных материалов, кроме как паспорта воинского захоронения и соответственно каталога, составленного по тем же данным военных комиссариатов, мы не имеем. Вопрос остаётся открытым!

Таблица 1. – Сравнительная таблица данных о количестве увековеченных на братских могилах №№ 4261, 4262, 2344

Источник	Братская могила № 2344*, количество, чел.	Братская могила № 4261, количество, чел.	Братская могила № 4262, количество, чел.
Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Віцебская вобласць (Мінск, 1985)	больше 18 000	180	50
«Память»: историко-документальная хроника Полоцкого района (Мінск, 1999)	104	50	6
Паспорт воинского захоронения (2000 г.)	29 000 (из них известных – 231, неизвестных – 28769)	191 (из них известных – 52, неизвестных – 139)	52 (из них известных – 6, неизвестных – 46)
Каталог воинских захоронений на территории Республики Беларусь. Витебская область (Минск, 2013)	29 000 (из них известных – 218, неизвестных – 28782)	191 (из них известных – 52, неизвестных – 139)	52 (из них известных – 6, неизвестных – 46)
Надпись на памятнике (по состоянию на янв. 2018 г.)	82	42	5

* братская могила № 2344 расположена на месте захоронения военнопленных шталага № 354.

Чтобы внести максимальную ясность в вопросе увековечения памяти погибших летом 1944 г. солдат, следует вначале разобраться с первичными местами захоронения и количеством солдат, погребённых в них.

Так, на территории Махировского с/с (Боровухского с/с) первичные места захоронения на протяжении 1944 г. солдат Красной Армии можно условно разделить на две группы: *братские могилы погибших солдат в ходе боев в июле 1944 г.*, погребение которых осуществляли команды, назначаемые распоряжением командира полка [33, с. 22], и *братские могилы воинов, умерших от ран в госпитальных отделениях медико-санитарных батальонов (134 ОМСБ 28 сд; 413 ОМСБ 332 сд; 442 МСБ 360 сд) и в госпиталях полевого эвакуационного пункта № 154 (ЭГ № 5859, ИГ № 4241, ПГЛР № 2622, ХППГ № 2177).*

Рассмотрим условно выделенную первую группу захоронений.

Зафиксировано 12 первичных мест захоронения погибших воинов при освобождении территории Полоцкого р-на на протяжении 2–7 июля 1944 г., в последующем перезахороненных в братские могилы №№ 2344, 4261, 4262 в 1949 г. и 1953–1954 гг. Остановимся на более спорных моментах.

В первичном месте захоронения «700 м. юго-западнее д. Охотница Полоцкого р-на» погребены общим количеством 12 солдат 421 сп 119 сд, погибшие 5 июля 1944 г. в двух братских могилах – 7 человек в № 1 и 5 человек в № 2 [12]. По данному захоронению имеется и карта-схема с нанесением расположения могил (рис. 3). Согласно Акту о перезахоронении за 1949 г. останки советских солдат были перенесены в братскую могилу № 4261, но в настоящий момент в данной могиле увековечены имена только двух человек, остальные – в братской могиле № 2344.

Воины 634 сп 119 сд, погибшие 5 июля 1944 г., изначально захоронены в д. Залесье Боровухского с/с, согласно именному списку общим количеством 6 человек [20], к которому прилагается также карта-схема (рис. 4), что даёт нам основание точно определить принадлежность того или иного населённого пункта к конкретному сельскому совету, т.к. только на территории Полоцкого р-на насчитывается восемь деревень Залесье. В именном списке указано 6 человек, в легенде к карте-схеме – 7 человек. Вероятно, при заполнении произошла техническая ошибка, что в принципе в тех условиях не вызывает удивления. И снова все без исключения в 1949 г. были перезахоронены в братскую могилу № 4261, но увековечены имена только двух человек и то в братской могиле № 2344. В тоже время на памятнике нанесена фамилия лейтенанта 16 Литовской сд Юкниса Владаса, первичное место захоронения которого по именным спискам указано «150 м. от дороги д. Залесье – Нарковщина около кустарника» [13]. В решении данного вопроса помогает приложенная к именному списку погибших карта-схема, при анализе которой выясняется, что д. Залесье Боровухского с/с перепутано с д. Залесье Юровичского с/с Полоцкого р-на. Соответственно, лейтенант в принципе не может быть перезахороненным в братской могиле № 2344.

Рисунок 3. – Схема расположения могил в районе д. Охотница Полоцкого р-на [12]

Рисунок 4. – Схема могилы лейтенанта Юкниса В. В районе д. Залесье Юровичского с/с Полоцкого р-на [13]

Мл. сержант 364 отдельного пулемётного артбатальона 155 Укрепрайона (далее УР) Макарьин Фёдор Фёдорович 1909 г.р. погиб 3 июля 1944 г. и захоронен «на кладбище у дороги 1 км. южнее д. Заручевье Полоцкого р-на» [25]. В данном случае карты-схемы не имеем, но при анализе данных журнала боевых действий 4 Ударной Армии выясняется, что 155 УР на период с 1 по 5 июля 1944 г. дислоцировался и участвовал в военных действиях в северо-восточной части Полоцкого р-на [5]. Снова сталкиваемся с тем, что д. Заручевье Боровухского с/с ошибочно принято за д. Заручевье Малоситнянского с/с Полоцкого р-на. Соответственно, останки мл. сержанта Макарьина Ф.Ф. не могли быть перенесены на территорию Боровухского с/с.

Ранее имели дело с полным совпадением названий населённых пунктов, а случае с д. Шалашина Боровухского с/с, разъезд Шалашки Полотовского с/с Полоцкого р-на и д. Шалашино Дубровенского р-на имеем единство созвучия и незначительные отличия в написании, что повлекло за собой в последующем значительное количество ошибочных сведений. Так, старшина 20-й Артиллерийской Оршанской дивизии прорыва Неронов Лев Дмитриевич 1913 г.р., погибший 25 июня 1944 г., увековечен в братской могиле № 2344. Первичное место захоронения в именных списках значит «д. Шалашино южнее 700 м. Витебская обл.» [19], что и дало повод о внесении Неронова Л.Д. в списки погибших на территории Полоцкого р-на. При анализе именных списков 20-й Арт. Оршанской дивизии прорыва было выяснено, что погибшие 25 июня 1944 г. солдаты из вышеуказанной дивизии также имеют первичное место захоронения д. Шалашино. Кроме того, данная дивизия не проходила через территорию Полоцкого р-на.

Рисунок 5. – Братская могила № 2344 на месте захоронения военнопленных, партизан и жертв нацизма и в г.п. Боровуха. Фото 1980-х гг.

11 человек 1115 сп 332 сд, погибшие 2 июля 1944 г., первично захоронены на «окраине зелёной рощи восточнее разъезда Шалашки» [23], а также 8 человек 64 гв. сп 21 гв. сд, также погибшие 2 июля 1944 г., захоронены «300 м. северо-восточнее разъезда Шалашки» [24], на данный момент увековечены в братской могиле № 2344 на территории Боровухского с/с (рис. 5). По причине того, что разъезд Шалашки (теперь станция Поздняково ж/д Полоцк – Невель), который в 1940-е гг. относился к Полотовскому с/с, ошибочно принят за д. Шалашина Боровухского с/с, солдаты 332 сд и 21 гв. сд. оказались увековеченными в Боровухском с/с.

Из всех вышеуказанных первичных мест захоронения точное попадание только с рядовым 981 отдельного батальона связи 332 сд 83 ск Селезнёвым Семёном Никифоровичем 1913 г.р., погибшим 6 июля 1944 г. и погребённым на «северной окраине д. Шалашина Полоцкого р-на» [15].

Далее проанализируем данные по условно выделенной второй группе захоронений – братским могилам воинов, умерших от ран в госпиталях отдельных медико-санитарных батальонов (134 ОМСБ 28 сд; 413 ОМСБ 332 сд; 442 ОМСБ 360 сд) и в госпиталях полевого эвакуационного пункта № 154 (ЭГ № 5859, ИГ № 4241, ПГЛР № 2622, ХППГ № 2177).

Одним из спорных моментов является вопрос о том, где же по факту **увековечены умершие от ран в 134 ОМСБ 28 сд воины**, первичное место захоронения которых указано «500 м. на поле от д. Москальки Бороухинского с/с, северо-западная сторона».

Во-первых, д. Москальки до 1950-х гг. находилась в составе Азинского с/с (на данный момент деревни не существует – *А.К.*) [35, с. 139]. Само название сельского совета «Бороухинский», как указано в документе, уже написано ошибочно (правильно Боровухский – *А.К.*), но и д. Москальки никогда не входила в состав Боровухского с/с.

Во-вторых, документов, подтверждающих факт перезахоронения в Боровуху-1, не имеется, но и в Акте по укрупнению братских могил по Азинскому с/с (на момент 1949 г. Бельский с/с – *А.К.*) д. Москальки также не фигурирует. Вопрос остаётся открытым, по факту было ли перезахоронение? Либо зафиксированное административно-территориальное расположение данной деревни в алфавитной книге умерших в «Бороухинском с/с» предоставило основание для увековечения солдат 28 сд в братской могиле № 2344 д. Боровуха-1.

После тщательного анализа документов 28 сд [1; 11] были выявлены ещё 3 фамилии, ранее не фигурировавшие в списках солдат. Кроме того, из 16 воинов 28 сд следует обратить внимание на рядового 235 сп 28 сд Гаврилова Владимира Андреевича 1924 г.р., данные о котором имеются в документах по трём разным братским могилам – в воинском захоронении № 2344 д. Боровуха-1 на 2018 г., в воинском захоронении г.п. Россоны на момент 1991 г. [34], братская могила № 2637 д. Кульнева Соколищенского с/с Россонского р-на на момент 2018 г. [36]. Дело в том, что в ОБД «Мемориал» на В.А. Гаврилова имеется в наличии два документа – именной список потерь 28 сд с 1 по 31 июля 1944 г., и соответственно первичное место захоронения «д. Церковище на левом берегу р. Нища» (в 5–6 км. от д. Москальки – *А.К.*), и алфавитная книга умерших 134 ОИСБ 28 сд, где первичное место захоронения указано «500 м. на поле от д. Москальки Бороухинского с/с северо-западная сторона». Исходя из этого, можно говорить о том, что занимавшиеся в разное время установлением имен погибших и умерших от ран в период освобождения территории Беларуси в 1944 г. оперировали разными документами и, соответственно, по первому документу В.А. Гаврилов оказался увековеченным в Боровухе-1, а по второму – перезахоронен в г.п. Россоны. На данный момент надписи на братской могиле в г.п. Россоны не имеется, а фамилия В.А. Гаврилова увековечена в д. Кульнева Россонского р-на и г.п. Боровуха-1 Полоцкого р-на. Вопрос, какой из документов, зафиксировавших потерю солдата, первичен? Если рассуждать логически, то алфавитная книга умерших составлялась непосредственно по факту смерти того или иного человека, а именные списки – на основе данных, которые передавались командованию дивизии, в данном случае руководством отдельного медико-санитарного батальона. Вероятно, произошла ошибка на каком-то этапе переписывания данных.

С Россонским р-ном связан еще один солдат 16 Литовской сд, чье имя увековечено на памятнике братской могилы № 2344, Мачулис Леонид Борисович 1925 г.р., первичное место захоронения которого «1 500 м. юго-западнее д. Машница» (д. Мошница – *А.К.*) [27]. Но на территории Полоцкого р-на данной деревни не имеется. д. Мошница располагается в 5 км. северо-восточнее ранее упоминавшейся д. Церковище в современных границах Россонского р-на, откуда погребённые там солдаты были перезахоронены

непосредственно в районный центр г.п. Россоны. Соответственно, Л.Б. Мачулис увековечен и в братской могиле № 2625, и в № 2344. Исходя из вышеизложенных фактов, понятно, что имя данного солдата должно быть на Россонской земле.

413 ОМСБ 332 сд захоронение умерших от ран солдат осуществлял непосредственно на территории д. Боровуха-1. Информация о количестве погребённых солдат и дате захоронения представлена в таблице 2. Особенность ведения документации данного медико-санитарного батальона – непрерывная нумерация могил независимо от места и времени захоронения. Кроме того, в одиночной могиле № 653 отдельно погребен офицер – лейтенант Садыков Ибрагим, командир взвода 1117 сп 332 сд, что прослеживается и в других захоронениях, но по большей части касается умерших от ран, а не убитых на поле боя за исключением старшего и высшего офицерского состава.

Таблица 2. – Данные о захоронении 413 ОМСБ 332 сд на территории г.п. Боровуха-1

№ могилы	Количество захороненных, чел.	Дата захоронения	Воинское звание
651	1	06.07.1944 г.	сержант
652	4 2	07.07.1944 г. 09.07.1944 г.	рядовой
653	1	07.07.1944 г.	лейтенант

Источник: [2; 26; 28].

Следует отметить, что солдаты, умершие от ран в 413 ОМСБ 332 сд и имеющие одно первичное место захоронения на всех, оказались увековеченными на данный момент в трех братских могилах – 5 человек в № 2344, 2 человека в № 4261, 1 человек в № 4262. Маловероятно, что при перезахоронении останки данных бойцов были определены по разным местам. Скорее всего, ошибка произошла при увековечении имён и нанесении их на памятники.

По захоронению, осуществляемому 442 МСБ 360 сд северо-западнее 1 км. д. Глиница, имеем в наличии два документа – именной список [16] и алфавитная книга умерших [3], что дает нам общее представление о процессе захоронения умерших от ран солдат Красной Армии (табл. 3).

Таблица 3. – Данные о захоронении 442 МСБ 360 сд

№ могилы	Количество захороненных, чел.	Дата захоронения	Воинское звание
103	2	06.07.1944 г.	рядовой мл. сержант
104	1	06.07.1944 г.	лейтенант
105	1	06.07.1944 г.	рядовой
106	1	07.07.1944 г.	ст. сержант
107	1	07.07.1944 г.	мл. лейтенант
108	2	08.07.1944 г.	рядовой рядовой
109	1	08.07.1944 г.	рядовой
110	1	08.07.1944 г.	мл. сержант
111	1	09.07.1944 г.	лейтенант
112	д. Козыри	03.07.1944 г.	
113	д. Козыри	05.07.1944 г.	
114	д. Козыри	08.07.1944 г.	
115	3	09.07.1944 г.	сержант рядовой рядовой
116	2	09.07.1944 г.	рядовой рядовой
117	1	09.07.1944 г.	рядовой
120	1	11.07.1944 г.	лейтенант

Источник: [3; 16].

Итак, захоронение в данном месте 442-м МСБ осуществлялось с 6 по 11 июля 1944 г. общим количеством 18 человек в 13 могилах, из них 4 братские – от двух до трёх человек и 9 индивидуальных могил, в которых захоронены как рядовые солдаты, так и младший офицерский состав.

Интерес в данном случае представляет наличие в общей нумерации могил под №№ 112, 113 и 114, которые согласно алфавитной книге умерших расположены в д. Козыри (до 1943 г. в Полотовском с/с, сожжена немцами – А.К.), захоронение в них осуществлялось 3, 5 и 8 июля 1944 г. Даты 3 и 5 июля 1944 г. объяснимы, т.к. в д. Глинице по хронологии захоронение началось с 6 июля, а вот могила № 114 появилась 8 июля 1944 г., в то время как могилы №№ 108–110 также появились 8 июля 1944 г. Ответа на возникший вопрос на данный момент нет.

Кроме того, первичное место захоронения 442 МСБ 360 сд «северо-западнее 1 км д. Глиница» (Боровухский с/с) в послевоенное время было принято за д. Глинице Экиманского с/с. По данной причине имеются несколько «двойников», чьи имена увековечены в двух братских могилах в г.п. Боровуха-1 и д. Экимань. Благодаря наличию карты-схемы захоронения мы можем с уверенностью утверждать, что в данном случае речь идет о д. Глинице Боровухского с/с.

Помимо отдельных медико-санитарных батальонов, которые подчинялись командованию той или иной дивизии, осуществляли свою деятельность военно-медицинские учреждения действующей армии, предназначенные для оказания в полевых условиях раненым квалифицированной медицинской помощи, в данном случае – хирургический полевой передвижной госпиталь № 2177, госпиталь для легкораненых № 2622, эвакуационный № 5859 и инфекционный № 4241 госпиталя. В свою очередь, они подчинялись полковому эвакуационному пункту № 154, который был развернут в пределах тылового района армии. Все вышеперечисленные госпитали располагались на территории ст. Боровуха-1, где и осуществляли захоронения умерших от ран и полученных на фронте болезней солдат Красной Армии (табл. 4).

Таблица 4. Сравнительная характеристика захоронений госпиталей 154 ПЭП на территории г.п. Боровуха-1 в период с июля по ноябрь 1944 г.

	Наименование госпиталя			
	ХППГ № 2177	ПГЛР № 2622	ЭГ № 5859	ИГ № 4241
Первичное место захоронения	севернее 200 м. Боровуха-1	450 м. юго-западнее военного городка д. Боровуха-1 / 500 м. западнее зданий военного городка Боровуха-1	кладбище ст. Боровуха-1	200 м. южнее ст. Боровуха-1
Дата захоронения	12 – 28.07.1944 г.	22.07. – 03.08.1944 г.	22.10. – 21.11.1944 г.	25.07.1944 г.
Количество могил	8	5	5	1
Количество захороненных, чел.	30	6	5	1

Исходя из данных таблицы 4 госпиталя фактически функционировали в разное время на территории Боровухского с/с. Так или иначе свои захоронения они осуществляли в пределах военного городка и станции Боровуха-1 (рис. 6). Самым многочисленным является захоронение ХППГ № 2177 – 8 могил, в каждой из которых погребено от одного до семи человек с интервалом от 2 до 4 дней на протяжении второй половины июля 1944 г.

В ПГЛР № 2622 в течение двух недель умерло от ран и полученных на фронте болезней 6 человек, которые были захоронены в 5 могилах (могила № 3 – 2 человека, умершие от отравления 1 августа 1944 г.). Следует отметить один факт, в первых двух могилах в именных списках указано первичное место захоронения «450 м. юго-западнее военного городка д. Боровуха-1» [18; 19], в последующих трёх – «500 м. западнее зданий военного городка Боровуха-1» [22]. Разрыв по времени между захоронениями в два дня. Либо захоронения осуществлены в двух разных местах, что маловероятно, либо при заполнении списков возможно разными людьми произошла или ошибка, или корректировка месторасположения.

На кладбище ст. Боровуха-1 с 22 октября по 21 ноября 1944 г. ЭГ № 5859 погребено в 5-ти одиночных могилах, соответственно, 5 солдат Красной Армии. ЭГ № 5859 осуществлено 25 июля 1944 г. лишь одно одиночное захоронение «200 м. южнее ст. Боровуха-1».

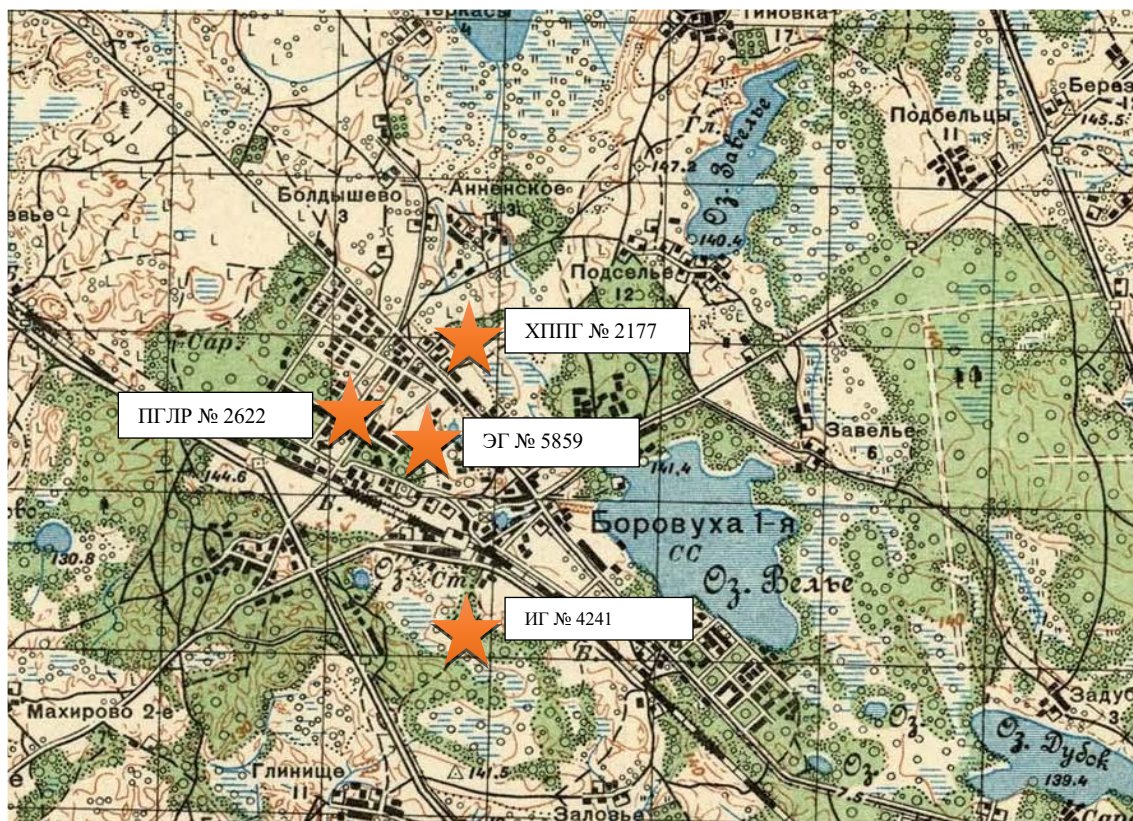

Рисунок 6. – Примерное расположение захоронений, осуществляемых госпиталями ПЭП № 154 на территории г.п. Боровуха в 1944 г.

Источник: [4; 17; 19; 29; 22].

Заключение. На территории Боровухского с/с в период конца 1940-х – начала 1950-х гг. осуществлялся процесс укрупнения братских могил путем их переноса, как правило, в центры сельских советов как это произошло в нашем случае. В итоге на территории г.п. Боровуха-1 имеются братские могилы №№ 2344, 4261, 4262, в которых по разным данным захоронено от 52 до 29 000 человек, из них только 289 известных имен, 28 954 – неизвестных. Данная цифра требует корректировки.

Из тех имён солдат Красной Армии, увековеченных в вышеуказанных могилах, по документам и первичным местам захоронения, которые территориально не соотносятся с Боровухским с/с, не могут быть по факту погребены в г.п. Боровуха-1.

Из первичных мест захоронения, особенно, что касается братских могил, не могут быть перезахоронены в разные и по месту расположения, и по времени появления могилы.

В целом процесс мемориализации и увековечения памяти погибших солдат Красной Армии, в первую очередь направленный на установление новых имён и корректировку появившихся за последнее время ошибок, особенно в написании личных данных, важен для последующих поколений и для избежания появления новых мифов, не имеющих под собой реальной фактологической базы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алфавитная книга умерших 134 отд. медико-санит. батальон 28 сд [Электронный ресурс] // ЦАМО. – Ф. 58. Оп. А-71693. Д. 580. – Режим доступа: <http://www.obd-memorial.ru/html/index.html>. – Дата доступа: 24.05.2017.
2. Алфавитная книга умерших 413 отдельного медико-санитарного батальона 332 Ивановской им. М.В. Фрунзе сд [Электронный ресурс] // ЦАМО. – Ф. 58. Оп. А-71693. Д.1890. – Режим доступа: <http://www.obd-memorial.ru/html/index.html>. – Дата доступа: 24.05.2017.
3. Алфавитная книга умерших 442 медико-санитарного батальона с 13.04.1943 г. по 19.08.1944 г. [Электронный ресурс] // ЦАМО. – Ф. 58. Оп. А-71693. Д. 20. – Режим доступа: <http://www.obd-memorial.ru/html/index.html>. – Дата доступа: 24.05.2017.
4. Алфавитная книга умерших ХППГ № 2177 [Электронный ресурс] // ЦАМО. – Ф. 58. Оп. А-83627. Д. 4025. – Режим доступа: <http://www.obd-memorial.ru/html/index.html>. – Дата доступа: 24.05.2017.

5. Журнал боевых действий 4-й Ударной Армии [Электронный ресурс] // ЦАМО. – Ф. 325. Оп. 4570. Д. 313. – Режим доступа: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=110110215>. – Дата доступа: 24.05.2017.
6. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Віцебская вобласць / АН БССР ; рэд. кал.: С.В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1985. – 684 с.
7. ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 1947. Оп. 1. Д. 59. Л. 19 – 21.
8. ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 1961. Оп. 1. Д. 22. Л. 40 – 42.
9. Каталог воинских захоронений на территории Республики Беларусь. Витебская область / Мин-во обороны Респ. Беларусь. – Минск : Рекхаус, 2013. – 370 с.
10. Книга учёта воинских кладбищ, братских и индивидуальных могил воинов Советской Армии и партизан. Начало 5 сентября 1953 г. – окончено 31 декабря 1954 г. // Военный комиссариат Полоцкого, Россонского районов и города Новополоцка. – Ст. 1335. Инв. № 43.
11. Именной список безвозвратных потерь офицерского, сержантского и рядового состава 134 омсб 28 сд с 1 по 31 июля 1944 г. (Донесения о безвозвратных потерях № 108178 от 05.12.1944 г.) [Электронный ресурс] // ЦАМО. – Ф. 58. Оп. 18002. Д. 1303. – Режим доступа: <http://www.obd-memorial.ru/html/index.html>. – Дата доступа: 24.05.2017.
12. Именной список безвозвратных потерь 421 сп 119 сд [Электронный ресурс] // ЦАМО. – Ф. 58. Оп. 18002. Д. 612. – Режим доступа: <http://www.obd-memorial.ru/html/index.html>. – Дата доступа: 24.05.2017.
13. Именной список безвозвратных потерь офицерского состава 16 Литовской сд с 10 по 20 июля 1944 г. [Электронный ресурс] // ЦАМО. – Ф. 33. Оп. 11458. Д. 355. – Режим доступа: <http://www.obd-memorial.ru/html/index.html>. – Дата доступа: 24.05.2017.
14. Именной список безвозвратных потерь личного состава 20 Арт. Оршанской дивизии прорыва РГК за период с 1 по 30 июля 1944 г. [Электронный ресурс] // ЦАМО. – Ф. 58. Оп. 18002. Д. 752. – Режим доступа: <http://www.obd-memorial.ru/html/index.html>. – Дата доступа: 24.05.2017.
15. Именной список безвозвратных потерь сержантского и рядового состава 981 отд. бат. Связи 83 ск за июль 1944 г. [Электронный ресурс] // ЦАМО. – Ф. 58. Оп. 18002. Д. 713. – Режим доступа: <http://www.obd-memorial.ru/html/index.html>. – Дата доступа: 24.05.2017.
16. Именной список безвозвратных потерь начальствующего и рядового состава 360 сд с 1 по 10.08.1944 г. [Электронный ресурс] // ЦАМО. – Ф. 58. Оп. 18002. Д. 683а. – Режим доступа: <http://www.obd-memorial.ru/html/index.html>. – Дата доступа: 24.05.2017.
17. Именной список лиц начальствующего и рядового состава умерших от ран в период боевых действий в э/г 5859 в октябре 1944 г. [Электронный ресурс] // ЦАМО. – Ф. 58. Оп. А-83627. Д. 5753. – Режим доступа: <http://www.obd-memorial.ru/html/index.html>. – Дата доступа: 24.05.2017.
18. Именной список № 9 умерших от ран и полученных на фронте болезней в ПЭП № 154 за период с 20 по 31.07.1944 г. [Электронный ресурс] // ЦАМО. – Ф. 58. Оп. 18002. Д. 620. – Режим доступа: <http://www.obd-memorial.ru/html/index.html>. – Дата доступа: 24.05.2017.
19. Именной список № 10 умерших от ран и полученных на фронте болезней в ПЭП № 154 за период с 1 по 10 августа 1944 г. [Электронный ресурс] // ЦАМО. – Ф. 58. Оп. 18002. Д. 752. – Режим доступа: <http://www.obd-memorial.ru/html/index.html>. – Дата доступа: 24.05.2017.
20. Именной список № 10 безвозвратных потерь личного состава 634 сп 119 сд [Электронный ресурс] // ЦАМО. – Ф. 58. Оп. 18002. Д. 563. – Режим доступа: <http://www.obd-memorial.ru/html/index.html>. – Дата доступа: 24.05.2017.
21. Именной список № 10 умерших от ран и полученных на фронте болезней в ПЭП № 154 за период с 1 по 10 августа 1944 г. [Электронный ресурс] // ЦАМО. – Ф. 58. Оп. 18002. Д. 752. – Режим доступа: <http://www.obd-memorial.ru/html/index.html>. – Дата доступа: 24.05.2017.
22. Именной список № 15 умерших от ран и полученных на фронте болезней в лечебных учреждениях ЭП № 154 за период с 20 по 30 сентября 1944 г. [Электронный ресурс] // ЦАМО. – Ф. 58. Оп. 18002. Д. 1087. – Режим доступа: <http://www.obd-memorial.ru/html/index.html>. – Дата доступа: 24.05.2017.
23. Именной список № 17 безвозвратных потерь сержантского и рядового состава 332 сд с 29 июня по 10 июля 1944 г. [Электронный ресурс] // ЦАМО. – Ф. 58. Оп. 18002. Д. 1206. – Режим доступа: <http://www.obd-memorial.ru/html/index.html>. – Дата доступа: 24.05.2017.
24. Именной список № 17 безвозвратных потерь личного состава 64 гв.сп 21 гв.сд с 1 по 15.07.1944 г. [Электронный ресурс] // ЦАМО. – Ф. 558. Оп. 18002. Д. 690. – Режим доступа: <http://www.obd-memorial.ru/html/index.html>. – Дата доступа: 24.05.2017.
25. Именной список № 19 безвозвратных потерь сержантского и рядового состава частей 155 Укр.района с 1 по 10 июля 1944 г. [Электронный ресурс] // ЦАМО. – Ф. 58. Оп. 18002. Д. 568. – Режим доступа: <http://www.obd-memorial.ru/html/index.html>. – Дата доступа: 24.05.2017.
26. Именной список № 29 безвозвратных потерь сержантского и рядового состава 332 сд с 10 по 19 июля 1944 г. [Электронный ресурс] // ЦАМО. – Ф. 58. Оп. 18002. Д. 609. – Режим доступа: <http://www.obd-memorial.ru/html/index.html>. – Дата доступа: 24.05.2017.
27. Именной список 16 Лит.сд с 1 по 10 июля 1944 г. [Электронный ресурс] // ЦАМО. – Ф. 58. Оп. 18002. Д. 558. – Режим доступа: <http://www.obd-memorial.ru/html/index.html>. – Дата доступа: 24.05.2017.
28. Книга погребения № 2 военнослужащих умерших от ран в 413 омсб [Электронный ресурс] // ЦАМО. – Ф. 58. Оп. А-71693. Д. 1892. – Режим доступа: <http://www.obd-memorial.ru/html/index.html>. – Дата доступа: 24.05.2017.
29. Книга погребений ХППГ № 2177 22.02.1944 – 13.03.1945 [Электронный ресурс] // ЦАМО. – Ф. 58. Оп. А-83627. Д. 4027. – Режим доступа: <http://www.obd-memorial.ru/html/index.html>. – Дата доступа: 24.05.2017.
30. Лагерь советских военнопленных в Беларуси, 1941–1944 = Lager sowjetischer Kriegsgefangener in Belarus, 1941–1944 : справочник / авт.-сост. В.И. Адамушко [и др.] ; редкол. В.И. Адамушко (гл. ред.) [и др.]. – Минск : НАРБ, 2004. – 192 с.

31. Памяць: Гіст. – дакум. хроніка Полацкага раёна / рэд. кал.: Г.П. Пашкоў [і інш.]. – Мінск : Выш. шк., 1999. – 946 с.
32. Паспорт воинского захоронения № 2344 // Военный комиссариат Полоцкого, Россонского районов и города Новополоцка.
33. Увековечение памяти защитников Отечества и жертв войн в Беларуси, 1941–2008 гг. Документы и материалы / ред. кол. В.И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 2008. – 302 с.
34. Учётная карточка воинского захоронения № 522 в пгт. Россоны. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.obd-memorial.ru/html/index.html>. – Дата доступа: 24.05.2017.
35. Шаруха, І.М. Край у цэнтры Езропы: Полацкі раён, Полацк, Наваполацк: геаграфічна-статыстычны даведнік / І.М. Шаруха ; прадм. У.А. Арлоў ; пад рэд.: І.М. Ашурхі, С.С. Укарінкі, С.М. Лясовіч. – Мінск : Колорград, 2017. – 196 с.
36. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Расонскага раёна. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rossony.vitebsk-region.gov.by/ru/pamat/>. – Дата доступа: 22.12.2017.

Поступила 21.12.2017

**MASS GRAVES BOROVUKHA-1:
TO PERPETUATE THE MEMORY OF SOVIET SOLDIERS
DIED DURING THE LIBERATION OF POLOTSK DISTRICT IN JULY 1944**

A.KORSAK

This article describes the process of perpetuating the memory of red Army soldiers killed and died of wounds during the period of liberation of the territory of Polotsk district from Nazi Germany in summer 1944, as a result of Polotsk offensive operation. The work is based on a critical analysis of archival material of the Zonal state archives in Polotsk, the data HBS "memorial" and of the inscriptions on common graves, given the lists available in the Military Commissariat of Polotsk, Rossony district and the city of Novopolotsk. A study in administrative-territorial terms is limited Majerovsky s/s (since 1968 Borovichskiy s/s) of the Polotsk district, where are the mass graves from the primary burial site in 1949 and the early 1950s he was transferred to Borovukha-1.

УДК 572

**КРАНИОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МАТЕРИАЛОВ ПОГРЕБЕНИЙ
С ТЕРРИТОРИИ НИЖНЕГО ЗАМКА В ПОЛОЦКЕ**

*канд. биол. наук, доц. О.А. ЕМЕЛЬЯНЧИК
(Полоцкий государственный университет);
В.А. ШИПИЛЛО
(Институт истории НАН Беларуси, Минск)*

Представлены результаты краниологического исследования материалов погребений с территории Нижнего замка в Полоцке, полученных в ходе археологических раскопок 2014 г. Определен состав погребенных по полу и возрасту. Установлена принадлежность погребений к двум хронологически разновременным кладбищам XIII–XIV и XVII веков. Представлена краниологическая характеристика мужских выборок черепов. Осуществлен сравнительный анализ краниологических особенностей среди разных хронологических групп населения Полоцка и Полоцкой земли.

***Ключевые слова:** Полоцк, церковь на стрелке Нижнего замка, городское население XIII–XIV вв., краниология.*

Введение. Наличие кладбища при церкви на стрелке Нижнего замка в Полоцке было установлено еще П.А. Раппопортом, который проводил тут археологические исследования в 1976–1977 гг. По мнению исследователя, церковь, возведенная на стрелке Нижнего замка в начале XII в., могла первоначально являться княжеской усыпальницей [1, с. 154]. П.А. Раппопорт приводит данные о наличии погребений в гробах у внешней стороны фундаментов церкви, которые, по его мнению, относились ко времени функционирования храма [1, с. 154]. В раскопе, проведенном Д.В. Дуком в 2008 г. недалеко от церкви, было открыто единственное нарушенное погребение, датированное стратиграфически XV – первой половиной XVI вв. [2, с. 111].

В ходе археологических раскопок 2014 г. под руководством Д.В. Дука и А.Л. Коца на территории стрелки Нижнего замка было выявлено большое число захоронений. Были зафиксированы 56 полных погребений, кроме этого, было выявлено множество скелетных останков в переотложенном состоянии. Первоначально было выделено три комплекса погребений: 1-я группа (северо-восточный сектор раскопа), 2-я группа (северо-западный сектор), 3-я группа (юго-восточный сектор) [3, с. 21].

1-я группа погребений представляет собой наиболее ранний комплекс, датированный на основании найденного погребального инвентаря XIII–XIV вв. Он имеет сложную многослойную структуру, что указывает на продолжительность его существования. Наиболее вероятно, что возникновение и формирование данного кладбища связано с функционированием здесь храма, построенного в XII в.

Вторая и третья группы погребений объединены комплексом общих черт: могилы размещены одностойно рядами (определяется не менее двух рядов), в захоронениях преобладают останки мужчины (за исключением одного детского погребения и двух случаев, когда точное определение пола было невозможным из-за плохой сохранности костяков). Обращает на себя внимание худшее, по сравнению с 1-й группой, состояние сохранности скелетного материала, возможно, связанное с различной глубиной залегания погребений (скелеты из 1-й группы захоронений залегают на 0,3–0,5 м глубже) [3, с. 21]. На основании погребального инвентаря захоронения датируются XVII в.

В ходе археологических исследований была восстановлена последовательность формирования кладбищенских комплексов на территории Нижнего замка. В XII веке здесь воздвигают каменную православную церковь, возможно, усыпальницу полоцких князей. При церкви начинает формироваться кладбище, которое функционировало на протяжении XIII–XIV вв. Очевидно, что кладбище было занято представителями православной конфессии. В XV – первой половине XVI вв. часть кладбища была застроена городскими усадьбами. В XVII в. при храме возникает новое кладбище, которое перекрывает предыдущее. При этом преемственности между двумя кладбищенскими комплексами не прослеживается. Учитывая, что в погребениях XVII в. преобладали останки мужчин молодого возраста, а также находки в захоронениях № 23 и № 28 пуль, можно допустить воинский характер этих захоронений. Наиболее вероятно, что разрушение церкви на стрелке Нижнего замка произошло в XVII в. После разрушения церкви перестает действовать и кладбище. В XVII–XVIII вв. данная территория уже занята жилищно-хозяйственными постройками [4].

Основная часть. Остеологические материалы из погребений на территории Нижнего замка были исследованы по комплексной программе, которая включает определение пола, возраста, измерения по краниометрической и остеометрической программе, регистрацию патологий и индикаторов стресса. Из-

мерения сохранившихся черепов с последующим измерением углов и указателей проводились по традиционной методике [5]. Для оценки полученных показателей использовались таблицы краниометрических констант [5, с. 112–127].

Остеологический материал, полученный в ходе раскопок, суммарно представлен останками не менее 80-ти индивидов (из которых 13 детей и 67 взрослых: 39 мужчин, 12 женщин, пол 16-ти индивидов не был определен из-за фрагментарности скелетов). Особенностью исследованной выборки по сравнению с ранее исследованными остеологическими сериями из Полоцка является деформация половозрастной структуры – количественно преобладают мужские погребения. Половозрастной состав выборок из 3-х групп погребений представлен в таблице 1.

Таблица 1. – Половозрастной состав и демографические показатели в различных выборках

Выборки	Состав					Демографические показатели	
	Всего	Мужчины	Женщины	Взрослые неопр. пола	Дети	E_{20} , лет	Средний возраст смерти, лет
Группа 1	37	15	8	3	11	16,8	35,6
Группа 2	11	8	-	3	-	11,0	29,7
Группа 3	8	7	-	-	1	12,1	31,7

Примечание. E_{20} – средняя ожидаемая продолжительность жизни.

Группа 1 (северо-восточный сектор) представлена многослойными погребениями, датируемыми XIII–XIV вв. Группа характеризуется смешанным по полу и возрасту составом и представлена останками не менее 37-ми индивидов, среди которых 11 детей и 26 взрослых (15 мужчин, 8 женщин, пол 3-х индивидов не был определен из-за фрагментарности скелетов). Детские погребения составляют около 30% от общей численности. Мужские погребения численно преобладают над женскими. Захоронения взрослых индивидов представлены всеми возрастными категориями – от 20–25 до 50 лет и старше.

Группа 2 (северо-западный сектор) представлена 2-мя рядами погребений, датируемыми XVII в. В составе второй группы преобладают взрослые мужчины. Из 11-ти скелетов 8 принадлежали мужчинам, половая принадлежность 3-х индивидов не была определена из-за фрагментарной сохранности костяков. Большинство индивидов (6 человек из 8-ми) умерли в молодом возрасте (15–30 лет).

Группа 3 (юго-восточный сектор) представлена одним рядом погребений, которые датируются XVII в. Среди погребенных – скелеты 7-ми мужчин и одного ребенка в возрасте около 1 года. Более половины мужчин, как и во 2-й группе, умерли в молодом возрасте (20–30 лет), и только один мужчина дожил до возраста старше 50-ти лет.

Материалы из переотложенных погребений представлены фрагментами скелетов не менее 24-х человек (среди которых 9 мужчин, 4 женщины, 10 индивидов неопределенного пола, 1 ребенок). Учитывая локализацию переотложенных останков, в дальнейшем они анализировались как часть погребений 1-й группы.

Для трех групп погребений были рассчитаны такие демографические показатели, как средняя ожидаемая продолжительность жизни взрослых (E_{20}) и средний возраст смерти (см. табл. 1). Показатели смертности, зарегистрированные для первой группы, близки показателям смертности, характерным для обычных городских кладбищ Беларуси эпохи Средневековья и Нового времени. Во второй и третьей группах средняя ожидаемая продолжительность жизни и средний возраст смерти на 5-6 лет ниже, чем в первой группе (см. табл. 1). Сходство демографических характеристик, общая датировка погребений из 2-й и 3-й групп послужили основанием для объединения их в одну общую выборку XVII века. Преобладание среди захороненных останков молодых мужчин, а также находка пуль, позволяют предположить воинский характер этих захоронений.

Состояние сохранности скелетного материала позволило произвести измерения двадцати одного мужского черепа (18 из которых относятся к погребениям XIII–XIV вв., 3 – к погребениям XVII в.).

Средние размеры и указатели мужской выборки черепов XIII–XIV вв. представлены в таблице 2. Серия характеризуется мезокранией (черепной указатель 75,3), при больших размерах продольного и высотного диаметров и средних – поперечного. Что касается индивидуальных вариаций по форме мозгового отдела, то из 17-ти черепов восемь характеризуется долихокранией, восемь имеют мезокранную форму и один – брахикранную.

Все усредненные размеры лицевого отдела (скуловой диаметр, верхняя и средняя ширина лица, верхняя высота лица), а также верхний лицевой указатель относятся к категориям средних. При этом внутри выборки встречаются черепа как с узким, так и с широким (по скуловому диаметру) лицом.

Внутри выборки наблюдается также значительное варьирование высоты лица: 4 черепа имеют высокое и очень высокое лицо, 5 черепов – низкое лицо, остальные – средние по высоте. По верхнелицевому указателю к категории узколиких относятся 5 черепов, к широколицым – 2 черепа, остальные 7 – среднеликие. По указателю выступания лица большинство черепов ортогнатные, мезогнатность присутствует на одном черепе, у одного черепа зарегистрирован прогнатизм (указатель выступания лица 103,5). Серия мужских черепов XIII–XIV вв. характеризуется средними по ширине и низкими орбитами (по орбитному указателю – хамеконхией), средним по абсолютным размерам и носовому указателю носом. Лицо несколько уплощено на уровне орбит (назональный угол 140,0°) и сильно профилировано на уровне скул (зигомаксиллярный угол 122,8°).

Мужская выборка черепов XIII–XIV вв. из Полоцка по большинству краниометрических показателей занимает промежуточное положение между двумя краниологическими сериями курганного населения Полоцкой земли XI–XIII вв. и населения, оставившего погребения на территории полоцкого городища XVII–XVIII в., выявляя при этом характерный сдвиг в сторону «архаичности» (см. табл. 2). При этом серия XIII–XIV вв. из Полоцка выделяется по верхней высоте лица и верхнелицевому указателю, средние значения которых больше, чем в сериях из курганов и полоцкого городища.

Таблица 2. – Средние размеры и указатели серий мужских черепов

Признак	Кривичи XI–XIII вв.	Полоцк, Нижний замок		Полоцкое городище XVII–XVIII вв.	Сельское население XVIII–XIX вв.
		XIII–XIV вв.	XVII в.		
	<i>M(n)</i>	<i>M(n)</i>	<i>M(n)</i>	<i>M(n)</i>	<i>M(n)</i>
<i>Мозговой отдел черепа, мм</i>					
1. Продольный диаметр	188,2 (31)	186,4 (18)	177,0 (3)	181,2 (14)	176,4 (52)
8. Поперечный диаметр	139,2 (31)	140,0 (17)	140,3 (3)	143,2 (14)	143,1 (51)
5. Длина основания черепа	104,4 (28)	104,0 (17)	102,3 (3)	100,2 (12)	98,9 (43)
9. Наименьшая ширина лба	98,1 (29)	98,3 (18)	100,0 (3)	98,2 (14)	96,7 (52)
10. Наибольшая ширина лба	118,6 (27)	119,3 (18)	122,0 (3)	120,9 (14)	121,9 (52)
12. Ширина затылка	111,9 (29)	109,2 (17)	111,0 (3)	110,1 (14)	109,9 (50)
17. Высотный диаметр	137,7 (27)	137,8 (17)	135,7 (3)	131,2 (12)	132,1 (44)
<i>Лицевой отдел черепа, мм</i>					
45. Скуловой диаметр	135,3 (9)	132,6 (14)	131,0 (3)	129,9 (11)	129,9 (22)
43. Верхняя ширина лица	106,4 (25)	105,7 (18)	107,7 (3)	103,8 (13)	103,5 (52)
46. Средняя ширина лица	96,0 (14)	95,5 (17)	93,7 (3)	93,8 (12)	93,3 (41)
40. Длина основания лица	98,3 (22)	100,1 (16)	97,3 (3)	97,9 (10)	93,0 (32)
48. Верхняя высота лица	68,9 (24)	71,7 (17)	69,7 (3)	69,7 (11)	67,6 (38)
51. Ширина орбиты	43,9 (29)	42,5 (17)	42,3 (3)	42,3 (12)	41,4 (45)
52. Высота орбиты	32,4 (30)	31,7 (17)	29,3 (3)	32 (12)	32,1 (45)
54. Ширина носа	25,0 (24)	25,7 (16)	26,0 (3)	25,5 (12)	24,7 (40)
55. Высота носа	52,0 (29)	51,4 (17)	50,7 (3)	51,3 (12)	50,4 (40)
DC. Дакриальная ширина	23,0 (25)	22,0 (15)	24,3 (3)	20,7 (10)	22,9 (42)
DS. Дакриальная высота	15,8 (17)	12,1 (15)	14,0 (3)	12,4 (10)	13,4 (40)
SC. Симотическая ширина	9,8 (28)	9,5 (16)	11,0 (3)	9,9 (11)	9,8 (42)
SS. Симотическая высота	5,6 (27)	4,6 (16)	4,5 (3)	4,8 (11)	4,3 (42)
<i>Индексы, ед.</i>					
8:1. Черепной указатель	74,1 (29)	75,3 (17)	79,3 (3)	79,1 (14)	81,3 (50)
40:5. Указатель выступания лица	93,8 (22)	96,0 (16)	95,2 (3)	97,9 (10)	94,1 (31)
48:45. Верхний лицевой указатель	50,5 (9)	54,0 (14)	53,2 (3)	53,4 (9)	52,2 (20)
52:51. Орбитный указатель	73,6 (29)	74,6 (17)	69,3 (3)	75,7 (12)	77,6 (45)
54:55. Носовой указатель	48,4 (24)	50,4 (16)	51,3 (3)	49,9 (12)	49,2 (39)
DS:DC. Дакриальный указатель	69,6 (17)	55,5 (15)	57,8 (3)	60,4 (10)	59,1 (40)
SS:SC. Симотический указатель	58,8 (27)	48,2 (16)	40,3 (3)	47,9 (11)	44,5 (42)
<i>Углы горизонтальной профилировки, град.</i>					
77. Назональный угол	138,3 (23)	140,0 (17)	135,8 (3)	138,9 (12)	137,8 (50)
<zm. Зигомаксиллярный угол	125,0 (15)	122,8 (15)	128,0 (3)	126,3 (12)	128,5 (37)

Из-за плохой сохранности костного материала в выборке XVII в. с территории Нижнего замка измерения были произведены только на 3-х черепах, поэтому остановимся на их индивидуальной характеристике.

Погребение 6 (мужчина в возрасте 40–50 лет). Череп характеризуется мезокранией (черепной указатель 76,8), средними размерами продольного и поперечного диаметров, небольшой высотой свода. Ли-

цо по всем абсолютным размерам среднее, орбиты низкие, нос средний. Лицо хорошо профилировано на уровне орбит, слегка уплощено в средней части. По результатам классификации в ходе канонического дискриминантного анализа череп был отнесен к группе позднего сельского населения XVII–XVIII вв.

Погребение 27 (мужчина, 20–30 лет). Череп мезобрахикранный (черепной указатель 79,7), с небольшими размерами продольного и поперечного диаметров, при большой высоте свода. Лицо узкое как по абсолютным размерам, так и по лицевому указателю, хорошо профилированное, с сильно выступающим переносьем. По результатам канонического дискриминантного анализа череп отнесен к группе населения Полоцка XIII–XIV вв.

Погребение 32 (мужчина, 20–30 лет) Череп брахикранный (черепной указатель 81,5), высокий, со средним размером продольного и большим поперечного диаметров. Лицо ортогнатное, среднее по скуловой ширине, низкое, уплощенное на уровне орбит (назональный угол 140°), с сильно выступающими носовыми костями. По результатам канонического дискриминантного анализа череп отнесен к группе сельского населения XVII–XVIII вв.

Таким образом, часть черепов из погребений XVII в. по своим морфологическим критериям выявляют сходство с сельским населением XVII–XVIII вв. И наоборот, черепа с выраженным «архаическим» комплексом признаков, близким к типу, характерному для курганного населения Полоцкой земли XI–XIII вв., встречаются только в первой группе погребений.

Для определения места исследованной серии черепов среди разных хронологических групп местного населения был проведен канонический дискриминантный анализ. Помимо серии с территории Нижнего замка (XIII–XIV вв.), в анализ были включены 2 хронологически разновременные серии сельского населения (курганные кривичи XI–XIII вв. и сельское население XVIII–XIX вв.) и городская серия из Полоцка (материалы погребений на территории Полоцкого городища XVII–XVIII вв.).

Сначала в анализ был включен максимальный набор из 29 признаков. В ходе пошагового отбора в систему вошло 15 наиболее информативных признаков (табл. 3). На долю первого канонического вектора приходится около 69% всей изменчивости, на долю второго – около 24%. В сумме первые два канонических вектора отражают около 93% изменчивости и являются наиболее значимыми. В таблице 3 представлены нагрузки исходных признаков на канонические переменные.

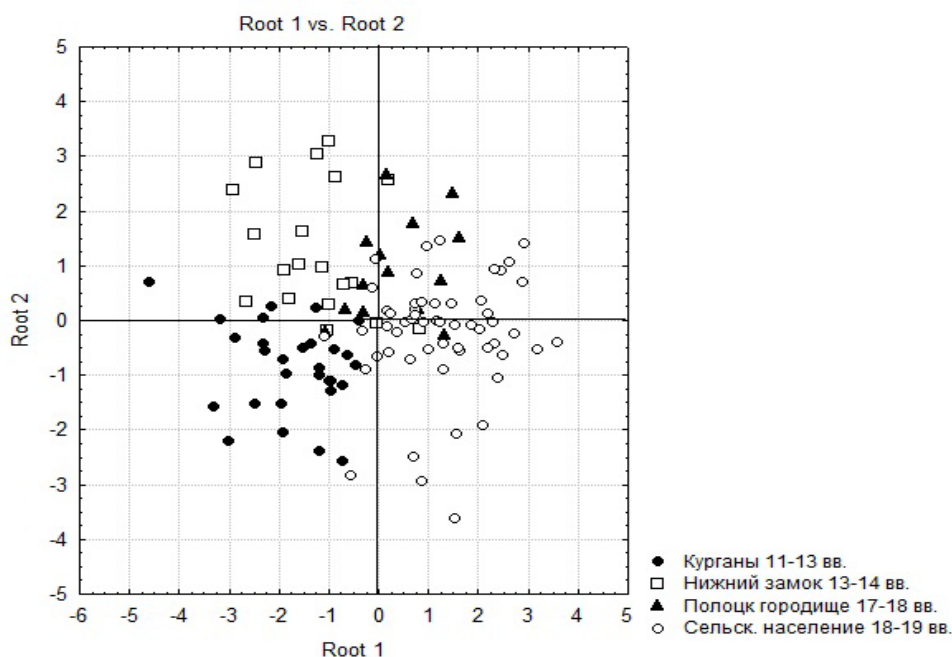
Таблица 3. – Нагрузки исходных признаков на канонические переменные

Признак	Канонические векторы	
	1 КВ	2 КВ
1. Продольный диаметр	-0,655	-0,025
DS. Дакриальная высота	-0,109	-0,469
10. Наибольшая ширина лба	0,242	-0,013
17. Высотный диаметр	-0,390	-0,010
51. Ширина орбиты	-0,336	-0,194
48. Верхняя высота лица	-0,144	0,318
77. Назональный угол	-0,058	0,178
DC. Дакриальная ширина	-0,007	-0,293
54:55. Носовой указатель	-0,003	0,169
46. Средняя ширина лица	-0,141	0,033
8. Поперечный диаметр	0,265	0,039
5. Длина основания черепа	-0,396	0,047
40:5. Указатель выступания лица	0,003	0,326
9. Наименьшая ширина лба	-0,108	0,095
8:1. Черепной указатель	0,628	0,059

По результатам канонического анализа был построен график оценок канонических переменных (рис. 1). На графике представлена картина взаимного размещения отдельных черепов, принадлежащих разным группам, в пространстве первых двух канонических переменных.

Первая каноническая переменная наилучшим образом разделяет две хронологические группы сельского населения (серию курганных черепов XI–XIII вв. и серию XVIII–XIX вв.). В левой части графика находятся черепа, характеризующиеся удлиненной формой черепной коробки с большой высотой свода, более широким лицом и широкими орбитами. Эти черты, которые можно охарактеризовать как «комплекс архаичности», свойственны курганному населению Полоцкой земли. В правой части графика размещены серии, приближенные к современности (XVIII–XIX вв.), которые характеризуются уменьшением продольного и увеличением поперечного диаметров черепа, убыванием высоты черепа, уменьшением ширины орбит. Горизонтальная ось графика, таким образом, отражает эпохальную изменчивость морфологических признаков черепа. На графике слева направо отражены изменения формы черепной

коробки во времени: увеличение черепного указателя за счет уменьшения продольного и увеличения поперечного диаметров черепа (брахицефализация), уменьшается высота черепной коробки. Соответственно увеличению поперечного диаметра увеличивается наибольшая ширина лба. Изменения лицевого отдела черепа проявляются в сокращении ширины орбит, что представляет собой частный случай процесса грацилизации. При этом серия черепов, представленная материалами XIII–XIV в. с территории Нижнего замка в Полоцке, расположена в левой части графика и выявляет, таким образом, сходство с серией курганных черепов (по форме мозгового отдела черепа и ширине орбит).

Рисунок 1. – Взаимное расположение мужских групп в пространстве двух канонических векторов

Вторая каноническая переменная наилучшим образом разделяет между собой две средневековые серии – серию сельских курганных черепов XI–XIII вв. и серию городских черепов из Полоцка XIII–XIV вв. В верхней части графика расположены черепа, характеризующиеся увеличением верхней высоты лица, увеличением указателя выступающего лица, снижением дакриальной высоты. Вертикальная ось графика, таким образом, отражает различия структурных особенностей лицевого скелета у средневекового городского и сельского населения Полоцкой земли. Серия из Полоцка XIII–XIV вв. отличается от курганной сельской серии более высоким лицом с выступающим нижним отделом (сдвиг в сторону мезогнатности), менее выступающим носом. Примечательно, что серия городского населения Полоцка XVII–XVIII также расположена в верхней части графика и отличается от хронологически близкого сельского населения в том же направлении, что и средневековое население. Второй дискриминатор, таким образом, позволяет выявить различия между городским и сельским населением.

Закключение. Погребения при церкви на стрелке Нижнего замка в Полоцке происходят из двух хронологических разновременных кладбищ, датированных XIII–XIV и XVII веками. Мужские черепа из погребений XVII в. выявляют сходство с местным населением XVII–XVIII вв. Выборка мужских черепов XIII–XIV вв. по особенностям строения мозгового отдела выявляет сходство с серией курганных черепов с территории Полоцкой земли XI–XIII вв. От курганной серии черепов полоцкая серия XIII–XIV вв. отличается комплексом признаков, характеризующим структурные особенности лицевого скелета (более высокое лицо с меньшим выступанием носовых костей, больший указатель выступающего лица). Эти различия могут быть обусловлены генетическими и указывать на участие в формировании средневекового населения Полоцка пришлового компонента.

ЛИТЕРАТУРА

1. Раппопорт, П.А. Полоцкое зодчество XII века / П. А. Раппопорт // Советская археология. – 1980. – № 3. – С. 142–161.

2. Дук, Д.У. Полацк і палачане (IX–XVIII стст.) / Д.У. Дук. – Наваполацк : ПДУ, 2010. – 180 с.
3. Дук, Д.У. Справздача аб археалагічных раскопках на тэрыторыі Ніжняга замка г. Полацка ў 2014 г. / Д.У. Дук // Фонд археалагічнай навуковай дакументацыі Цэнтральнага Навуковага Архіву НАН Беларусі. – Спр. № 3308. – 62 с.
4. Дук, Д.У. Могілки на стрэлцы Ніжняга замка ў Полацку / Д.У. Дук, В.А. Емяльянчык, А.Л. Коц // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – 2018. – Вып. 29. – у друку.
5. Алексеев, В.П. Краниометрия. Методика антропологических исследований / В.П. Алексеев, Г.Ф. Дебеч. – М. : Наука, 1964. – 127 с.

Поступила 21.12.2017

THE CRANIOLOGICAL CHARACTERISTIC OF THE MATERIALS OF THE BURIAL GROUNDS FROM THE TERRITORY OF LOWER CASTLE IN POLOTSK

V. YEMIALYANCHYK, U. SHYPILA

The results of the craniological research of the materials of the burial grounds from the territory of Lower Castle in Polotsk received during the archeological excavations of 2014 are presented. The age and the sex structure of the buried are defined. The belonging of the burials to the two chronologically different cemeteries dated from the 13-14th and 17th centuries is established. The craniological characteristic of the series of male skulls is submitted. The comparative analysis of the craniological features among different chronological groups of the population of Polotsk and the Polotsk region is carried out.

Keywords: Polotsk, church on the arrow of the Lower Castle, the urban population of the 13th –14th centuries, craniology.

УДК 947.6

РАСИЙСКИЯ ГАЗЕТЫ 1915–1917 ГАДОЎ ЯК КРЫНІЦА ПА ГІСТОРЫІ ВЫМУШАНАЙ МІГРАЦЫІ НАСЕЛЬНІЦТВА З БЕЛАРУСІ

канд. гіст. навук, дац. В. Р. КАРНЯЛЮК
(Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт ім. Я. Купалы)

Аналізуецца такі корпус крыніц па гісторыі вымушанай міграцыі з Беларусі, як расійскія газеты 1915–1918 гг. Выкарыстоўваюцца матэрыялы перыядычных выданняў тых рэгіёнаў Расіі, у якіх шчыльна пражывалі ў бежанстве і эвакуацыі выхадцы з беларускіх губерняў. Робіцца выснова аб выключнай значнасці гэтых крыніц для цэлага спектру праблематыкі гісторыі вымушанай міграцыі ў гады Першай сусветнай вайны.

Ключавыя словы: бежанства, эвакуацыя, перыядычны друк, Беларусь, вымушаная міграцыя, Першая сусветная вайна.

Уводзіны. Гісторыя вымушанай міграцыі ў гады Першай сусветнай вайны, часткамі якой былі бежанства і эвакуацыя насельніцтва з Беларусі, знайшла яскравае адлюстраванне на старонках перыядычных выданняў Расійскай імперыі. Аднак на сённяшні дзень толькі невялікая частка гэтых крыніц уключана ў аналіз даследчыкаў. Разам з тым гэтыя перыядычныя выданні сваім зместам істотна дадаюць архіўныя крыніцы, мемуарную і эпістальную літаратуру ў комплексным аналізе гісторыі вымушанай міграцыі насельніцтва ў гады вайны.

Вядома, што ўвесь перыядычны друк у час вайны існаваў ва ўмовах ваеннай цензуры. Факт цензурага дазволу нават часам фіксаваўся на саміх старонках газет [1]. Але, нягледзячы на гэта, артыкулы, паведамленні, дакументы, статыстыка, зацемкі, рэпартажы, нарысы, фельетоны і іншыя газетныя матэрыялы вельмі рознабакова і інфарматыўна паведамлялі пра самыя розныя аспекты бежанскай з’явы. Зноў жа ва ўмовах цензурага нагляду бежанская прэса была чулым барометрам жыцця, і, як ва ўсе часы, майстэрства журналіста было ў яго здольнасці данесці максімальную праўду пра актуальныя падзеі. Выходзячы з гэтага, мэтаю нашага аналізу з’яўляецца вызначэнне спектру міграцыйнай тэматыкі расійскай прэсы 1915–1918 гг. і магчымасцяў гэтай крыніцы ў даследаванні гісторыі бежанства і эвакуацыі насельніцтва з Беларусі. Наша вывучэнне заснавана на выданнях, якія захоўваюцца ў аддзеле перыядыкі Расійскай дзяржаўнай бібліятэкі ў г. Хімікі.

Асноўная частка. Бежанцы і эвакуяваныя з польскіх, беларускіх, украінскіх, літоўскіх і латвійскіх зямель імперыі трапілі на ўсход у сотні паветаў і валасцей дзесяткаў расійскіх губерній. Гэта значыць, што газеты як агульнарасійскія, так і тыя, што выходзілі ў пэўных адміністрацыйных адзінках краіны, так ці інакш мусілі закранаць і закраналі тэму вымушаных мігрантаў.

Бежанскі рух у сваім развіцці меў розныя перыяды існавання, апошнім сваім перыядам – рээвакуацыйным – сягаючы далёка за храналагічныя межы Першай сусветнай вайны. Таму яго падзеі па рознаму знайшлі адлюстраванне ў газетах таго ці іншага года Першай сусветнай вайны.

Мы выбралі выданні з тых губерняў, дзе даволі масава пражывалі беларускія бежанцы, каб даць ацэнку розным публікацыям. Безумоўна, мы не ахапілі ў сваім аналізе ўсю колькасць такіх выданняў, але выбраныя намі для аналізу газеты даюць магчымасць скласці цэласнае ўяўленне пра іх “бежанскі” змест, што дазваляе лепш арыентавацца ў іншых выданнях гэтага гістарычнага перыяду.

Варта адзначыць, што разгледжаныя выданні сталі крыніцамі для асобнага нашага даследавання па гісторыі вымушанай міграцыі насельніцтва Беларусі ў 1914–1923 гг. Гэта маскоўская штотыднёвая газета “Беженец”, даведачная газета г. Масквы “Спутник беженца, квартирнанимателя и трудящегося”, наўгародскі штотыднёвік “Северный беженец”, штотыднёвік Арэнбургскага земства “Оренбургское земское дело”, “Калужский курьер”, які бачыў свет тры разы на тыдзень, штодзённая газета “Уфимская жизнь”, штодзённікі “Тамбовский земский вестник”, “Томский вестник”, “Курская бль”, штотыднёвік “Нижегородская земская газета”, “Казанский телеграф”, штодзённы “Саратовский вестник”, перыядычныя выданні нашых беларускіх губерняў, такія як “Оршанский вестник” і “Вестник Комитета Западного фронта Всероссийского Земского Союза”.

Мы наўмысна ўзялі розныя – па выдаўцах, па мэтавай аўдыторыі чытачоў, па характару і зместу публікацый – выданні. Гэтыя выданні даюць магчымасць убачыць, які шырокі спектр пытанняў падымаўся ў дачыненні да падзей, звязаных з міграцыйнай палітыкай дзяржавы, у якой прымалі ўдзел як дзяржаўныя грамадзянскія і ваенныя ўстановы і арганізацыі, так і грамадскія, царкоўныя структуры самага рознага кірунку.

Выбраныя для аналізу дадзеныя чатырнаццаці газет – толькі маленькая частка ўсёй масы перыядыкі, якая выходзіла па ўсёй імперыі. Але нам важна адзначыць характэрныя адметнасці публі-

цыстычнага апавядання па нашай тэматыцы, тую танальнасць, якой прытрымліваліся аўтары публікацый ў розных гады бежанства і увесь ваенны час, кажучы пра бежанскія праблемы. Важна было ўбачыць і тое, як сур'ёзна абмяркоўваецца гэта тэма, згадваюцца аспекты і нюансы арганізацыі дапамогі бежанцам, як апісваецца іх гаротнае жыццё, якім было стаўленне да вымушаных мігрантаў з боку розных груп людзей, розных арганізацый і як гэта стаўленне змянялася цягам трох гадоў: з 1915 па 1917 гг. Без перабольшвання бежанства стала з'яваю жыцця не толькі для саміх вымушаных мігрантаў, але і для тых, сярод каго яны жылі, хто меў непасрэднае дачыненне да іх уладкавання, да вырашэння самых розных пытанняў перамяшкання, рассялення і добраўпарадкавання бежанцаў у розных частках імперыі.

Як вядома, бежанскі рух становіцца масавым улетку 1915 г. Таму з другой паловы гэтага года і да сярэдзіны 1916 г. усе газеты напоўнены публікацыямі пра тых, хто рушыў на ўсход ва ўмовах наступлення войск Траістага Саюза на Усходнім фронце. Вымушаныя мігранты ў гэтых публікацыях – відавочныя ахвяры, вартыя жалю, дапамогі, яны нацяпеліся, пакутвалі, страцілі і сваякоў, і маёмасць. У такім выразна эмацыйным стаўленні перапляліся некалькі важных аспектаў, з якіх складаліся як афіцыйны, так і нефармальны, людскі, сапраўды народны настроі і накіраванасць на дапамогу, падтрымку, апеку над бедакамі-мігрантамі. Мэтазгодна згадаць тыя эпітэты і параўнанні, якія суправджаюць змест апавяданняў і разважанняў на бежанскую тэму і газетных тэкстах. Вось “Бежанец” публікуе інфармацыю пра тое, што нейкі купец Е. Гершун з Варонежскай губерні на ўласныя сродкі ўладкаваў 30 сем'яў бежанцаў агульнай колькасцю 250 чалавек і прапанаваў ім і пазыку, і працу [1, с. 6]. І ў тым жа нумары ў разгорнутым паведамленні аб абмеркаванні бежанскіх праблем на Асобнай Нарадзе па ўсталяванню бежанцаў пры МУС, прыводзяцца словы аднаго з выступоўцаў, епіскапа Афанасія, пра азлабленне насельніцтва на бежанцаў, выкліканае пашкоджаннем і крадзяжом маёмасці з боку апошніх [2, с. 2]. У 1915 г. тэма бежанцаў літаральна ў кожным газетным выпуску. Нават рэкламныя абвесткі той жа наўгародскай газеты згадваюць пра зніжкі менавіта для бежанцаў: “Роберт Кенць. Склад Инструментов и хозяйственных принадлежностей. Граммофоны и пластинки. ... Бежанцам 10% скидка” [3, с. 4]. Такі выразна не рынкавы крок прадпрымальнікаў дадае “градусу” агульнага турбавання пра гэтых ахвяраў вайны. Важны для аналізу дадзенай перыёдыкі і фармулёўкі загаловаў тэкстаў, і подпісы пад імі (напрыклад, у “Калужскім кур'еры” сустрэкаецца чарада артыкулаў за подпісам “Беларус”).

Насычанасць эмоцый, уражанняў, разважанняў, дэталю ў штодзённасці, шматгалоссе пра бежанцаў дэманструюць па-свойму ўнікальны характар гэтых гістарычных крыніц па праблеме ўзаемазносін вымушаных мігрантаў і мясцовага насельніцтва, па праблеме пачатку арганізацыі бежанскай дзяржаўнай палітыкі. Абедзве згаданыя праблемы важныя для вывучэння складана працэсу сацыяльнай адаптацыі бежанцаў і эвакуяваных з Беларусі ў расійскай правінцыі, разуменне якога набліжае нас да іншых ведаў – ведаў пра найскладанейшы працэс фармавання нацыянальнай самасвядомасці бежанцаў-беларусаў. А праз гэта мы набліжаемся да большага разумення працэсу нашага беларускага дзяржаўнага будаўніцтва пачатку ХХ ст.

Кажучы пра акалічнасці выезду бежанцаў са сваіх мясцін, аўтары паведамляюць пра патрыятычныя матывы, а таксама пра ваенную навалу, якая штурхала людзей да паратунку далей ад месца баявых дзеянняў [4, с. 5]. Хаця пра ўжытую тактыку “выпаленай зямлі”, пра прымусовае выгнанне сіламі вайскоўцаў, пра шматлікія рэквізіцыі, якія часта ажыццяўляліся з парушэннем усіх норм і патрабаванняў, вядома, у тэкстах гаворка не ідзе.

Самую вялікую колькасць публікацый у першы перыяд бежанскага руху складаюць тэксты, з якіх чытач даведваўся пра ўчынкі дабрачыннасці, ахвяраванняў, шчырай дапамогі тым, хто розным чынам – цягнікамі і фурманкамі – усё больш і больш прыбываў ў расійскую правінцыю. Асобна трэба адзначыць, што аўтары публікацый мэтанакіравана дэманструюць той факт, што дапамога бежанцам ідзе адусюль: прадстаўнікі ўсіх салоў'яў, усіх частак грамадства дадаюць сваю лепту [5, с. 10; 6, с. 2; 7, с. 11]. Так і павінна быць у вайне, якую афіцыйная дзяржаўная ідэалогія называла “айчыннай”. Такого кшталту публікацыі можна разглядаць, як пэўную дзяржаўную. Аднак сам змест паведамленняў пра дапамогу сведчыць пра сапраўды нефармальны яе характар. Мяркуем, што так было па прычыне сапраўднай масавай увацаркоўленасці людзей, якая натуральна ўключала ў сабе каштоўнасці дапамогі бліжняму і міласэрнасці.

Змест “бежанскіх” матэрыялаў дазваляе выкарыстоўваць іх у якасці крыніц па гісторыі царквы ў дапамозе мігрантам, аб ролі земстваў і земскіх грамадскіх арганізацый, аб арганізацыі сістэмы адукацыі і яе ролі ў забеспячэнні асветаю дзяцей бежанцаў, аб дзейнасці разнастайных бежанскіх арганізацый, аб функцыянаванні дзяржаўных цэнтральных і мясцовых бежанскіх устаноў і аб'яднанняў.

Калі ў 1915 г. у тэме бежанства ўвесь час прысутнічае элемент навіны, важны для газетнай інфармацыі, то ў 1916 г. тэма бежанства вызначаецца пэўнаю колькасцю тэкстаў, афіцыйнымі справаздачамі. І гэта пры вялізарнай прысутнасці бежанцаў у паведах (напрыклад, у Тамбоўскай губерні знаходзілася 128 тысяч чалавек). А ў 1917 г. за перыяд з лютаўскай рэвалюцыі да чэрвеня 1917 г. у “Тамбоўскім земскім весніку” тэма бежанства ўвогуле не згадваецца [8]. Тое ж самое адбывалася на

старонках “Саратаўскага весніка”, а ў Саратаўскай губерні на 1917 г. налічвалася 135 604 бежанцаў, у тым ліку, “рускіх” – 93 046, палякаў – 21 851, і габрэяў – 7 472 [9, арк. 5]. Ці ў “Аршанскім весніку”, хаця ў тым жа годзе ў Магілёўскай губерні бежанскае насельніцтва складала 92 328 чалавек, сярод якіх “рускіх” 32 366, палякаў 44 357, габрэяў 12 837 [10, арк.2].

З вясны 1917 г. ідзе хваля з’ездаў – сялянскіх, земскіх, настаўніцкіх, духавенства, аднак практычна нідзе на старонках газет ніхто не ўздымаў бежанскага пытанне. Такое газетнае маўчанне выглядае кантрастам побач са шматлікасю “бежанскіх” дакументаў адпаведных архіўных фондаў гэтага часу, напоўненых ліставаннем з бежанцамі, скаргамі і прашэннямі ад ніх, інтэнсіўным абмеркаваннем наяўных бежанскіх праблем паміж адмысловымі дзяржаўнымі і грамадскімі структурамі. Толькі для сродкаў масавай інфармацыі ўсе гэтыя жыццёва важныя праблемы бежанцаў не выглядаюць падзеяй. Гэта ўжо штодзённасць, да якога ўсе збольшага прыстасаваліся.

Разгледзім па парадку некаторыя асобныя газетныя матэрыялы бежанскай тэматыкі, каб адзначыць іх характэрныя і адметныя асаблівасці, значнасць для тых ці іншых аспектаў даследавання гісторыі вымушанай міграцы, выклікайнай падзеяй Першай сусветнай вайны.

Адным найбольш дыскусійным пытаннем з бежанскага жыцця было пытанне іх працаўладкавання. Яно прысутнічае ў якасці пункта абмеркавання розных губернскіх і павятовых адміністрацыйных нарадаў. На іх як раз і прымаліся рашэнні, якім чынам паспрыяць мігрантам са знаходжаннем працы [11, с. 12–13]. Афіцыйная танальнасць такіх паведамленняў суседнічае з некаторымі прыкладамі выступаў мясцовых чыноўнікаў, у словах якіх можна заўважыць і эмоцыі, і нярэдка прысутнасць сапраўднай разгубленасці перад складанасцю сітуацыі [12, с. 887–888]. Пра гэта сведчаць тыя прапановы, якія зыходзяць з іх вуснаў, і якія, паводле іншых звестак пра стан рэчаў у дадзеным пытанні, цяжка было рэалізаваць на практыцы. Гэта тлумачылася такімі прычынамі, як навіна праблемы, маштаб міграцыйнага руху, стан мясцовай эканомікі.

Таксама можна нярэдка сустрэць абвесткі пра прапанову рознай працы для бежанцаў і аб’явы тых бежанцаў, якія такую працу шукалі [13, с. 1; 14, с. 1; 15, с. 3]. Гэта вельмі каштоўныя крыніцы для аналізу праблемы бежанскага працаўладкавання і іх сацыялізацыі на новых, часовых месцах пражывання.

Тэма працы бежанцаў прысутнічае на старонках газет у рознай форме. Гэта і згадкі пра ўладкаванне настаўнікаў у мясцовых школах, і прыклады магчымай працы, і слухныя прапановы прафесійнага майстэрства бежанцаў, і узоры майстэрства [16, с. 14; 17, с. 9; 18, с. 15; 19, с. 4]. У рубрыцы “Адрасны стол” у гэты час можна было знайсці масу прапаноў кшталту: “Доктор С. Марголіс (із Беластока)”, альбо “Д-р С.И. Пельтин (із Ломжи)” [18, с. 15]. Бежанства павярнулася да расійскага грамадства і такім нязвыклым для яго светам, і гэта было адным з істотных наступстваў гэтай гісторыка-дэмаграфічнай з’явы.

Праблема працаўладкавання, так разнабакова прадстаўленая ў тагачаснай прэсе, з’яўляецца ключавой у агульным аналізе бежанскай палітыкі як царскага ўраду, так і наступных – Часовага і бальшавіцкага. І менавіта ў “спакойныя” 1915 і 1916 гг. гэтае пытанне абмяркоўваецца з шэрагам прапаноў, варыянтаў, якія адрасаваны як самім бежанцам, так і розным бежанскім арганізацыям. Газеты з’мяшчаюць матэрыялы паседжанняў губернскіх нарадаў па ўсталяванню бежанцаў, органаў земскага самакіравання. Вельмі часта ў гэтых матэрыялах згадваецца пытанне працы бежанцаў, абмяркоўваюцца спосабы яго рашэння. Такі матэрыял становіцца карысным для вывучэння намаганняў гэтых органаў мясцовай улады, аналізу іх магчымасцяў і вынікаў у вырашэнні бежанскіх праблем.

Яшчэ адзін вельмі важны аспект бежанскай інфармацыі, які можна сустрэць у шэрагу перыядычных выданняў, звязаны з перманентным пошукам людзей. Характар зыходу ў бежанства абумоўлены па-сутнасці гвалтоўным выгнаннем людзей са сваіх месцаў, амаль без маёмасці, у самых экстрэмальных умовах перамяшкання і далейшага рассялення, наступныя неаднаразовыя ўнутраныя міграцыі, выкліканыя без перабольшвання паратункам сваіх сем’яў, пошукам заробку, рэгулярныя мабілізацыі мужчын у расійскае войска – гэта і шмат іншага вялі да таго, што людзі гублялі адзін аднаго. Губляліся і дарослыя, і дзеці. Газеты ў такіх акалічнасцях станавіліся пляцоўкай камунікацыі, вельмі важным сродкам пошуку людзей. Дарэчы, звяртае ўвагу ў такіх адвестках тое, што ў сціслай характарыстыцы тых, каго шукалі, згадвалася яго нацыянальнасць: рускі, літовец, паляк і ніколі – беларус [20, с. 8].

Газеты заўсёды выконвалі функцыю і інфарматара, і прапагандзіста. Тое ж было ў гады сусветнай вайны. У першым выпадку яны змяшчалі адпаведныя дакументы, якія дазвалялі бежанцам-чытачам лепш арыентавацца ў вельмі важных працэдурах. Возьмем да прыкладу праведзеныя рэквізіцыі маёмасці вымушаных мігрантаў [21, с. 2–3]. Іх перажылі большасць сялян-гаспадароў, і пытанне атрымання кампенсацыі за страчаную гаспадарку і знішчаную з-за ваенных (як гэта тлумачылася ўладамі) маёмасць заставалася пытаннем, да якога ўсе бежанцы вярталіся неаднаразова на працягу ўсяго свайго мігравання. Захоўваліся спісы маёмасці, і пры кожным павароце рэвалюцыйных уладавых перамен бежанцы і іх прадстаўнікі на розных сходах штораз адрасавалі пытанне былых рэквізіцый. Прапагандысцкі змест

выданняў таксама мае некалькі кірункаў. Вялікі матэрыял змяшчаецца пра актыўнасць, самааданасць прадстаўнікоў розных службаў і арганізацый у справе дапамогі бежанцам. Цэлая чарада матэрыялаў пра санітарна-медыцынскую дапамогу “лятуцак”, змешчаных на старонках “Вестника Комитета Западного фронта Всероссийского Земского Союза”, прапануе сапраўдную карціну акалічнасцяў і выпрабаванняў, з якімі сутыкаліся ўсе, хто меў дачыненне да дапамогі бежанцам [22].

Газетныя поласы тых часоў – гэта каштоўная крыніца па праблеме міжнацыянальных зносін, па нацыянальнаму пытанню, якое ва ўмовах крызісных і ваенных абставяў, выходзіць у публічную плоскасць. Газеты 1915–1917 гг. сталі інфармацыйнай пляцоўкай для такога абмеркавання. Найбольш актыўна дыскутуецца “ўкраінскае і латышскае” пытанні, [23, № 2, с. 2, №5, с. 1, №6, с. 1–2]. Такі аспект, як “Расія без рускіх”, які нараджаўся з’ява стракатага і абсалютна пераважна не рускага нацыянальнага складу масы вымушаных мігрантаў з заходніх рэгіёнаў імперыі, – вельмі часты на старонках прэсы. Самі загаловкі артыкулаў і зацемак кажуць пра чараду пытанняў, якія нараджала новае суседства мясцовага насельніцтва і насельніцтва бежанскага: “Мы и они”, “Беженцы и общество”, [24, № 119, с. 4; № 125, с. 1]. Такі змест матэрыялаў прэсы робіць іх неабходнай крыніцай па разнастайным аспектам вывучэння гісторыі нацыянальных зносін, нацыянальнага руху, у тым ліку беларускага. Таму, закранаючы нацыянальнае пытанне і бежанскі рух, нельга не засяродзіць увагу на чарадзе матэрыялаў, якія адлюстроўваюць дзейнасць нацыянальных бежанскіх структур. Газетныя звесткі з назвамі “Католическая ёлка”, “Польский вечер”, “В польском комитете”, “Митинг беженцев-литовцев” дазваляюць, з аднаго боку, убачыць прыклады сапраўднай актыўнасці гэтых нацыянальных бежанскіх арганізацый, а з другога – зафіксаваць сам факт сведчання ў расійскай прэсе згадак пра актыўнасць прадстаўнікоў гэтых структур, што па-свойму ўжо было адметнасцю гістарычнага моманту [25, с. 3; 26, с. 2; 27, с. 2; 28, с. 3].

Гісторыя бежанства цяпер ужо незразумела без усяго комплексу гэтых перыядычных публікацый. Аднак і ў час самой вайны гэта масавае перамяшканне людзей нарадзіла вельмі шмат новых з’яў, якія літаральна прасіліся на старонкі газет, і знаходзілі там сваіх і аўтараў, і чытачоў, раскрываючы апошнім сэнс таго, што спарадзіла сусветная вайна. Напрыклад, увагу разнастайных карэспандэнтаў звярталі прыклады стасункаў бежанцаў з мясцовым насельніцтвам. Па-рознаму падавалася гэта тэма: публіцыстычным жанрам, канстатацый фактаў, жанрам фельетона [29; 30, с. 6; 31, с. 2; 32, с. 3]. Кожны варыянт мае сваё значэнне для аналізу гісторыі бежанскай штодзённасці, справы набліжэння да адказу на пытанне пра наступствы бежанскага руху як для саміх бежанцаў, так і для мясцовых людзей расійскай глыбінкі.

Каб растлумачыць розніцу ў характары і змесце матэрыялаў, якія бачылі свет на старонках розных выданняў, мы, вядома, найперш адказваем на пытанне пра прыналежнасць друкаванага органа. І тут на першым месцы па глыбіні і змястоўнасці матэрыялаў, на наш погляд, будуць газеты, якія адлюстроўваюць дзейнасць земстваў. Прыклад “Вестника Комитета Западного фронта Всероссийского Земского Союза” – таму добрае пацвярджэнне. Непасрэдная ўключанасць у рашэнні бежанскай праблемы і арганізацыю дапамогі вымушаным мігрантам як ахвярам вайны, атрыманне і выкарыстанне дзяржаўных і прыватных сродкаў вялі да таго, што газета як орган дадзенай арганізацыі не проста згадвае пра бежанцаў і дапамогу ім, а змяшчае працяглыя, разгорнутыя дакументальныя апавяданні, справаздачы спецыялістаў, дэманстрацыю вопыту [33, № 37; 34, № 51]. Пры крытычным стаўленні да дадзенай насычанага фактамі інфармацыі, публікацыі ў земскіх выданнях – матэрыял, без якога аналіз бежанскай гісторыі не будзе поўным.

Калі падзяляць увесь аб’ём інфармацыі пра бежанства і бежанцаў, то на першае месца выходзяць матэрыялы пра падрыхтоўку, ажыццяўленне і рэалізацыю рознабаковай дапамогі бежанцам. Тут, як мы ўжо адзначалі, прысутнічае пэўная перыядызацыя ў аб’ёме і эмацыйнай танальнасці газетных тэкстаў. Выданні 1915 г. і першай паловы 1916 г. практычна ў кожным нумары маюць згадкі пра такую дапамогу. Па-большасці – гэта інфармацыйная канстатацыя ў стужцы навінаў дня ці тыдня. Нярэдка спецыяльныя рэпартажы, звесткі з правінцыі, якія друкавалі ўласныя карэспандэнты газет [35, с. 1; 36, с. 1]. Зразумела, што ўвесь час прысутнічае пытанне пра крытычнасць і праўдзівасць такой інфармацыі. Пры вядомых ідэалагічных устаноўках паказываць усенароднасць дапамогі, адзначым, што факт сапраўды шырокай дапамогі, якая зыходзіла ад прадстаўнікоў самых розных груп насельніцтва расійскіх гарадоў, мястэчак і вёсак, знаходзіць вельмі частае і, што важна, зафіксаванае пацвярджэнне на старонках успамінаў беластоцкіх бежанцаў [37, с. 185–193].

Як вядома, формы самой дапамогі бедакам былі розныя. Механізм ажыццяўлення дапамогі, змест парадаў бежанцам, адлюстраваная ў дэталях сама атмасфера, што суправаджала сам працэс дапамогі – усё мае ўласны гістарычны інтарэс, а змест саміх публікацый – гэта корпус каштоўных крыніц, які перакрываюцца архіўнымі звесткамі, крыніцамі вуснай гісторыі і мемуарнай літаратурай. “Коўш ураджаю”, кубкавы (кружачны) збор”, ахвяраванні, прадастаўленне ўласнага жылля, збор харчавання, неабходных рэчаў для жыцця на новым месцы – гэта няпоўны спіс форм і відаў дабрачыннай дапамогі першага перыяду масавага бежанства [38, с. 3; 39, с. 3].

Гледзячы на аб'ём і характар публікацый другой паловы 1916 г. і пачатку 1917 г. – да бежанцаў, як часткі ваеннага жыцця, у пэўнай ступені прызвычаліся. Іх хвалі скончыліся, людзей размеркавалі па розных мясцовасцях той ці іншай губерні. Газеты, якія жывуць навіной, у бежанцах яе ўжо не мелі. Тым больш, што ўсё істотна змянілася з пачаткам рэвалюцыі. На старонках газет яшчэ можна знайсці паведамленні пра праблемы з бежанскім працаўладкаваннем, прычым прычынаю гэтых праблем бачаць саміх бежанцаў. Але пра сур'ёзны клубок, у якім знаходзілася гэта праблема, газеты не кажуць. Адначасова, пра гэта безліч прыкладаў у архіўных крыніцах. Газеты ўсё часцей, а ў хуткім часе – проста паўсюдна пачынаюць друкаваць звесткі пра суцэльнае раздзіранне грамадства, якое ўвасобілася ў пагромах, гвалце, пажарах, масавым згадваннем п'янства сярод самых розных катэгорый насельніцтва [40, с. 3]. Побач – рэгулярныя згадкі пра эканамічныя праблемы, недахоп харчавання, паўсюднае хваляванне насельніцтва. Такі інфармацыйны фон фармуе ўмовы, у якіх працягваюць жыць тыя ж тысячы бежанцаў (якія нікуды не дзеліся, нягледзячы на тое, што пра іх сталі радзей згадваць на старонках газет). І ўвесь згаданы змест перыёдыкі 1917 г. неабходна разглядаць, як плейму крыніц па гісторыі бежанства, бо менавіта ў такіх абставінах лепей аналізуюцца звароты і хадайніцтвы бежанцаў да ўсіх уладаў і іх лідараў з адным патрабаваннем і з адным заклікам: “дапамагіце вярнуцца дадому”.

Высновы. Разгледжаныя расійскія газеты, такім чынам, пацвярджаюць ключавое значэнне перыядычных выданняў сярод крыніц гістарычнага даследавання. Тым больш такога даследавання, якое звернута на імклівы, зменлівы пад вельмі рознымі фактарамі працэс вымушанай міграцыі, выкліканы падзеямі сусветнай вайны. Глыбокі і рознапланавы ахоп, як мага большага пераліку перыядычных выданняў, безумоўна дасць у рукі гісторыка матэрыял жывы, спрэчны, але вельмі эмацыйны і выразны. Крытычна падыходзячы да зместу паведамленняў уласных карэспандэнтаў мясцовых выданняў, рапартаў з адміністрацыйных нарадаў і паседжанняў, шматлікіх інфармацыйных паведамленняў, адрасаваных да мігрантаў і тых, хто іх апякаў, і нават стракатай рэкламы, што напаўняла цэлыя поласы газет, можна атрымаць тыя падрабязнасці ці абагульненні, якія пры спалучэнні з іншымі крыніцамі дазваляць паволаму паглядзець на такі складаны гісторыка-дэмаграфічны працэс, якім былі бежанства і эвакуацыя насельніцтва з Беларусі. Бесспрэчна, неабсяжнасцю сваёй інфармацыі расійская перыёдыка патрабуе больш дасканаллага вывучэння і асэнсавання.

ЛІТАРАТУРА

1. Вестник Комитета Западного фронта Всероссийского Земского Союза. – 1916.
2. Побольше таких // Беженец. – № 4. – 1915. – С. 6.
3. Особое совещание по устройству беженцев, 20 октября // Беженец. – № 4. – 1915. – С. 2–3.
4. Спутник беженца квартиронанимателя и трудящегося // Справочная газета. – 1915. – С. 4.
5. Особое совещание по устройству беженцев, 20 октября // Беженец. – № 1. – 1915. – С. 5.
6. Гродненский комитет по оказанию помощи беженцам // Беженец. – № 5. – 1915. – С. 10.
7. Помощь учителям-беженцам // Северный беженец. – 1916. – № 3. – 26 янв. – С. 2.
8. Приговор бурят о беженцах // Оренбургское земское дело. – 1916. – № 3. – 21 янв. – С. 11.
9. Тамбовский земский вестник. – 1916. – № 48–92.
10. Дзяржаўны Архіў Расійскай Федэрацыі (далей – ДА РФ г. Масква). – Ф. 1788. Воп. 1. Адз. зах. 85. Арк. 5.
11. ДА РФ г. Масква. – Ф. 1788. Воп. 1. Адз. зах. 85. Арк. 2.
12. Использование труда беженцев // Оренбургское земское дело. – 1916. – № 8. – 25 февр. – С. 12–13.
13. В губернской земской исполнительной комиссии по устройству беженцев // Нижегородская земская газета. – 1916. – № 22. – С. 887–888.
14. Нижегородское губернское совещание по устройству беженцев // Нижегородская земская газета. – 1916. – № 18. – С. 758–760.
15. Бюро для приискания труда беженцам // Калужский курьер. – 1915. – № 86. – 6 авг. – С. 1.
16. Беженская прислуга // Уфимская жизнь. – 1915. – № 114. – 7 окт. – С. 3.
17. Кизяки и беженцы // Оренбургское земское дело. – 1916. – № 7. – 17 февр. – С. 14.
18. Трудовая помощь евреям-беженцам в Москве // Беженец. – 1916. – № 2. – С. 9.
19. Адресный стол // Беженец. – 1916. – № 6. – С. 15.
20. Беженцы, получившие платные должности в Новгородской епархии // Северный беженец. – 1916. – № 6. – 7 февр. – С. 4.
21. Список беженцев, разыскивающих своих родных // Северный беженец. – 1916. – № 7. – 24 февр. – С. 4.
22. Деятельность врачебно-питательного пункта // Вестник Комитета Западного фронта Всероссийского Земского Союза. – 1916. – № 47, 51, 63, 94, 180.
23. Придаточная нация // Спутник беженца квартиронанимателя и трудящегося Справочная газета. – 1915. – № 2. – С. 1; Украинцы без маски // Спутник беженца квартиронанимателя и трудящегося Справочная газета. – 1915. – № 5. – С. 1, № 6. – С. 1–2.
24. Мы и они // Калужский курьер. – 1915. – № 119. – С. 4; Беженцы и общество // Калужский курьер. – 1915. – № 125. – С. 1.
25. Католическая ёлка // Казанский телеграф. – 1916. – 8 янв. – С. 3.
26. Польский вечер // Зауральский край. – 1917. – № 5. – 6 янв. – С. 2.

27. В польском комитете- выставкадетских рисунков // Зауральский край. – 1917. – № 2. – 4 янв. – С. 2.
28. Митинг беженцев-литовцев // Известия Воронежского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. – 1918. – № 84. – 1 мая. – С. 3.
29. Особое совещание по устройству беженцев, 18 ноября // Беженец. – 1915. – № 7–8. – С. 2–3.
30. Тоска по родине // Беженец. – 1915. – № 5. – С. 6.
31. Беженцы и русская деревня // Спутник беженца квартиронанимателя и трудящегося Справочная газета. – 1915. – № 4. – 29–30 сент. – С. 2.
32. Белорус Любопытный документ // Калужский курьер. – 1915. – № 105. – 19 дек. – С. 3.
33. Врачебно-питательный пункт в Богущёвке // Вестник Комитета Западного фронта Всероссийского Земского Союза. – 1916. – № 37. – 14 июля. – С. 2–3.
34. Деятельность врачебно-питательного пункта в М. (Из отчёта врача Р.Э. Левиной) // Вестник Комитета Западного фронта Всероссийского Земского Союза. – 1916. – № 53. – 30 июля. – С. 2–3.
35. Великое беженство и его последствия // Листок войны. – 1915. – № 1. – 19 нояб. – С. 1.
36. Русские беженцы // Томский вестник. – 1915. – № 193. – 11 сент. – С. 1.
37. Карнялюк, В. Успаміны былых бежанцаў (1915–123) Беласточчыны як крыніца па гісторыі Беларусі п.п. XX ст. (па матэрыялах зборніка Бежанства 1915 года) / В. Карнялюк // Białoruskie Zeszyty Historyczne. – 2002. – № 18. – S. 185–193.
38. В пользу беженцев // Томский вестник. – 1915. – № 265. – 13 дек. – С. 3.
39. Сбор в пользу беженцев // Калужский курьер. – 1915. – № 105. – 19 сент. – С. 3.
40. Разгром имений // Тамбовский земский вестник. – 1917. – № 285. – 23 дек. – С. 3.

Пасмыніў 22.09.2017

THE RUSSIAN NEWSPAPERS OF 1915–1918 YEARS AS SOURCES ON THE HISTORY OF FORCED MIGRATION FROM BELARUS

V. KARNALIUK

Such body of sources on the history of forced migration from Belarus as the Russian newspapers of 1915–1918 years. Materials of periodicals in those regions of Russia, which firmly resided in the refugees and the evacuation of natives of Belarusian provinces are used. A conclusion about the exceptional importance of these sources for the whole spectrum of issues of the history of forced migration during the First world war is made.

Keywords: *refugees, evacuation, periodic press, Belarus, forced migration, the first world war.*

УДК 94(476)+(470+571)“19.../...20”:327:930.23

**ЗАПАДНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ О РАЗВИТИИ БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ
В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА¹***канд. ист. наук, доц. А. П. КОСОВ**(Витебский государственный университет им. П. М. Машерова)*

Рассматриваются западные интерпретации процесса развития белорусско-российской интеграции. Показаны взгляды исследователей из США, Канады, Великобритании, Германии, Польши и других стран на проблемы и достижения во взаимоотношениях Беларуси и России. Отмечено, что западные эксперты указывают на объективные и субъективные стороны интеграционного процесса. Особое внимание представителями экспертного сообщества на Западе обращается на создание и функционирование Союзного государства, а также на влияние белорусско-российской интеграции на международную безопасность в Европе. Большинство исследователей подчеркивается переход в XXI веке Минска и Москвы на прагматичную основу взаимоотношений. Западные эксперты отмечают, что каждая сторона пытается извлечь из интеграции выгоду для себя, а это нередко приводит Беларусь и Россию к противоречиям и конфликтам. Поэтому во многих публикациях на Западе содержится скепсис относительно успехов белорусско-российской интеграции.

Ключевые слова: белорусско-российская интеграция, подходы представителей экспертного сообщества, Союзное государство.

Белорусско-российские отношения постсоветского периода стали предметом изучения не только экспертов двух стран, но и зарубежных исследователей. За прошедшие двадцать пять лет на Западе появились десятки работ, в которых в той или иной степени рассматривается проблема белорусско-российской интеграции. Наибольшее внимание ей уделяется исследователями из США, Канады, Великобритании, Германии, Швеции и Польши. В основном интеграционный процесс освещается западными экспертами в контексте изучения внешней политики России на постсоветском пространстве [1–4], а также при исследовании внутренней и внешней политики Беларуси [5–10]. Западных публикаций, посвященных непосредственно белорусско-российской интеграции, на порядок меньше, но они есть [11–20].

Целью данной статьи является исследование западных интерпретаций процесса белорусско-российской интеграции. Исходя из этого, в ней проанализированы подходы представителей экспертного сообщества Запада к политическим аспектам взаимодействия Беларуси и России, сотрудничеству двух государств в торгово-экономической, военной и энергетической сферах в конце XX – начале XXI века. Особое внимание обращено на западные оценки создания и функционирования Союзного государства.

Основная часть. На Западе публикации, в той или иной мере затрагивающие проблемы белорусско-российской интеграции, появились еще в 1990-е гг. При этом мнения западных экспертов о ее сущности и возможном влиянии на ситуацию в Европе разошлись. Так, бывший посол США в Беларуси Д. Суорц в своем докладе «Беларусь – проблемы интеграции» отмечал, что для белорусско-российского сближения существовали весьма весомые побудительные мотивы экономического характера [21, с. 55]. Поэтому в интеграции двух стран нет ничего удивительного. Размышляя подобным образом, отдельные западные исследователи обратили также внимание на популярность идеи белорусско-российского союза среди населения двух государств [2, р. 215]. При этом эксперты подчеркнули, что в 1990-е гг. катализатором интеграции выступал А.Г. Лукашенко [22, р. 59]. В частности, британские авторы Э. Уилсон и К. Ронтоянни отмечали, что политический союз и экономическая интеграция с РФ являлись эффективным механизмом достижения администрацией Лукашенко социально-экономических целей без проведения в Беларуси болезненных в социальном отношении и политически рискованных экономических реформ [23, с. 56].

Весьма обсуждаемым на Западе стал вопрос о возможности объединения Беларуси и России в единое государство. Многие эксперты считали, что начавшееся между двумя странами сближение в перспективе может привести к их реальному объединению [14; 24, р. 75; 25, р. 97]. При этом западные исследователи отметили ряд факторов, препятствующих интеграции. В частности, они указали на боязнь белорусской элиты поглощения республики Россией и утраты независимости [23, с. 105; 26, р. 76] и нежелание прозападной либерально настроенной части российской политической элиты сближаться

¹Исследование выполнено в рамках ГПНИ «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» (науч. рук. – чл.-кор. НАН Беларуси, д-р ист. наук, проф. А.А. Коваленя), подпрограммы «История и культура» (науч. рук. – канд. ист. наук, доц. В.В. Данилович) по заданию 1.1.04. Тема НИР «Республика Беларусь в интеграционных процессах на постсоветском пространстве» (науч. рук. – канд. ист. наук, доц. А. П. Косов).

с авторитарной Беларусью [23, с. 104–105; 26, р. 74–75]. Американские эксперты С. Уолландер и Р. Левголд указали, что после избрания президентом Беларуси А.Г. Лукашенко, оценки проблем безопасности двух стран совпали, что также способствовало интеграции с Россией, но «повлекло за собой эрозию национальной автономии» [23, с. 15]. Исследователь А. Эберхардт из Польского института международных дел отмечал, что если для Минска сотрудничество с Россией являлось безусловным приоритетом, то для Москвы Беларусь была одним из многочисленных стратегических партнеров, но не наиважнейших. Поэтому проекты белорусско-российской интеграции не до конца отвечали потребностям двух стран [27, с. 129].

Многие на Западе с определенной тревогой увидели в сближении Минска и Москвы проявления российского «неоимпериализма». Например, реагируя на подписание двумя странами 2 апреля 1997 г. Договора о Союзе Беларуси и России, представитель госдепартамента США Н. Бернс заявил о том, что Вашингтон не настроен против белорусско-российского сближения. Одновременно он заметил, что данный процесс должен быть «добровольным», основанным на свободном волеизъявлении народов. Наконец, американский чиновник усмотрел в действиях Москвы и Минска потенциальную возможность создания в Европе новых разделительных линий [21, с. 54–55].

Американский аналитик П. Гобл увидел в интеграции Беларуси и России нарастание противоречий по мере ее углубления из-за расхождений в подходах к ней со стороны Минска и Москвы, что дало ему основания усомниться в эффективности данного объединения [21, с. 55]. Профессор канадского Университета Альберты Д. Марплс и вовсе указал на возможное «поглощение» Беларуси Россией [8, р. 107–128].

Однако другие западные эксперты не усмотрели в интеграции, в том числе и ее военной составляющей, ничего угрожающего для Западной Европы, признавая лишь факт «нервирования» Польши. Так, по мнению сотрудника Восточноевропейского института в Мюнхене Г. Клемента, в военном смысле союз Москвы и Минска не так уж много дает России. Известный политолог А. Рар, работавший в Немецком обществе внешней политики, также указывал на то, что с подписанием Договора о Союзе Беларуси и России каких-либо кардинальных изменений в европейской системе безопасности не произошло [28, с. 87]. Со своей стороны, польский эксперт А. Каминьский считал союз Беларуси и России внутренним делом белорусов и россиян. Но, как предрекал эксперт, его последствия окажут воздействие на соседние государства. Какие они будут – позитивные или негативные – будет зависеть от тех тенденций, которые возобладают в данном интеграционном объединении [21, с. 131].

Американский эксперт Ш. Гарнетт утверждал, что интеграция вряд ли сделает Беларусь вновь российской провинцией. Однако контроль над политикой безопасности на своей территории Минск, по мнению ученого, вполне мог утратить [29, р. 106]. Одновременно с этим исследователь подчеркивал заинтересованность сторон в сотрудничестве в сфере обороны [26, р. 74]. Согласно ему, весомым аргументом сближения двух стран стал внешний фактор, особенно планы расширения НАТО на восток и агрессивные действия альянса в отношении СРЮ. Как в Москве, так и в Минске понимали, что Запад не собирается уходить с постсоветского пространства [30, с. 112]. Поэтому и Беларусь, и Россия встретились с ограниченностью своих возможностей и сопротивлением самых разных сил, мешающих объединению двух государств [30, с. 93]. Действиями Запада, в которых и Москва, и Минск усматривали агрессивные намерения в свой адрес, во многом объяснял стремление России и Беларуси к интеграции и Т. Амбросио из Университета Северной Дакоты. При этом эксперт сделал вывод о контрпродуктивности внешней политики США, поскольку именно действия Америки и НАТО стали одним из факторов создания Союзного государства [31, р. 88].

В 2000-е гг. оценки белорусско-российской интеграции в западном экспертном сообществе существенно не изменились. В большинстве публикаций по-прежнему скептически оценивались возможности успешного развития интеграционного процесса между Беларусью и Россией. Хотя отдельные эксперты все же не отрицали гипотетической возможности достижения успеха интеграции, причем, возможно, даже на антизападной основе. Например, как писал А. Рар, Европа оказалась несколько обеспокоена тем фактом, что при определенном стечении обстоятельств белорусско-российский союз может стать антизападным объединением [32, с. 29]. Дело в том, что многие западные авторы убеждены в «неоимперской» политике РФ на постсоветском пространстве. Так, госсекретарь и кандидат в президенты США Х. Клинтон отмечала, что В.В. Путин хочет восстановить былую мощь России путем установления контроля над своими соседями [33, с. 283]. По ее мнению, российский проект создания Таможенного союза не что иное, как восстановление утраченной империи [33, с. 296]. Согласно западным исследователям Беларусь нужна РФ с геополитической точки зрения. Например, Р. Шеперд, эксперт из Университета Ричмонда и Фонда Маршалла, указывал на стратегическое значение белорусской территории для России [34, р. 74]. Американский исследователь Я. Бугайский подчеркивал стремление Москвы гарантировать себе постоянное военное присутствие на территории Беларуси [1, р. 66]. Норвежский ученый К. Мартинсен, вслед за Д. Марплсом, считал, что Россия поглощает республику и превращает ее в «российскую

военную заставу» [18, р. 5, 7]. Президент Американского совета по внешней политике Г. Пирчнер полагал, что сближение России и Беларуси обусловлено объективными причинами. Однако в процессе белорусско-российской интеграции беспокойство эксперта вызвала «неоимперская» внешняя политика В.В. Путина. Беларусь была названа Г. Пирчнером одним из наиболее вероятных кандидатов на вхождение в состав Российской Федерации [35, р. 17]. Р. Дейермонд из Лондонского королевского колледжа в своих суждениях была не столь категорична. По ее мнению, наибольших успехов в рамках Союзного государства стороны достигли именно в области обороны. Что касается экономической и политической сфер белорусско-российской интеграции, то здесь Минск и Москву постигла неудача в силу ряда объективных и субъективных причин [16].

Одновременно нельзя не указать на наличие в западных публикациях вполне объективных оценок белорусско-российской интеграции. Ряд экспертов подчеркивал тяготение белорусов и россиян друг к другу, обусловленное общностью языка, истории, культурных традиций, религии и т.д. [36]. Например, как отмечала американский эксперт С. Уолландер, «геостратегическое значение Беларуси для России не исчезнет никогда по простой геополитической причине – Беларусь граничит с Россией на востоке и с Европой на западе» [23, с. 104]. По мнению многих исследователей, в первую очередь, значение республики для Российской Федерации определялось геополитическими расчетами. Как подчеркивали британские ученые Э. Уилсон и К. Ронтоянни, Беларусь является надежным транзитным торговым маршрутом России с Европой, а также жизненно важным звеном, соединяющим РФ с Калининградской областью [23, с. 67]. Поэтому, с точки зрения экспертов, республика играет важную экономическую и стратегическую роль для России [1, р. 62; 23, с. 103; 34, р. 74; 37]. По словам А. Дудек из Вроцлавского университета, «главной целью российской политики, осуществляемой по отношению к Беларуси, было и есть продвижение собственной модели экономической интеграции, основанной на построении прогрессивных механизмов зависимости» [11, с. 77]. Согласно эксперту, для Москвы усиление процессов интеграции на постсоветском пространстве – это способ укрепления своего международного статуса [11, с. 78].

Со своей стороны, не меньший интерес представляла и Россия для Беларуси, на что также указали западные исследователи. Так, с точки зрения британского эксперта, являвшейся в свое время советником политического отдела российского представительства Европейской комиссии, К. Ронтоянни, для Минска первостепенный интерес представляла экономическая составляющая белорусско-российской интеграции. При этом она отмечала, что в конце 1990-х – начале 2000-х гг. республика находилась не только в экономической зависимости от Москвы, но и зависела от дипломатической поддержки России на международной арене [38, р. 136–137].

Следует отметить, что большинство западных экспертов достаточно скептически относятся к Союзному государству как успешному интеграционному проекту двух стран. В частности, известный политолог Х. Тиммерманн из германского Фонда науки и политики выразил доминирующий в экспертной среде на Западе скептицизм относительно политической интеграции Минска и Москвы в XXI веке [20, р. 298]. Немецкий эксперт увидел множество противоречий и трудностей в интеграционном процессе двух стран. Согласно Х. Тиммерманну, с приходом в Кремль В.В. Путина политика России в отношении Беларуси существенно изменилась. Новый российский лидер отказался от объединительной риторики, характерной в конъюнктурных целях для Б.Н. Ельцина, и положил конец стратегии А.Г. Лукашенко, заключающейся в обмене виртуального объединения двух государств на реальные экономические дивиденды для Беларуси [39, с. 36]. Рассматривая процесс создания Союзного государства, Х. Тиммерманн резюмировал, что озвученное летом 2002 г. В.В. Путиным предложение о вхождении республики в состав РФ встретило резкое возражение со стороны А. Г. Лукашенко. В итоге это привело к краху сформированной в конце 1990-х гг. и оказавшейся малоэффективной модели интеграции Беларуси и России [40, с. 1452]. По мнению немецкого исследователя, в сложившейся ситуации официальный Минск решил использовать фактор своего геополитического положения для осуществления «политики балансирования» между РФ и ЕС [41, с. 230]. По словам Х. Тиммерманна, глава Беларуси действует во внешней политике по обстоятельствам, часто не выполняя своих обещаний, балансируя между Российской Федерацией и Европой, ссылаясь на принцип «многовекторности». Немецкий эксперт отметил настроения, характерные, с его точки зрения, для белорусского руководства: «Россия для Минска – то главный партнер, то имперская держава, преследующая цель поглотить Белоруссию» [42, с. 97]. Политолог был уверен в том, что Беларусь нуждается в российских энергоносителях по льготным ценам и в емком экспортном рынке для своей продукции. «Ведь именно дешевые поставки энергоносителей из России, их переработка и перепродажа на Запад по мировым ценам поддерживают экономический рост, обеспечивающий в конечном итоге и стабильность в стране, и личную популярность ее лидера. Кроме того, близкие отношения с Россией, а точнее, поддержка Москвой политики Белоруссии служит (правда, не так эффективно, как прежде) средством легитимации власти Лукашенко и внутри, и вне страны». При этом, по мнению эксперта, Минск стал сдерживать интеграционный напор Москвы, опасаясь утраты своей независимости [42, с. 99]. Со своей стороны, как отмечал Х. Тиммерманн, Российская Федерация также заинтере-

сована в тесных отношениях с Беларусью. Ведь с военно-стратегической и геополитической точек зрения республика представляет собой буфер между Россией и Западом. Кроме того, белорусская территория – это кратчайший путь для транзита в Европу товаров и энергоносителей. Наконец, Москва рассчитывала с помощью Минска укрепить свои позиции в качестве гравитационного центра постсоветского пространства [42, с. 100].

В 2004 г. Х. Тиммерманн, обосновывая свое видение исследуемой проблемы, выделил на тот момент в истории белорусско-российской интеграции три периода. Первый из них охватывал 1990-е гг., когда Б.Н. Ельцин рассматривал образование союза двух государств в качестве интеграционной основы для дальнейшего объединения бывших советских республик и противовеса расширению НАТО на восток. Второй период начался в конце 1990-х гг. и был охарактеризован немецким исследователем как «период бюрократической интеграции», результатом которого стало подписание договора о создании Союзного государства. Начало третьего периода Х. Тиммерманн связал с приходом в Кремль В.В. Путина, который продолжил курс на интеграцию с Беларусью, но на иной, нежели его предшественник, прагматичной основе, отбросив в сторону романтизм и иллюзии [19, с. 219–221].

Польский эксперт А. Эберхардт отмечал, что создание Минском и Москвой Союзного государства увеличило количество неэффективных межгосударственных структур. Реального сотрудничества и интеграции не произошло. По его мнению, наибольшего прогресса стороны достигли в сфере безопасности и обороны, а наибольшие трудности возникли в области экономики и энергетики. Политика В.В. Путина в отношении постсоветского пространства ослабила заинтересованность А. Г. Лукашенко в белорусско-российской интеграции [27, с. 130–131]. Исходя из этого, А. Эберхардт даже сделал отчасти верный вывод о том, что ренессанса идеи Союзного государства не произойдет. Причину этого эксперт увидел в смене Москвой интеграционных приоритетов с Беларуси на Украину [27, с. 132]. Подобного мнения придерживались и другие исследователи. Например, А. Пар также подчеркивал, что после того, как в начале 2000-х гг. быстрое воссоединение с Беларусью не удалось, В.В. Путин в начале своего второго президентского срока бросил все силы на сближение с Украиной [43, с. 134]. Однако, как показали последующие события 2004–2005 и 2013–2014 гг., украинский вектор внешней политики России оказался провальным.

Шведский ученый П.А. Рудлинг из Лундского университета указал на возрастающее российское влияние на Беларусь, находящуюся между РФ и ЕС [44, р. 71]. Он обратил внимание на усложнение отношений между Москвой и Минском после прихода в Кремль В.В. Путина. По мнению П.А. Рудлинга, белорусско-российский союз во многом был «детисцем» А.Г. Лукашенко. В.В. Путин, в отличие от Б.Н. Ельцина, иначе видел развитие двусторонних отношений. Для него была очевидна диспропорция потенциалов России и Беларуси, поэтому об объединении на равных не могло быть и речи [44, р. 68]. Однако, согласно эксперту, в Кремле понимали, что слишком очевидное давление на Минск могло привести к «потере» Беларуси, чего ни в коем случае нельзя было допустить после «потери» Украины в результате «оранжевой революции» [44, р. 73]. «Потеря» Украины заставила Кремль более осторожно подходить к Беларуси. Западные авторы указали на поддержку Москвой официального Минска во время президентских выборов 2006 г. в Беларуси [3, р. 6; 13; 22, р. 63–64; 45]. Правда, торгово-экономические факторы по-прежнему вносили дисгармонию в развитие двусторонних отношений, на что обратили внимание многие эксперты. Так, канадский исследователь Д. Марплс уверен, что наиболее активной российско-белорусская интеграция была в политической сфере. При этом он подчеркнул, что заключенные договоренности не всегда воплощались в реальность, поскольку стороны по-разному понимали ее сущность и преследовали разные цели [46, р. 5]. Д. Марплс обращал внимание на то, что Кремль, памятуя о провале на президентских выборах в Украине в 2004 г., решил не вмешиваться в белорусские выборы 2006 г., оказывая действующему президенту негласную поддержку. Однако после выборов Кремль посредством «Газпрома» стал оказывать давление на Беларусь [47, р. 190]. Подобное мнение было и у других западных экспертов. Например, канадский исследователь белорусского происхождения А. Данилович объяснял трудности интеграции, которую поддерживало большинство населения двух стран, отсутствием политической воли у руководства Беларуси и России строить Союзное государство. Эксперт подчеркивал, что идея интеграции использовалась президентами обеих стран в целях решения задач внутриполитического характера. Поэтому вопреки ожиданиям значительной части общественности и политических сил с обеих сторон проект Союзного государства в полную силу не заработал [15, р. 163]. Многие эксперты прямо указывали на провал данного интеграционного проекта. Например, профессор С. Гангле из Университета Альберты назвал Союзное государство эфемерной структурой [48, р. 220]. Выясняя причины трудностей белорусско-российской интеграции, немецкий исследователь С. Шпан акцентировала внимание на том, что в политике Москвы ведущую роль играла идея объединения вокруг России славянских Беларуси и Украины, тогда как для Минска главным в интеграции были экономические интересы [49, с. 173]. Она указала на то, что в 2000-е гг. между двумя странами неоднократно возникали кризисы, связанные с различными подходами Москвы и Минска к построению Союзного государства.

Именно поэтому данный проект не получил должного развития и дистанцировал республику от РФ [49, с. 220]. Особое внимание западные исследователи обратили на «газовый конфликт» 2007 г. Ряд западных экспертов (М. Бальмаседа, Я. Бугайский, А. Коэн, Р. Шеперд, С. Уолландер) увидели одну из главных выгод Беларуси от интеграции с Россией в возможности обеспечения республики энергоресурсами по льготным ценам, что позволяло А.Г. Лукашенко не проводить в стране рыночные реформы, которые способствовали бы ослаблению политического режима. Поэтому они указывали на очень сильную энергетическую зависимость от РФ [1, р. 68; 34, р.74; 37; 45; 50, р. 154–207]. Точку зрения западных исследователей отчетливо выразила польский эксперт А. Дудек, которая подчеркнула, что «Россия в качестве рычага воздействия на Беларусь решила использовать цены на экспортируемые на ее рынок газ и нефть. Анахроничная белорусская экономика держалась, главным образом, благодаря упомянутому субсидированию, заключающемуся в значительном снижении – по сравнению с рыночными – цен на российскую нефть» [11, с. 78]. В подобном ключе размышляли о специфике белорусско-российской интеграции и другие исследователи. Так, К. Хэнкок из Колорадо даже подчеркнула, что Беларусь, ощущая энергозависимость от России, была вынуждена пожертвовать частью своего национального суверенитета [17]. Американский исследователь М. Бальмаседа охарактеризовала 1994–2004 гг. как наиболее успешный период в истории постсоветского сотрудничества Беларуси и России [51, р. 33–92]. Она указала, по сути, на субсидирование белорусской экономики Москвой за счет льготных цен на энергоносители [51, р. 93–116.]. По ее мнению, 18 февраля 2004 г. начался новый период в отношениях Минска и Москвы. В этот день случился первый энергетический конфликт в белорусско-российских отношениях – Газпром почти на сутки прекратил полную подачу газа в республику [51, р. 117].

С другой стороны, как отмечал немецкий исследователь Ф. Гарбе, энергетический конфликт показал всю сущность российской политики на постсоветском пространстве. По его мнению, на первом месте в 2000-е гг. для Москвы в отношениях с бывшими союзными республиками оказались экономические, а не политические интересы [52, s. 75]. Согласно шведскому эксперту Б. Найгрену из Шведского колледжа национальной обороны Университета Стокгольма, в своих «неоимперских» целях Российская Федерация активно использовала «энергетическую» зависимость Беларуси [4, р. 76]. С такой оценкой соглашался и Р. Шеперд из Фонда Маршалла [53]. По мнению А. Рара, в Москве в отношении Беларуси проявились две противоборствующие линии. С одной стороны, линия министра экономики Г.О. Грефа, стремившегося перевести отношения РФ со всеми постсоветскими государствами на рыночные механизмы с целью быстрого вхождения России в ВТО, одно из основных требований которой заключалось в осуществлении поставок энергоносителей для внутреннего потребления и на экспорт по мировым ценам, а с другой – линия вице-премьера С. Е. Нарышкина, нацеленного на создание газового консорциума на пространстве СНГ [43, с. 182].

Согласно Я. Бугайскому, давление Москвы на Минск, вылившееся в «газовый конфликт» 2007 г., привело А.Г. Лукашенко к стремлению наладить отношения с ЕС, чтобы диверсифицировать свою экономику и создать «подушку безопасности» от российского давления [54, р. 54]. Как отмечал А. Рар, белорусское руководство попыталось разыграть Запад против России, получив для себя бонусы здесь и там. Запад, по словам исследователя, стал на сторону Минска и обвинил Москву в том, что она «инструментализирует конфликт в своих политических интересах для того, чтобы контролировать энергетическую экономику Европы». На самом деле, по мнению эксперта, Москва просто хотела изменить ситуацию, когда Минск закупал российскую нефть по низкой цене, а перепродавал на Запад по мировым ценам [43, с. 182–183]. Рассматривая белорусско-российские противоречия, Х. Тиммерманн подчеркивал, что РФ не заинтересована ни в поглощении Беларуси, ни в дестабилизации политической системы в республике. Стратегия Москвы сводится к фактическому политическому и экономическому доминированию над формально по-прежнему независимой Беларусью [55, с. 85].

Как писал известный белорусский ученый-международник А.В. Шарапо, многими западными экспертами, комментирующими проблемы и перспективы построения Союзного государства, высказывались опасения, что «в случае значительного расширения экономического сотрудничества с нашими государствами, а в далеком будущем – гипотетического присоединения России и Беларуси к Евросоюзу, произойдет поглощение мощным совокупным потенциалом такого Союзного государства европейской экономики и, в конечном счете, – навязывание им своих «правил игры». Именно такая позиция ряда западных политиков стала одной из причин их негативного отношения к самой идее построения Союзного государства. Заверяя на словах, что российско-белорусские отношения являются внутренним делом наших стран, они в то же время предпринимают определенные шаги для воспрепятствования этому процессу» [56, с. 131]. В подтверждение этому А.В. Шарапо привел точку зрения комиссара единого рынка ЕС Ф. Болкенштайна, изложенную в книге «Границы Европы»: «Турция не может быть принята в Евросоюз, а должна служить буфером, отгораживающим Европу от Ирана и Ирака. Такую же роль должны выполнять Беларусь и Украина – изолировать Европу от России». Согласно справедливому выводу белорусского ученого: «Подобных европейских чиновников интересуют не столько взаимовыгодные эконо-

мические, политические, гуманитарные аспекты отношений Беларуси и ЕС, сколько изоляционистские идеи, призванные, по их мнению, обезопасить Европу от “угрозы с востока”» [56, с. 131].

Наблюдая возникшие в белорусско-российских отношениях трения и противоречия, представители политико-академических кругов Запада увидели возможность попытаться использовать данные разногласия в своих интересах. Так, в ряде западных исследований конца 2000-х гг. констатировалось, что Западу необходимо избрать новую стратегию взаимодействия с Беларусью в целях переосмысления Минском своей геополитической ориентации. В частности, Л. Бихнер из Йельского университета писал, что Беларусь может отойти от своей пророссийской ориентации. В качестве примера автор отмечал отказ А.Г. Лукашенко в 2008 г. признать под давлением Москвы независимость Абхазии и Южной Осетии. Поэтому западное сообщество должно избрать верную линию поведения в отношениях с Минском, чтобы извлечь пользу из складывающейся ситуации [57]. Новая стратегия Запада в отношении стран постсоветского пространства, в том числе и Республики Беларусь, проявилась в программе «Восточное партнерство». По мнению представителей российского и белорусского политико-академического сообществ, таким способом Запад попытался, правда, неудачно, «оторвать» Минск от Москвы [см.: 58–60]. По мнению немецкого политолога А. Рара, целью европейской инициативы стало создание странами-транзитерами российских энергоресурсов «общеевропейской системы энергобезопасности, защищающей их от давления со стороны России» [61]. Поэтому Польша и прибалтийские государства были крайне заинтересованы в том, чтобы отдалить Беларусь от РФ. Возникающие между ними разногласия и противоречия, как подчеркивали исследователи, вызывали удовлетворение определенной части западного политического истеблишмента. Однако, по справедливому замечанию А. Рара, несмотря на то, что курс белорусского руководства в конце 2000-х гг. на сближение с ЕС привел к некоторому осложнению отношений с Российской Федерацией, отношения Москвы и Минска сохранили свою устойчивость. Эксперт обратил внимание на факт поддержки вновь избранного в 2010 г. белорусского президента со стороны Кремля [32, с. 278–279]. Тем более что стороны продолжили сближение в новых интеграционных форматах – Таможенном союзе, Едином экономическом пространстве, Евразийском экономическом союзе. Согласно А. Рару: «Таможенный союз (России) с соседними странами Казахстаном и Беларусью станет фундаментом общего евразийского рынка. Новое экономическое объединение способно стать историческим поворотным пунктом после признаков распада постсоветского пространства» [32, с. 231]. «Россия буквально на глазах “скупает” страны СНГ, включая Киргизию и Белоруссию. Таможенный союз Россия – Казахстан – Беларусь становится, вместо СНГ, новой реинтеграционной структурой на постсоветском пространстве» [43, с. 233].

Период между началом 2010 г. и концом 2011 г. американский исследователь М. Бальмаседа назвала для Беларуси достаточно противоречивым. С одной стороны, имело место усиление противоречий между Минском и Москвой, а с другой – наблюдались попытки А.Г. Лукашенко улучшить отношения с ЕС [51, р. 159–178]. Как писала польский эксперт А. Дудек, в периоды потепления взаимоотношений с ЕС А.Г. Лукашенко даже выражал в присущей ему форме свое неприязненное отношение к российской концепции интеграции [11, с. 78]. Согласно ей, экономически зависимая от России Беларусь, не имеющая других союзников в ближайшем международном окружении, не сможет противостоять экспансионистскому продвижению Российской Федерацией своей концепции экономической интеграции региона. «Хоть Александр Лукашенко и с неприятием относится к усилению интеграционных процессов, и, наверняка, будет в будущем пытаться их замедлить, однако подписанные во второй половине 2011 г. соглашения с Россией будут усложнять в ближайшие годы реализацию подобных действий» [11, с. 92]. Поэтому Кремль может диктовать Минску свои условия. Ведь, по мнению Х. Клинтон, которое разделяют многие представители западного истеблишмента, истинная политика В.В. Путина заключается в поглощении постсоветских государств. Таможенный союз и Евразийский союз являются лишь прикрытием имперских амбиций Москвы [33, с. 299].

Заключение. В целом западные исследователи с весьма критических позиций оценивают процесс белорусско-российской интеграции. Для большинства работ характерна политическая ангажированность и конфронтационность в освещении данной проблемы. Целый ряд представителей западного политико-академического сообщества видит в действиях Москвы на постсоветском пространстве проявление «неоимперских замашек». Поэтому в белорусско-российской интеграции они усматривают стремление Кремля «поглотить» Беларусь. Многие эксперты уверены, что объединительный процесс Беларуси и России не является необратимым, поэтому Западу нельзя игнорировать данную проблему, а нужно попытаться переориентировать Минск на себя. Подтверждение своей правоты западные исследователи видят в периодически возникающих между Россией и Беларусью разногласиях относительно построения Союзного государства, а также в торгово-экономической и энергетической сферах. Их субъективизм часто ведет к поспешным и ошибочным выводам относительно сущности белорусско-российской интеграции.

Тем не менее нельзя отрицать наличия на Западе публикаций, авторы которых пытаются указать объективные причины и факторы как внутренние, так и внешние, содействующие белорусско-российской интеграции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bugajski, J. *Cold Peace: Russia's New Imperialism* / J. Bugajski. – Westport, (Conn.), London : Praeger, 2004. – X+302 p.
2. Dawisha, K. *Russia and the New States of Eurasia: The Politics of Upheaval* / K. Dawisha, B. Parrott. – Cambridge : Cambridge University Press, 1994. – XXI+437 p.
3. Kramer, M. *Russian Policy towards the Commonwealth of Independent States: Recent Trends and Future Prospects* / M. Kramer // *Problems of Post-Communism*. – 2008. – November/December. – Vol. 55, № 6. – P. 3–19.
4. Nygren, B. *The Rebuilding of Greater Russia: Putin's Foreign Policy Towards the CIS Countries* / B. Nygren. – London, New York : Routledge, 2008. – XIII+336 p.
5. Allison, R. *Belarus Between East and West* / R. Allison, S. White, M. Light // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. – 2005. – December. – Vol. 21, № 4. – P. 487–511.
6. Bennett, B. *The last dictatorship in Europe: Belarus under Lukashenko* / B. Bennett. – London : Hurst, 2011. – XIV+358 p.
7. Ioffe, G. *Understanding Belarus: Economy and Political Landscape* / G. Ioffe // *Europe-Asia Studies*. – 2004. – Vol. 56, № 1. – P. 85–118.
8. Marples, D.R. *Belarus: A Denationalized Nation* / D.R. Marples. – Amsterdam : Harwood Academic Publishers, 1999. – XV+139 p.
9. Parker, S. *The Last Soviet Republic: Alexander Lukashenko's Belarus* / S. Parker. – Victoria : Trafford Publishing, 2007. – 250 p.
10. Wilson, A. *Belarus: the Last European Dictatorship* / A. Wilson. – New Haven, London : Yale University Press, 2011. – XII+304 p.
11. Дудек, А. Экономические предпосылки интеграции Республики Беларусь и Российской Федерации / А. Дудек // *Республика Беларусь между Востоком и Западом* / науч. ред.: Ю. Тымановски, С. Мусенко, М. Влодаркевич ; Варшавский ун-т. – Варшава, 2012. – С. 77–93.
12. Тиммерманн, Х. Отношения Белоруссии и России в общеевропейском контексте. Взгляд из Германии / Х. Тиммерманн. – М. : Комитет «Россия в объединенной Европе», 2003. – 80 с.
13. Ambrosio, T. *The Political Success of Russia-Belarus Relations: Insulating Minsk from a Color Revolution* / T. Ambrosio // *Demokratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization*. – 2006. – Vol. 14, № 3. – P. 407–434.
14. Cohen, A. *Russia's Union with Belarus: Expensive and Troubling* [Electronical resource] / A. Cohen // *The Heritage Foundation*. – 1997. – April 21. – Mode of access: <http://www.heritage.org/research/reports/1997/04/em476nbasp-russias-union-with-belarus>. – Date of access: 09.09.2017.
15. Danilovich, A. *Russian-Belarusian Integration: Playing Games behind the Kremlin Walls* / A. Danilovich. – Aldershot : Ashgate, 2006. – XIV+229 p.
16. Deyermund, R. *The State of the Union: Military Success, Economic and Political Failure in the Russia-Belarus Union* / R. Deyermund // *Europe-Asia Studies*. – 2004. – Vol. 56, № 8. – P. 1191–1205.
17. Hancock, K. *The Semi-sovereign State: Belarus and the Russian Neo-empire* / K. Hancock // *Foreign Policy Analysis*. – 2006. – April. – Vol. 2, № 2. – P. 117–136.
18. Martinsen, K. *The Russian-Belarusian Union and the Near Abroad* [Electronic resource] / K. Martinsen ; Norwegian Institute for Defense Studies. – June 2002. – 38 p. – Mode of access: <http://www.otan.nato.int/acad/fellow/99-01/martinsen.pdf>. – Date of access: 10.09.2017.
19. Timmermann, H. *Koloboks Union. Belarus und Rußland am Wendepunkt* / H. Timmermann // *Osteuropa*. – 2004. – № 2. – S. 218–227.
20. Timmermann, H. *The Union of Belarus and Russia in the European Context* / H. Timmermann // *The EU & Belarus : between Moscow & Brussels* / edited by A. Lewis. – London : The Federal Trust, 2002. – P. 277–299.
21. *Белоруссия на перепутье: в поисках международной идентичности* / под ред. Ш. Гарнетта и Р. Легволда. – М. : Московский Центр Карнеги, 1998. – 201 с.
22. Rontoyanni, C. *Belarusian Foreign Policy* / C. Rontoyanni // *Changing Belarus. Chailot Paper. № 85* / edited by D. Lynch ; Institute for Security Studies. – Paris, 2005. – P. 47–66. – Mode of access: <https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/cp085.pdf>. – Date of access: 10.09.2017.
23. Мечи и орала. Экономика национальной безопасности Беларуси и Украины / под ред. Р. Легволда и С. Уолландер. – М. : Интердиалект+, 2004. – 316 с.
24. Brzezinski, Zb. *The premature partnership* / Zb. Brzezinski // *Foreign Affairs*. – 1994. – March/April. – Vol. 73, № 2. – P. 63–82.
25. Rivera, D.W. *Engagement, containment and the international politics of Eurasia* / D.W. Rivera // *Political Science Quarterly*. – 2003. – Spring. – Vol. 118, № 1. – P. 81–106.
26. Garnett, Sh.W. *Europe's Crossroads: Russia and the West in the New Borderlands* / Sh.W. Garnett // *The New Russian Foreign Policy* / ed. by M. Mandelbaum. – New York : A Council on Foreign Relations, Inc., 1998. – P. 64–99.
27. Эберхардт, А. Рэспубліка Беларусь і супрацоўніцтва і інтэграцыя ў Еўропе – прычыны і наступствы міжнароднай ізаляцыі / А. Эберхардт // *Polska i Białoruś po rozszerzeniu Unii Europejskiej = Беларусь і Польшча пасля*

- пашырэння Еўрапейскага Саюза / пад рэд. М. Кшэштафовіча ; Польскі інстытут міжнародных спраў. – Warszawa, 2005. – С. 121–133.
28. Розанов, А.А. Беларусь, Россия и Новая Европа / А.А. Розанов // *Белорусский журнал международного права и международных отношений*. – 1998. – № 2. – С. 84–89.
29. Garnett, Sh.W. *Keystone in the arch* / Sh.W. Garnett. – Washington, D. C. : Carnegie Endowment for International Peace, 1997. – VII+149 p.
30. Гарнетт, Ш. Перекрестки Европы: Россия, Запад и новые сопредельные государства / Ш. Гарнетт // США – Канада: экономика, политика, культура. – 1999. – № 3/4. – С. 84–113.
31. Ambrosio, T. *The Geopolitics of Slavic Union: Russia, Belarus and Multipolarity* / T. Ambrosio // *Geopolitics*. – 2000. – Vol. 4, № 3. – P. 73–90.
32. Пар, А. Куда пойдет Путин? Россия между Китаем и Европой / А. Пар. – М. : Олма Медиа Групп, 2012. – 352 с.
33. Клинтон, Х. Тяжелые времена / Х. Клинтон. – М. : Эксмо, 2016. – 736 с.
34. Shepherd, R. *The United States and Europe's Last Dictatorship* / R. Shepherd // *Prospects for Democracy in Belarus* / J. Forbrig, D.R. Marples, P. Demeš (eds.). – Washington, D. C. : The German Marshall Fund of the United States, 2006. – P. 71–78.
35. Pirchner, H. *Reviving greater Russia? : the Future of Russia's Borders with Belarus, Georgia, Kazakhstan, Moldova and Ukraine* / H. Pirchner ; American Foreign Policy Council. – Washington, D. C., 2005. – 74 p.
36. White, S. *Belarus, Ukraine and Russia: East or West?* / S. White, I. McAllister, V. Feklyunina // *The British journal of politics and international relations*. – 2010. – August. – Vol. 12, № 3. – P. 344–367.
37. Wallander, C. A. “Belarus: A crucial step for a Transformational U.S. Foreign Policy Strategy”. *Testimony before the Commission on Security and Cooperation in Europe at the hearing “Freedom Denied: Belarus on the Eve of the Elections” United States Senate [Electronical resource]* / C. A. Wallander // *Center for Strategic and International Studies (CSIS)*. – 2006. – March 9. – Mode of access: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/attachments/ts060309_wallender.pdf. – Date of access: 17.09.2017.
38. Rontoyanni, C. *Belarus and the East* / C. Rontoyanni // *Postcommunist Belarus* / edited by S. White, E. Korosteleva, J. Löwenhardt. – New York, London : Rowman & Littlefield Publishers, 2005. – P. 123–141.
39. Тиммерманн, Х. Беларусь и Украина в контексте политических отношений между Брюсселем и Москвой / Х. Тиммерманн // *Европа*. – 2003. – Т. 3, № 4 (9). – С. 33–46.
40. Timmermann, H. *Der Sonderfall Belarus' im Spannungsfeld zwischen Rußland und Europäischer Union* / H. Timmermann // *Osteuropa*. – 2002. – № 11. – S. 1436–1455.
41. Timmermann, H. *Putin: Härtere Gangart gegenüber Minsk. Die Beziehungen Rußland – Belarus im Zeichen des Unionsstaats-Vertrags* / H. Timmermann // *Deutschland – Polen – Osteuropa: deutsche und polnische Vorüberlegungen zu einer gemeinsamen Ostpolitik der erweiterten Europäischen Union* / hrsg. von D. Bingen. – Wiesbaden : Harrassowitz, 2002. – S. 222–231.
42. Тиммерманн, Х. Особый случай Белоруссии / Х. Тиммерманн // *Россия в глобальной политике*. – 2006. – Март/апрель. – Т. 4, № 2. – С. 96–105.
43. Пар, А. *Россия – Запад. Кто кого?* / А. Пар. – М. : Изд-во «Э», 2016. – 352 с.
44. Rudling, P.A. *Belarus in the Lukashenka Era: National Identity and Relations with Russia* / P.A. Rudling // *Europe's Last Frontier? Belarus, Moldova, and Ukraine between Russia and the European Union* / edited by O. Schmidtke and S. Yekelchik. – New York, Houndmills, UK : Palgrave Macmillan, 2008. – P. 55–77.
45. Cohen A. *Flawed Presidential Elections in Belarus: How the West Should Respond* / A. Cohen // *The Heritage Foundation*. – 2006. – March 16. – Mode of access: <http://www.heritage.org/europe/report/flawed-presidential-elections-belarus-how-the-west-should-respond>. – Date of access: 17.09.2017.
46. Marples, D.R. *The Lukashenka Phenomenon – Elections, Propaganda, and the Foundations of Political Authority in Belarus* / D.R. Marples; *Trondheim Studies on East European Cultures & Societies*. – № 21. – Trondheim : Program on East European Cultures an Societies, 2007. – 120 p.
47. Marples, D.R. *The Failed Revolution: Reflections on the 2006 Elections in Belarus* / D.R. Marples // *Europe's Last Frontier?: Belarus, Moldova, and Ukraine between Russia and the European Union* / edited by O. Schmidtke and S. Yekelchik. – New York, Houndmills, UK : Palgrave Macmillan, 2008. – P. 175–194.
48. Gänzle, S. *EU-Russia Relations and the Repercussions on the “In-Betweens”* / S. Gänzle // *Europe's Last Frontier?: Belarus, Moldova, and Ukraine between Russia and the European Union* / edited by O. Schmidtke and S. Yekelchik. – New York, Houndmills, UK : Palgrave Macmillan, 2008. – P. 195–229.
49. Spahn, S. *Staatliche Unabhängigkeit – das Ende der ostslawischen Gemeinschaft?: Die Außenpolitik Russlands gegenüber der Ukraine und Belarus seit 1991* / S. Spahn. – Hamburg : Kovac, 2011. – 447 s.
50. Balmaceda, M. *The Politics of Energy Dependency: Ukraine, Belarus and Lithuania Between Domestic Oligarchs and Russian Pressure, 1992–2010* / M. Balmaceda. – Toronto : Toronto University Press, 2013. – XVI+446 p.
51. Balmaceda, M. *Living in the High Life in Minsk: Russian Energy Rents, Domestic Populism and Belarus's Impending Crisis* / M. Balmaceda. – Budapest, New York : Central European University Press, 2014. – XIV+220 p.
52. Garbe, F. *Energische Integration? Rußlands Energiekonflikt mit Belarus* / F. Garbe // *Osteuropa*. – 2007. – № 4. – S. 65–75.
53. Шеперд, Р. Давно пора дать путинской России жесткий отпор [Электронный ресурс] / Р. Шеперд // *ИноСМИ.Ру*. – 9.01.2007. – Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/world/20070109/232045.html>. – Дата доступа: 17.09.2017.
54. Bugajski, J. *Georgian Lessons: Conflicting Russian and Western Interests in the Wider Europe* / J. Bugajski ; *Center for Strategic & International Studies*. – Washington, D. C., 2010. – IV+119 p.
55. Тиммерманн, Х. Внутреннее развитие и внешнеполитические перспективы Белоруссии и Украины / Х. Тиммерманн // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2007. – № 7. – С. 82–88.

56. Шарапо, А.В. Республика Беларусь в контексте геополитики XXI века : сб. ст. / А.В. Шарапо. – Минск : БГУ, 2012. – 275 с.
57. Beehner, L. Why We Need Belarus [Electronic resource] / L. Beehner // The Guardian. – 2008. – 9 October. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/commentisfree/cifamerica/2008/oct/09/usa.belarus.russia.diplomacy>. – Date of access: 16.09.2017.
58. Косов, А. Беларусь и «Восточное партнерство»: оценки белорусских экспертов / А. Косов // «Актуальные проблемы новой и новейшей истории зарубежных стран» : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., 23 сент. 2016 г., Симферополь / кафедра новой и новейшей истории, Таврическая академия Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского ; отв. за выпуск Д.В. Дорофеев. – Симферополь, 2016. – С. 10–14.
59. Косов, А.П. «Восточное партнерство» в оценках российского экспертного сообщества / А.П. Косов // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова» : сб. науч. тр. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2016. – Т. 22. – С. 56–60.
60. Косов, О. Російські експерти про участь Республіки Білорусь у «Східному партнерстві» / О. Косов // Регіоналізм та інтеграція. Науковий щорічник. – Вип. II. – Чернівці : «Букрек», 2016. – С. 117–128.
61. Rahr, A. Der «Kalte Krieg» ist Geschichte. Plädoyer für das neue ostpolitische Konzept der deutschen EU-Ratspräsidentschaft [Elektronische ressource] / A. Rahr // Internationale Politik. – 2007. – № 3. – S. 12–19. – Zugriffsmodus : <https://zeitschrift-ip.dgap.org/de/ip-die-zeitschrift/archiv/jahrgang-2007/maerz/der-%E2%80%9Ekaltekrieg%E2%80%9C-ist-geschichte>. – Zugriffsdatum: 10.09.2017.

Поступила 17.11.2017

WESTERN RESEARCHERS ON THE DEVELOPMENT OF THE BELARUS-RUSSIAN INTEGRATION IN THE END OF THE XX – THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

A. KOSOV

The article considers the Western interpretations of the development process of the Belarusian-Russian integration. The author shows the views of researchers from the United States, Canada, United Kingdom, Germany, Poland and other countries on the problems and achievements in the relations between Belarus and Russia. It is noted that Western experts point to the objective and subjective aspects of the integration process. Special attentions of representatives of the expert community in the West are drawn to the creation and functioning of the Union State, as well as the impact of the Belarusian-Russian integration on international security in Europe. Most researchers emphasize the transition in the XXI century of Minsk and Moscow to a pragmatic basis of relationships. Western experts note that each side is trying to extract benefit from integration for itself, and this often leads Belarus and Russia to contradictions and conflicts. Therefore, many publications in the West contain skepticism about successes of the Belarusian-Russian integration.

Keywords: *the Belarusian-Russian integration, representatives of the expert community approaches, the Union State.*

УДК 930

**МЕРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА КОНФЕССИИ
В БССР В 1921–1939 гг.****Н.В. ДОВГЯЛО****(Полоцкий государственный университет)**

Проанализированы мероприятия экономического воздействия на конфессии, из которых наиболее действенным и эффективным методом было налогообложение. Раскрывается сущность налоговой политики, которая развивалась по пути разграничения налогообложения религиозных объединений и служителей культа. Духовенство подлежало налогообложению по тем же ставкам, что и наиболее обеспеченные слои населения, несмотря на то, что не являлось таковым. Перегибы в вопросах налогообложения были связаны с действиями местных властей.

Ключевые слова: налогообложение религиозных объединений, духовенство, советская власть, меры экономического воздействия.

В комплексе административных мероприятий с начала 1920-х гг. стали также применяться меры экономического воздействия, из которых наиболее действенным и эффективным методом стало налогообложение. Налоговая политика развивалась по пути разграничения налогообложения религиозных объединений (налог со строений, страхование религиозного здания) и служителей культа.

Культовые помещения, построенные до 7 ноября 1917 г., а также перешедшие в фактическое владение местных органов власти до 1 августа 1922 г. (в присоединенных к БССР из состава РСФСР местностях до 22 мая 1922 г.), независимо от того, кем они были возведены, считались собственностью государства. Строения, состоящие в фактическом обладании служителей культа, в случае удостоверения судом факта возведения ими таковых на свои средства или законного приобретения, закреплялись за священнослужителем по соответствующему постановлению [1, с. 16]. Согласно постановлению ВЦИК и СНК РСФСР от 16 ноября 1922 г. культовые здания подлежали обложению налогом со строений. Размер общесоюзного налога со строений не должен был превышать 0,5% от стоимости храмового здания, а с 1924 г. – 1,8% от стоимости культового здания в год. Арендная плата за землю, находящуюся под храмом, была введена в 1923 г. Она исчислялась в соответствии с размером ставки, принятой в данном городском поселении для частновладельческих усадебных земель. Особое беспокойство верующих вызывала санкция, применяемая за просрочку долга, поскольку за неуплату налогов и сборов в течение 2 месяцев со дня истечения срока платежей местные органы власти имели право расторгнуть с группой верующих договор аренды культового имущества. В сельской местности земельные участки, находящиеся под зданиями религиозного культа, были освобождены от арендной платы (циркуляр № 115 НКЮста и народного комиссариата финансов от 5 сентября 1923 г). Однако на местах имелись случаи разного толкования этого циркуляра со стороны религиозных организаций и органов власти. Из-за невозможности уплаты налога религиозным объединением в 1923 г. в г. Витебске был закрыт Успенский собор и ещё несколько храмов, в г. Полоцке – Софийский сабор [2, л. 30].

Кроме этого, в соответствии с циркулярным письмом Наркомата юстиции РСФСР и Главного управления государственного страхования СССР от 13 марта 1924 г. храмы всех конфессий подлежали обязательному страхованию, другое богослужбное имущество могло быть застраховано добровольно. Ответственность за неисполнение обязательств по страхованию храмов была аналогична ответственности за неуплату налогов [3, с. 98]. Данный циркуляр был продублирован циркуляром НКЮ и Управления Госстрахования БССР от 1 апреля 1924 г. Распоряжением правления Госстраха БССР от 25 апреля 1925 г. была повышена оценочная стоимость религиозных зданий. Так, церковь, оцененная ранее в 17 тыс. руб., теперь оценивалась в 30 тыс. руб. (при отсутствии изменений в имуществе) [4, л. 113].

Духовенство облагалось подоходно-имущественным налогом (классным и по совокупности доходов). На местах определение совокупности дохода священнослужителей нередко осуществлялось без надлежащего учета, с грубейшими ошибками и не соответствовало реально получаемым доходам. В инструкции народного комиссариата финансов разъяснялось: «Обложению подоходно-поимущественным налогом подлежат также служители разных культов. Только те из них, которые не получают средств к существованию от своей профессии и не имеют других источников дохода, а находятся на полном иждивении религиозных общин, могут быть освобождены от обложения». Но на деле освобождение от уплаты налога, к примеру, сельских священников, действительно находящихся на иждивении религиозных общин, не осуществлялось. [5, с. 75]. Кроме подоходно-имущественного налога, священнослужители выплачивали сборы на нужды жилищного и культурно-бытового строительства, которые устанавли-

вались в размере от 9 до 24% от вмененного дохода от культовой деятельности. Помимо постоянных налоговых отчислений, советское государство требовало выполнения сельскими жителями, в том числе служителями культа, государственных поставок (участие в мясозаготовках, молокозаготовках, картофелезаготовках и т.п.). Сельские священнослужители, которые в своем хозяйстве имели корову, обязаны были сдавать государству молоко и мясо по нормам, установленным для кулаков. Если коровы в хозяйстве священника не было, то по нормам, установленным для единоличников. В случае просрочки выполнения государственной поставки необходимо было выплатить штраф в размере от 300 до 1500 руб. [6, с. 287]. Также правительством реализовывались облигации внутреннего займа, срок погашения которых составлял несколько лет.

Исходя из доклада уполномоченного и благочинного Мстиславского уезда Могилевской епархии за 1924 г., следует, что духовенство уезда было обложено несколькими налогами одновременно. Все сельское духовенство должно было выплачивать продналог на общих основаниях, причем сумма этого налога по многим приходам превышала 100 пудов хлеба. Кроме этого, духовенство выплачивало имущественно-подходный налог как служители религиозного культа в размере 18 руб. в год, прогрессивный налог – 7 руб. в год, мирской налог – до 10 руб. Плательщики имущественно-подходного налога также были обязаны приобрести одну облигацию внутреннего займа (5 руб.), а в дополнение к прогрессивному налогу – 2 облигации (10 руб.). Таким образом, каждому священнослужителю приходилось выплачивать от 65 до 75 руб. налогов [7, л. 3].

В 1924 г. Народный комиссариат финансов БССР обратился с циркулярами к финансовым органам, предлагая установить правильный и единообразный порядок обложения служителей культа и церковных зданий. При обложении подходным налогом служителя культа предлагалось исходить из размера действительных доходов священнослужителей. Указывалось, что для определения дохода необходимо использовать так называемые книги братских доходов. При рассмотрении декларации служителей культа считалось целесообразным приглашать в качестве свидетелей представителей от группы верующих. Учитывая данную рекомендацию, белорусский Священный Синод, в свою очередь, обратился ко всем епархиальным управлениям, духовенству и приходским советам с просьбой завести у себя братские книги для записи доходов, а в церквях – книги для записи прихода и расхода церковных сумм. По мнению руководства Православной Церкви, книги должны были вестись самым тщательным и добросовестным образом, так как являлись одним из главных, а в некоторых случаях единственным доказательством размера дохода [8, л. 1].

С особой осторожностью рекомендовалось подходить к обложению служителей культа «в сельской местности в беднейших местностях», чтобы не оценить доходы слишком высоко. При наличии у священнослужителей других доходов было запрещено принимать к учету те доходы, которые обложению не подлежат (например, занятие сельскохозяйственными промыслами).

При обложении церковных зданий в городских поселениях необходимо было учитывать именно доходность церквей, а не материальную стоимость здания. При тарификации дополнительной ренты с земельных участков необходимо определять доходность храма в зависимости от классового состава верующих, которым храм предоставлен в пользование [9, л. 7].

2 января 1925 г. народный комиссариат финансов СССР издал специальный циркуляр № 463 «Об обложении налогами церковных зданий и служителей культа». Этим циркуляром признавались факты злоупотреблений в налоговой сфере, особенно это касалось «национальных окраин». Указывалось, что подходным налогом облагается доход, уже обложенный единым сельхозналогом и поместным сбором. При обложении налогом церковные здания оцениваются по довоенным оценкам и общегубернским нормам для жилых помещений с применением повышенных коэффициентов. Ставки дополнительной ренты с земель, находящихся в пользовании служителей культа, иногда были увеличены до 100% [8, л. 2]. Исходя из вышесказанного, говорилось о необходимости принятия самых решительных мер «к пресечению произвольного обложения зданий культа и служителей культа всякого рода самочинными налогами и сборами, привлекая виновных в этом к ответственности». В циркуляре указывалось и на необходимость «подходить с вниманием и осторожностью к обложению служителей культов в сельских местностях, в беднейших приходах, чтобы не допускать переобложений». При обложении церковных зданий в городских поселениях предлагалось учитывать, что их стоимость не соответствует «возможности их доходного использования», а за основу оценки этих зданий можно было брать пониженную страховую стоимость. Циркуляром также предписывалось принимать во внимание «непосильность налога для отдельных групп верующих» и в случае необходимости разрешалось вводить те или иные льготы, «снижая процент обложения и дифференцируя ставки» [8, л. 2].

5 января 1930 г. за № 195 был издан очередной циркуляр народного комиссариата финансов СССР «О налоговом обложении религиозных обществ и молитвенных зданий». Молитвенные здания подлежали обложению местным налогом со строений на общих основаниях по установленной ставке. Взимание ренты за земельные участки, под которыми находилось молитвенное здание, производилось на общих

основаниях, неуплата в срок налога или ренты влекла за собой расторжение договора и конфискацию молитвенного здания. Кроме того, циркуляр отменял все ранее изданные распоряжения и разъяснения относительно налогового обложения религиозных обществ и предоставляемых им в бесплатное пользование молитвенных зданий [5, с. 75].

По отношению к духовенству в 1930 г. было издано постановление ВЦИК РСФСР «О налоговом обложении настоящих и бывших служителей культа», которое освобождало от сельхозналога всех бывших духовных лиц, снявших сан до 1 мая 1930 г. Также они освобождались от обложения подоходным налогом нетрудовых доходов, связанных с отправлением культа в 1930–1931 гг. [10, л. 17]. По доходам от сельского хозяйства налог на священнослужителей не должен был превышать налог крестьянина с таким же доходом больше чем на 100%. Кроме того, в постановлении говорилось, что священнослужители должны привлекаться к сельхоззаготовкам по нормам, установленным для единоличных хозяйств, а священники, чьи хозяйства имели «признаки кулацких хозяйств», подвергались соответствующим «кулацким» нормам обложения налогом.

19 февраля 1931 г. был издан циркуляр народного комиссариата финансов СССР за № 68, закрепивший новый порядок налогового обложения молитвенных зданий и служителей культа. В нем предписывалось устранить волонтаризм и «местное творчество». Впредь запрещалось до особого разрешения исполкома местного Совета опечатывание молитвенных домов и наложение штрафов и ареста на имущество членов религиозного общества за неуплату налогов в срок. Согласно циркуляру, религиозные общества должны уплачивать: а) страховую премию, б) местный налог со строений, в) ренту за землю. Страховая премия начислялась по страховой оценке молитвенного здания на 1928–1929 гг. Налог со строений и страховые взносы с молитвенных зданий исчислялись по оцененной сумме самого здания [5, с. 76].

Сумма, которую должны были заплатить верующие за храмы, была значительной. Так, общины Петро-Павловского кафедрального собора и Преображенского храма в г. Минске должны были заплатить государственный и местный налоги за 1929–1930 гг. в сумме: за собор – 849 руб. 91 коп., за храм – 280 руб. 67 коп. [11, л.16]. За аренду Романовичской церкви (Гомельский район) верующим первоначально была начислена сумма в 650 руб., после многочисленных жалоб в Комиссию по вопросам культов СССР сумма налога была пересчитана и составила 306 руб. 10 коп. [12, л. 89].

С 1933 г. начала действовать новая инструкция «О порядке обложения молитвенных зданий и служителей религиозного культа». В соответствии с ней религиозные общества, в бесплатное пользование которых предоставлены молитвенные здания, должны были уплачивать страховые платежи, местный налог на строения, ренту на землю под молитвенными зданиями. Страховые платежи исчислялись из действительной стоимости молитвенных зданий (учитывались цены на рабочие руки и строительные материалы, установленные для определенной местности, с учетом износа здания). В страховую оценку ее были включены украшения фасада и стен, стенная живопись, предметы религиозного культа, а также ограда. Местный налог на строение и рента на землю под религиозным зданием исчислялись на общих основаниях по ставке, установленной местным советом. В случае неуплаты страховых платежей исполком должен был принять решение о расторжении договора на пользование религиозным зданием. В случае заключения договора с другим религиозным обществом молитвенное здание передавалось только при условии уплаты всей задолженности.

Но при этом страховые суммы за выгоревшие церковные строения не выплачивались группе верующих по причине того, что они не являлись собственниками церкви, а только арендаторами. Страховые суммы передавались местным Советам для зачисления в местный бюджет. Так, например, в Рогачеве страховые суммы за сгоревший молитвенный дом в размере 1200 руб. были использованы для ремонта культурных учреждений «Дворца труда» и «Дома союзов» [13, л. 24].

Налогообложение служителей религиозного культа должно было производиться с соблюдением следующих правил: при обложении сельскохозяйственным налогом доходы хозяйства священнослужителя исчислялись по нормам, установленным для единоличных хозяйств, и не должны были превышать их более чем в 2 раза; доходы, связанные с отправлением культа, определялись по нормам, установленным для отдельных местностей и различных категорий служителей культа [14, л. 59].

Однако все попытки упорядочить налогообложение служителей культа встречали сопротивление на уровне местной власти. Доход, полученный от культовой деятельности, как правило, завывшался. Налоги, уплачиваемые сельскими священниками, устанавливались исходя из дохода в 1000–3000 руб. в год, а то и выше, хотя реальный доход был примерно 400–700 руб. в год [6, с. 285.]. Многочисленные жалобы священнослужителей дали основание члену президиума ВЦИК П. Смидовичу, обращаясь к наркому финансов СССР, писать следующее: «Налоговое обложение священнослужителей проходит на местах в порядке сплошного издевательства, несмотря на предпринимаемые меры. На этой почве дела доходят до самоубийства. Неизбежна определенная реакция со стороны верующих» [15, л.22].

В докладной записке об искривлениях, допущенных в церковном вопросе по Белоруссии от 14 апреля 1930 г., отдельным пунктом было названо переобложение духовенства. Вновь было обозначено, что

при определении доходности и налоговых ставок не учитываются реальные доходы священнослужителя. Подобные случаи были зафиксированы в Витебском округе, что привело к тому, что на весь округ осталось 15 православных священников, 30 человек были осуждены как «злостные налогонеплательщики». Некоторые священнослужители были подвергнуты раскулачиванию, несмотря на отсутствие у них сельского хозяйства [16, л. 5]. Непосильное налогообложение являлось и причиной снятия сана. В 1929 г. только в одной Гомельской епархии 9 православных священников сняли сан по причине «непосильственных налогов» [17, л. 5]. В среднем священнослужителю приходилось выплачивать около 80 руб. налога.

Тем не менее верующих не пугали огромные налоги, которые они должны были платить за пользование церковью. Так, в местечке Яновичи Суражского района 10 марта 1934 г. была открыта единственная действующая в районе церковь. Члены церковного совета и крестьяне ближайших деревень снимали квартиру с отоплением для священнослужителя, платили ему пенсию в размере 75 руб. и выплачивали за него все налоги, которыми он облагался. С 10 марта по 1 августа 1934 г. церковным советом было выплачено различных налогов и за церковь, и за священника 11 тыс. руб. [18, л. 14].

5 мая 1935 г. ЦИК СССР принял новое постановление «О порядке обложения служителей культа и молитвенных зданий», которое изменило ставки налогообложения духовенства. Определение норм доходности служителей культа в городе и в деревне перешло в ведение исполнительных комитетов. Законодательно были закреплены пределы установления доходности духовенства по СССР: не ниже 2 тыс. руб. годового дохода и не выше 8 тыс. руб. Эти ставки налогообложения действовали до начала Великой Отечественной войны [6, с. 292].

На основании постановления ЦИК БССР 1937 г. «О порядке обложения денежными налогами служителей культа и молитвенных зданий» предусматривалось «установить с 1 июля 1937 г. со всех доходов (в том числе и доходов от сельского хозяйства) служителей культа взимание подоходного налога и сбора на нужды жилищного и культурно-бытового строительства по ставкам и в порядке, установленном постановлением ЦИК и СНК СССР для лиц, имеющих нетрудовые доходы» [1, с. 18].

С принятием постановления ЦИК и СНК СССР «О самообложении сельского населения» от 11 сентября 1937 г. служители религиозного культа, проживающие в сельской местности, привлекались к участию в самообложении сельского населения в размере 150 руб. [6, с. 286].

Таким образом, административное и экономическое давление являлось механизмом для ограничения религиозной активности граждан. Регистрация религиозных объединений, по сути, представляла собой регистрацию граждан по конфессиональной принадлежности, в результате чего органы советской власти получали информацию о религиозности населения и о положении конфессии. Налоговая политика Советского государства разграничивала налогообложение религиозных объединений и служителей культа. Духовенство подлежало налогообложению по тем же ставкам, что и наиболее обеспеченные слои населения, несмотря на то, что не являлось таковым. Перегибы в вопросах налогообложения были связаны с действиями местных властей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Опиок, Т.В. Конфессиональная политика в БССР в 1920–1930-е годы : учеб.-метод. материалы / Т.В. Опиок. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2011. – 101 с.
2. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 332. Оп.1. Д. 3.
3. Государство и церковь : сб. узаконений, постановлений и распоряжений НКЮ и НКВД по отделению церкви от государства. Необходимое пособие для адмработников города и деревни, УИК'ов, ВИК'ов, сельсоветов и коллективов верующих / сост.: В.С. Ломовцев, А.И. Бунтиков и П.Н. Сеницын. – Саратов : Адм. отд. Саргубисполкома, 1925. – 138 с.
4. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 237.
5. Цыремпилова, И.С. Экономический фактор в системе государственной антирелигиозной политики в 1920–1930-х гг. (на материалах православных общин Байкальского региона) / И.С. Цыремпилова // Власть. – 2011. – № 9. С. 74–77
6. Петюкова, О.Н. Правовые формы отношений Советского государства и Русской Православной Церкви в 1917–1945 годах / О.Н. Петюкова. – М. : ЮНИТИДАНА, 2012. – 350 с.
7. НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 18.
8. НИАБ. – Ф. 2786 Оп. 1. Д. 45.
9. НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 8.
10. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. Р5263. Оп. 1. Д. 6.
11. НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 469.
12. ГАРФ. – Ф. Р5263. Оп. 1. Д. 62.
13. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 6. Оп.1. Д. 1661.
14. ГАРФ. – Ф. Р5263. Оп. 1. Д. 27.

15. ГАРФ. – Ф. Р5263. Оп. 1. Д. 7.
16. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 5030.
17. НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 404.
18. НАРБ. – Ф.261. Оп. 1. Д. 27.

Поступила 21.12.2017

**MEASURES OF ECONOMIC IMPACT ON THE CONFESSION
IN THE BSSR IN 1921-1939**

N. DAUHALA

The measures of economic impact on confessions, of which the most effective and effective method was taxation is analyzed in the article. The essence of the tax policy that developed along the way of differentiating the taxation of religious associations and clergy is revealed. The clergy were subject to taxation at the same rates as the most well-off strata of the population. The excesses in matters of taxation were connected with the actions of local authorities

Keywords: *the taxation of religious associations, clergy, the Soviet authorities, measures of economic impact.*

УДК 930

**ПЕРАПІСКА МІХАЛА ЧАРТАРЫЙСКАГА З МІХАЛАМ МАСАЛЬСКИМ
З ФОНДАЎ ПОЛЬСКОЙ БІБЛІЯТЭКІ Ў ПАРЫЖУ ЯК КРЫНІЦА
ПА ПАЛІТЫЧНАЙ ГІСТОРЫІ ВКЛ 1737–1764 гг.¹**

*канд. гіст. навук А.У. МАЦУК
(Інстытут гісторыі НАН Беларусі, Мінск)*

На падставе перапіскі з Польскай бібліятэкі ў Парыжы даследуецца палітычная гісторыя ВКЛ 1737–1764 гг. Удалося ўстанавіць месца і роль Міхала Масальскага ў грамадска-палітычным жыцці ВКЛ у 30–60-х гг. XVIII ст., а таксама размеркаванне роляў сярод лідараў Фаміліі. Удакладняецца пазіцыя кіраўнікоў Фаміліі ў тых ці іншых палітычных здарэннях. Вызначаюцца агульнае і адрознае ў пазіцыі групыкі Міхала Масальскага адносна іншых лідараў Фаміліі і прычыны яго канфлікту з імі ў 1761–1762 гг.

Ключавыя словы: магнаты, магнацкія групыкі, перапіска, соймакі, новыя крыніцы, Фамілія.

Уводзіны. Перыяд 1737–1764 гг. – час, калі на палітычнай сцэне ВКЛ на вядучых ролях знаходзілася магнацкая групыка Фамілія. На чале яе ў ВКЛ былі канцлер ВКЛ Міхал Чартарыйскі, падканцлер ВКЛ Міхал Антоній Сапега, падскарбі ВКЛ Юрый Флемінг, польны гетман ВКЛ і віленскі кашталян Міхал Масальскі. У Польскай бібліятэцы ў Парыжы захоўваюцца 35 лістоў Міхала Чартарыйскага да Міхала Масальскага з 1737 па 1764 гады. На самой справе гэтых лістоў 34, а ліст ад паднумарам 23 ад 3 сакавіка 1760 г. з Воўчына з’яўляецца лістом Міхала Чартарыйскага не да Міхала Масальскага, а да Міхала Казіміра Радзівіла [1, р. 105]. Напэўна праз памылку архівіста ліст, падпісаны да віленскага ваяводы і вялікага гетмана ВКЛ, патрапіў у справу з лістамі да віленскага кашталяна і польнага гетмана ВКЛ Міхала Масальскага.

У гістарыяграфіі вядома толькі адна карэспандэнцыя паміж лідарамі Фаміліі ў ВКЛ – перапіска Міхала Чартарыйскага з Міхалам Антоніям Сапегай, якая знаходзіцца ў Нацыянальнай бібліятэцы Польшчы [2]. Перапіска з Польскай бібліятэкі ў Парыжы паміж Міхалам Чартарыйскім і Міхалам Масальскім уяўляе вялікую цікавасць, бо дазваляе зразумець месца і роль Масальскага ў гэтай магнацкай групыцы. Раней такія спробы прадпрымала ў сваёй манаграфіі аб Фаміліі толькі польская даследчыца Зафія Зялінская [3, с. 360]. Аднак, пры напісанні гэтай працы Зафіі Зялінскай была невядома карэспандэнцыя з Польскай бібліятэкі ў Парыжы.

Асноўная частка. У першым лісце ад 7 лістапада 1737 г. з Гданьска Міхал Чартарыйскі прасіў Міхала Масальскага старацца аб выбары прыхільных дэпутатаў на грамадзянскія соймакі 1738 г. Больш таго, прапаноўваў Масальскаму самому стаць дэпутатам і быць абраным маршалкам Трыбунала ВКЛ. Асабліва каштоўным бачыў гэта ў год правядзення сойма. Менавіта таму, Масальскі мог за гэта быць узнагароджаны каралеўскім дваром. Чартарыйскі заклікаў супрацоўнічаць у трыбунальскай кампаніі з падскарбіям ВКЛ Янам Салагубам і стражнікам ВКЛ Антоніям Пацеем, інфармаваў, што Радзівілы падтрымліваюць выбар трыбунальскім маршалкам віцебскага ваяводы Марціна Агінскага, аднак быў перакананы, што Масальскі выйдзе пераможцам у змаганні з Марцінам Агінскім за гэты ўрад [1, р. 19–21]. Гэты ліст дазваляе па іншаму паглядзець на планы Фаміліі адносна Трыбунала ВКЛ 1738 г. Становіцца зразумела, што Фамілія хацела, каб Трыбунал ВКЛ 1738 г. аказаўся пад кантролем яе саюзнікаў: Масальскага, Салагуба і Пацея. Для гэтага Фамілія была гатова змагацца з Радзівіламі, якія дамінавалі ў княстве. Адначасова гэта не было патрэбна Чартарыйскім для нібыта якіх канфедэрацкіх планаў [4, с. 77–79]. Кантроль над Трыбуналам ВКЛ 1738 г., на думку Міхала Чартарыйскага, меў узмацніць пазіцыі Фаміліі і яе саюзнікаў у княстве перад каралеўскім дваром, бо таму было важна, хто будзе кантраляваць Трыбунал ВКЛ у год правядзення сойма.

У лісце ад канца лютага 1742 г. Міхал Чартарыйскі інфармаваў аб “незаконным” выбары дэпутатам у Троках полацкага кашталяна Валярыяна Жабы. Зразумела, што пры падтрымцы сваіх пратэктараў Радзівілаў ён стараўся аб трыбунальскім маршалкоўстве, а супраць яго кандыдатуры не было сур’ёзнага канкурэнта. Міхал Чартарыйскі пытаўся аб планах саюзнікаў (Сапегаў, Масальскага, Станіслава Агінскага і Яна Салагуба): ці будуць яны перашкаджаць Жабе стаць трыбунальскім маршалкам і ці маюць для гэтага прыхільнікаў і фінансавыя сродкі? У канцы ліста Чартарыйскі вярнуўся да гэтай

¹ Артыкул выкананы ў межах выканання праекта БРФФІ № Г15Ф-001: “Французскія і франкамоўныя рукапісы ў Беларусі (XVIII–пачатку XX ст.)”.

справы, ён папярэджаў аб згодзе Сапегаў і Яна Салагуба, каб маршалкам Трыбунала ВКЛ быў Валярыян Жаба [1, р. 23–24]. Гэты ліст пацвярджае, што менавіта Міхал Масальскі займаў ключавую ролю ў кантактах паміж Міхалам Чартарыйскімі і іншымі ўдзельнікамі кааліцыі – Сапегамі [5, s. 177; 6, с. 213–214]. Менавіта праз яго падканцлер ВКЛ узгадняў планы з усімі ўдзельнікамі кааліцыі. Яму ж перадаваў канфедэрацыйную інфармацыю аб згодзе іншых удзельнікаў кааліцыі аб выбары радзівілаўскага прыхільніка Валярыяна Жабы маршалкам Трыбунала ВКЛ.

Чартарыйскі быў для Масальскага крыніцай інфармацыі аб знешнепалітычных падзеях. У сваім лісце Чартарыйскі інфармаваў аб падзеях (арышт рэгента Эрнста Бірона), якія адбыліся ў Пецярбургу і лічыў, што яны прынясуць Рэчы Паспалітай новыя перамены, звязаныя з Курляндыйяй (выбары новага герцага замест Бірона) [1, р. 24]. Інфарміраваў Міхал Чартарыйскі і аб магчымых падзеях унутры-палітычнага жыцця Рэчы Паспалітай. Так, у сваім лісце ад 7 жніўня 1742 г. з Воўчына Чартарыйскі перадаваў інфармацыю, што кароль з’явіцца ў Рэчы Паспалітай не раней кастрычніка 1743 г. з мэтай склікання новага сойма [1, р. 27].

Увогуле Чартарыйскі і Масальскі мелі агульныя думкі не толькі аб выбарах на дэпутацкіх соймаках, але і ў размеркаванні ўрадаў. Яны абодва падтрымалі Сымона Сіруця ў яго барацьбе з Пацеямі за ўрад ковенскага гродскага старосты. Міхал Чартарыйскі выказваў Масальскаму сваё спадзяванне, што ўдасца супакоіць справу аб атрыманні ковенскага гродскага староства Сымонам Сіруцем. Падканцлер ВКЛ меркаваў, што не будзе неабходнасці разглядаць справу ў асэсарскім судзе. Прычынай быў зварот каралеўскага двара да троекага ваяводы Аляксандра Пацея, каб ён перастаў перашкаджаць Сіруцю ў атрыманні ковенскага гродскага староства [1, р. 27].

У сваю чаргу Міхал Чартарыйскі ўдакладняў у Масальскага незразумелыя пытанні ў ВКЛ. Так, ён прасіў Масальскага даведацца, на якой падставе пруская каралеўская дынастыя Гагенцолерны трымае ўладанні ў ВКЛ (мелася на ўвазе частка “нойбургскіх уладанняў” – Таўрогі і Сярэі) [1, р. 32]. Ужо ў гэты час Міхал Масальскі быў для Чартарыйскага даверанай асобай, які мог выканаць самыя складаныя просьбы ў княстве. Менавіта Масальскага Чартарыйскі прасіў дазнацца, хто быў ініцыятарам выдання друку ў Вільні, які заклікаў да антыкаралеўскай канфедэрацыі ў Рэчы Паспалітай. З яго слоў, падобны друк быў распаўсюджаны і ў Вялікапольшчы. Ініцыятарам яго быў шведскі палкоўнік Бона, які ўжо быў затрыманы ўладамі. У яго паперах было знойдзена шмат лістоў магнатаў ВКЛ. Сярод іх Чартарыйскі называў толькі стольніка ВКЛ Пятра Сапегу [1, р. 27–28].

Галоўным ва ўзаемаадносінах абодвух магнатаў заставалася пытанне выбараў на дэпутацкіх соймаках. Ужо ў жніўні 1742 г. Чартарыйскі прапаноўваў Масальскаму сабрацца і абмеркаваць планы аб будучым Трыбунале ВКЛ. На гэтай нарадзе спадзяваўся сустрэцца з Міхалам Антоніям і Юзафам Станіславам Сапегамі, якія знаходзіліся недалёка і абяцалі хутка прыбыць [1, р. 29]. Грамнічныя соймакі паспяхова скончыліся для кааліцыі, а яе кандыдат – Міхал Антоній Сапега – быў абраны дэпутатам на мазырскім соймаку. Пачаліся доўгія перамовы з каралеўскім дваром аб зацвярджэнні яго кандыдатуры. Актыўна ў гэтым удзельнічаў падканцлер ВКЛ. Пацвярджае гэта і яго ліст ад 13 красавіка 1743 г. да Міхала Масальскага. У ім Міхал Чартарыйскі інфармаваў, што напісаў у каралеўскі двор у падтрымку кандыдата ад кааліцыі на ўрад трыбунальскага маршалка. Магчымае супрацьдзеянне з боку Міхала Вішнявецкага, са слоў Чартарыйскага, меў прыбраць дасланы ў Вільню ад каралеўскага двара генерал артылерыі ВКЛ Юрый Флемінг. Чартарыйскі прасіў падтрымаць да ўрада пісара віленскай кадэнцыі Станіслава Бужыньскага, а да ўрада пісара рускай кадэнцыі – Юзафа Сасноўскага [1, р. 31].

У ліпені 1743 г. падканцлер ВКЛ стараўся на каралеўскім двары для Масальскага аб атрыманні ўрада надворнага маршалка ВКЛ. Праўда, агаворваў, што для Масальскага гэта толькі часовы ўрад на шляху да ўрада польнага гетмана ВКЛ. Прычым Чартарыйскаму было вядома, што хвароба вялікага гетмана ВКЛ Міхала Вішнявецкага абвастрылася, і таму хутка будзе вольная і булава. Вялікім гетманам ВКЛ меў стаць Міхал Казімір Радзівіл, а вызвалены ўрад польнага гетмана ВКЛ меркавалася надаць Міхалу Масальскаму. Аб хваробе Вішнявецкага і планах размеркавання ўрадаў Чартарыйскі спяшаўся паведаміць і Масальскаму [1, р. 35]. На самой справе складана выявіць прычыны, з-за якіх падканцлер ВКЛ стараўся аб часовым ўрадзе для Масальскага. Магчымым тлумачэннем дзейнасці падканцлера ВКЛ бачыцца тое, што Чартарыйскі ведаў пра добрае стаўленне да Масальскага на каралеўскім двары і з яго дапамогай імкнуўся перашкодзіць атрымаць урад надворнага маршалка ВКЛ варажым Фаміліі магнатам ВКЛ. Гэта спроба, аднак, скончылася нічым і ўрад надворнага маршалка ВКЛ атрымаў абозны ВКЛ Ігнат Агінскі.

Магчыма на каралеўскім двары не далі Масальскаму ўрад надворнага маршалка ВКЛ, бо ведалі аб хваробе Вішнявецкага і што хутка вызваліцца ўрад польнага гетмана ВКЛ. Пасля смерці Міхала Вішнявецкага Міхал Чартарыйскі даслаў Масальскаму свой і Станіслава Панятоўскага лісты да Бруля і ксёндза Гуарыні. У іх яны згодна ранейшым дамоўленасцям прасілі надаць Масальскаму ўрад польнага

гетмана ВКЛ [1, р. 39]. Гэта паспяхова адбылося, і Масальскі стаў польным гетманам ВКЛ. Важную ролю ў гэтым адыграла пратэктцыя Фаміліі. Праўда, Міхал Чартарыйскі не заўжды падтрымліваў просьбы аб урадах рэкамендаваным Масальскім асобам. Так, Міхал Чартарыйскі адмовіўся дапамагаць па просьбе Масальскага лідскаму скарбніку Каміньскаму заняць урад лідскага чашніка. Прычынай была непрыязнь таго да Чартарыйскага [1, р. 36]. У выніку лідскім чашнікам стаў прыхільнік Фаміліі Францішак Александровіч.

У 1744 г. у княстве адбылося прымірэнне асноўных магнацкіх родаў. У ВКЛ склалася “вялікая кааліцыя” магнацкіх родаў Чартарыйскіх, Радзівілаў, Сапегаў і Масальскіх. Гэтая кааліцыя дамінавала ва ўнутрыпалітычным жыцці ВКЛ. У 1745 г. Чартарыйскі выклаў Масальскаму свой план падзелу ўрадаў у Трыбунале ВКЛ. Згодна яму, трыбунальскім маршалкам меў стаць троцкі ваявода Аляксандр Пацей, літоўскім пісарам – Давойна, рускім пісарам – Валадковіч. Прычыну выбару апошняга тлумачыў вялікімі просьбамі ў яго падтрымку Міхала Казіміра Радзівіла. У такой сітуацыі стражнік ВКЛ Ігнат Ланеўскі Воўк мог стаць маршалкам Скарбовага Трыбунала ці віцэ-маршалкам Трыбунала ВКЛ [1, р. 44–45]. У гэтым плане не было нічога незвычайнага, бо ён раней быў узгоднены паміж усімі вядучымі магнацкімі групамі княства [6, с. 249–251]. Адносна рэасумпцыі Трыбунала ВКЛ 1745 г. Чартарыйскі прасіў Масальскага не дапусціць у лік трыбунальскіх суддзяў наваградскіх дэпутатаў, а прасіў падтрымаць брэсцкага дэпутата Пятра Пашкоўскага, каб яму не перашкодзілі шляхціцы Верашчакі ўвайсці ў лік трыбунальскіх суддзяў [1, р. 45]. У гэтых просьбах Чартарыйскага да Масальскага не было нічога незвычайнага, ідэнтычныя просьбы былі накіраваны да вялікага гетмана ВКЛ Міхала Казіміра Радзівіла [6, с. 251].

Існаванне “вялікай кааліцыі” не прыбрала канкурэнцыі паміж магнатамі за ўрады і ўладанні. Першыя вольныя ўрады з’явіліся ў 1746 г. пасля смерці наваградскага ваяводы Мікалая Фаўстына Радзівіла. У гэты час нічым скончыліся старанні падканцлера ВКЛ аб вайсковых ўрадах для Масальскіх. Прычынай быў больш ранні зварот да караля аб гэтых ўрадах для дзяцей памерлага. Іх падтрымаў і вялікі гетман ВКЛ Міхал Казімір Радзівіл [1, р. 47].

Яшчэ перад выбарамі ў Трыбунал ВКЛ 1746 г. у межах “вялікай кааліцыі” было дамоўлена, што пісарам віленскай кадэнцыі стане войскі ВКЛ Дамінік Саванеўскі. Было агаворана, што дэпутатам ён будзе абраны на віленскім сойміку, каб яму лягчэй было стаць пісарам віленскай кадэнцыі, бо віленскія дэпутаты згодна традыцыі мелі першынство да гэтага трыбунальскага ўрада [7, с. 112–114]. У выніку на віленскім сойміку былі абраны аж тры дэпутаты: Дамінік Саванеўскі, Міхал Гарадзенскі і Станіслаў Нарбут. Міхал Чартарыйскі прыклаў вялікія намаганні, каб пісарам віленскай кадэнцыі стаў менавіта Саванеўскі. Сярод іншага ён прасіў Міхала Масальскага прасіць аб падтрымцы для Саванеўскага ў Міхала Казіміра Радзівіла. Акрамя таго, Чартарыйскі спрабаваў самастойна прымусіць аднаго з трох віленскіх дэпутатаў адмовіцца ад дэпутацтва. Падканцлер ВКЛ дамаўляўся з дырэктарам сойма Манкевічам, каб той падпісаў крэдэнс віленскім дэпутатам Саванеўскаму і Богушу. Прычым вырашальную ролю ў гэтых перамовах Чартарыйскі адводзіў як раз Міхалу Масальскаму. Падканцлер ВКЛ быў перакананы, што калі Масальскі напіша да Манкевіча такую просьбу, то той дакладна паслухаецца [1, р. 47].

Супрацьстаяла “вялікай кааліцыі” вядучых магнатаў ВКЛ кааліцыя Агінскіх, Салагубаў і наваградскага ваяводы Мікалая Фаўстына Радзівіла. Найбольшым ўплывам яны валодалі на ўсходніх соймах княства. Грамнічныя соймікі 1746 г., аднак, паказалі перавагу прыхільнікаў “вялікай кааліцыі”. Міхал Чартарыйскі з задавальненнем заўважаў Масальскаму аб няўдачах іх праціўнікаў на “беларускіх соймах” (усходніх соймах ВКЛ) [1, р. 47–49]. Праблему для “вялікай кааліцыі” несла толькі праблема спадчыны Міхала Вішнявецкага, бо магла перасварыць паміж сабой яе ўдзельнікаў Чартарыйскіх, Сапегаў і Радзівілаў. Лоўчы ВКЛ Міхал Антоній Сапега падчас перамоў у Львове адмовіўся саступіць спадчынікам Вішнявецкага, якіх падтрымліваў Чартарыйскі. Не саступіў ён і Міхалу Казіміру Радзівілу. З-за гэтага Чартарыйскі скардзіўся Масальскаму, што ня можа ўзгадніць згодна ранейшым дамоўленасцям размеркаванне ўрадаў у Трыбунале ВКЛ. Тым больш, што аб урадзе пісара рускай кадэнцыі прасілі некалькі канкурэнтаў. Для аднаго з іх, Мікалая Тадэвуша Лапацінскага, падканцлер ВКЛ меркаваў іншы трыбунальскі ўрад – маршалка Скарбовага Трыбунала. Чартарыйскі абавязкова хацеў ведаць думку Масальскага на гэты конт. Адначасова паведамляў, што згодна ранейшай просьбы ўжо дамовіўся з Радзівілам, каб лідскі дэпутат і лідскі чашнік Францішак Александровіч стаў трыбунальскім падскарбіям [1, р. 49–50]. Нажаль нам невядомы адказ Масальскага, але магчыма з-за яго пазіцыі Мікалай Тадэвуш Лапацінскі стаў не маршалакам Скарбовага Трыбунала, а пісарам рускай кадэнцыі.

Наступны ліст Міхала Чартарыйскага да Міхала Масальскага быў напісаны 9 сакавіка 1748 г. і датычыцца ўжо Трыбунала ВКЛ 1748 г. Гэты Трыбунал ВКЛ быў вельмі важным для Масальскіх. На ім магла разглядацца іх судовая справа з Сапегамі аб спадчыне мсціслаўскага ваяводы Юрыя Станіслава Сапегі. На частку гэтай спадчыны прэтэндаваў ваўкавыскі гродскі староста Казімір Масальскі, які быў

жанаты на дачцэ Юрыя Станіслава Сапегі Крысціне. Менавіта таму Масальскія імкнуліся, каб маршалкам Трыбунала ВКЛ стаў гарадзенскі гродскі староста Юзаф Андрыян Масальскі. На гэта пагадзіліся Радзівілы і Чартарыйскія. Таму зразумела, што пры размеркаванні іншых урадаў вялікае значэнне мела пазіцыя лідара Масальскіх і бацькі гарадзенскага гродскага старосты Міхала Масальскага. Тым больш, што Радзівіл адмовіўся выконваць ранейшую дамову з Чартарыйскім і замест пісара рускай кадэнцыі Віктара Хэлхоўскага імкнуўся, каб гэты ўрад атрымаў наваградскі дэпутат Антоній Рдултоўскі. Міхал Чартарыйскі дзякаваў Міхалу Масальскаму за абяцаную падтрымку Хэлхоўскага да ўрада пісара рускай кадэнцыі. Адначасова прасіў не дапускаць у лік трыбунальскіх суддзяў наваградскіх дэпутатаў, якія мелі слушныя пратэстацыі супраць свайго выбару. Наваградскі соймак, дзе былі нібыта абраны дэпутаты, адбыўся “прыватна” і нават без ведама вядучых мясцовых ураднікаў, якія сядзелі да паздна на звычайным месцы правядзення соймакаў. Чартарыйскі называў Масальскаму і галоўную небяспеку, калі наваградскі соймак будзе прызнаны законным. Падобным спосабам далей маглі адбывацца ўсе наваградскія і мінскія дэпутацкія соймікі. Зразумела, што дэпутаты з іх згодна традыцыі першынства становіліся бы пісарамі рускай кадэнцыі [1, р. 52–53]. Як бачым, у канфлікце паміж Радзівілам і Чартарыйскім Міхал Масальскі прыняў бок падканцлера ВКЛ. Іншая справа, што гэты ліст не дае магчымасці зразумець на колькі вялікую ролю ў будучым размеркаванні трыбунальскіх урадаў Міхал Чартарыйскі адводзіў Міхалу Масальскаму.

Падрабязна ў сваім лісце ад 25 снежня 1749 г. з Беластока Міхал Чартарыйскі ўзгадняў планы з Міхалам Масальскім наконт выбараў на Трыбунал ВКЛ 1750 г. Напачатку з задавальненнем заўважаў, што Міхал Казімір Радзівіл шмат разоў шкодзіў ім, але зараз сам мусіць шукаць згоды Фаміліі. Чартарыйскі падкрэсліваў, што за згоду, каб сыны Радзівіла былі трыбунальскімі суддзямі, а адзін з іх стаў трыбунальскім маршалкам, вялікі гетман ВКЛ пагадзіўся, каб урады маршалка Скарбовага Трыбунала і пісара рускай кадэнцыі атрымалі прыхільнікі Фаміліі. Больш таго, Радзівіл абяцаў не перашкаджаць прыхільнікам Фаміліі на грамнічных соймаках. Падканцлер ВКЛ заўважаў, што калі Радзівіл перадумае, то неабходна будзе пераслаць узгодненыя яго ўласнай рукой планы наконт Трыбунала ВКЛ. Прасіў Чартарыйскі Масальскага для забеспячэння адзінства Фаміліі на Трыбунале ВКЛ 1750 г. вырашыць спрэчныя справы Масальскіх з Міхалам Антоніям Сапегай [1, р. 55]. Пазней Чартарыйскі інфармаваў аб пераменах у плане Радзівіла. Сам ён даведваўся аб гэтых планах ад кракаўскага ваяводы Станіслава Панятоўскага, якому аб іх паведаміў каронны падскарбі Караль Юзаф Сядльніцкі. Аб сваіх планах Сядльніцкаму напісаў сам Міхал Казімір Радзівіл. Згодна новаму плану трыбунальскім маршалкам меў стаць рэчыцкі гродскі староста Альбрэхт Радзівіл. На думку Чартарыйскага, гэта было выклікана малой колькасцю радзівілаўскіх прыхільнікаў сярод абраных дэпутатаў. У такой сітуацыі ўзнікалі складанасці для маршалка ў кіраванні Трыбуналам ВКЛ 1750 г. Канчатковае рашэнне на такія перамены плана Радзівіла Чартарыйскі пакідаў Міхалу Масальскаму. Сам раіў згадзіцца, бо ў іх нічога не было шкоднага для Фаміліі. Кандыдатам на ўрад маршалка Скарбовага Трыбунала Чартарыйскі прапаноўваў Лапацінскага, якому сам абяцаў падтрымку. Зрабіў ён гэта, яшчэ калі да грамнічных соймакаў угаворваў Лапацінскага старацца аб выбары дэпутатам. На ўрад пісара рускай кадэнцыі падканцлер ВКЛ лепшым кандыдатам бачыў прыхільніка Масальскага – гродзенскага земскага пісара Караля Храптовіча. Чартарыйскі паведамляў, што на гэты ўрад прэтэндаваў і прасіў у яго падтрымкі слонімска дэпутат Мікульскі. Падтрымліваў Мікульскага і Міхал Антоній Сапега, бо гэта быў яго прыхільнік, аднак Чартарыйскі, згодна ранейшаму плану, быў гатовы падтрымаць Храптовіча. Адзінае, што Чартарыйскі лічыў, калі будучы моцны перашкоды Храптовічу, то тады пісарам рускай кадэнцыі лепей абраць Мікульскага. Адначасова прасіў супакоіць пратэсты Сляшыньскага і Коркуця супраць ваўкавыскага і лідскага соймакаў [1, р. 59–60]. Фактычна гэты ліст дае шмат цікавай інфармацыі. Па-першае, мы даведваемся, што толькі пасля дэпутацкіх соймакаў Чартарыйскі пазнаў планы Міхала Казіміра Радзівіла зрабіць трыбунальскім маршалкам не аднаго з сыноў, а родзіча – рэчыцкага гродскага старосту Альбрэхта Радзівіла. Па-другое, правельмі складаны шлях, як гэтая інфармацыя праз каронных ураднікаў стала вядома Міхалу Чартарыйскаму. Гэта тым больш цікава, што Масальскаму аб гэтым паведаміў яшчэ 13 лютага сваім лістом сам Міхал Казімір Радзівіл [8, к. 197–198]. Па-трэцяе, пра яшчэ некаторыя падрабязнасці канфлікту паміж лідарамі Фаміліі аб размеркаванні трыбунальскіх урадаў. Галоўнае, становіцца зразумела, што ў пытанні размеркавання трыбунальскіх урадаў Масальскі выступаў разам з Флемінгам і Чартарыйскім супраць Міхала Антонія Сапегі. Цікава, што Чартарыйскі лічыў Караля Храптовіча прыхільнікам Масальскага, а не толькі, як прынята ў літаратуры, прыхільнікам Флемінга [3, s. 357; 6, с. 341].

Наступны ліст Міхала Чартарыйскага да Міхала Масальскага быў напісаны пасля грамнічных соймакаў 1753 г. (28 лютага 1753 г.) і галоўным чынам датычыўся размеркавання трыбунальскіх урадаў. Чартарыйскі выказаў задаволенасць з абраных дэпутатаў на Трыбунал ВКЛ 1753 г. Заўважаў, што ўсё адбылося згодна іх плану, які быў складзены падчас сойму 1752 г. Адначасова канцлер ВКЛ прасіў пад-

трымкі для ковенскіх дэпутатаў: лоўчага ВКЛ Ігната Ланеўскага Ваўка – да ўрада маршалка ВКЛ і векшнянскага старосты Міхала Горскага – да ўрада маршалка Скарбовага Трыбунала. Раіў не спяшацца з падтрымкай да ўрада пісара рускай кадэнцыі, бо і так няма сур’эзных кандыдатаў [1, р. 69, 72]. Гэты ліст удакладняе вядомую інфармацыю пра выбары на гэты Трыбунал ВКЛ толькі ў тым, што планы Фаміліі адносна яго былі складзены яшчэ падчас сойма 1752 г.

У гэты час Міхал Чартарыйскі вельмі прыязна ставіўся да Міхала Масальскага. Асабліва задаволены канцлер ВКЛ быў падтрымкай Міхалам Масальскім планаў атрымаць якое-небудзь дыгнітарства ВКЛ для Юзафа Сасноўскага. Гэтую інфармацыю перадаў Чартарыйскаму Міхал Антоній Сапега. Польны гетман ВКЛ не толькі абяцаў падтрымаць Сасноўскага, але і тое, што канкурэнтам яму не будзе гарадзенскі гродскі староста Юзаф Андрыян Масальскі [1, р. 70–71]. Гэта дазваляла Чартарыйскаму старацца для Сасноўскага аб першым дыгнітарстве ВКЛ і не баяцца пакрыўдзіць Масальскіх. Гэта тым больш было важна ў сітуацыі разыходжання Фаміліі з каралеўскім дваром і пераходам яе ў шэрагі антыкаралеўскай апазіцыі.

З часам, аднак, адносіны паміж канцлерам ВКЛ і польным гетманам ВКЛ пагоршыліся. Масальскі, у адрозненні ад Чартарыйскага, спрабаваў захаваць добрыя адносіны з каралеўскім дваром. Адною з галоўных прычынаў было імкненне Міхала Масальскага атрымаць урад віленскага каад’ютара для сына Ігната. З гэтай мэтай Міхал Масальскі паехаў на каралеўскі двор у Дрэздэн. Аднак каралеўскі двор не хацеў узмацняць Фамілію і надаваць Ігнату Масальскаму віленскую каад’юторыю. Расчараваны Масальскі ні з чым вярнуўся да дому. Менавіта да гэтага часу, ліпень-верасень 1755 г, адносіцца наступны недатаваны ліст Міхала Чартарыйскага да яго. У ім Міхал Чартарыйскі выказваў Міхалу Масальскаму вялікае шкадаванне, што той не завярнуў у Воўчын, вяртаючыся ў княства з Дрэздэна. Чартарыйскі лічыў, што такая сустрэча была неабходна для ўзгаднення далейшых планаў. Выказваў Чартарыйскі і спачуванні, што побыт Міхала Масальскага ў Дрэздэне не прынёс чаканага ўрада віленскага каад’ютара для сына польнага гетмана. Канцлер ВКЛ раіў моцна старацца аб выбары прыхільных дэпутатаў на будучых грамнічных соймах. Гэта было неабходна, каб паказаць каралеўскаму двару сваю моц і значную колькасць прыхільнікаў [1, р. 77–78]. Яшчэ Чартарыйскі перадаваў інфармацыю, што расійскі двор загадаў паслу Генрыху Гроссу моцна старацца аб урадзе наваградскага ваяводы для брэсцкага кашталяна Яна Храптовіча [1, р. 79]. Зразумела, што гэтая просьба за Храптовічам спазнілася, і ўрад наваградскага ваяводы ўжо атрымаў Юзаф Аляксандр Ябланоўскі [9, с. 53–54]. Аднак гэтая інфармацыя мела паказаць Масальскаму, што Фамілія, як і яе прыхільнік Храптовіч, і далей карыстаецца падтрымкай Расіі. Гэта мела даць спадзяванне атрымаць пры яе падтрымцы ўрад віленскага каад’ютара для Ігната Масальскага.

Міхал Чартарыйскі не згаджаўся ўздываць пытанні аб віленскай каад’юторыі перад шляхтай на грамнічных соймах 1756 г. Лічыў, што гэта трэба будзе зрабіць на пасольскіх соймах 1756 г. Больш падрабязна аб гэтым меркаваў параіцца з Масальскім на запусты (каталіцкія праводзіны зімы) у Слоніме. Туды ж прасіў Масальскага прывесці як мага больш прыхільнікаў. Адносна грамнічных соймаў 1756 г. Чартарыйскі даваў Масальскаму наступныя парады. У крайнім выпадку магчыма дазволіць выбар дэпутатам у Гродна малодшага з братоў Барановічаў. Сапраўды, той з’яўляецца радзівілаўскім прыхільнікам, але мясцовы шляхецкі лідар Фаміліі Караль Храптовіч мае спосаб перацягнуць Барановіча на свой бок. Канцлер ВКЛ прасіў Масальскага даслаць на мінскі грамнічны сойм свайго афіцэра Свентажэцкага, каб той адгаварыў свайго брата канкурураваць аб выбары дэпутатам. Канцлер ВКЛ пацвярджаў Масальскаму сапраўднасць дасланай інфармацыі, што ў Коўне мяркуе стаць дэпутатам Антоній Пац і нават згодны, каб з ім дэпутатам быў канкурэнт на выбар трыбунальскім маршалкам ад Фаміліі. Гэтую ранейшую інфармацыю Масальскага яму пацвердзіў Сымон Сіруць. У выніку, што рабіць з ковенскім соймам, Чартарыйскі меў параіцца з Міхалам Антоніям Сапегай і Юрыям Флемінгам, а аб іх рашэнні абяцаў інфармаваць Міхала Масальскага [1, р. 81–83]. Як бачна, Міхал Чартарыйскі працягваў разлічваць на Міхала Масальскага як на аднаго з галоўных лідараў Фаміліі. Іншая справа, што асноўныя рашэнні аб старанні Юрыю Флемінгу быць абраным дэпутатам на ковенскім грамнічным соймам прымалася без удзелу Міхала Масальскага. Увогуле канцлер ВКЛ абгаворваў з Масальскім толькі два грамнічныя соймікі: гарадзенскі і мінскі. Гэта непараўнальна мала ў параўнанні з іншымі лідарамі Фаміліі: Міхалам Антоніям Сапегай і Юрыям Флемінгам. Усё гэта сведчыла аб падзенні значэння Масальскага сярод лідараў Фаміліі [6, с. 399–405].

Наступны захаваўшыся ліст быў напісаны ў 1757 г. (24 мая 1757 г. з Прыбыславіцаў) пасля рэасумпцыі Трыбунала ВКЛ. Міхал Чартарыйскі выказваў Міхалу Масальскаму вялікія шкадаванні з вынікаў рэасумпцыі Трыбунала ВКЛ 1757 г. Канцлер ВКЛ лічыў віной паражэння на рэасумпцыі Трыбунала ВКЛ нядбайнасць лідараў Фаміліі [1, р. 85]. Гэты ліст дакладна перадае незадаволенасць Міхала Чартарыйскага Міхалам Масальскім, Юрыям Флемінгам і Міхалам Антоніям Сапегай, якія кіравалі пры-

хільнікамі Фаміліі на рэасумпцыі Трыбунала ВКЛ 1757 г. Ім у трох не атрымалася перашкодзіць Радзівілам. Трыбунальскім маршалкам стаў кандыдат Радзівілаў Багуслаў Ясінскі.

Гэты ліст таксама пацвярджае інфармацыю, што ўжо ў маі 1757 г. Міхал Чартарыйскі ведаў аб планах Радзівілаў абраць на наступным Трыбунале ВКЛ 1758 г. маршалкам Андрэя Абрамовіча, а пісарам віленскай кадэнцыі – Ігната Богуша [1, р. 85]. Менавіта таму даволі хутка Фамілія прадпрыняла крокі, каб перашкодзіць ім [6, с. 466–467].

У сярэдзіне 1757 г. паміж Міхалам Чартарыйскім і Міхалам Масальскім назіралася пэўнае ахалоджанне. Чартарыйскі нават абвінавачваў Масальскага ў разрыве супрацоўніцтва з Фаміліяй, і што той дзейнічае толькі ва ўласных інтарэсах [6, с. 464]. Напэўна такая пазіцыя канцлера ВКЛ была выклікана перамовамі аб супрацоўніцтве, якія Міхал Масальскі праводзіў з вялікім гетманам ВКЛ Міхалам Казімірам Радзівілам. Праўда, потым, як даведваемся мы з ліста ад 5 верасня 1757 г., Чартарыйскі пагадзіўся на прапанаваныя праз Масальскага перамовы з Радзівілам. Адзінае – хацеў яшчэ аб гэтым параіцца з Міхалам Антоніям Сапегай [1, р. 89].

Наступны ліст быў напісаны адносна пытання Масальскага аб планах на рэасумпцыю Трыбунала ВКЛ 1758 г. Міхал Чартарыйскі 27 сакавіка 1758 адпісаў вялікі ліст. Інфармаваў, што ад яго прыедзе пільнаваць выбары на рэасумпцыі Трыбунала ВКЛ падскарбі ВКЛ Юрый Флемінг. Прасіў Масальскага дапамагаць яму. Канцлер ВКЛ інфармаваў, што ніколі не меў планаў помсты за прошлы Трыбунал ВКЛ перашкаджаць стаць трыбунальскім маршалкам даўгоўскаму старосце Адаму Бжастоўскаму. Аднак ніяк не мог угаварыць саступіць ад пратэстацыі супраць слоніmsкіх дэпутатаў свайго прыхільніка лоўчага ВКЛ Ігната Ланеўскага Ваўка. Таксама паведамляў, што з яго планамі згодны і падканцлер ВКЛ Міхал Антоній Сапега, які прыдзе на рэасумпцыю і будзе дзейнічаць у згодзе з Флемінгам і Масальскім [1, р. 93–96]. З гэтага ліста становіцца зразумелым, што пратэстацыя супраць слоніmsкага грамнічнага соймака 1758 г. з’яўлялася прыватнай справай Ігната Ланеўскага Ваўка, а не планами Фаміліі не дапусціць Адама Бжастоўскага ў лік трыбунальскіх суддзяў. Па гэтаму лісту бачна, што Чартарыйскі перастаў крыўдзіцца на Масальскага за няўдачу на рэасумпцыі Трыбунала ВКЛ 1757 г. Масальскі зноў выступае разам з іншымі лідарамі Фаміліі.

Сярод іншага ў гэтым жа лісце Чартарыйскі інфарміраваў, што па просьбе Масальскага пастараўся аб урадзе мінскага кашталіа для аршанскага гродскага старосты Аляксандра Юзафовіча, а таксама аб урадзе гарадзенскага мечніка для прыхільніка Масальскага [1, р. 94–95]. Гэтыя захады Чартарыйскага скончыліся па-рознаму. Урад мінскага кашталіа дастаўся не Юзафовічу, а Яну Юдыцкаму. Затое ўрад гарадзенскага мечніка атрымаў прыхільнік Масальскага Томаш Храптовіч.

Таксама Міхал Чартарыйскі перадаваў Масальскаму, што перамены ў Пецярбургу (пазбаўленне ўрада канцлера Аляксея Бястужава) хутчэй усяго не прынясуць непрыемнасцяў Фаміліі [1, р. 94]. Такім чынам, Чартарыйскі спрабаваў супакоіць непакоі, якія мелі выклікаць у Масальскага інфармацыя пра перамены ў Пецярбургу.

Вельмі балюча Міхал Чартарыйскі перажываў разрыў з Фаміліяй свайго зяця Міхала Антонія Сапегі. Даведаўшыся, што Міхал Масальскі праяджаў праз Гродна і бачыўся з Міхалам Антоніям Сапегай канцлер ВКЛ у сваім лісце ад 22 чэрвеня 1759 г. выказаў спадзяванні, што польны гетман ВКЛ паведаміў падканцлеру ВКЛ, што “вельмі памылковыя яго разлікі і дзеянні” [1, р. 97].

Падрабязна Міхал Чартарыйскі абгаворваў з Міхалам Масальскім трыбунальскую кампанію 1760 г. Ужо ў лістападзе 1759 г. Міхал Казімір Радзівіл напісаў да Міхала Чартарыйскага, каб той падтрымаў кандыдатам на выбар будучым маршалкам Трыбунала ВКЛ ашмянскага гродскага старосту Андрэя Агінскага. Канцлер ВКЛ паспяшаўся інфармаваць аб гэтым Міхала Масальскага. Адначасова, ён выказваў сваё здзіўленне і незадаволенасць, што такія малады чалавек канкуруе за такі значны ўрад. Як трыбунальскі маршалак ён быў бы пад моцным ціскам загадаў, якія дасылаліся з каралеўскага двара, а з другога боку, Абрамовічы “і ўся кампанія той гайдамацкай банды дырыжыраваць ім захоча”. Менавіта таму, са слоў Чартарыйскага, ён адпісаў Радзівілу толькі ў агульных выказах. Адносна планаў Фаміліі прасіў Масальскага дапамагаць стаць дэпутатам на ўпіцкім соймаку ўпіцкаму падстолю Лепарскаму. У падтрымку Лепарскага Міхала Чартарыйскага прасіў Юрый Флемінг. Пажадана было, каб разам з Лепарскім дэпутатам на ўпіцкім грамнічным соймаку быў абраны Бруноф. Хаця яго выбар, як і выбар больш падыходзячага кандыдата ўпіцкага гродскага суддзі і ўпіцкага войскага Бітаўта, быў сумніўны з-за пазіцыі мясцовай радзівілаўскай групойкі: каб адзін дэпутат быў іх прыхільнік [1, р. 101–102, 104]. З іншых крыніцаў вядома, што Агінскія дамовіліся аб супрацоўніцтве з Фаміліяй. Гэта прыбрала супрацівы Фаміліі Андрэю Агінскаму да трыбунальскага маршалкоўства. Наадварот Чартарыйскі ўдала “дырыжыраваў” Агінскім, а не Абрамовіч [6, с. 531–532]. Праўда, на некаторых дэпутатаў Міхал Чартарыйскі мог уздзейнічаць не праз трыбунальскага маршалка, а праз Міхала Масальскага. Так, ён прасіў

Масальскага паўплываць на аршанскага дэпутата і аршанскага гараднічага Францішка Васілеўскага, каб ён падтрымліваў захады прыхільнікаў Фаміліі ў Трыбунале ВКЛ 1760 г. [1, р. 112].

Чартарыйскі падрабязна інфармаваў Масальскага аб канфлікце за прэрагатывы ўлады канцлераў. Перадаваў ваганні свайго саюзніка ў гэтай справе кароннага канцлера Адама Малахоўскага і ў яго канчатковым рашэнні змагацца разам з Фаміліяй супраць лідара прыдворнай партыі Юрыя Мнішка [1, р. 102–103]. Пазней Чартарыйскі вяртаўся зноў да гэтай праблемы і інфармаваў аб патрабаваннях Мнішка да канцлераў. Пры іх выкананні каронны надворны маршалак быў згодны прымірыцца з канцлерамі. Канцлер ВКЛ лічыў гэтыя патрабаванні бессэнсоўнымі і быў перакананы, што ў Варшаве прымусяць Мнішка адмовіцца ад іх [1, р. 109].

У гэты час Масальскія былі вымушаны бараніцца ад нападения каралеўскага двара і вялікага гетмана ВКЛ, якія імкнуліся асудзіць падчашага ВКЛ Яна Масальскага. Прычынай было нібыта тое, што ён, як вайсковец, выклікаў на дуэль свайго непасрэднага камандзіра генерала артылерыі ВКЛ Іяхіма Патоцкага [10, s. 163–165]. Сапраўднай мэтай было вымусяць Масальскіх падчыніцца каралеўскаму двару і парваць з Фаміліяй. У сваім лісце ад 26 лістапада 1759 г. Міхал Чартарыйскі цікавіўся ў Міхала Масальскага, ці ўдалося ўтварыць Радзівіла адмовіцца ад незаконнага судовага пераследвання падчашага ВКЛ Яна Масальскага [1, р. 102]. 16 чэрвеня 1760 г. канцлер ВКЛ прасіў Масальскага інфармаваць аб справе падчашага ВКЛ, аб вырашэнні якой польны гетман ВКЛ меў дамовіцца з Міхалам Казімірам Радзівілам. З гэтых двух лістоў бачна, што Чартарыйскі не ўмешваўся на баку Масальскага ў вырашэнне гэтай справы.

У тым жа лісце ад 6 чэрвеня 1760 г. Чартарыйскі паведаміў, што ўзгадніў планы Фаміліі на пасольскія соймікі з рэферэндарыям ВКЛ Антоніям Пшаздзецкім, а той перадае іх Масальскаму, а потым Яну Клеменсу Браніцкаму. Адначасова Чартарыйскі хацеў атрымаць інфармацыю ад Масальскага аб пазіцыі Міхала Казіміра Радзівіла, а дакладней, ці пасля атрымання вялікай спадчыны Гераніма Фларыяна Радзівіла будзе далей вялікі гетман ВКЛ падпарадкоўвацца каралеўскаму двару [1, р. 110–111]. Безумоўна, цікавасць у гэтым лісце прадстаўляе інфармацыя аб тым, што моцнае ўзрастанне ўладанняў Радзівіла, на думку Міхала Чартарыйскага, можа зрабіць яго незалежнай ад каралеўскага двара палітычнай фігурай у княстве. Як вядома, спадзяванні Чартарыйскага былі марнымі, а Радзівіл наадварот, даведаўшыся пра супрацоўніцтва Фаміліі з Агінскімі і памерлым Геранімам Фларыянам Радзівілам, больш актыўна дзейнічаў у інтарэсах каралеўскага двара.

У канцы 1760 г. Міхал Чартарыйскі няўдала пераконваў Міхала Масальскага старацца аб выбары дэпутатам, а потым і трыбунальскім маршалкам, а не вылучаць на гэтую ролю сына падчашага ВКЛ. Канцлер ВКЛ пераконваў, што гэта не прывядзе, як лічыў Масальскі, “да грабавой дошкі” польнага гетмана ВКЛ, а наадварот умацуе яго здароўе. Міхал Чартарыйскі быў упэўнены, што Ігнат Пац не можа быць “цяжкім” канкурэнтам за трыбунальскае маршалкоўства. Прычынай было тое, што яму перашкодзяць стаць дэпутатам на ковенскім сойміку. Аб гэтым ужо меў данесці сваім пратэктарам ковенскі маршалак Антоній Забела [1, р. 113–114]. Як вядома, Масальскі не паслухаўся, а яго сын, падчашы ВКЛ Ян, з вялікім пратэстамі быў абраны на грамічным сойміку ў Мазыры. Гэтыя пратэсты не далі магчымасці Яну Масальскаму ўвайсці ў лік трыбунальскіх суддзяў. Ігнат Пац наадварот праз здраду Фаміліі Сымона Сіруця спакойна быў абраны дэпутатам на ковенскім грамічным сойміку і стаў маршалкам Трыбунала ВКЛ [6, с. 544–547]. Як бачым, Чартарыйскі цалкам памыліўся наконт магчымасцяў Ігната Паца стаць трыбунальскім маршалкам. Аднак аказаўся правы, што Міхал Масальскі на шмат болей мае шанцаў стаць трыбунальскім маршалкам, чым яго сын. Магчыма, што прычынай адмовы Міхала Масальскага быў не дрэнны стан яго здароўя, а “палітычная хвароба”. Ён добра разумеў, што яго канкурэнцыя да ўраду маршалка Трыбунала ВКЛ прывядзе да супрацьстаяння з Радзівіламі і каралеўскім дваром, як было ў 1756 г. Тым больш, што так сітуацыю з канкурэнцыяй Міхала Масальскага бачыў вялікі гетман ВКЛ Міхал Казімір Радзівіл [6, с. 541].

Безумоўна, Міхал Чартарыйскі быў незадаволены адмовай Міхала Масальскага канкурураваць аб выбары дэпутатам, а потым і трыбунальскім маршалкам. Аб гэтай яго памылцы канцлер ВКЛ напаміну Масальскаму пасля забойства Юзафа Струтынскага. Чартарыйскі быў вельмі раз’юшаны гэтым забойствам у Вільні побач з Трыбуналам ВКЛ, які менавіта і павінен гарантаваць шляхце бяспеку. Канцлер ВКЛ лічыў, што так адбылося з-за дрэнных выбараў у гэты Трыбунал ВКЛ. Чартарыйскі абяцаў удаве Струтынскага дамагчыся сатысфакцыі і прасіў дапамогі ёй і ў Міхала Масальскага [1, р. 117–118].

Каралеўскі дваром і магнацкімі групамі было дамоўлена, што Трыбунал ВКЛ 1762 г. будзе пад кантролем Масальскіх, а яго маршалкам мае быць падчашы ВКЛ Ян Масальскі. Міхал Чартарыйскі перадаваў, што, нягледзячы на дамову, існуе непрыязнь да Фаміліі ў вялікага гетмана ВКЛ Міхала Казіміра Радзівіла. Чартарыйскі добра ўспрыняў планы Масальскага адказаць за выбар прыхільных дэпутатаў на гарадзенскім, ваўкавыскім і аршанскім сойміках. Асноўны фінансавы цяжар за выбар дэпутатаў канцлер ВКЛ ускладаў на польнага гетмана ВКЛ, бо Трыбунал ВКЛ меў быць пад кантролем Масальскіх.

Таксама да Масальскага Чартарыйскі накіроўваў прыхільнікаў, якія павінны былі дзейнічаць на наваградскім соймаку. Яны мелі ўзгадніць свае дзеянні з Масальскім. Дасылаў Чартарыйскі і копіі лістоў, якія накіроўваў да іх. Асабліва канцлер ВКЛ турбаваўся аб выбарах на трох соймаках у Вільні. Туды як раз ад яго накіроўваўся назіраць за выбарамі на соймаках віленскі падкаморый Гараін. Чартарыйскі прасіў Масальскага ўгаварыць паехаць у Вільню і Антонія Пшаздзецкага. Лічыў неабходным накіраваць і іншых прыхільнікаў Фаміліі на соймакі ў Вільні. Канкрэтна з іх называў толькі гарадзенскага падстоля і гарадзенскага падстаросту Антонія Тызенгаўза, якога меў угаварыць паехаць у Вільню Масальскі. Тызенгаўз, са слоў Чартарыйскага, “не адмовіўся ад такой працы, а пры тых сваіх талентах і здольнасцях быў бы там карысны”. Угаворваў Чартарыйскі і свайго прыхільніка Бітаўта, які не хацеў быць дэпутатам, але пагадзіўся па яго просьбе. У сваю чаргу Бітаўт прасіў падтрымкі Міхала Чартарыйскага на дэпутацкім соймаку. Канцлер ВКЛ з атрыманага ліста Людвіка Пацея ведаў, што Пацеі будуць прытрымлівацца нейтралітэта на трэцім грамадзяскім соймаку. У такім выпадку, Чартарыйскі раіў абраць дэпутатам трэцяга падваяводу Юзафа Мікалая дэ Рэаса. Для гэтага канцлер ВКЛ прасіў Масальскага ўгаварыць дэ Рэаса канкураваць аб выбары дэпутатам. Адначасова Міхал Чартарыйскі збіраўся пераканаць трэцяга цівуна і трэцяга падкаморыя Укольскага адмовіцца ад планаў абраць дэпутатам на соймаку ў Троках рэчыцкага земскага судзіца Іяхіма Юдыцкага. На рэчыцкім грамадзяскім соймаку меў дзейнічаць прыхільнік Фаміліі шляхціц Шалюта. Яго Чартарыйскі таксама накіраваў да Масальскага для ўзгаднення планаў [1, р. 121–124]. Докладна бачна, што асноўны цяжар падчас выбараў на грамадзяскіх соймаках 1762 г. Чартарыйскі адводзіў Масальскім, якія мелі і кантраляваць Трыбунал ВКЛ.

У сваім лісце ад 9 лютага 1762 г. Чартарыйскі інфармаваў аб станоўчым заканчэнні соймака ў Брэсце і абранні на ім дэпутатамі брэсцкага лоўчага Багуслава Верашчакі і прыхільніка Флемінга Ігната Малішэўскага. Таксама канцлер ВКЛ інфармаваў аб выбары дэпутатамі ў Коўне Юзафа Несялоўскага і Марціна Матушэвіча, які арганізаваў Антоній Забела [1, р. 125, 127]. Грамадзяскія соймакі сталі прычынай яшчэ большай халоднасці паміж Міхалам Чартарыйскім і Міхалам Масальскім. Асабліва польны гетман ВКЛ быў незадаволены з большых, чым звычайна ў Фаміліі, сваіх выдатках на грамадзяскія соймакі. Збліжэнне Масальскага з каралеўскім дваром у сваю чаргу выклікала незадаволенасць канцлера ВКЛ [6, с. 568–569].

Чым бліжэй было да рэасумпцыі Трыбунала ВКЛ 1762 г., тым больш праяўляліся разыходжанні паміж канцлерам ВКЛ і польным гетманам ВКЛ. Добра гэта бачна з ліста Чартарыйскага ад 12 красавіка 1762 г. У ім канцлер ВКЛ пагаджаўся з сцвярджэннем Масальскага, што “ніколі не будзе быць шкодна згода, калі на дабро павернута”. Аднак ранейшыя і сучасныя прыклады паказваюць, што “калі прыхільнасць ёсць у перавазе”. Чартарыйскі быў упэўнены, што не трэба дапускаць у лік трыбунальскіх судзіяў мінскіх дэпутатаў, і вельмі радаваўся, што аб гэтым сказаў Масальскаму і Міхал Казімір Радзівіл. Таксама канцлер ВКЛ лічыў, што старадубскім дэпутатам не трэба дазваляць становіцца трыбунальскімі судзіямі. Тым больш, што і дырэктар старадубскага грамадзяскага соймака абяцаў не падпісваць ім крэдэнсы з-за меўшыхся пратэстаў [1, р. 129–130]. Рэасумпцыя Трыбунала ВКЛ 1762 г. прайшла згодна жаданням Чартарыйскага, але не паправіла яго адносіны з Масальскім.

Наступны ліст быў напісаны ўжо пасля пасольскіх соймакаў 1762 г. Міхал Чартарыйскі прапаноўваў польнаму гетману ВКЛ прызнаць на сойме нелегітымным выбар брэсцкага пасла Станіслава Крапіньскага. Падставай мелі стаць судовыя рашэнні супраць Крапіньскага, якія меў Міхал Масальскі. Канцлер ВКЛ інфармаваў, што маецца пратэстацыя супраць ковенскіх паслоў, занесеная ў Трыбунале ВКЛ. Больш таго, пратэстуючая шляхта мае паехаць на сойм у Варшаву, каб не дапусціць у лік паслоў абраных пасламі з пратэстамі ў Коўне. Чартарыйскі перадаваў і чуткі, што нібыта на каралеўскім двары разважаюць над планам, каб каралевіч Караль у кампенсацыю за Курляндую атрымаў урад вялікага гетмана ВКЛ і іншыя вышэйшыя ўрады [1, р. 133–134]. Безумоўна, што гэтыя чуткі напужалі Масальскага, які быў галоўным прэтэндэнтам на ўрад вялікага гетмана ВКЛ. Узнікае толькі пытанне: ці верыў ён ім альбо лічыў спецыяльна прыдуманымі Чартарыйскім? Тым больш, што яны не пацвердзіліся, і ўрад вялікага гетмана ВКЛ атрымаў Міхал Масальскі.

Масальскія фактычна адлучыліся ад Фаміліі і дзейнічалі самастойна. Пацвярджае гэта і ліст Міхала Чартарыйскага ад 10 студзеня 1763 г. з Воўчына. У ім канцлер ВКЛ напісаў да Міхала Масальскага адносна справы будучых грамадзяскіх соймакаў. Чартарыйскі шкадаваў, што лідары Фаміліі не маюць узгодненага плана. Яго ўласны план на грамадзяскія соймакі меў перадаць Масальскаму спецыяльна дасланы Антоній Тызенгаўз. Праўда, ён быў хутчэй для інфармацыі, а не для ўзгаднення супольнага плана, бо Чартарыйскі ўжо напісаў сваім прыхільнікам аб дзеяннях на грамадзяскіх соймаках. Перад Масальскім канцлер ВКЛ тлумачыў гэта тым, што да грамадзяскіх соймакаў ужо заставалася мала часу. Пераказаў Міхал Чартарыйскі і сваю прапанову Юрыю Флемінгу старацца стаць маршалкам Трыбунала ВКЛ і адмову таго. Прычынай адмовы Флемінга, са слоў Чартарыйскага, было тое, што падскарбі ВКЛ не бачыў “поўнага адзінства” сярод лідараў Фаміліі. Чартарыйскі прапаноўваў у такім выпадку кан-

дыдатам на ўрад трыбунальскага маршалка канюшага ВКЛ Міхала Бжастоўскага, якога павінен быў угаварыць Масальскі. Калі той не пагодзіцца, то Масальскі меў выбарць іншага кандыдата. Выбар дэпутатам кандыдата Фаміліі планавалася правесці на ковенскім грамічным сойміку. Як раз лоўчы ВКЛ Антоній Забела абяцаў абраць па аднаму дэпутату ад кожнага з варагуючых бакоў. Чартарыйскі перадаў, што вырашаць, якога кандыдата абраць ад Фаміліі дэпутатам, будзе Масальскі і аб гэтым ужо напісаў да Забелы. Сярод іншых кандыдатаў Чартарыйскі вылучаў у дэпутаты мінскага падстоля Ігната Карніцкага. Спачатку хацеў гэта зрабіць у Віцебску, але абозны ВКЛ Леанард Пацей напісаў аб немагчымасці такіх выбараў. Тады Чартарыйскі прапаноўваў, калі Масальскі не знойдзе падыходзячага кандыдата на выбары ў Коўне, то абраць на гэтым сойміку дэпутатам трэба Карніцкага. Чартарыйскі сумняваўся наконт планаў Караля Станіслава Радзівіла стаць дэпутатам у Слоніме і потым маршалкам Трыбунала ВКЛ. Аднак лічыў, што ў любым выпадку прысутнасць у Слоніме Міхала Масальскага і польнага пісара ВКЛ Міхала Казіміра Агінскага не дасць гэтага зрабіць. Пісаў канцлер ВКЛ, каб магчымому выбару дэпутатам Караля Станіслава Радзівіла перашкодзілі і ў Пінску [1, р. 137–140]. З ліста становіцца зразумела, што Міхал Чартарыйскі вельмі апасаўся разрыва з Масальскімі і нават быў гатовы аддаць у Фаміліі пад іх кіраўніцтва трыбунальскую кампанію 1763 г. Аказваецца, нават у пачатку 1763 г. Чартарыйскі не быў да канца адзначаны ў планах Радзівілаў. Праўда канцлер ВКЛ не верыў, што іх кандыдатам на трыбунальскае маршалкоўства будзе віленскі ваявода Караль Станіслаў Радзівіл, і яго выбар адбудзецца на слоніміскім сойміку. Аднак не ведаў ён, што гэтым кандыдатам будзе падкаморый ВКЛ Станіслаў Радзівіл, і падыходзячым месцам для яго выбару будзе вызначаны менавіта грамічны соймік у Слоніме. Таксама Міхал Чартарыйскі ў студзені 1763 г. ведаў аб планах каралеўскага двара склікаць Раду Сената, а пасля экстраардынарыйны сойм. Канцлер ВКЛ лічыў гэты сойм больш шкодным, чым дапаможным. Аб чым і інфармаваў Масальскага [1, р. 140].

Наступны ліст быў напісаны Міхалам Чартарыйскім 20 жніўня 1763 г. з Прыбыславіц у час, калі прыхільнікі Радзівілаў ужо перамаглі ў выбарах на Трыбунал ВКЛ, але для абароны Фаміліі супраць іх у межы княства ўвайшлі расійскія войскі. Задаволены гэтым Чартарыйскі перадаваў Масальскаму, што Караль Станіслаў Радзівіл вельмі напужаны ўваходам расійскіх войскаў у княства. Па інфармацыі канцлера ВКЛ, Радзівіл ужо напісаў ліст да вялікага кароннага гетмана Браніцкага і абяцае ў гэтай сітуацыі дзейнічаць згодна з ім. Зразумела, што такім лістом канцлер ВКЛ імкнуўся супакоіць Масальскага, што рэванш Фаміліі за паражэнне на рэасумпцыі Трыбунала ВКЛ 1763 г. вельмі блізкі. Адначасова Чартарыйскі прасіў інфармацыю, чым скончыліся размовы Масальскага з польным гетманам ВКЛ Аляксандрам Сапегай [1, р. 141–143]. Напэўна Масальскі праводзіў гэтыя размовы з польным гетманам ВКЛ, каб перацягнуць Сапегай на бок Фаміліі. Сам Масальскі заставаўся верным Фаміліі.

Яшчэ больш актыўна ў інтарэсах Фаміліі Масальскі пачаў дзейнічаць падчас бескаралеўя. Аб гэтым жака апошні з захваўшыхся ў Польскай бібліятэцы лістоў ад Міхала Чартарыйскага да Міхала Масальскага. 9 красавіка 1764 г. Чартарыйскі перадаў навіны з Варшавы, а таксама ўдакладніў рухі расійскіх войскаў па тэрыторыі княства. Канцлер ВКЛ выказаў пажаданне, каб войска ВКЛ па загаду Масальскага таксама дзейнічала ў інтарэсах створанай канфедэрацыі Фаміліі і іх прыхільнікаў [1, р. 153–154]. З гэтага ліста бачна, што Масальскі ўжо зноў дзейнічае разам з іншымі лідарамі Фаміліі ў імкненні абраць будучым каралём прыхільніка са сваёй магнацкай групойкі.

Заклучэнне. Лісты Міхала Чартарыйскага да Міхала Масальскага з фондаў Польскай бібліятэкі ў Парыжы з'яўляюцца важнай крыніцай па палітычнай гісторыі ВКЛ. Гэтыя лісты дапамагаюць лепш зразумець размеркаванне роляў сярод лідараў Фаміліі, а таксама ўдакладніць іх пазіцыю ў тых ці іншых палітычных здарэннях. Асабліва гэтая карэспандэнцыя дае магчымасць па новаму ацаніць месца і ролю Міхала Масальскага ў справах Фаміліі. Становіцца зразумелым, што ў канцы 30 – пачатку 40-х гадоў XVIII ст. менавіта Міхал Масальскі быў найбольш набліжанай фігурай у ВКЛ да лідара Фаміліі Міхала Чартарыйскага. Менавіта Масальскі ўзгадняў з Чартарыйскім дзеянні з іншымі ўдзельнікамі “вялікай кааліцыі”. Бачна, што Масальскі выступаў разам з Міхалам Чартарыйскім і Юрыям Флемінгам у канфлікце паміж апошняга з іншым лідарам Фаміліі Міхалам Антоніям Сапегай у размеркаванні трыбунальскіх урадаў у 1750 г. Карэспандэнцыя з Польскай бібліятэкі ў Парыжы дакладна паказвае прычыны і наступствы ахаладжэння адносін паміж лідарамі Фаміліі ў другой палове 50-х гг. XVIII ст. Становіцца зразумелым, што Міхал Чартарыйскі імкнуўся пазбегнуць разрыва Масальскіх з Фаміліяй у 1761–1763 гг. Менавіта таму канцлер ВКЛ фактычна аддаў пад кантроль Масальскага ўнутры Фаміліі выбары ў Трыбуналы ВКЛ 1761–1763 гг. Шмат у чым гэтая карэспандэнцыя дапаўняе нашыя веды пра некаторыя палітычныя падзеі, якія ўжо вядомы з гістарычнай літаратуры.

ЛІТАРАТУРА

1. Biblioteka Polska w Paryżu. – Sygn. 54/5.
2. Biblioteka Narodowa. – Sygn. 3285.
3. Zielińska, Z. Walka “Familii” o reforme Rzeczypospolitej, 1743–1752 / Z. Zielińska. – Warszawa, 1983.

4. Palkij, H. Sejmy 1736 i 1738 roku. U początków nowej sytuacji politycznej w Rzeczypospolitej / H. Palkij. – Kraków, 2000.
5. Macuk, A. Kampania trybunalska na Litwie w 1742 r. / A. Macuk // W cieniu wojen i rozbiorów. Studia z dziejów Rzeczypospolitej XVIII i początków XIX wieku. – Warszawa, 2014. – S. 161–180.
6. Мацук, А. Барацьба магнацкіх групавак у ВКЛ (1717–1763 гг.) / А. Мацук. – Мінск, 2010.
7. Macuk, A. Wybór pisarzy Trybunału Wielkiego Księstwa Litewskiego w latach 40-tych XVIII w. / A. Macuk // Rzeczpospolita państwem wielu narodowości i wyznań XVI–XVIII wiek. – Warszawa-Opole, 2008. – S. 105–124.
8. Archiwum Główne Akt Dawnych // Archiwuma Radziwiłłów. – Dz. IV. – Sygn. 472.
9. Szwaciński, T. Protekcja rosyjska udzielana przedstawicielom szlachty litewskiej u progu wojny siedmioletniej. Postawienie problemu / T. Szwaciński // Kwartalnik Historyczny. Rocznik CXVIII. – 2011. – Z. 1. – S. 47–83.
10. Macuk, A. Między dworem królewskim a stronnictwami magnackimi: Sprawa Jana Massalskiego w latach 1759–1760 / A. Macuk // Wobec króla i Rzeczypospolitej. Magnateria XVI–XVIII wiek. – Kraków, 2012. – S. 163–174.

Пачыніў 13.09.2017

**CORRESPONDENCE OF MIKHAIL CZARTORYSKI WITH MICHAL MASALSKY
FROM THE COLLECTIONS OF THE POLISH LIBRARY IN PARIS
AS A SOURCE ON THE POLITICAL HISTORY
OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA FROM 1737 TO 1764**

A. MACUK

On the basis of correspondence from the Polish Library in Paris, the political history of the GDL 1737–1764 is investigated. The author managed to establish the place and role of Mikhail Masalsky in the social and political life of the GDL in the 30–60s of the 18th century, and also the distribution of roles among the leaders of the Familia (political party). It allowed to clarify the position of the leaders of the Familia in certain political incidents. This allows to understand the common and different in the position of the Mikhail Masalsky grouping regarding the other leaders of the Familia and better understand the causes of his conflict with them in 1761–1762.

Keywords: *magnates, magnates' groups, correspondence, Sejmiaks, new sources, the Familia.*

УДК 39

**АБМЕН І ГАНДАЛЬ У БЕЛАРУСКІМ ТРАДЫЦЫЙНЫМ ГРАМАДСТВЕ
ЯК ПРАДМЕТ ЭТНАЛАГІЧНАГА ДАСЛЕДАВАННЯ**

*канд. гіст. навук, дац. А.В. СУМКО
(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт)*

Абмен і гандаль у традыцыйным грамадстве значна адрозніваецца ад гандлёвых аперацый ва ўрбаністычным асяродку. У вясковым соцыуме абмен і гандаль, апрача сваёй утылітарнай прагматыкі, заўсёды маюць некалькі важных дадатковых праекцый, не ўласцівых для мадэрнага горада: сацыяльна-культурную і рытуальна-сімвалічную.

Ключавыя словы: абмен, гандаль, сацыяльнакультурная і рытуальна-сімвалічная праекцыі.

Уводзіны. Абмен і гандаль як важнейшыя сферы эканамічнай дзейнасці грамадства, што ў тых ці іншых формах функцыянуюць напрацягу ўсёй гісторыі чалавецтва, маюць, па сутнасці, глабальны характар. Працэс абмену грунтуецца на прынцыпе ўзаемнасці (узаемнага абмену таварамі і паслугамі) і выступае ў формах пераразмяркавання і рынкавага абмену. Складовымі часткамі апошняга з’яўляецца продаж і набыццё тавараў. “Эканамічныя сістэмы амаль не бываюць самадастатковымі. Гандаль, ці абмен таварамі паміж рознымі краінамі або рэгіёнамі, – вось асноўная рыса эканамічных сістэм” [1, с. 146]. У той жа час гандлёвыя ці абменныя аперацыі, нягледзячы на свой універсальны характар, могуць выяўляць сваю спецыфіку як уласна ў эканамічнай, так і ў этнасацыяльнай, культурнай і нават міфарытуальнай (сімвалічнай) праекцыі.

Натуральным чынам абмен і гандаль з’яўляюцца важнейшымі фактарамі гаспадарчага (эканамічнага) жыцця этнічных супольнасцяў, якое, у сваю чаргу, стала спецыяльным прадметам даследавання так званай “эканамічнай антрапалогіі” (этналогіі), што ўвабрала ў сябе ідэі А. Чайнава, які вывучаў спецыфіку сялянскай эканомікі Расіі, а як асобны накірунак народназнаўчых навук аформілася ў працах Маршала Салінза, амерыканскага антрапалага, аўтара канцэпцыі “першабытнага дастатку” [2, с. 84–85]. У той жа час, як адзначыў Ю.І. Сямёнаў, пачынальнік эканамічнай этналогіі на пост-савецкай прасторы, “адным з асноўных аб’ектаў гэтай дысцыпліны з’яўляецца эканоміка дакласавага (“прымітыўнага”) грамадства” [3, с. 1].

Вызначэнне аб’екта даследавання эканамічнай этналогіі такім чынам пакідае па-за ўвагай спецыфіку эканамічнага развіцця, у тым ліку сферы абмену і гандлю, у традыцыйных супольнасцях аграрнага тыпу, функцыянаванні якіх далёка выходзіць за храналогію першабытнага грамадства і сягае, у той ці іншай ступені і формах выяўлення, да сучаснасці. Пазначаная заўвага ёсць тым больш прычыповай, калі гаворка ідзе пра беларускую традыцыйную супольнасць XIX–XX стст., у межах якой абмен і гандаль не толькі выконвалі важную ўтылітарную ролю ў этнічнай сістэме жыццязабеспячэння, але мелі значную колькасць сацыякультурных, міфарытуальных і сімвалічных канатацый, рэlevantных для міфапаэтычнай карціны свету беларусаў. Неабходна адзначыць, што комплекснае даследаванне ўтылітарнай і сімвалічнай прагматыкі абмену і гандлю ў беларускім традыцыйным грамадстве дагэтуль амаль не выступала ў якасці прадмета айчычнай этналогіі. Даследаванні ў гэтым накірункуносяць адзінкавы характар. Пытанні сімвалічных аспектаў абмена і гандлю, семантыкі кірмаша, карчмы і вобраза гандляра ў беларускай традыцыйнай культуры ў пэўнай ступені закранутыя ў працах У. Лобача¹ і Т. Валодзінай [4–6; 7, с. 377–383; 8, с. 103–111].

Асноўная частка. Нягледзячы на перавагу натуральнай гаспадаркі ў эканоміцы традыцыйнага тыпу, якая была характэрна для беларускай вёскі ў перыяд феадалізму, не выклікае сумнення, што традыцыйная супольнасць пэўным чынам была ўцягнута ў грашова-таварныя адносіны і гандлёвыя аперацыі, уласцівыя тагачаснаму грамадству ў цэлым. Ужо ў Статуце ВКЛ 1588 г. знаходзім вельмі паказальны артыкул “О мешанех, иж не маюць на торгу селян грабити” [9, с. 133], які сведчыць не толькі пра канфліктны характар узаемадачынненняў вяскоўцаў і гараджанаў, але і пра тое, што сяляне на гарадскім рынку былі звыклі і распаўсюджанай з’явай. Запатрабаванасць сельскагаспадарчай прадукцыі для горада з’яўляецца цалкам празрыстай і зразумелай, але ў большай ступені паказальнымі з’яўляюцца тыя тавары, без якіх сістэма жыццязабеспячэння традыцыйнай аграрнай супольнасці не магла паўнаважна функцыянаваць.

Вядомы этнограф Ч. Пяткевіч, які адзін з першых звярнуў увагу на спецыфічны характар абменна-гандлёвых аперацый у вясковым соцыуме, акрэсліў шэраг “стратэгічных” тавараў, жыццёва важных для

¹ Аўтар выказвае падзяку У.А. Лобачу за карысныя парады і рэкамендацыі, выкарыстаныя пры напісанні артыкула.

вясковай грамады: соль, шкло, жалезныя прылады працы, якія нельга было набыць шляхам абмену ні за ўсё тое, што дае прырода, ні за вырабы ўласных рук [10, с. 59]. Даследык адначаў, што пры кожнай мажлівасці сяляне стараліся расплаціцца прадуктамі – вымяняць. Абмену падлягаў значна шырокі спектр тавараў. Так, Ч. Пяткевіч выдзеліў 8 катэгорый прадуктаў для абменнага гандлю жыхароў лясных весак з агульнай колькасцю да 70 пазіцый. Да іх адносіліся сельскагаспадарчыя прадукты, жывела і птушкі, дзікія і свойскія, плады лесу, вырабы з дрэва, прадукты са збожжа і валокнаў. Што датычыла прадметаў для абменнага гандлю жыхароў палявых вёсак, то даследчык адзначаў, што “яны маюць тыя самыя прадукты, жывёлу і птаства, крыху мёду, апрача таго, у іх родзіць пшаніца і рапс, а таксама некаторыя ягады і садавіна. Аднак яны пазбаўлены лясных звяроў, птушак, лясных пладоў і шматлікіх іншых выгод, што дае лес. Затое ткацтва стаіць на больш высокім узроўні” [10, с. 60].

Пры гэтым абмен таварамі ўсведамляўся сялянамі менавіта як гандлёвая аперацыя: “Пашла дражджэй купіць – яны таргавалі дражджамі, а мы гналі гарэлку і прадавалі... Толькі *купіла* дражджэй, занесла, не знаю што, яечкі, можа ці што” (Полацкі р-н); “А нашы, рускія, ехалі за немцамі і везлі з сабой і стулы, і шкафчыкі. Тады хадзілі па хутарам, каб хто купіў. І мама мая *купіла* два стула ў іх за хлеб за печаны” (Докшыцкі р-н) [11, с. 245, 252].

Трэба адзначыць гендарную спецыфіку абменнага гандлю ў беларускім традыцыйным грамадстве. Так, большасцю прадметаў, прызначаных на продаж, распараджаўся гаспадар, аднак за гаспадыняй пакідаліся вырабы са збожжа, ткацкія вырабы, мяса, малочныя прадукты і яйкі, агародніна, птушкі, дзікарастучыя плады і сушаная рыба [10, с. 61]. Толькі ў асобных выпадках яна мела права закрануць і збожжа, як, напрыклад, пры пакупцы гаршкоў, збанкоў для малака і іншых гліняных пасудзін, за якія прадавец браў столькі жыта ці іншага зерня, колькі ў пасудзіне змесціцца.

Характар, форма і змест абменных і гандлёвых аперацый у рамках вясковай супольнасці знаходзіўся ў цеснай залежнасці не толькі ад аграрнага характару вытворчасці, але не ў малой ступені і ад сацыяльна-эканамічных і палітычных працэсаў, якія мелі месца ў ХХ ст.: трансфармацыя дзяржаўных межаў, калектывізацыя, перыяд акупацыі падчас Вялікай Айчыннай вайны, жорсткія ўмовы пасляваеннага аднаўлення выклікалі да жыцця альбо актуалізавалі нетыповыя формы эканамічнай і гандлёвай актыўнасці сялян, дзе сярод традыцыйных зняткаў (збіральніцтва грыбоў і ягад на продаж) узніклі і нелегальныя формы гандлёвага прадпрымальніцтва (кантрабанда ў зонах савецка-польскай і савецка-латышскай мяжы ў 1920-х гг., самагонаварэнне ў камерцыйных мэтах).

Характар таварнага абмену ў беларускай вёсцы яшчэ да 1950–1960-х гг. істотным чынам адрозніваўся ад гарадскога гандлю, дзе адназначна панавалі таварна-грашовыя адносіны – адносіны безаблічныя, пазбаўленыя сімвалічнага кантэксту, якія мелі характар штодзённых аперацый, калі чалавек меў патрэбу, ішоў у краму і набываў тавар па загадзя вызначаных коштах. У вёсцы гандлёвыя аперацыі мелі некалькі праекцый. Сам працэс гандлю меў выразны культурна-сацыяльны кантэкст. Такія мерапрыемствы, як кірмаш ці фэст разглядаліся як выключная культурная падзея, а не толькі як мерапрыемства ўтылітарнае, дзе можна было купіць ці прадаць. Характарызуючы вясковы гандаль на Палессі, Ч. Пяткевіч адзначаў, што селянін абавязкова выпраўляўся на кірмаш нават не заўсёды маючы патрэбу купіць ці прадаць: “Робіць ён гэта па звычцы, па прыкладзе іншых, а часцей, адчуваючы патрэбу ў новай кампаніі, бо штодзённым спатканні ў карчме яму ўжо прыеліся. Такіх на кірмашы бывае найболей: тых, якія купляюць і займаюцца абменным гандлем значна меней, а яшчэ меней тых, хто прадае за наяўныя грошы. ...Адны, спаткаўшы знаёмых з суседняе вёскі, якіх даўно не бачылі, размаўляюць пра хатнія справы; іншыя, стараючыся пра ўсё дзедацка, усюды заглядаюць, з усімі гаргуюцца, нічога не купляючы, акрамя якога-небудзь глінянага пеўніка. Даследаваўшы рынак, хоць і ў паспешлівым тэмпе, забяспечаныя карыснымі для пакупнікоў звесткамі, яны адпраўляюцца туды, дзе найбольшы тлум зацікаўленых кірмашом, і інфармуюць знаёмых аб продажы, гатунку прадуктаў і цэнах, да вялікай незадаволенасці тых, хто пераацаніў свае тавары. 3-за гэтага ўзнікаюць бойкі і ўзаемная лаянка” [10, с. 224].

Кірмашы з’яўляліся сваеасаблівым камунікацыйным цэнтрам, які разам з тым функцыянаваў па адмысловых правілах. Нават выправа на кірмаш суправаджалася разнастайнымі магічнымі прадпісаннямі і засцярогамі. Так, лічылася, што пакуль гаспадар, выбіраючыся на кірмаш ці базар, не выедзе з падворка, каб яму спрыяла ўдача, усе печы павінны быць закрытыя засланкамі [12, с. 286]. Асаблівае значэнне надвалася акалічнасцям і абставінам куплі-продажу на кірмашы. Напрыклад, паўсюль у Беларусі лічылася, што прадаваць карову трэба разам з вяроўкай (“чыя кароўка – таго і вяроўка”), каб яна добра гадавалася і надалей, а каня – з аброццю, каб ён не вярнуўся да старога гаспадара [7, с. 378]. Сімвалічныя аспекты куплі-продажу былі абумоўлены як значнасцю тавару для гаспадаркі ў цэлым, так і асаблівасцямі міфапаэтычнай карціны свету, якая дыктавала свае правілы “ўдалай пакупкі”. Напрыклад, дзеля таго каб прывабіць пакупнікоў, трэба было ўзяць шчопаць пяску з пад усіх крамаў і пасыпаць у сябе, ці змяніць месца гандлю на іншае і падмануць там каго-небудзь [13, с. 511–512].

Выразны сацыяльны кантэкст меў феномен магарыча, які з’яўляўся адным з прававых звычаяў, заснаваны на частаванні гарэлкаю супрацьлеглага боку з пасрэдкамі для зацвярджэння абмену, куплі-

продажу і шматлікіх умоў рознага характару [10, с. 199]. Адбываўся ён на кірмашы ці ў доме. Як адзначаў Ч. Пяткевіч, найчасцей справа заканчвалася вялікай п'янкай у карчме, дапоўненай падчас кірмашу, дзе падсядалі знаёмыя і ўсе па чарзе плацілі. Калі абмен ці купля-продаж адбывалася паміж двума гаспадарамі на месцы, магарыч адбываўся ў доме з удзелам аднаго ці двух запрошаных суседаў, “бо так велось у нашых дзедоў і бацькоў, дак і нам інакжэ не гадзіцца” [10, с. 200]. Лічылася, што пасля магарыча дамова не можа быць скасавана, нават калі адзін з бакоў заўважыў памылку: “бачылі очы, што куплялі, плацце – хаць павылазыце”.

Працэс гандлю ў вёсцы цесна звязаны з феноменам святочнага часу. Звычайна кірмашы суадносілі з буйнымі каляндарнымі святамі, што, у сваю чаргу, абумовіла спецыфіку гандлёвых аперацый і вылучала іх з будзённага жыцця. Амаль усе буйныя кірмашы XIX ст., якія адбываліся ў розных мясцовасцях Беларусі, былі прымеркаваныя да царкоўных святаў і насілі іх найменні: Петрапаўлаўскі (Бешанковічы Лепельскага пав.), Юраўскі (Віцебск), Успенскі (Свіслач Ваўкавыскага пав.) і інш. [7, с. 378]. Кірмаш цесна суадносіўся з ідэяй сакральнага не толькі ў часавым, але і прасторавым вымярэнні – правядзенне на храмавых плошчах, паблізу мясцовых святыхняў: капліц, святых крыніц. “Там цэркаўка адна была, у ясу. Но такі кірмаш быў красівы, с абедна, с трох часоў людзі ідуць і ідуць туды, і з гармонямі, хто з чым. А дауней старцаў жа было, сядзяць старцы на пнях. Богу маліліся, больш такіх калекаў было, вот яны сядзяць і тады” [14, с. 205]. Устойлівасць святочнай кірмашовай традыцыі на тэрыторыі Беларусі фіксуецца сучаснымі палявымі даследаваннямі і на роўні 1920–1950-х гг. Пры гэтым наведвальнікі кірмашу здзяйснялі не толькі ўтылітарныя (абмен, гандаль), але абавязкова і сімвалічныя (рытуальныя) аперацыі [7, с. 378].

У традыцыйным грамадстве гандаль мае і рытуальна-сімвалічную праекцыю. Як было пазначана вышэй, сам працэс куплі-продажу вельмі часта суправаджаўся магічнымі (сімвалічнымі) маніпуляцыямі з тым, каб забяспечыць іх паспяховасць. З другога боку, метафорыка гандлю вельмі шырока прадстаўлена ў рытуальных сцэнарыях, найперш, абрадаў сямейнага цыклу (радзінах, вяселлі і пахаванні).

М. Нікіфароўскі ў канцы XIX ст. запісаў наступнае павер'е, якое бытвала ў беларусаў Віцебшчыны: “Калі ў мужа і жонкі не «годуюцца» дзеці, яны прадаюць навароджанага якой-небудзь асобе, пераважна сябру сям'і. Пасля працяглых перамоваў і спрэчак, бацькі атрымліваюць ад купца некалькі капеек і запіваюць здзелку гарэлкай. Само сабою зразумела, што прададзенае дзіця застаецца пры бацьках, але лічыцца «чужым таварам», які яны трымаюць толькі часова. На выпадак хваробы дзіцяці бацькі з адценнем гневу кажуць: «што ето N не бярыць сваю тыварину?». Той, хто набыў дзіця, таксама дакарае бацькоў за няўмелы нагляд за яго «тыварынай». У тым і іншым выпадку хвароба пакідае дзіця» [15, с. 16–17]. У дадзеным выпадку, працэдура “куплі” навароджанага сімвалічным чынам падкрэслівала яго культурны (таварны) статус, што, у сваю чаргу, мусіла нейтралізаваць біялагічную (прыродную) небяспеку патэнцыйна магчымай хваробы.

Напрыклад, выкуп нявесты падчас вяселля – гэта не проста гульня, а на сімвалічным узроўні заключэнне гандлёвага пагаднення ў прысутнасці вялікай колькасці людзей. Мова сватоў – гэта мова купцоў: “Эта мы хацелі цяліцу ў вас купіць. Ці прадасце цяліцу, ці не прадасце нам?”. [15, с. 96]; “У вас, гаварылі, прадаецца цялушачка, а мы здалёку, людзі нам параілі, мы і прыехалі” [17, с. 37]. Падрабязна апісаў гандлёвую аперацыю падчас сватання Е. Раманаў: «Сваты вступают в разговор: «Мы купцы заморския, ищим товару ни лижачага, а хадячага. Кали у вас ёсьть, покажытья лицом, а мы пахвастуям свaim таварцам». Отец невесты старается тем временем переговорить с женой и дочерью. Если они не против предложения, то подводят к отцу жениха какую-нибудь девушку из подруг невесты. Тот говорит: «Не, мне гэты тавар ни наравитца!» Тогда подводит другую, третью и наконец уже невесту. Сват тогда говорит: «Во, товар хорош и нам прыгож». Родители подают друг другу руки через полу и распивают принесенную водку» [18, с. 473]. У часе вяселля “купля-продаж” набываюць характар сімвалічнага дзеяння, бо ўвага канцэнтруецца не на факце платы, не на яе цане, але на самім дзеянні. Купля-продаж тут уяўляюць сабой ідэальнае ўвасабленне канкурэнцыі паміж двума бакамі, кожны з якіх імкнецца падмануць суперніка, выгадаць штосці для сябе, але ўрэшце рэшт яны прыходзяць да ўзаемавыгоднага пагаднення [19, с. 124–125]. Аднак у дадзеным выпадку важным становіцца і іншы сімвалічны аспект куплі-продажу: нявеста, як “тавар”, становіцца “ўласнасцю” маладога, у той час як яе сям'я губляе правы на яе.

У пахавальнай традыцыі беларусаў (шырэі – індаеўрапейскіх народаў) прысутнічае ўяўленне, што для кожнага памерлага трэба “выкупіць” яго месца на тым свеце. Трэба адзначыць, што гэты звычай ёсць надзвычай устойлівым ва ўсіх рэгіёнах Беларусі і захаваўся да нашага часу: “На клодаў ізноў пагаласілі, папрашчаліся і закрываюць крышку. Грошы кідаім, белыя капейкі ў ямку. Эта закупалялі яму меца, што б яго ніхто ня выкінуў” (Кармянскі р-н) [20, с. 147]

Яшчэ больш выразна рытуальныя функцыі абмену і гандлю выяўляюцца ў сферы камунікацыі з сакральным светам. Расійскія даследчыкі А. Мароз і М. Пятроў адзначылі, што “часцей за ўсё размова ідзе аб плацяжах прадстаўнікам таго свету ўзамен якіх-небудзь дабротаў, атрыманых ад іх, паколькі

кантакты чалавека з іншым светам у значнай ступені будуюцца на прынцыпе абмену ці куплі-продажу” [19, с. 127]. Беларускія навукоўцы У. Лобач і Т. Валодзіна звярнулі ўвагу на тое, што ідэя дараабмену паміж людзьмі і сферай сакральнага выразна выяўляецца ў практыцы ўшанавання культавых крыніц, калі, каб атрымаць меркаванае здароўе, людзі музілі прынесці дар (грошы, палатно) [8, с. 103–113]. Аднак носьбітамі традыцыі ў XX ст. гэтая сімвалічная камунікацыя асэнсоўвалася менавіта як гандлёвая аперацыя: “На Пасхальныя празьнікі ваду бралі, на Пасху, на Раждзёство, на царкоўныя, як у цэркву ходзім маліцца, тады вадзічку гэту... Памагае, дзяцей як крэсьцім у цэркві, дак эту вадзічку поп, цэрква берёт... Ребяты, усегда дзеці абліваюцца, яна цякець, падставяць баначку, тады яе разбрызнуць. Усе ўрэмя, яна круглы год цякэць. Кідалі, да, серебряныя: дзесяць капеек там, дваццаць, такія... Як бы куплялі вадзічку (кідаючы капеечкі)” [14, с. 220].

У беларускай традыцыйнай супольнасці гандаль не лічыўся паважанай сферай дзейнасці і разглядаўся як “неспраўдная” работа, супрацьпастаўленая земляробству, але разам з тым ён быў неабходным для паўнаважнага функцыянавання вясковага соцыуму. У межах кансерватыўнай і адносна малалікай лакальнай супольнасці гандлёвыя аперацыі мелі падкрэслена персанальны характар, калі прынцыповае значэнне мела асоба як прадаўца, так і пакупніка. Для вяскоўца было важна ў каго ён набывае тавар, якім чынам гэты чалавек характарызаваны ў вясковым соцыуме, якія асабістыя стасункі звязваюць яго з прадаўцом. Таму ў традыцыйнай карціне свету вобраз гандляра займае адметнае месца. Да вайны, асабліва ў мястэчках, гандлярамі былі пераважна габрэі. Паказальнымі з’яўляюцца даныя па г. Лепель, дзе ў “пачатку 1920-х гг. каля 85% працаздольнага габрэйскага насельніцтва займалася дробным гандлем, астатнія 15% сумяшчалі гандаль з рамеснай дзейнасцю” [21, с.19]. Прыблізна такая ж карціна фіксуецца ў даваенны час і ў мястэчках Заходняй Беларусі: “А ўрэмя многа было, цэлыя Дунілавічы. Магазіны бальшыя былі, таргавалі. Там і булачкі свае яны пяклі. Такі хлеб быў харошы. Яны як спякуць, дык ідзеш праз Дунілавічы, дык пахніць, знаць што хлеб. Сільна харошы хлеб рабілі жыды” [11, с. 350]. Этнаграфічныя і фальклорныя матэрыялы паказваюць, што стаўленне да габрэйскага гандляра з боку беларусаў было дваістым. З аднаго боку, яго паважалі за дабрабытлівасць і тактоўнасць у гандлёвых аперацыях: “... к жыду прыходзяць, а жyd вежлівы: “Хадзі, хадзі, хадзі. Вот табе плацця, вот табе касцюм. Хадзі”, а таксама за прадастаўленне крэдыту на падставе асабістага даверу: “.. ані собственыя крамы дзіржалі. У іх жылезная пана: вот столька і столька. – “Ай, дорага”. – “Снімаю, дзішэўле”. – “Ай, дзенег нет”. – “Ай, ты знакомы, запішу”” [11, с. 349]. З другога боку, габрэй, паводле этнічных, канфесійных, культурна-бытавых прыкмет успрымаўся як “чужынец”, і яму прыпісваліся адмоўныя характарыстыкі: сквапнасць, хітрасць, падман [6, с.72]. Пасля Вялікай айчынай вайны замест гандляра-габрэя прыходзіць вобраз прадаўчыцы крамнага гандлю, на якую часткова пераносіцца характарыстыкі папярэдняга вобраза (габрэйская хітраватасць і г.д.). Разам з тым неабходна канстатаваць, што комплексная характарыстыка вобраза гандляра ў традыцыйнай карціне беларусаў XX ст., у кантэксце этнакультурных і сацыяльна-эканамічных трансфармацый, у айчынай этналогіі дагэтуль не стала прадметам спецыяльнага даследавання.

Заклучэнне. Абмен і гандаль у сістэме жыццядзейнасці беларускага традыцыйнага грамадства на сённяшні дзень уяўляюць сабой практычна не распрацаваную лакуну ў айчынным народазнаўстве, што, у сваю чаргу, вылучае акрэсленую праблематыку ў якасці перспектыўнага прадмета этналагічнага даследавання. Комплексная характарыстыка ўтылітарнай і сімвалічнай прагматыкі абмену і гандлю ў беларускай традыцыйнай супольнасці вымагае вырашэння наступных задач:

- вызначэнне гаспадарча-эканамічнай ролі абмену і гандлю у сістэме жыццяабеспячэння вясковага соцыума ў кантэксце сацыяльна-эканамічных і палітычных працэсаў XX ст.;
- характарыстыка сацыякультурнай нагрукі гандлёвых аперацый ва ўмовах беларускай вёскі;
- комплексны аналіз вобраза гандляра ў традыцыйнай карціне свету беларусаў;
- выяўленне і характарыстыка рытуальна-сімвалічных кантэкстаў і метафорыкі гандлю ў беларускай традыцыйнай культуры.

У метадалагічным плане рэалізацыя пастаўленых задач патрабуе звароту не толькі да метадаў гістарычнага і этналагічнага даследавання, але і шырокага міждысцыплінарнага падыходу ў цэлым, калі актуальнымі і запатрабаванымі стаюць тэарэтычныя прынцыпы і напрацоўкі эканамічнай гісторыі, дэмаграфіі, сацыялогіі, этнасемяітыкі, фалькларыстыкі і вуснай гісторыі.

ЛІТАРАТУРА

1. Говард, М. Сучасная культурная антрапалогія / М. Говард / пер. З англ. І. Карпікава, М. Раманоўскага, А. Шыманскага ; пад рэд. П. Церашковіча. – Мінск : Тэхналогія, 1995. – 478 с.
2. Захаркевич, А.С. Социально-культурная антропология : учеб.-метод. пособие / А.С. Захаркевич. – Минск : БГУ, 2012. – 233 с.
3. Семёнов, Ю. Экономическая этнология. Первобытное и раннее предклассовое общество / Ю. Семёнов // Материалы к серии «Народы и культуры». – Вып. XX. Экономическая этнология, кн. 1. – М. : Институт этнологии и антропологии РАН, 1993. – Ч. 1–3. – 710 с.

4. Лобач, У.А. Карчма ў беларускай этнакультурнай традыцыі: сімвалічны статус і рытуальныя функцыі / У.А. Лобач // Беларускі гістарычны часопіс. – 2011. – № 3. – С. 15–19.
5. Лобач, У.А. Кірмаш у традыцыйных уяўленнях і фальклору беларусаў / У.А. Лобач // Беларускі гістарычны часопіс. – 2008. – № 6. – С. 33 – 36.
6. Лобач, У.А. Вобраз габрэя-гандляра ў традыцыйнай карціне свету беларусаў Віцебшчыны канца XIX – першай паловы XX ст. / У.А. Лобач // Працы Цэнтра вывучэння гісторыі гандлю. – Вып. 2. – Мінск : ТАА «Інстытут рознічных тэхналогій “Менка”», 2017. – С. 72–79.
7. Лобач, У.А. Міф. Прастора. Чалавек: традыцыйны культурны ландшафт беларусаў у семіятычнай перспектыве / У. Лобач. – Мінск : Тэхналогія, 2013. – 510 с.
8. Лобач, У. Святыя крыніцы Беларусі / У. Лобач, Т. Валодзіна. – Мінск : Белауская навука, 2016. – 188 с.
9. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 : Тэксты. Даведнік. Каментарыі / Беларус. Сав. Энцыкл. ; рэдкал.: І.П. Шамякін (гал.рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1989. – 573 с.
10. Пяткевіч, Ч. Грамадская культура Рэчыцкага Палесся / Часлаў Пяткевіч ; пер.з пол. Уладзіміра Васілевіча і Ліі Салавей ; прадм. Ганны Энгелькінг. – Мінск : Беларуская навука, 2015. – 319 с.
11. Полацкі этнаграфічны зборнік. Вып. 2. Народная проза беларусаў Падзвіння : у 2 ч. / уклад., прадм. і паказ. У.А. Лобача. – Наваполацк : ПДУ, 2011. – Ч. 2. – 368 с.
12. Federowski, M. Lud białoruski na Rusi Litewskiej / M. Federowski. – Kraków : Wyd. Komis. Antropolog. Akad. Umiejetnosci, 1897. – Т. I. – 509 с.
13. Зямля стаіць пасярод свету... Беларускія народныя прыкметы і павер'і / уклад., прадм., пераклад, бібл. У. Васілевіча. – Мінск : Маст. літ., 1996. – Кн.1. – 591 с.
14. Полацкі этнаграфічны зборнік. Вып. 2. Народная проза беларусаў Падзвіння : у 2 ч. / уклад., прадм. і паказ. У. А. Лобача. – Наваполацк : ПДУ, 2011. – Ч. 1. – 292 с.
15. Никифоровский, Н.Я. Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах. Собраны в Витебской губернии. / Н.Я. Никифоровский. – Витебск, 1897. – 336 с.
16. Абрадавы фальклор Гомельскага Палесся. / уклад., прадм.: В.С. Новак; рэд.: І.Ф. Штэйнер. – Гомель : Гомельскі цэнтр навукова-тэхнічнай і дзелавой інфармацыі, 1998. – 139 с.
17. Мішына, В.І. Структура і сімваліка традыцыйнага вясельнага абраду Лепельшчыны (канец XIX – першая палова XX стст.) / В. І Мішына // Нарысы гісторыі Лепельшчыны : зб. Артыкулаў / пад агул. рэд. Я.А. Грэбня, А.У. Стэльмах. – Віцебск : Віцеб. абл. друк., 2012 г. – с. 35-49.
18. Романов, Е.Р. Белорусский сборник / Е.Р. Романов. – Вып. 8. : Быт белорусса. – Вильна, 1912. – Вып. 1. – 9600 с.
19. Мороз, А. Деньги в мифологических представлениях и обрядовых практиках / А. Мороз, Н. Петров // Фетиш и табу: Антропология денег в России / сб. научных статей; сост. А. Архипова, Я. Фрухтманн. – М. : ОГИ, 2013. – С. 119–146.
20. Сысоў, У.М. Беларуская пахавальная абраднасць. Структура абраду, галашэнні, функцыі слова і дзеяння / У.М. Сысоў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1995. – 182 с.
21. Карпекин, К. «Они жили в этом городе...» : Очерки истории лепельских евреев в 1840–1930-е гг. / К. Карпекин // Лепель: память о еврейском местечке / отв. ред. С. Амосова – М. : Центр “Сэфер” ; Ин-т славяноведения РАН, 2015. – 496 с.

Паступіў 20.12.2017

EXCHANGE AND TRADE IN THE BELARUSIAN TRADITIONAL SOCIETY AS A SUBJECT OF ETHNOLOGICAL RESEARCH

A. SUMKO

Exchange and trade in a traditional society differs significantly from the trading operations in an urban environment. In village society, exchange and trade, in addition to its utilitarian pragmatists always have several important additional projections, not typical for modern cities: the.

Keywords: *exchange. trade, socio-cultural and ritual-symbolical projections.*

УДК 94(476)«1863/1864»

**ССЫЛЬНЫЕ УЧАСТНИКИ ВОССТАНИЯ 1863–1864 гг. УРОЖЕНЦЫ БЕЛАРУСИ В СИБИРИ:
ЧИСЛЕННОСТЬ, СОСЛОВНЫЙ СОСТАВ И ГЕОГРАФИЯ РАССЕЛЕНИЯ***канд. ист. наук, доц. Е.В. СЕРАК**(Белорусский государственный медицинский университет, Минск)*

Рассматриваются вопросы определения численности и сословного состава ссыльных участников восстания 1863–1864 гг. из Беларуси в Сибирь на основе отечественной, российской и польской историографии, а также источниковой базы. Отмечается, что состав ссыльных представлен всеми основными группами населения и имеет ряд особенностей. С одной стороны, он включает слои населения, проживавшие на территории белорусско-литовских губерний во второй половине XIX в., а именно: дворян, почетных граждан, духовенство, мещан, крестьян. С другой, по числу приговоренных к ссылке преобладают лица привилегированных сословий. Лица духовного звания среди ссыльных представлены преимущественно служителями католической церкви, число православных священников незначительно. Выделены факторы, которые учитывались при выборе места для размещения ссыльных в сибирском регионе. Определяются принципы распределения осужденных между губерниями Западной и Восточной Сибири с учетом вида ссылки и сословной принадлежности. В динамике поступления ссыльных в сибирский регион и их рассредоточение по населенным пунктам возможно отметить высокую плотность концентрации политических ссыльных в Западной Сибири по сравнению с Восточной.

Ключевые слова: численность, сословный состав, география расселения, восстание 1863–1864 гг., ссылка, Сибирь.

Введение. В исследовательской литературе до настоящего времени нет единого мнения в отношении конкретного количества сосланных уроженцев белорусско-литовских губерний за причастность к восстанию 1863–1864 гг. В ряде случаев указываются только данные, которые охватывают белорусские, литовские, польские и украинские территории в целом. Вместе с тем изучение численности, состава ссылки и географии расселения ссыльных дает возможность оценить особенности пребывания осужденных в сибирском регионе, выявить отношение каждого сословия к адаптации в новых условиях и охарактеризовать процесс освоения территорий, предоставленных властями для размещения. Анализ этого опыта способен существенно дополнить представления об изменениях в социокультурной, демографической и экономической структурах принимающего общества, происходящих под влиянием миграционных процессов в современных условиях.

Основная часть. Впервые российскими историками были выявлены и проанализированы данные о численности и сословном составе ссыльных участников восстания 1863–1864 гг. Для определения количества репрессированных повстанцев активно привлекались статистические материалы официального делопроизводства. Во второй половине XIX в. С.В. Максимов, опираясь на источники за период с 1863 г. по 20 декабря 1866 г., определил, что количество сосланных в Сибирь за участие в восстании 1863–1864 гг. составило 18 623 человека. Из них 10 407 было выслано в Западную Сибирь, наибольшее количество пришлось на Тобольскую (6 306 человек) и Томскую (4 101 человек) губернии. В Восточную Сибирь было этапировано 8 199, по губерниям число ссыльных представлено следующим образом: 3 719 в Енисейской губернии, 4 424 в Иркутской, 56 человек в Якутской области. Значительную долю составили добровольно последовавшие в ссылку родственники повстанцев – 1 830 человек [1, с. 78]. Тем не менее, общее количество ссыльных участников восстания 1863–1864 гг., зафиксированное исследователем, идентифицируется как группа осужденных с бывших территорий Речи Посполитой.

В период работы над сборником документов по восстанию 1863–1864 гг. исследователи проанализировали обширный блок официальной информации. Полученные данные свидетельствуют о том, что Временным полевым аудиториатом при штабе войск Виленского военного округа за период с января 1863 г. по январь 1865 г. за участие в восстании было осуждено 21 712 человек, в т.ч. на каторгу и поселение. Подсчеты отражают лишь общую цифру осужденных за причастность к восстанию по шести белорусско-литовским губерниям, включая Августовскую. Между тем, каждая губерния имела свои специфические черты как по численности и сословному составу лиц, подвергнутых суду, так и по применению репрессивных мер [2, с. 8].

В XX в. исследователями взяты за основу материалы российских архивов, что позволило им фиксировать более приближенное к реальности количество ссыльных в местах назначения в отдельные периоды их поступления. Так, С.Ф. Коваль, основываясь на отчетах сибирских генерал-губернаторов и документах

Министерства внутренних дел, свидетельствует о 22 тысячах сосланных в Сибирь повстанцах [3, с. 46]. Анализируя отчеты тобольских губернаторов, Л.П. Рощевская установила, что в Сибирь было выслано 23 056 повстанцев [4, с. 79–80]. В свою очередь Н.П. Митина, используя документы Министерства внутренних дел, определила общее количество сосланных после восстания 1863–1864 гг. в 36 459 человек, из этого числа непосредственно в Сибирь отправлено 18 606 человек [5, с. 10–11]. Очевидно, что внимание исследователей было сосредоточено на отдельных исторических источниках, где в ряде случаев фиксировались лишь официальные назначения в тот или иной населенный пункт без учета реального проживания и возможного перемещения ссыльных по территории Сибири.

В изучении ссылки 1863 г. якутский историк П.Л. Казарян восстановил персональный состав повстанцев, отбывавших ссылку в Олекминской округе, и определил якутскую ссылку в количестве 255 человек [6, с. 205; 7, с. 34]. И.Н. Никулина провела персональный учет представителей католического духовенства, сосланных за участие в восстании 1863–1864 гг. на Алтай [8, с. 224–252]. В результате анализа количественных и качественных характеристик ссылки С.А. Мулиной выявлено 4 118 участников восстания 1863–1864 гг., отбывавших наказание в Западной Сибири [9, с. 82; 10, с. 6]. Исследуя вопрос о численности участников восстания, высланных в Западную Сибирь, она применила такой критерий, как место жительства до ссылки, что позволило установить количество уроженцев из белорусских и литовских губерний. По указанному региону распределение ссыльных дано в соотношении: уроженцы Беларуси и Литвы составили 69,2%, Королевства Польского – 17%. Наибольшее число поднадзорных поступило в Западную Сибирь из Виленской губернии, затем следуют Гродненская и Минская – 21, 20, и 14,5% соответственно [10, с. 69]. Подобные варианты подсчета не дают общего представления о количестве высланных в Сибирь участников восстания 1863–1864 гг., а содержат данные по отдельным территориям сибирского региона, тем самым сужая границы исследований.

Тенденция использования официальной статистики XIX в. проявилась и в национальном дискурсе. Так, по мнению В.М. Игнатовского к суду было привлечено 18 500 человек из Беларуси и Литвы. Из них признаны виновными и понесли наказание за участие в восстании 8 243. Число осужденных на поселение в Сибирь составило 1 427, в Центральную Россию – 1 529, в солдаты отданы 345, в арестантские роты – 846, на водворение высланы 4 096. Историк отмечает, что это количество не соответствует действительности, а число ссыльных снижено приблизительно в 2 раза [11, с. 251–252].

В современных исследовательских работах для решения поставленной задачи преимущественно использованы опубликованные статистические материалы из сборника документов, изданного в 60-х годах XX в. [2, с. 95–98]. Так, в статье М.О. Бича приводится цифра 12 483 осужденных [12, с. 450]. А.Ю. Бендин отмечает, что количество репрессированных составляет всего 12 500 человек [13, с. 43]. Кроме того, эти же исследователи утверждают, что основное число осужденных составили шляхта и католические священники, доля которых превышает 95%. В исследовании С.М. Самбук (С.М. Байкова) называет 16 131 ссыльных, из которых 3 776 подверглись этому виду наказания в административном порядке [14, с. 25]. В статье О.В. Горбачевой отмечено, что уроженцы белорусских территорий были высланы в рудники, на каторгу, поселение или в арестантские роты в количестве 21 тыс. человек [15, с. 818]. В публикации гродненского историка А.Г. Радюка число сосланных с территории Беларуси, Литвы и Украины составляет 30 тыс. человек [16, с. 221]. Приведенные данные последних двух авторов носят гипотетический характер, т.к. формируются на основе подсчетов польских исследователей [17, с. 11–19].

В польской историографии проблема численности ссыльных участников восстания 1863–1864 гг. начала разрабатываться современниками событий из числа репрессированных участников восстания. Первым из ссыльных, кто собрал материалы о судьбах изгнанников, был А. Гиллер. Он составил фамильный список высланных за период с 17 апреля 1866 г. по сентябрь 1868 г. для выполнения каторжных работ на соляном заводе в Усолье Иркутской губернии. Источник содержит сведения о 401 осужденном, среди которых 79 ссыльных из Гродненской, Минской, Могилевской губерний. Вместе с тем информация, содержащаяся в этом списке, собрана в произвольной форме, что не позволяет делать анализ и обобщения какой-либо из характеристик [18, с. 164–185]. Подобные наработки были сделаны В. Шувальским. Он зафиксировал 1 143 фамилии ссыльных в сведениях о приговоре и месте отбытия наказания [19, с. 70]. По мнению З. Либровича, оценка общей численности сосланных в Сибирь повстанцев непосредственными участниками событий, как правило, очень разнообразна и порой завышена. В определенной степени это объясняется отсутствием доступа к документам российских архивов [20, с. 163].

Польские исследователи конца XX – начала XXI вв. преимущественно ссылались на источники, которые позволяют фиксировать число отправленных в ссылку по вынесенному приговору. Так, С. Стжижевская свои выводы о количестве осужденных в ссылку в Российскую империю делает на основе анализа списков повстанцев и лиц, поддержавших восстание, хранящихся в Главном архиве древних актов в фонде управления генерал-полицимейстера [21, с. 128]. Определенным недостатком обозначенного источника является его территориальная ограниченность, поскольку приведенная статистика касается только Королевства Польского.

В решении проблемы о численности ссыльных участников восстания 1863–1864 гг. польский исследователь Л. Заштовт, опираясь на материалы Департамента духовных дел иностранных вероисповеданий, выяснил, что количество католиков в Сибири с 1863 по 1868–1871 гг. только в губернских центрах и округах увеличилось более чем на 24 тыс. человек. Тем не менее автор отмечает, что представленный источник имеет свои погрешности, так как учитывает данные не всех регионов Сибири. При этом есть вероятность дублирования некоторых данных в связи с распространенной практикой перемещения ссыльных по этапам [22, с. 169].

В 90-е гг. XX в. под руководством польского историка В. Сликовской составлена картотека, которая насчитывала 51 346 фамилий лиц, причастных к восстанию на территории Королевства Польского, Беларуси, Литвы и Украины. Число ссыльных участников восстания составило 38 997 фамилий. Польскими исследователями был проведен предварительный анализ этой базы по вопросу происхождения ссыльных. Необходимо отметить, что количество лиц из белорусско-литовских территорий составило приблизительно 2/3 от общего числа сосланных, что в результате может составлять от 24 до 26 тыс. человек [17, с. 17]. Примерное число ссыльных всех категорий в Сибирь с территории Беларуси и Литвы привел польский исследователь Д. Файнхауз. В совокупности оно составляет около 38 тыс. человек; что касается только территории Беларуси, то эта цифра достигает около 21 тыс. [23, с. 297].

Относительно сословного состава ссыльных участников восстания 1863–1864 гг. в Сибири, то по данным С.В. Максимова, высланные на каторгу, поселение и житье распределились следующим образом: дворяне – 4 252, горожане – 1 148, крестьяне – 849, духовенство – 226, солдаты – 249 [1, с. 78–79]. Одновременно наибольшее количество от общего числа высланных дворян пришлось на белорусско-литовские губернии – 2 090, из них на каторгу были осуждены 590 человек [24, с. 203].

В сибирской ссылке в большом количестве оказались представители католического духовенства. В литературе встречаются разные данные относительно количества сосланных из этой группы. Так, польский исследователь Г. Скок на основе материалов III Отделения Императорской канцелярии подсчитал, что в глубь России и в Сибирь из белорусско-литовских губерний были высланы 239 священников; современные исследователи указывают на цифру в 338 человек [25, с. 136; 26, с. 105]. Материалы НИАБ содержат сведения о том, что в 1860 г. на территории Могилевской архидиоцезии, в состав которой входили Могилевская и Витебская губернии, проживало 346 лиц духовного звания, из них 241 священник [27, л. 12]. В 1865 г. на территории архидиоцезии остался только 221 представитель католического духовенства, причем 180 из них были священники. Эти данные свидетельствуют о том, что четвертая часть священнослужителей архидиоцезии прекратила пастырскую деятельность в 1861–1865 гг. [28, с. 24].

В оценке масштабов ссылки как социокультурного явления российские и польские исследователи преимущественно руководствуются принципом включения представителей разных этносов в группу «поляки», «польские мятежники». «Поляком» определяется каждый, причастный к восстанию, вне зависимости от территориальной принадлежности. Это приводит к тому, что уроженцы Беларуси и Литвы включаются в единую группу ссыльных и идентифицируются как поляки.

Территориальная принадлежность повстанцев впервые была принята во внимание в историческом исследовании В.М. Зайцева, которое дает возможность провести анализ в отношении сословного состава участников восстания 1863–1864 гг., подвергшихся репрессиям на территории белорусско-литовских губерний [29]. Исследователь на основе материалов Аудиториата департамента Военного министерства, сопоставляя степень участия каждого сословия, выделяет две группы репрессированных: за участие в вооруженной борьбе и за содействие и сочувствие восстанию. В общей сложности число осужденных из белорусско-литовских губерний достигло 8 011 человек. Преобладающей была категория лиц, привлеченных к суду за содействие и сочувствие восстанию, наказание применено в отношении 4 290, число осужденных за вооруженное участие составило 3 193 человека [30, с. 107, 149, 172].

О соотношении между основными сословными группами репрессированных из белорусско-литовских губерний дают представление следующие данные. На долю привилегированных сословий приходится 62% осужденных, по числу репрессированных лиц последовательно идут Виленская, Гродненская, Минская, Могилевская и Витебская губернии. Представители преобладающих по численности среди населения податных сословий составляют 28,08 %. Лица духовного звания среди репрессированных участников восстания представлены преимущественно служителями католической церкви. Число православных священников незначительно, что дает основание говорить лишь об отдельных случаях применения к ним наказания. На долю католического духовенства приходится 3,35 % осужденных [29, с. 107].

В исследовании Л. А. Обушковой приведены сведения, также отражающие сословный состав участников восстания 1863–1864 гг., прошедших через судебный отдел Временного полевого аудиториата Виленского военного округа. Так, исследователем учтено 1 216 повстанцев, осужденных за 1864 г., самыми активными в период восстания были дворяне – 878 человек, это 60% от общего количества. Второй по численности стала группа податных сословий мещане и крестьяне – 290 (23,8%), лица духовного звания

составили 45 (3,7%), остальные группы представлены незначительно. Данные подсчетов наглядно показывают степень участия в восстании разных сословных групп населения [30, с. 239–241].

Российская исследовательница С.А. Мулина приводит данные, отражающие соотношение сословного состава ссыльных и место их происхождения. Среди представителей привилегированных сословий уроженцев белорусско-литовских губерний в 7 раз больше, чем уроженцев Королевства Польского, а среди лиц податных сословий – только в 1,5 раза. При сопоставлении данных о происхождении ссыльных (наименование губернии до ссылки) с типом населенного пункта С.А. Мулина опровергает предположение исследователей о том, что в городах Западной Сибири преобладали поляки, прибывшие из Королевства Польского. В округах Западной Сибири уроженцев белорусско-литовских губерний было в 2,3 раза больше, чем уроженцев из Королевства Польского. Так, по состоянию на июль 1865 г. в числе 5 082 участников восстания, высланных на водворение в Томскую губернию, около 3 500 человек составляли уроженцы белорусско-литовских губерний. В губернских центрах они превосходили в 3,5 раза, в окружных городах, где колонии ссыльных состояли из числа привилегированных сословий, – примерно в 15 раз, в малых городах – в 17 раз [10, с. 70].

Важным аспектом изучения адаптации ссыльных в Сибири является размещение повстанцев. Распределение участников восстания 1863–1864 гг. по сибирским губерниям осуществлял Тобольский приказ о ссыльных на основании соответствующих статей «Уложения о наказаниях» и «Устава о ссыльных» [31, 32]. В целом ссылка территориально охватила 36 губерний Российской империи. Основная масса повстанцев была расселена в губерниях Западной Сибири, куда в основном направляли на водворение и жительство, частично на поселение, это преимущественно Тобольская (Тобольск, Ишим, Курган, Петрозаводск, Омск) и Томская (Томск, Бийск, Нарым) губернии. Осужденные на каторгу и поселение направлялись в Восточную Сибирь, главным образом в Енисейскую губернию, в Красноярский, Ачинский, Кайенский, Минусинский и Енисейский округа. Кроме названных мест ссыльных отправляли в Семипалатинск, Усть-Каменогорск, Камск, Мариинск [33, с. 22]. Наиболее известными местами каторги в Восточной Сибири выступают солеваренные заводы в Усоле, Селенге, Троицке и Усть-Кутске, винокуренный завод в Александровске, а также заводы Петровский и Нерчинский [34, с. 11, 17]. По мере увеличения потока ссыльных их стали расселять в Иркутской губернии, преимущественно в сельской местности в районе озера Байкал – д. Сивакова и Лиственничная, а также в Тунке [25, с. 137–138]. Распределение ссыльных между двумя частями Сибири, если учитывать их территорию и плотность населения, шло далеко неравномерно. Поступать иначе не позволяла сама система, по которой ссыльных поселяли не на свободные земли, а приселяли к поселкам и деревням. Размещение носило случайный характер, т.к. место ссылки определялось уже в судебном приговоре. Сопоставление данных показывает, что максимальное число ссыльных направлялось в Томскую губернию, наиболее населенную, минимальное – в Якутскую область [35, с. 223]. Распределение ссыльных по округам и уездам внутри каждой губернии показывает тот же порядок размещения: в местности с высокой плотностью населения направлялось больше ссыльных, чем в малонаселенные районы.

Руководство процессом расселения повстанцев на новые территории возлагалось на Министерство государственных имуществ и местную администрацию. Главные условия, которыми они руководствовались при выборе местности для размещения ссыльных повстанцев, – наличие свободных и плодородных земель, благоприятный климат для ведения земледелия. Кроме того, обращалось внимание на плотность населения в округах: численность ссыльных не должна была превышать 10% от количества местных жителей [33, с. 22]. Во внимание принимались наличие хлебных магазинов, удаленность от сибирского тракта и возможность осуществления полицейского надзора.

Учитывая официальную иерархию городов и количество местных жителей, можно выделить четыре группы населенных пунктов для ссылки [10, с. 13]. Первая группа – это губернские города, расположенные на главном пересыльном тракте, являющиеся местом средоточия административных, полицейских и жандармских структур. Важной характеристикой социокультурного пространства указанных городов было наличие в них в исследуемый период костела. Ко второй группе относились окружные города, которые считались удобными для водворения ссыльных участников восстания, т.к. обладали благоприятными экономическими условиями. Третья группа – это округа, они отличались от города хозяйственной и социокультурной атмосферой. Четвертую группу составляли небольшие (заштатные) города совместно с прилегающими сельскими территориями с более суровыми условиями проживания и быта, не всегда благоприятными для развития сельского хозяйства [36, с. 11, 34; 10, с. 14].

Расселение участников восстания 1863–1864 гг. в Западной Сибири зависело прежде всего от вида ссылки. Многочисленной была категория сосланных на водворение, которая составила свыше 81% направленных в Западную Сибирь [33, с. 22]. Ссыльные из податных сословий расселялись в округах, тогда как в окружные города направлялись дворяне, сосланные на водворение без лишения прав. Как мера наказания водворение на казенных землях с причислением в категорию государственных крестьян применялась по

окончании срока работ в арестантских ротах или после смягчения приговора. Так, наибольшее пополнение числа прибывших на водворение в Сибирь отмечалось в первый год после объявления высочайшего повеления от 16 апреля 1866 г., когда срок пребывания в арестантской роте повстанцам сокращался наполовину [37, с. 171–172].

При распределении ссыльных в Томской губернии местные власти руководствовались прежде всего принципом максимально быстрого размещения переселенцев по округам. Расселение на водворение в Томской губернии более всего затронуло три округа – Томский, Каинский и Мариинский, все они лежали на главном сибирском тракте. Для водворения повстанцев в Тобольской губернии было задействовано 9 округов. Больше всего ссыльных приняли южные округа – Ишимский, Омский, Тарский и Тобольский. В округах и волостях переселенцы распределялись неравномерно, их число составляло от 1 до 390 человек в волости и от 1 до 134 человек в округах. В селениях же размещение высланных на водворение было более равномерным – по 1–9 человек. В Тобольской губернии наблюдались случаи водворения участников восстания 1863–1864 гг. в города Тюмень, Туринск и Березов [33, с. 23].

В Томской губернии основное число ссыльных было расселено в городах Томск, Бийск, Мариинск, Каинск и Кузнецк. Менее 10% размещались в Колывани и Нарыме. Расселение в городах Томской губернии было относительно равномерным – от 39 до 253 человек. Из 7 городов только в двух число ссыльных не превышало 10%. В целом превышение численности ссыльных в городах Тобольской и Томской губерний составило в среднем 497–524 человека [38, с. 12–13].

Другой формой ссылки в Сибири было жительство и житье. Эти меры наказания применялись в основном к лицам привилегированных сословий. Местом для проживания этой группы ссыльных были определены губернские и малые города Западной Сибири, преимущественно Тобольской губернии, и составили 57,6% от общего числа. Большинство повстанцев было размещено в Омске, Тобольске, Таре, Кургане и Ишиме. Менее 10% распределено в таких городах, как Ялуторовск, Петропавловск, Тюмень, Туринск, Березов, Сургут. Расселение ссыльных в городах Тобольской губернии носило неравномерный характер – от 5 до 309 человек в городе, из 11 городов в 6 городах ссыльных было менее 10% [39, с. 123].

Состав сосланных на жительство и житье в рассматриваемый период менялся, т.к. эти категории в большей степени были подвергнуты промежуточным амнистиям. Так, Манифестами от 28 октября 1866 г. и 25 мая 1868 г. сосланные на житье «приобретали право переселиться из мест ссылки на жительство под надзор полиции в губернии Европейской России или получали в Сибири право приписываться к сельским или городским обществам» [37, с. 171–172; 40, с. 648–649]. В результате послаблений одна мера наказания заменялась другой, и группы ссыльных на жительство и житье постоянно пополнялись и за счет перевода из разряда каторжан и поселенцев.

Амнистии, которые последовали в период 1866–1868 гг., существенно сократили число ссыльных, находившихся в Западной Сибири, а Манифесты 1871–1874 гг. сняли запрет на ограничение мест пребывания, что привело к внутренней и внешней миграции [41, с. 376–377; 42, с. 109, 113, 390; 43, с. 212, 227; 44, с. 329, 386; 45, с. 109–110]. В этой связи в 70-е годы XIX в. наблюдалось сокращение мест расселения в Западной Сибири, ссыльные в основном были размещены в городах Кургане, Таре, Ишиме, Тюкалинске и Ялуторовске Тобольской губернии и Томске, Мариинске, Каинске Томской губернии [33, с. 23].

Значительная часть ссыльных, осужденных на поселение, отбывала наказание в Восточной Сибири. Такая форма ссылки применялась в отношении прежде всего мещан и крестьян. Кроме того, начиная с 25 мая 1868 г. осужденные на каторгу освобождались от работ и переводились на поселение в Восточную Сибирь [40, с. 648–649]. К месту ссылки в Енисейскую губернию прибытие участников восстания отмечалось с 1864 г., и уже к 1865 г. сформировался многочисленный контингент ссыльных, который составил 3 204 человек. Большая их часть была размещена в Каинском и Минусинском округах, соответственно 1 457 и 1 026 человек [5, с. 123]. В Минусинском округе численность ссыльных в разных волостях составляла от 1 до 350 человек. Определенный контингент образовался и в городах Енисейской губернии, однако его доля по отношению к сельским округам была незначительна [38, с. 12–13; 46, с. 23]. Некоторые из них не жили в местах поселения, т.к. по отпускным билетам находились в услужении у владельцев предприятий и рудников в городах Минусинске, Красноярске, Енисейске. Так, в Шушинской волости ссыльные находились в услужении на заводах Даниловой и Гусевой, на промыслах в Енисейском округе и других волостях Минусинского округа. С 1869 г. на Абаканском заводе работало более 50 ссыльных, среди них механики, кузнецы, литейщики, счетные работники, учителя, врачи, музыканты и представители других профессий [47, с. 54–55]. Точные данные о количестве ссыльных в Восточную Сибирь отсутствуют, известна только статистика по некоторым годам. Из «Отчета о состоянии Забайкальской области за 1865 год» следует, что только за один год сюда выслано «для употребления в каторжные работы на Нерчинских заводах 1 595 политических преступников», на Петровском заводе в сентябре 1865 г. пребывало 160 повстанцев, на Троицком солеварном заводе – 90 человек [47, с. 57]. Число ссыльных в округах Иркутской губернии по данным за 1871–1872 гг. составило: в Иркутском – 794; Нижнеудинском – 290;

Балаганском – 1090; Киренском – 43 и Верхоленском – 66, а всего – 2 283 человека [48, с. 57]. Большая колония ссыльных сложилась в г. Иркутске, где было не менее 150 участников восстания 1863–1864 гг. [18, с. 133].

Заключение. В настоящее время наиболее реальная оценка численности ссыльных повстанцев из белорусско-литовских губерний в Сибири приближается к цифре 20 тыс. человек, что составляет около половины от всех сосланных участников восстания 1863–1864 гг. с бывших территорий Речи Посполитой. Масштаб ссылки в значительной степени представлен на оценочных расчетах, т.к. с одной стороны, исследователями учитываются данные не из всех регионов Сибири. С другой, существует возможность дублирования и противоречивости некоторых данных, что объясняется многочисленным притоком и частыми перемещениями ссыльных.

Основная масса повстанцев из белорусско-литовских губерний была расселена в губерниях Западной (преимущественно Тобольская и Томская) и Восточной (главным образом Енисейская) Сибири. Главная особенность их расселения состояла в том, что, как правило, ссыльные привилегированных сословий преобладали в городах, а податных – в округах Сибири. На первом этапе ссылка была представлена теми участниками восстания 1863–1864 гг., которые прибыли непосредственно из белорусско-литовских губерний. Пик этой волны приходился на 1863 г., а в 1866 г. наблюдался значительный спад числа ссыльных. Новый этап начинался с 1867 г., его общим содержанием являлось последовательное перемещение лиц в результате амнистий в 1860–1870-х гг. (1868, 1871, 1873, и 1875 гг.) из Восточной Сибири в Западную. Состоял он из тех, кому каторгу, реже другие наказания, заменили вследствие «высочайших милостей» ссылкой в Западную Сибирь или в одну из губерний Европейской России. Критериями при выборе территории для размещения ссыльных в Западной и Восточной Сибири выступали: а) наличие свободных земель для обеспечения их средствами существования; б) возможность организации надзора над ссыльными и контроля за их корреспонденцией; в) плотность населения в округах (численность ссыльных не должна была превышать 10% от числа местных жителей); г) отдаленность от центрального сибирского тракта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Максимов, С.В. Сибирь и каторга / С.В. Максимов. – СПб. : Тип. Траншея, 1871. – 388 с.
2. Восстание в Литве и Белоруссии 1863–1864 гг. : сб. документов / АН СССР, Ин-т славяноведения ; редкол.: В. Дьяков (отв. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1965. – 586 с.
3. Коваль, С.Ф. За правду и волю / С.Ф. Коваль. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1966. – 192 с.
4. Рошевская, Л.П. История политической ссылки в Западной Сибири во второй половине XIX в. (60-е – нач. 80-х годов) / Л.П. Рошевская. – Тюмень : Тип. изд-ва «Омская правда», 1976. – 142 с.
5. Митина, Н.П. Во глубине сибирских руд: К столетию восстания польских ссыльных на Кругобайкальском тракте / Н.П. Митина. – М. : Наука, 1966. – 144 с.
6. Казарян, П.Л. Олекминская политическая ссылка 1826–1917 гг. / П.Л. Казарян. – Якутск : ЯНЦ СО РАН, 1995. – 478 с.
7. Казарян, П.Л. Численность и состав участников польского восстания 1863–1864 гг. в Якутской ссылке / П.Л. Казарян – Якутск : ИГИ АН РС (Я), 1999. – 47 с.
8. Никулина, И.Н. Религия и политические ссыльные Западной Сибири в XIX в. (20-е – первая половина 70-х гг.) / И.Н. Никулина. – Изд. 2-е. – Иркутск : Отгиск, 2011. – 264 с.
9. Мулина, С.А. Участники восстания 1863–1864 гг. в омской ссылке: анализ численности и персонального состава / С.А. Мулина // Вопросы социальной истории России конца XVIII – начала XX в. : сб. науч. тр. / Ом. гос. пед. ун-т ; ред.: В.Н. Худякова [и др.]. – Омск, 2004. – С. 80–112.
10. Мулина, С.А. Мигранты поневоле: адаптация ссыльных участников восстания 1863 г. в Западной Сибири / А.С. Мулина. – СПб. : Алетейя, 2012. – 200 с.
11. Ігнатоўскі, У.М. 1863 год на Беларусі. Нарыс падзей / У.М. Ігнатоўскі // Запіскі аддзела гуманітарных навук Беларус. акадэм. навук / Ін-т беларус. культуры. – Мінск, 1930. – Т. 5, кн. 13. – 276 с.
12. Біч, М.В. Паўстанне 1863–64 / М.В. Біч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / рэдкал. : Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн. імя П. Броўкі, 1999. – Т. 5. – С. 450.
13. Бендин, А.Ю. Без ярлыков и штампов: образ виленского генерал-губернатора М. Н. Муравьева в современной белорусской историографии / А.Ю. Бендин // Беларуская думка. – 2008. – № 6. – С. 42–46.
14. Байкова, С.М. О движущих силах восстания 1863 г. на территории Белоруссии / С. М. Байкова // Историко-социологические исследования : (на материалах славянских стран) : сб. ст. / АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики ; редкол.: В. А. Дьяков [и др.]. – М. : Наука, 1970. – 314 с.
15. Горбачева, О.В. Восстание 1863–64 / О. В. Горбачева // Республика Беларусь : энцикл. : в 6 т. / редкол.: Г.П. Пашков [и др.]. – Минск, 2006. – Т. 2. – С. 817–818.
16. Радзюк, А.Р. Дзейнасць следчых і судовых камісій на тэрыторыі Беларусі ў 1863–1864 гг. (на прыкладзе Гродзенскай губерні) / А.Р. Радзюк // Паўстанне 1863–1864 гг. у Польшчы, Беларусі, Літве і Украіне: гісторыя і памяць : зб. навук. арт. / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі ; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]. – Мінск, 2014. – С. 208–223.

17. Śliwowska, W. Kartoteka uczestników powstania styczniowego w Instytucie Historii PAN / W. Śliwowska // Powstanie styczniowe 1863–1864. Walka i uczestnicy. Represje i wygnanie. Historiografia i tradycja : materiały z konf. nauk., Kielce, 24–27 kwietnia 2003 r. / Akademia Świętokrzyska ; pod. red. W. Cabana, W. Śliwowskiej. – Kielce, 2005. – S. 11–19.
18. Giller, A. Polska w Walce. Zbiór wspomnień i pamiętników z dziejów naszego wyjarzemia / A. Giller. – Kraków : Nakładem księgarni A. Nowoleckiego, 1875. – 426 s.
19. Сливовская, В. Молитвенники польских ссыльных как источник сведений о судьбах поляков Восточной Сибири / В. Сливовская // Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы : сб. материалов междунар. науч. конф., Иркутск, 8–14 сент. 2001 г. / Иркутское польск. культ.-просветительское о-во «Огниво»; редкол.: Б. С. Шостакович [и др.]. – Иркутск, 2001. – С. 69–72.
20. Librowicz, Z. Polacy w Syberji / Z. Librowicz. – Kraków : Druk Wł. L. Anczyca, 1884. – 380 s.
21. Стшижевская, С. Ссыльные участники Январского восстания / С. Стшижевская // Сибирь в истории и культуре польского народа : сб. ст. / Конгр. поляков в России ; редкол.: П.С. Романов, А. Кучинский. – М., 2002. – С. 124–134.
22. Заштовт, Л. Депортации и переселения польского населения из Западных губерний в глубь Российской империи после Январского восстания 1863–1864 гг. / Л. Заштовт // Польская ссылка в России XIX–XX веков: региональные центры = Polscy zesłańcy w Rosji XIX–XX stuleciu: ośrodki regionalne : сб. ст. / Казан. гос. ун-т ; редкол.: Р.М. Валеев (отв. ред.) [и др.]. – Казань, 1998. – С. 165–169.
23. Fajnhauz, D. 1863. Litwa i Białoruś / D. Fajnhauz. – Warszawa : Neriton, 1999. – 357 s.
24. Тальвирская, З.Я. К вопросу о социальном облике мелкого дворянства в 1860-х годах (по материалам трех уездов Минской губ.) / З.Я. Тальвирская // Историко-социологические исследования АН СССР / Ин-т славяноведения и балканистики ; редкол.: В.А. Дьяков. – М., 1970. – С. 198–222.
25. Зюлек, Я. Римско-католические священники, сосланные в Сибирь после Январского восстания / Я. Зюлек // Сибирь в истории и культуре польского народа : сб. ст. / Конгр. поляков в России ; редкол.: П.С. Романов, А. Кучинский. – М., 2002. – С. 135–145.
26. Skok, H. Polacy nad Bajkałem 1863–1883 / H. Skok. – Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1974. – 334 s.
27. НИАБ. – Ф. 1781. Оп. 25. Д. 149.
28. Гарбачова, В.В. Лёсы Магілёўскай і Мінскай рымска-каталіцкіх дыяцэзіі пасля паўстання 1863–1864 гг. / В.В. Гарбачова, З. Антановіч // Беларускі гістарычны часопіс. – 2009. – № 12. – С. 12–28.
29. Зайцев, В.М. Социально-сословный состав участников восстания 1863 г. (Опыт статистического анализа) / В.М. Зайцев. – М. : Наука, 1973. – 230 с.
30. Обушенкова, Л.А. Архивные материалы судебно-следственных учреждений 1863–1866 гг. по делам участников восстания / Л.А. Обушенкова // К столетию героической борьбы «За нашу и вашу свободу». – М., 1964. – С. 211–279.
31. Свод законов Российской империи : в 15 т. – СПб. : Тип. II отд. собственной ЕИВ канцелярии, 1857–1868. – Т. 14 : Уставы о паспортах, о предупреждении преступлений, о цензуре, о содержащихся под стражею и о ссыльных. – 1857. – 909 с.
32. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – СПб. : Тип. II отд. собственной ЕИВ канцелярии, 1845. – 898 с.
33. Пяткова, С.Г. Польская политическая ссылка в Западную Сибирь в пореформенный период : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / С.Г. Пяткова ; Сургут. гос. пед. ин-т. – Сургут, 2004. – 29 с.
34. Мошкина, З.В. Нерчинская политическая каторга. Вторая половина XIX века / З.В. Мошкина. – Чита : Забайкал. гос. пед. ун-т, 1998. – 112 с.
35. Марголис, А.Д. О численности и размещении ссыльных в Сибири в конце XIX в. / А.Д. Марголис // Ссылка и каторга в Сибири (XVIII – начало XX в.) / АН СССР, Ин-т истории, филологии и философии ; под. ред. Л.М. Горюшкина. – Новосибирск, 1975. – С. 223–237.
36. Алисов, Д.А. Административные центры Западной Сибири: городская среда и социально-культурное развитие (1870–1914 гг.) / Д.А. Алисов. – Омск : ОмГУ, 2006. – 336 с.
37. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. – Собрание второе : в 55 т. – СПб. : Тип. II отд. собственной ЕИВ канцелярии, 1830–1884. – Т. 41. – Отд. 2. – 1868. – 1411 с.
38. Береговая, Е.П. Польская политическая ссылка в Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Е.П. Береговая ; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2007. – 23 с.
39. Иванов, В.В. К характеристике степени этничности поляков Сибири / В.В. Иванов // Полония в Сибири: проблемы и перспективы развития : сб. материалов междунар. науч. конф., Улан-Удэ, 30–31 мая 2003 г. / Бурят. гос. ун-т ; редкол.: И.И. Осинский (отв. ред.) [и др.]. – Улан-Удэ, 2003. – С. 123–125.
40. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. – Собрание второе : в 55 т. – СПб. : Тип. II отд. собственной ЕИВ канцелярии, 1830–1884. – Т. 43. – Отд. 1. – 1873. – 942 с.
41. Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел за 1865 и 1866 годы / собр. и изд. с разрешения министра внутренних дел Д. Чудовского. – СПб., 1873. – 598 с.
42. Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел за 1867 и 1868 годы / собр. и изд. с разрешения министра внутренних дел Д. Чудовского. – СПб., 1874. – 670 с.
43. Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел за 1870–1871 годы / собр. и изд. с разрешения министра внутренних дел Д. Чудовского. – СПб., 1872. – 335 с.
44. Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел за 1872–1873 годы / собр. и изд. с разрешения министра внутренних дел Д. Чудовского. – СПб., 1874. – 571 с.
45. Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел за 1874 г. / собр. и изд. с разрешения министра внутренних дел Д. Чудовского. – СПб., 1875. – 567 с.

46. Макаров, И.Г. Польские мятежники – в Якутской ссылке / И.Г. Макаров // Поляки в Якутии : материалы науч.-практ. конф., Якутск, 19 сентября 1997 г. / Ин-т гуманитар. исслед. АН Респ. Саха (Якутия) ; редкол.: Д.А. Ширина (отв. ред.) [и др.]. – Якутск, 1998. – С. 23–27.
47. Леончик, С.В. Поляки юга Енисейской губернии. История ссылок и заселения / С.В. Леончик // Сибирь в истории и культуре польского народа : сб. ст. / Конгр. поляков в России ; редкол.: П.С. Романов, А. Кучинский. – М., 2002. – С. 52–58.
48. Шостакович, Б.С. История поляков в Сибири (XVII–XIX вв.) : учеб. пособие / Б.С. Шостакович. – Иркутск : Иркут. гос. ун-т, 1995. – 164 с.

Поступила 15.06.2017

**POPULATION, CLASS STRUCTURE AND SETTLEMENT GEOGRAPHY
OF THE EXILED PARTICIPANTS OF THE UPRISING
IN 1863-1864 IN SIBERIA**

E. SERAK

The issues of determining the number and class composition of the exiled participants of the uprising in 1863-1864 are considered on the basis of native, Russian and Polish historiography, as well as a source base. It is noted that the structure of the exiles is represented by all major groups of the population and has a number of features. On the one hand, it includes groups of the population that lived in the territory of the Belarusian-Lithuanian provinces in the second half of the nineteenth century, exactly noblemen, freemen, clergy, bourgeois and peasants. On the other hand, privileged classes dominate in the number of people who were sentenced to exile. The servants of the Catholic Church mainly represent people of the spiritual rank among the exiles, the number of Orthodox priests is insignificant. There were identified a number of factors that were taken into account when choosing a location for the exiles in the Siberian region. The principles of convicts' distribution between the provinces of Western and Eastern Siberia are determined taking into account the exiles' type and class membership. In addition, it is possible to note high concentration of political exiles in Western Siberia in comparison with the Eastern one.

Keywords: *population, class structure, settlement geography, uprising 1863–1864, exile, Siberia.*

УДК 94(5)

**ЖЫЛЛЁВА-ГАСПАДАРЧЫЯ КОМПЛЕКСЫ X–XVIII СТСТ. НИЖНЯГА ЗАМКА ПОЛАЦКА
(ПА ВЫНІКАХ РАСКОПАК 2014 ГОДА)****А.Л. КОЦ***(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт)*

Археалагічныя даследаванні стрэлкі Ніжняга замка ў Полацку былі праведзены ў 2014 годзе. Падчас раскопак даследаваліся культурныя напластаванні X–XVIII стст. і больш ранняга перыяду, старажытныя могількі, матэрыяльная культура палачан, будаўнічы матэрыял храма XII ст і інш. У раскопе зафіксавана 17 жыллёва-гаспадарчых комплексаў. Умовы культурнага слою не захоўваюць тут арганічных рэчываў, таму комплексы вылучаліся па рэшткам печаву, плямам культурнага пласта, мацерыковым ямам, канцэнтрацыі керамікі (развалам гаршкоў) у гаспадарчай прасторы і інш. Найбольшая колькасць зафіксаваных комплексаў прыпадае на перыяд X–XIII стст. У канструкцыях печаву старажытнарускага перыяду акрамя камянёў і гліны выкарыстоўваліся фрагменты плінфы. У пач. XVI ст. з'яўляюцца дамы на каменным падмурку. Стрэлка Ніжняга Замка ў XVII–XVIII стст. не вызначаецца актыўнай забудовай. На гэты перыяд прыпадае канчатковае разбурэнне храма XII ст.

Ключавыя словы: *Полацк, Ніжні замак, стрэлка Ніжняга замка, жыллёва-гаспадарчы комплекс, печ.*

Уводзіны. Ніжні замак з'яўляецца надзвычай цікавым археалагічным помнікам Полацка. На тэрыторыі замка фіксуецца культурныя напластаванні і археалагічныя знаходкі ад пачатку засялення тэрыторыі горада ў жалезным веку да нашага часу. Акрамя таго, дадзеная тэрыторыя спазнала найбольш актыўныя тапаграфічныя змены ў сувязі са шматлікімі перабудовамі.

Летам і восенню 2014 г. на тэрыторыі так званай стрэлкі Ніжняга замка старажытнага Полацка праводзіліся археалагічныя раскопкі. Даследаванні ажыццяўляліся Д.У. Дукам і А.Л. Коцам на падставе Дазвола па форме № 1 № 2705, выданага на імя Д.У. Дука Інстытутам гісторыі НАН Беларусі. Помнік знаходзіцца ў самай паўночнай частцы Ніжняга замка на стромкім беразе р. Палаты (вышыня ад урэзу вады 25 м) і выступае мысам у бок старажытнага полацкага гарадзішча. Быў закладзены раскоп Г-падобнай формы агульнай плошчай 162 м². Памеры раскопа 12 × 18 м. Умоўна ён быў падзелены на тры часткі: заходнюю, усходнюю і паўднёвую. Раскоп разбіты на квадраты памерам 2 × 2 м і мае наступную нумарацыю: па лініі поўнач-поўдзень квадраты нумаруюцца ад 1 да 9, па лініі захад-усход – ад А да Е. Верхнія напластаванні XIX–XX стст. былі зняты тэхнічай загадзя да пачатку раскопак. Разборка культурнага слою ажыццяўлялася па ўмоўным пластам (0,2 м). Пасля кожнага знятага пласта праводзілася зачыстка і фіксацыя аб'ектаў гарызантальнай стратыграфіі. Агулам налічваецца 6 ўмоўных пластоў.

Гісторыя помніка археалогіі. Найбольш раннія знаходкі з дадзенай тэрыторыі датуюцца перыядам жалезнага веку. Менавіта падчас згаданых раскопак была знойдзена кераміка днепра-дзвінскай культуры і фібула III ст. н.э. Асобныя знаходкі (гліняныя прасліца і кераміка) сведчаць аб прысутнасці тут прадстаўнікоў банцараўска-тушамлінскай культуры. Па выніках раскопак у 2008 г. і ў 2014 г. было высветлена, што ў трэцім чвэрці I тыс. на дадзенай тэрыторыі існавала селішча пры гарадзішчы. Русла Палаты, якое сёння аддзяляе стрэлку Ніжняга замка ад гарадзішча, у той час яшчэ не існавала. Археалагічныя знаходкі выразна сведчаць аб перыядзе пражывання насельніцтва культуры смаленска-полацкіх доўгіх курганаў у канцы I тыс. н.э. У больш позні час пляцоўка Ніжняга замка пераўтвараецца ў селішча-перадграддзе пры Полацкім гарадзішчы (дзяцінцы). У першай палове XI ст. селішча-перадграддзе разрастаецца ў гарадскі пасадак, які атрымлівае назву Вялікі. На перыяд XII–XIII стст. прыпадае асноўная інтэнсіўнасць жыцця на першапачатковым гарадзішчы, дзе размяшчалася княжаская рэзідэнцыя і дамы багатых палачан [2, с. 58; 1, с. 23]. У сувязі з гэтым у XII ст. на акрэсленай тэрыторыі побач з гарадзішчам узводзяць мураваны храм, пры якім у далейшым былі арганізаваны могількі. Магчыма, што разбурэнне гэтага храма, помніка полацкай школы дойлідства XII ст., прыпадае на XVII ст.

У сярэдзіне XVI ст., калі Полацк у часе Інфлянцкай вайны быў захоплены маскоўскімі войскамі Івана Грознага, адбываюцца маштабныя тапаграфічныя змены цэнтральнай часткі горада, адным з вынікаў якіх было ўзвядзенне Ніжняга замка. Паміж Вялікім пасадам і гарадзішчам было пракладзена новае русла Палаты, а таксама быў узведзены магутны вал вакол Ніжняга замка. Падчас пракопвання русла паўднёвая ўскраіна гарадзішча і частка стрэлкі Ніжняга замка былі знішчаны. Слой чырвонай гліны, які быў выўялены падчас раскопак у 2008 г., з'яўляецца маркерамі будаўніцтва вала Ніжняга замка

[1, с. 22]. У раскопе 1 (2014 г.) аднародны слой гліны не зафіксаваны. Тут гліна размешчана дысперсна, у выглядзе плямаў і лінзаў (магутнасцю да 0,2 м). Найбольшая канцэнтрацыя дадзеных плямаў і лінзаў каля заходняй сценкі раскопа, у непасрэднай блізкасці да раскопа 1 (2008 г.). Магчыма, з гліны былі зроблены падсыпкі для нівеліроўкі пляцоўкі стрэлкі Ніжняга замка. Таксама дадзены тэзіс падцярджаюць матэрыялы С.В. Тарасава, які азначае, што слой гліны пакладзены на розных глыбінях і мае магутнасць ад 0,1 м да 0,4 м [6, с. 26]. Азначаны пласт выразна падзяляе стратыграфію на “далівонскі” і “паслялівонскі” перыяды.

Гісторыя археалагічнага вывучэння помніка. Археалагічнае вывучэнне стрэлкі Ніжняга замка было распачата Г.В. Штыхавым у 1962 г., які шляхам шурфоўкі зафіксаваў магутнасць культурных напластаванняў. Ён сумесна з М.К. Каргерам даследаваў завал плінфяной канструкцыі, якая, па іх меркаванню, магла быць рэшткамі мураванага храма [7]. Іх працу працягнуў П.А. Рапапорт у 1976–1977 гг. Ім было закладзена некалькі шурфоў і раскоп на месцы храма. Па выніках раскопак П.А. Рапапорт зрабіў варыянт рэканструкцыі царквы [5]. Далей даследаванні тут былі праведзены С.В. Тарасавым у 1989 г. У 2008 г. Д.У. Дукам побач з заходнім схілам помніка была раскапана пляцоўка плошчай 40 м². У раскопе выразна зафіксавана стратыграфія помніка і выяўлены 2 жылёва-гаспадарчыя комплексы [3, с. 18, с. 21].

Стратыграфія культурных напластаванняў раскопа 2014 г. Культурны слой на стрэлцы Ніжняга замка можна падзяліць на 3 стратыграфічныя гарызонты: другая палова XVI–XVIII стст., XIV–першая палова XVI стст., X–XIII стст. У раскопе 1 2014 г. выяўлена 17 жылёва-гаспадарчых комплексаў. Жылёва-гаспадарчы комплекс (далей – ЖГК) – гэта шэраг пабудоў адной сядзібы, асобныя будынкі ці іх часткі (рэшткі печы, плямы культурнага пласта, мацерыковыя ямы, развалы гаршкоў і інш.), якія могуць маркіраваць пабудовы. Як правіла, яны аб’яднаны агульнай калекцыяй знаходак (індывідуальных і масавых) і маюць вузкія храналагічныя межы, у палявой дакументацыі жылёва-гаспадарчыя комплексы вызначаліся як археалагічныя аб’екты ці мацерыковыя ямы.

З-за дрэннай захаванасці арганічных матэрыялаў і шматлікіх перабудоў, якія закранулі стэлку Ніжняга замка ў XVI–XVIII стст., памеры сядзібных надзелаў на дадзенай тэрыторыі вызначыць не атрымалася.

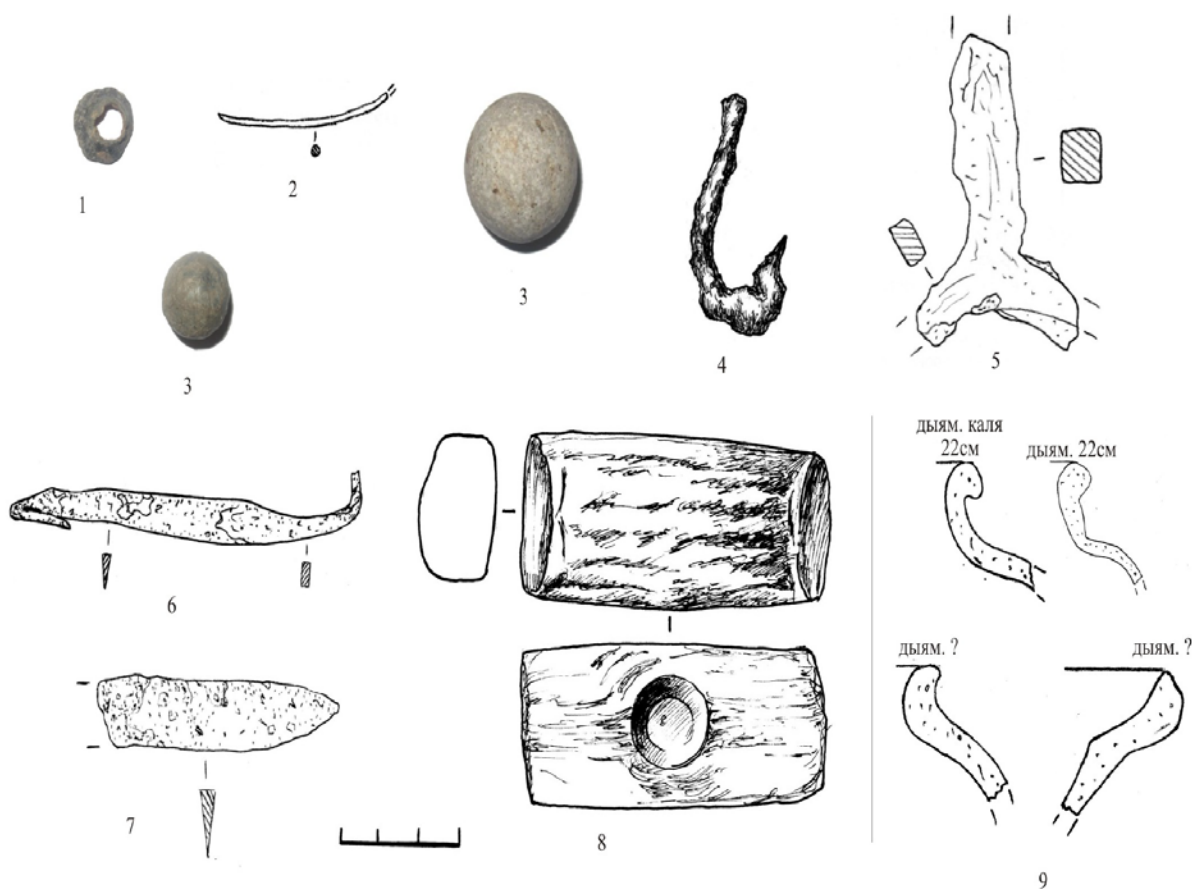
Усе жылёва-гаспадарчыя комплексы падзелены таксама на тры групы адносна трох стратыграфічных гарызонтаў. Колькасць ЖГК размеркавана наступным чынам: 1 гарызонт – 2 ЖГК, 2 гарызонт – 5 ЖГК, 3 гарызонт – 10 ЖГК. Для спрашчэння апісання ў назве кожнага жылёва-гаспадарчага комплекса прысутнічаюць 2 лічбы. Першая лічба азначае парадкавы нумар комплекса, другая лічба пазначае, да якога стратыграфічнага гарызонту ён адносіцца, напрыклад, жылёва-гаспадарчы комплекс 3–1 (ЖГК 3–1).

Вылучэнне ЖГК зроблена без прывязкі адзін да аднаго, г. зн. вызначаныя аб’екты не сінхранізаваны паміж сабою. Пры даследаванні жылёва-гаспадарчых комплексаў ужываўся ўсебаковы аналіз кожнага вылучанага аб’екта: разглядаліся стратыграфічныя напластаванні ў сукупнасці з індывідуальнымі і масавымі знаходкамі. Асноўнай крыніцай па вызначэнні храналогіі комплексаў выступае керамічны матэрыял (табл. 1).

Верхні (першы) стратыграфічны гарызонт складаецца са слою светлашэрага колеру і праслоек чырвонай гліны. У цэнтры паўднёвай часткі ён моцна пашкоджаны перакопамі ад пахаванняў. Сярэдняя магутнасць першага стратыграфічнага гарызонта каля 0,4 м (на асобных аб’ектах да 0,6 м), без уліку ям, якія даходзяць да мацерыковай паверхні. Праслойкі аднароднай гліны перыяду Лівонскай вайны зафіксаваны ў паўднёва-заходнім куце раскопа памерам 2,5 × 2,3 м і каля паўночнай сценкі раскопа памерам 1 × 1,9 м. Магутнасць праслоек вагалася ў межах 0,1–0,3 м. У іншых выпадках дробныя лінзы чырвонай аднароднай гліны фіксаваліся па ўсёй плошчы раскопа. Пад глінай сустракаюцца праслойкі цёмнакарычневага колеру з чырвонай глінай. У паўднёва-заходнім куце раскопа ў гэтым слое фіксуецца і кавалкі вугалю.

На дадзеным месцы, у кв. А4, А5, Б4, Б5, В5, вызначаны рэшткі пабудовы (ЖГК 3–1), якую вызначае пляма гумусавага слою зямлі з кавалкамі гліны і ўкрапінамі вуглю. Асобныя межы пабудовы акрэсліваюць рэшткі драўлянай канструкцыі ў выглядзе двух спаранелых бярэняў, якія ляжаць перпендыкулярна адзін аднаму і ў дыяганаль адносна сеткі квадратаў. Знаходкі (мал. 1) з жылёва-гаспадарчага комплексу прадстаўлены гузікам, свінцовай куляй, цвіком падкавякам, іголкай, рыбакоўным кручком, шарыкам для гульні, фрагментам нажа, фрагментам стрэмені, нажом з прыкметамі другаснага выкарыстання, касцяной порхліцай, дэкаратыўным цвіком. Масавы матэрыял (фрагменты керамічнага посуду) вызначае час датавання ЖГК 3–1 ў межах другой паловы XVII стст. Гумусавы культурны слой з ўкрапінамі вуглю і шмат керамікі вызначаюць пабудову жытую, альбо для захавання прыпасаў.

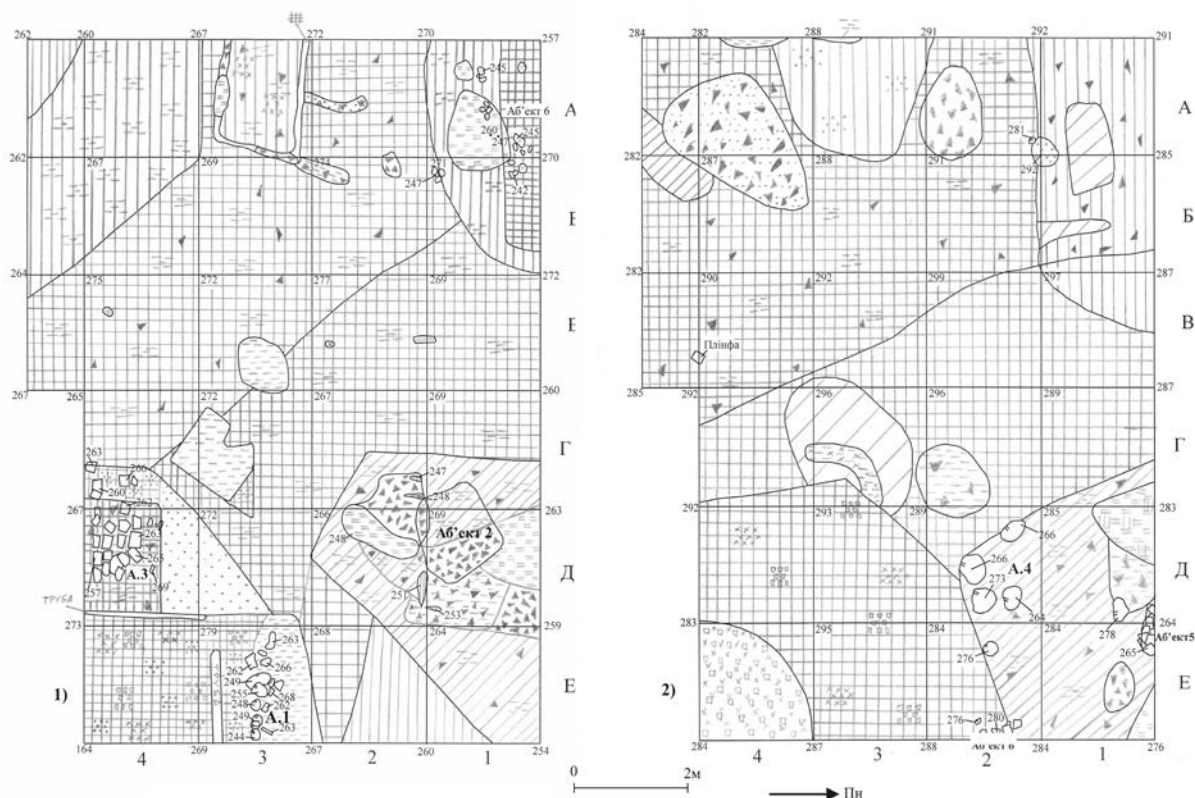

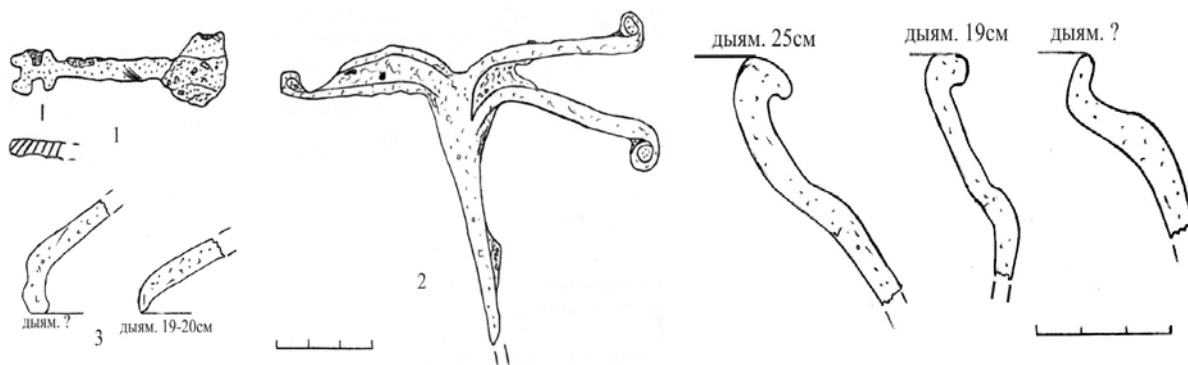
Малюнак 1. – Знаходкі з жыллёва-гападарчага комплексу 3-1

У кв. Е3, Е4, Е5, Е6, Е7 зафіксавана канструкцыя позняга паходжання, якая маркіравана як аб'ект 1 (ЖГК 1–1) (мал. 2:1). У кв. Е3 і Е7 (умоўны пласт 2) выяўлены рэшткі падмуркаў у выглядзе выкладзеных у шэраг камянёў. Шэрагі камянёў выцягнуты па лініі захад-усход на даўжыню да 2 м ад усходняй сценкі раскопа. Камяні падмуркаў кв. Е3 дадаткова зафіксаваны фрагментамі плінфы. Даўжыня канструкцыі перывашае 9 м. Прастора паміж падмуркамі ў азначаных квадратах запоўнена слоём дробна-бітай цэгля (плінфы?) з вапнавай рошчынай-цамянкай і фрагментамі фрэсак. На месцы дадзенай канструкцыі выяўлены шэрагі ўпускных пахаванняў. У квадратах па лініі Д (кв. Д3, Д4, Д5, Д6, Д7) шчыльнасць бітай цэгля з вапнай зніжаецца, але складае значную частку культурнага слою. Дадзенае запаўненне пабудовы вызначае адзін з этапаў разбурэння царквы. На захад ад ЖГК 1–1, у кв. Д4 і Г4, выяўлена адмостка з плінфы (маркіравана як аб'ект 3) (мал. 2:1). Аб'ект знаходзіцца ў непасрэднай блізкасці да апісанай пабудовы. Плінфа пакладзена ў два рады на вапнавую рошчыну. Паказальна, што ў аб'екце 3 старажытная цэгла выкарыстоўвалася другасна. Пераважна ўся плінфа бітая, цэлых фрагментаў не зафіксавана. Некаторыя кавалкі плінфы былі разламаны і крышыліся. Памер зафіксаванага аб'екту $1 \times 1,5$ м. Паміж цаглінамі знойдзены жалезныя ключык, лучнік, шклянны слоік, а таксама фрагменты плінфы са знакамі на тарцах (мал. 3). Магчыма, што плінфяную вымастку можна вызначыць як ганак пабудовы (ЖГК 1–1). Прызначэнне ЖГК 1–1 не вызначана. Паводле археалагічных знаходак і стратыграфіі культурнага пласта датаваць яго можна ў межах XVII ст.

Сярэдні (другі) стратыграфічны гарызонт мае сярэдняю магутнасць да 0,6 м. У паўднёва-ўсходнім куце раскопа фіксуецца слой з бітай цэгля (плінфы?) і вапнавай рошчыны без дамешак. Ён перакрывае слой зямлі чорнага колеру, які пашкоджаны пахаваннямі. У ніжняй частцы сярэдняга стратыграфічнага гарызонта (чацвёрты ўмоўны пласт) у паўднёва-ўсходнім куце раскопа выяўлены шэраг пахаванняў, якія пакладзены вельмі шчыльна адно да аднаго, і шмат костак, якія не маюць анатамічнага парадку (перакладзеныя). Агулам, увесь слой зямлі другога гарызонта чорнага колеру з дамешкамі кавалкаў гліны і вугалю.

Малюнак 2. – Планіграфія культурнага слоя на ўзроўні ўмоўных пластоў 2 (1) і 3 (2)

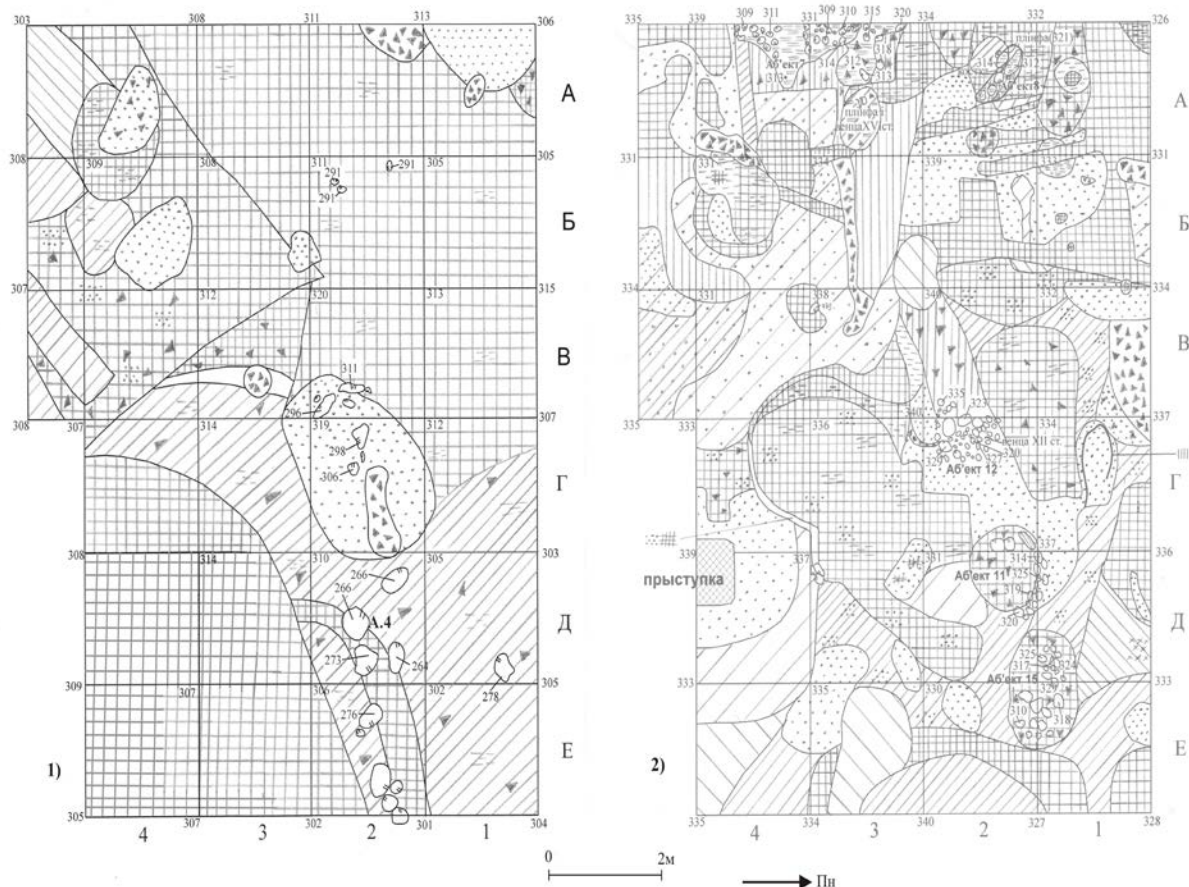
Малюнак 3. – Знаходкі з жыллёва-гаспадарчага комплексу 1-1

Малюнак 4 – Адзіночныя венцы керамічных гаршкоў з ЖГК 2-2

У межах другога стратыграфічнага гарызонту ў паўночна-ўсходнім куце зафіксавана дзве пабудовы, якія перакрываюць адна адну. Пасля зачысткі першага ўмоўнага пласта ў кв. Г1, Г2, Д1, Д2 зафіксаваны рэшткі драўлянай канструкцыі (ЖГК 2–2, аб’ект 2) у выглядзе спаранелых бярвенняў ці плах, пакладзеных перпендыкулярна адзін да аднаго. Побач з імі прасочваюцца лінзы абпаленай гліны з вуголлем. Сляды дадзенай канструкцыі выяўлены і на ўзроўні другога ўмоўнага пласта ў выглядзе вялікай бясформенай плямы абпаленай гліны з кавалкамі вугля, асобнымі лінзамі вуглю і попелу (гл. мал. 2:1). Памер зафіксаванай канструкцыі $3,4 \times 2,5$ м. Магутнасць залягання абпаленай чырвонай гліны да 0,3 м. Дадзены жыллёва-гаспадарчы комплекс паводле керамікі (мал. 4, табл. 1) датуецца перыядам XVI ст. Але, улічваючы асаблівасці фарміравання культурнага пласта і гістарычных рэалій, яго храналагічныя межы можна абмежаваць першай паловай XVI ст. (далівонскім перыядам). Наяўнасць печы ў комплексе вызначае жылое прызначэнне пабудовы. Аб’ект 5, кладка з плінфы другаснага выкарыстання ў кв. Е1, відавочна, з’яўляецца часткай падмурка ЖГК 2–2. Таксама дадзена пабудова пастаўлена на рэшткі папярэдняй канструкцыі (ЖГК 6–2), якую цалкам перакрывае.

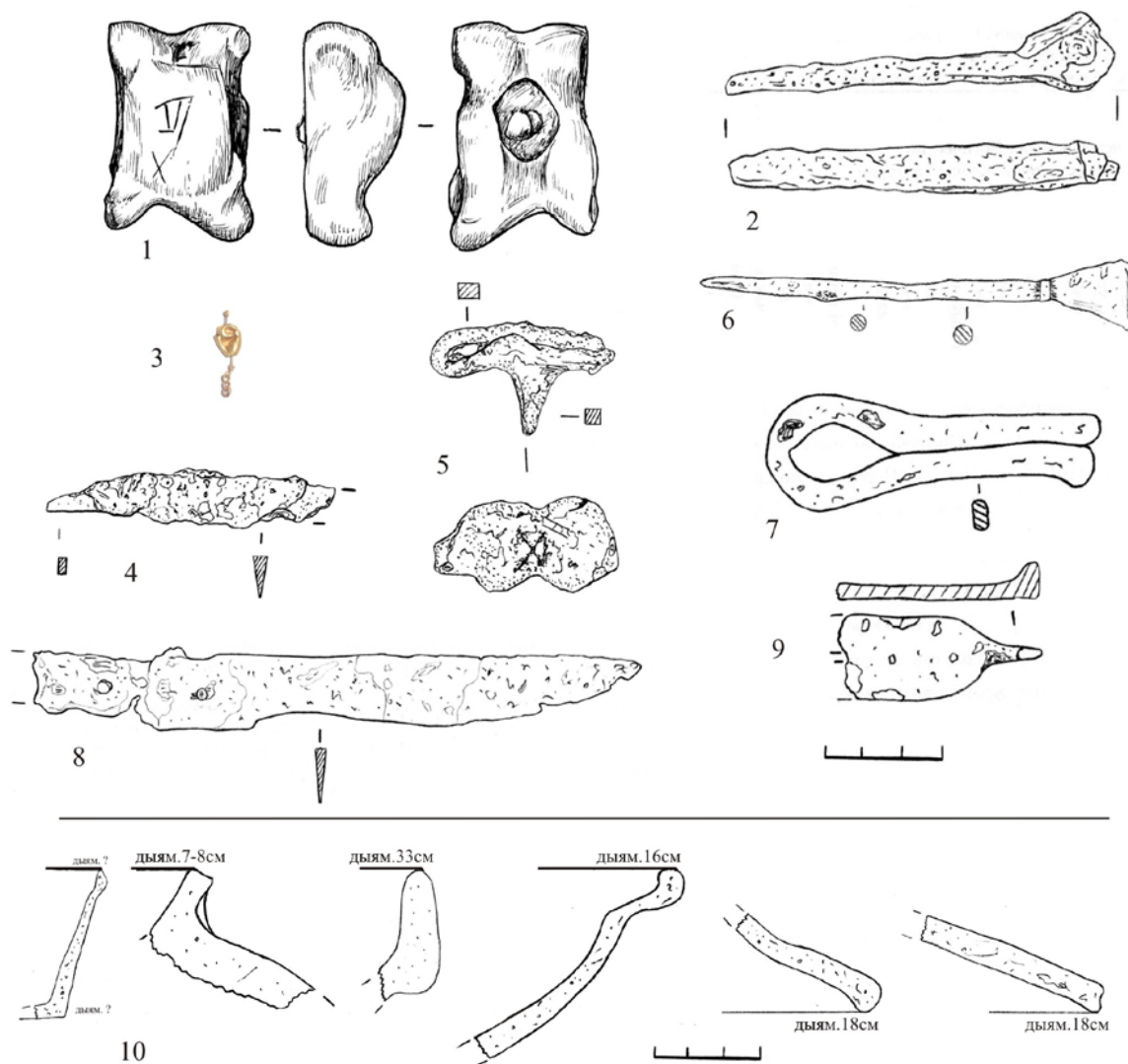
Жыллёва-гаспадарчы комплекс 6–2 ускрыты часткова ў межах кв. Г1, Д1, Д2, Е1, Е2 (мал. 2:2, 5:1). Памер выяўленай часткі аб'екта $3,4 \times 4$ м. Аб'ект выцягнуты па лініі захад-усход з невялікім адхіленнем на паўднёвы-захад. Цэнтральная частка пабудовы запоўнена цёмнашэрым слоем з кавалкамі вуглю і гліны. У кв. Г1 і Д1 каля сценкі раскопа выяўлены лінзы чырвонай абпаленай гліны і гліны з вуглем (гл. мал. 2:2). Магчыма, гэта рэшткі печы. Пад вызначанай лінзай гліны знойдзены дзве манеты, пакладзеныя разам. У кв. Е2 каля ўсходняй сценкі раскопа выяўлены рэшткі канструкцыі з фрагментаванай плінфы другаснага выкарыстання. Зруб пабудовы быў пастаўлены на каменны падмурак. Камяні ад падмурка захаваліся ў выглядзе выкладзенай у адзін рад асновы ў кв. Е2 і Д2 (гл. мал 5:1). Магчыма, што частка канструкцыі з плінфы ў кв. Е2 з'яўляецца працягам падмурка пабудовы. Памеры камянёў $0,25\text{--}0,5$ м у папярэчніку. Яшэ адзін камень памерам да $0,4$ м выяўлены каля рэштак печы. У межах пабудовы ў цэнтры кв. Е1 зафіксавана лінза вугалю авальнай формы (выцягнута па лініі захад-усход) памерам $0,9 \times 0,6$ м. Знаходкі (мал. 6) з пабудовы прадстаўлены нажами, манетай, фрагментам меднага вырабу, ледаходным шыпом, гаспадарчым кручком, зашчэпай, фрагментам пласцінчатага бранзалета, фрагментам пісанкі, фрагментам шкляннага бранзалета, рамонтнай пласцінкай, пісалам, фрагментам меднага бранзалета, нажом, ігральнай косткай, клямкай, засовам нутранага замка, залатой завушніцай і інш. Відавочна, што асобныя археалагічныя знаходкі паходзяць з папярэдняга гарызонта. Сабраны матэрыял сведчыць аб заможнасці гаспадароў і іх статуснасці. Манеты, якія былі выяўлены пад слоём гліна ад печы пражскі, – грош Вацлава IV і дынары Аляксандра (1492–1506 гг.) – датуюць будаўніцтва жылога комплексу ў межах першага дзесяцігоддзя (пачатку) XVI ст.¹

Малюнак 5 – Планіграфія культурнага слоя на ўзроўні ўмоўных пластоў 4 (1) і 5 (2)

¹ Выказваем шчырую падзяку выкладчыку Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы А.В. Карачу за вызначэнне нумізматычнага матэрыялу.

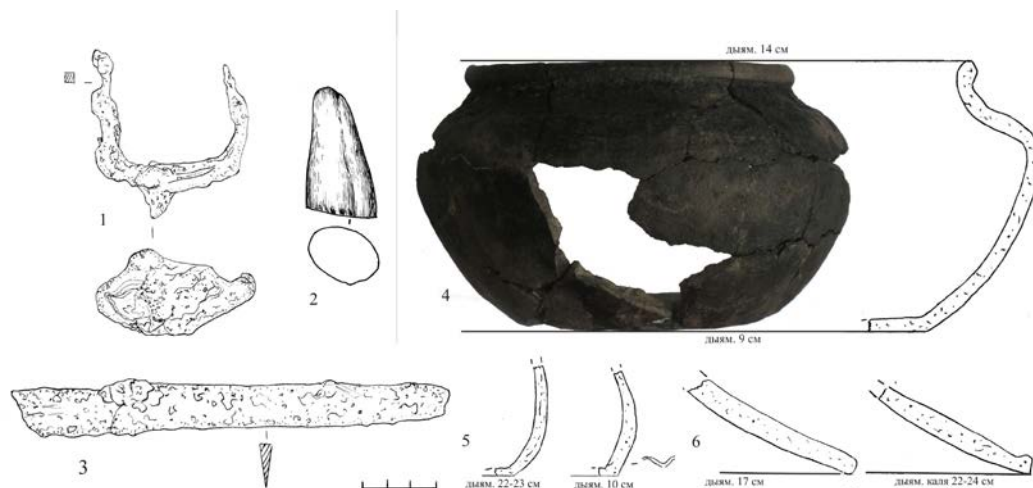

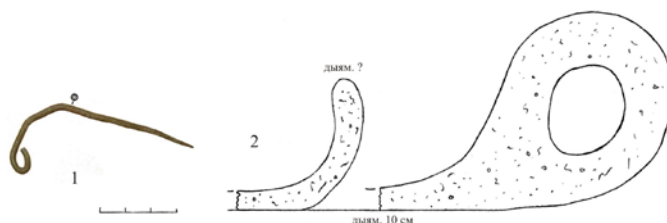
Малюнак 6 – Знаходкі з жыллёва-гападарчага комплексу 6-2

На ўзроўні другога і трэцяга ўмоўных пластоў у кв. А1 і Б1 выяўлена пляма чорнага гумусавага слою (аб'ект 6) з кавалкамі гліны (жыллёва-гаспадарчы комплекс 5–2) (гл. мал. 2). У цэнтры аб'екта размяшаецца акруглая пляма аднароднай чырвонай абпаленай гліны. Каля паўночнай сценкі раскопа ў межах ЖГК 5–2 выяўлена пляма прамакутнай формы чорнага аднароднага слою з вуглем з утрыманнем вялікай колькасці фрагментаў керамічнага посуду (гаршкі, накрыўкі, макотра і інш) (гл. табл. 1). У запаўненні апошняй выяўлены невялікія камяні (да 0,15 м у папярэчніку), размешчаныя дысперсна. Магутнасць культурнага слою аб'екта дасягае 0,4 м. Індывідуальныя знаходкі (мал. 7) прадстаўлены фрагментам нажа, апрацаваным рогам, які расколаты на дзве паловы, шыферным прасліцам, нявызначаным медным прадметам, цвікамі, ледаходным шпюм, шлакам, жалезным прадметам і аплаўкамі з каляровага металу. Відавочна, што дадзены аб'ект з'яўляецца месцам сфарміраванай гаспадарчай прасторы ў жылой пабудове. Паводле масавых і індывідуальных знаходак яго можна датаваць XIV–XV стст.

На ўзроўні другога і трэцяга ўмоўных пластоў у кв. А3 выяўлена пляма прамакутнай формы памерам 1,5 × 2,1 м (ЖГК 4–2) (гл. мал. 2). Яна ўскрыта часткова, паколькі выходзіла за межы раскопа. Канструкцыя ўнутры запоўнена гумусам з кавалкамі вугля, гліны і вапны. Па контуру яе акаймоўвае паласа (шырынёю да 0,2 м) чорнага аднароднага слою з лінзамі вуглю і абпаленай гліны. На ўзроўні трэцяга ўмоўнага пласта пляма мае чорны гумусавы колер з укрэпінкамі пяску. Знаходкі (мал. 8) прадстаўлены медным нявызначаным вырабам, шпількай і фрагментамі керамікі. Відавочна, канструкцыя мае гаспадарчае прызначэнне. Невялікага памеру памяшканні маглі выкарыстоўвацца для ўтрымання дробнай жывёлы або хатняй птушкі. Паводле сабраных фрагментаў посуду яна датуецца XIII–XIV стст.

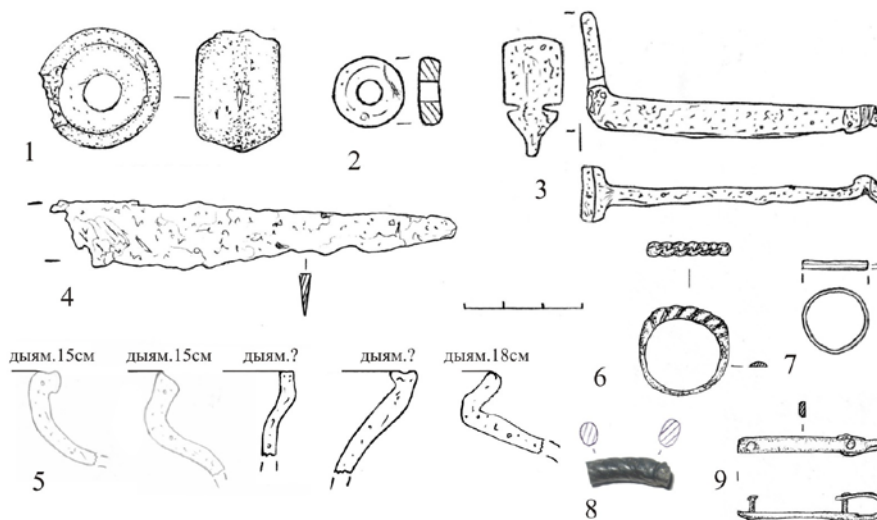

Малюнак 7 – Знаходкі з жыллёва-гаспадарчага комплексу 5-2

Малюнак 8. – Знаходкі з каляровага металу і керамкі з жыллёва-гаспадарчага комплексу 4-2

У паўднёва-заходнім куце (кв. А4, А5, Б3, Б4, Б5, В4, В5; умоўны пласт 4) прасочваецца пляма прамакутнай формы культурнага слою чорнага колеру з кавалкамі вугалю і лінзамі пяску (сляды пабудовы?). У цэнтральнай частцы захоўваюцца лінзы пяску і вугалю, а таксама чорны слой з кавалкамі гліны. Пляма выцягнута па лініі паўднёвы-заход–паўночны-ўсход (жыллёва-гаспадарчы комплекс 7–2) (гл. мал. 5:1). Памер зафіксаванай часткі плямы $4,6 \times 5,52$ м. У кв. Б4 фіксуецца канцэнтраваная керамічнага матэрыялу, што, магчыма, маркіруе гаспадарчую прастору пабудовы. Выяўлены наступныя знаходкі (мал. 9): абойміца, шклянны бранзалет, ключ, прасліца, гузік, чашуйка Міхаіла Фёдаравіча, накіччэнік стралы, пярсцёнкі, пацерка, нож і інш. Масавыя матэрыялы датуюць жыллёва-гаспадарчы комплекс 7–2 у межах XIII–XIV стст.

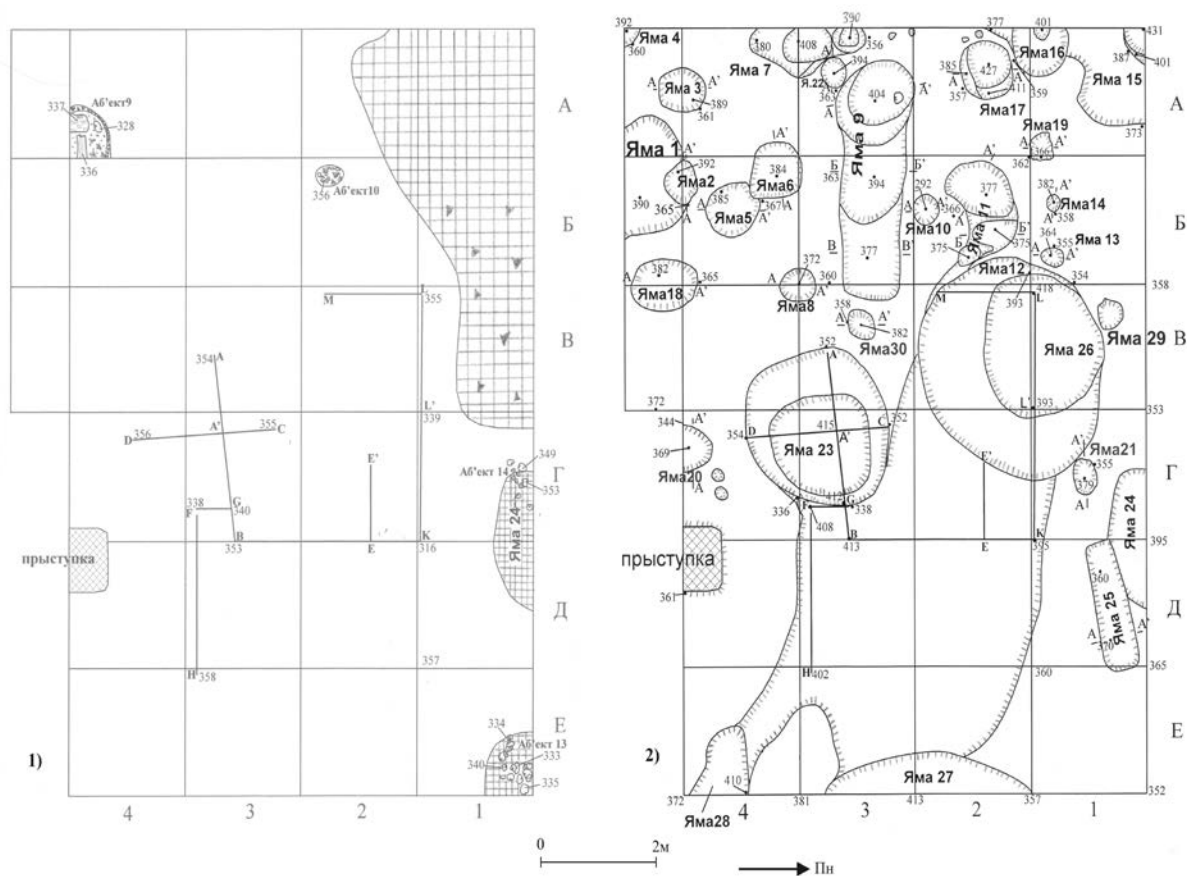
Малюнак 9. – Знаходкі з жыллёва-гаспадарчага комплексу 7-2

Ніжні (трэці) стратыграфічны гарызонт. У слое X–XIII стст. выяўлены не менш 10 жыллёва-гаспадарчых комплексаў. Іх маркіруюць шэраг развалаў канструкцый з камянёў або абпаленай гліны, мацерыковыя ямы і плямы культурнага слоя з комплексам знаходак.

Сярэдняя магутнасць культурнага слою ніжняга стратыграфічнага гарызонта складае 0,3–0,4 м, ніжніх напластаванняў трэцяга стратыграфічнага гарызонта – 0,1–0,2 м. Магутнасць культурнага пласта ў паглыбленні ў кв. Г2, Г3, Д2, Д3, Е2, Е3 дасягае 0,6–0,8 м.

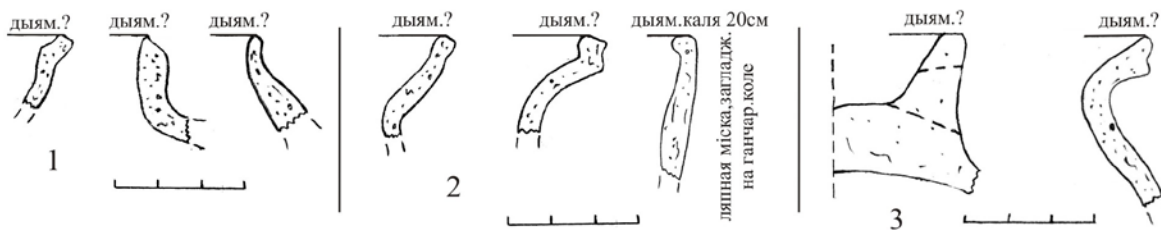
Верхняя частка трэцяга стратыграфічнага гарызонта не вылучаецца аднароднасцю напластаванняў. У ёй зафіксаваны большасць каменных канструкцый, якія можна вызначыць як рэшткі агнішчаў і печаў. Такіх аб’ектаў налічваецца не менш шасці (гл. мал. 5:2).

На ўзроўні ўмоўнага пятага пласта зафіксаваны рэшткі печы-каменкі (ЖГК 8–3, аб’ект 7), якая плаўна пераходзіць у мацерыковую яму 7 (мал. 5:2, 10:2). Аб’ект выяўлены ў заходняй частцы кв. А3, А4 і выцягнуты ўздоўж заходняй сценкі раскопа. Ён уяўляе сабой развал камянёў, пакладзеных на слой насычанага чорнага колеру з вуглем. Памеры камянёў 0,1–0,15 м у папярэчніку. З усходняга боку да аб’екта прымыкае лінза чырвонай гліны (форма прыбліжана да чарытохкутніка з закругленымі вугламі) памерам 0,25 × 0,35. З паўночна-ўсходняга боку выяўлена бясформенная пляма (памерам 1 × 0,75 м) чорнай зямлі насычанага колеру з кавалкамі чырвонай неабпаленай гліны і вугалю. Знаходкі прадстаўлены рэшткамі керамічнага посуду (мал. 11:1, табл. 1), якія дазваляюць датаваць яго ў межах старажытнарускага перыяду.

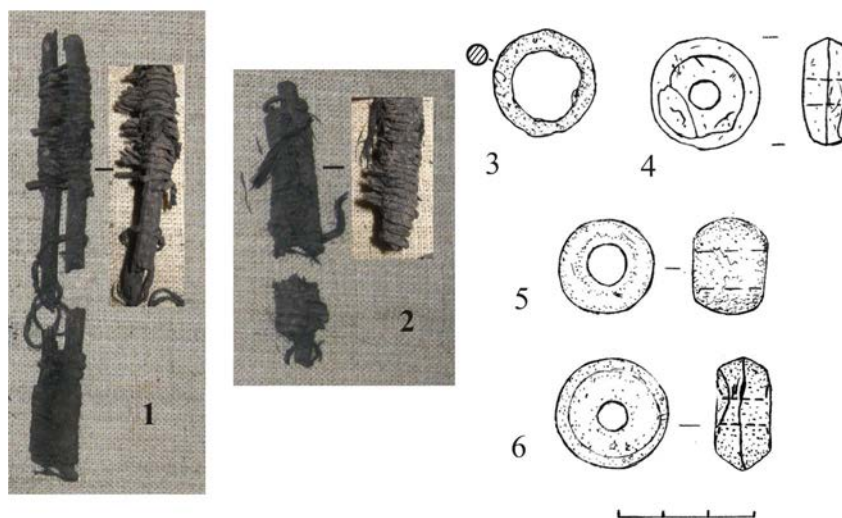
Малюнак 10. – Планіграфія аб’ектаў мікрастратыграфіі ўмоўнага пласта 6 (1) і выяўленых мацерыковых ям і рэльефу мацерыка (2)

Жыллёва-гаспадарчы комплекс 9–3 (па палявой дакументацыі аб’ект 8) – рэшткі глінабітнай печы ў кв. А2, выяўленыя на ўзроўні пятага ўмоўнага пласта (гл. мал. 5:2). Гэта кавалкі абпаленай гліны ў форме прамакутніка памерам 1 × 0,3 м з дробнымі камянямі (памерам да 0,1 м у папярэчніку). Аб’ект выцягнуты па лініі паўночна-заход – паўднёвы-ўсход. Вышыня рэшткаў печы дасягае 0,2 м. Побач з канструкцыяй (з заходняга боку) выяўлены фрагмент плінфы, рэшткі спарахнелага дрэва. Знаходкі прадстаўлены косткамі жывёл і керамічнымі матэрыяламі (мал. 11:2, табл. 1). Печ, якая існавала непрацягла час, датуецца XII–XIII стст.

Малюнак 11. – Адзіночныя фрагменты гаршкоў з жыллёва-гаспадарчых комплексаў 8-3 (1), 9-3 (2), 11-3 (3)

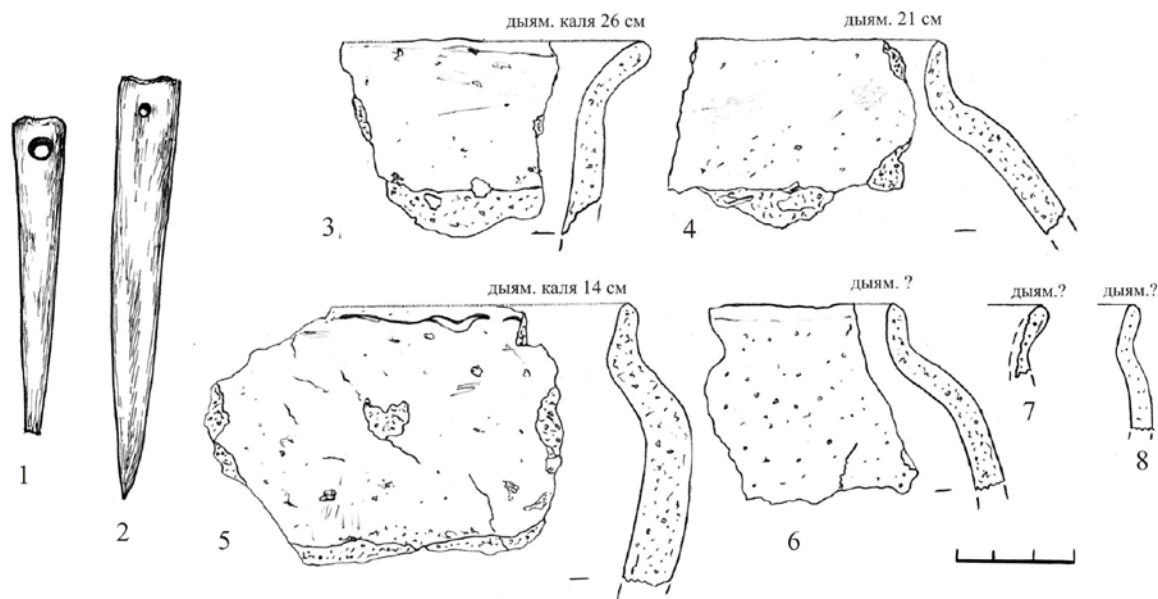
Рэшткі печы выяўлены ў кв. Г2 і Д2 на ўзроўні пятага (мал. 5:2) і шостага ўмоўных пластоў (жыллёва-гаспадарчы комплекс 10–3). Памер асновы печы $0,5 \times 0,8$ м. Печ была пастаўлена на падсыпку з мацерыковага пяску. У канструкцыі печы прысутнічаюць камяні памерам да 0,2 м у папярэчніку, пакладзеныя на гліну, і дрэва (захавалася фрагментарна ў выглядзе абгарэўшых дошак таўшчыняю да 2 см і бявенняў дыяметрам да 0,15 м). Прастора паміж камянямі запоўнена чорнай зямлёй з вугалем. Побач з печчу (з заходняга боку) выяўлены шэраг гаспадарчых рэчаў (мал. 12): скруткі бяросты, фрагменты прыстасавання для ткацтва(?), жалезнае калыца, 3 шыферныя прасліцы і іншыя жалезныя прадметы. Скапленне рэчаў у адным месцы можна вызначыць як месца захоўвання гаспадарчых прыладаў характэрных для жаночай працы (што цікава – каля печы!). Комплекс знаходак маркіруе рабочую прастору гаспадыні. У запаўненні аб'екта прысутнічаюць фрагменты ляпных і пераважна ганчарных керамічных гаршкоў (гл. табл. 1). Паводле комплексу знаходак ЖГК 10–3 можна датаваць у межах XIII ст.

Малюнак 12. – Знаходкі з жыллёва-гаспадарчага комплексу 10-3

За 1 м на захад ад ЖГК 10–3, у кв. В2 і кв. Г2 выяўлены рэшткі печы-каменкі (жыллёва-гаспадарчы комплекс 11–3), якія маркіраваны па палявой нумарацыі як аб'ект 12 (гл. мал. 5:2). Печ мае авальную форму, выцягнутую па лініі поўнач-поўдзень. Памеры асновы печы $0,6 \times 0,4$ м. Вышыня выяўленых рэшткаў печы дасягала 0,3 м. Печ была зроблена з камянеў памерам 0,1–0,2 м у папярэчніку, асобныя камяні дасягаюць памеру 0,25–0,3 м. Печ пастаўлена на роўную аснову з чорнага культурнага слою без падсыпак. Камяні пакладзены шчыльна адзін да аднаго без рошчыны ці гліны, прастора паміж камянямі запоўнена чорнай зямлёй з вуглём. Паміж камянямі выяўлены фрагменты керамічнага посуду, у тым ліку адно венца з яскрава выражанай манжэтай, якое можна датаваць XII ст. (гл. мал. 11:3, табл. 1). Ніжэй печы-каменкі была выяўлена мацерыковая яма 26, якая мае больш ранняе паходжанне і з'яўляецца часткай жылля. Яна вызначана як ЖГК 16–3. Відавочна, што два дадзеныя аб'екты не маюць паміж сабой сувязі. Мацерыковая яма 26 размяшчаецца ў кв. Б1, Б2, В1, В2, Г1, Г2 (гл. мал. 10:2). Форма ямы прыбліжана да круглай (нязначна выцягнута па лініі захад-усход). Яма мае плоскае дно ў цэнтральнай

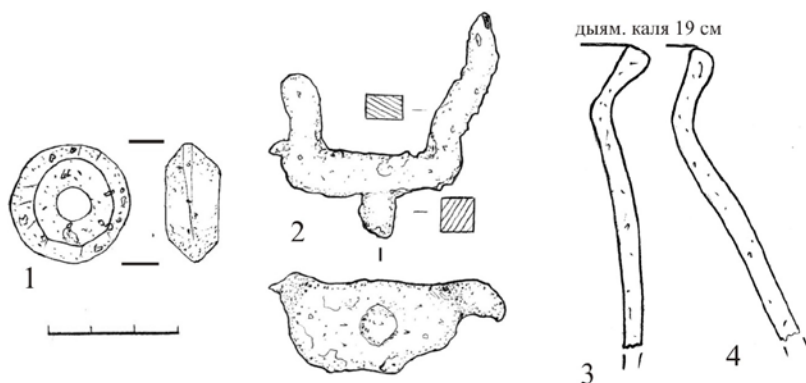
частцы (набольш глыбокая частка з паўночна-заходняга боку) і адзін уступ. Глыбіня ў цэнтральнай частцы ад узроўню мацерыка 0,65 м. Памер ямы: 3,16 м па лініі поўнач-поўдзень і 3,42 м па лініі захад-усход. Яма запоўнена паслойна чорнай зямлёй з вуглём і кавалкамі гліны, пяском і глінай. На дне ямы маецца праслойка цёмна-шэрага аднароднага слою. У заходняй частцы па контуру зафіксавана паласа чорнага арганічнага рэчыва таўшчыняю да 0,03 м на глыбіню 0,1 м. Падобная праслойка магла ўтварыцца ад спаранелых дошак, якімі была выстаўлена верхняя частка ямы. У заходняй частцы ямы выяўлена лінза (таўшчыня 0,1 м, даўжыня 0,6 м), злёгка абпаленая глінай і белым пяском. У заходняй частцы зафіксавана пляма памерам 0,3 × 0,35 м з белага пяску з дамешкамі чорнай зямлі. Ва ўсходняй частцы яма зверху перакрыта слоём белага мацерыковага пяску магутнасцю 0,1 м, які распаўсюджваецца на кв. Г2, Д3, Е2, Д3, Д4. У ЖГК 16–3 выяўлены дзве касцяныя зашпількі і шэраг фрагментаў керамічных гаршкоў XI–XII стст., косткі жывёл, у невялікай колькасці ляпная кераміка, злёгка абпаленая гліны (мал. 13, табл. 1). Датаваць дадзены комплекс можна перыядам другой паловы (канца) X–XI стст.

Малюнак 13. – Знаходкі з коці (1,2), ляпная (3-7) і загладжаная на ганчрым коле (8) кераміка з жыллёва-гаспадарчага комплексу 16-3

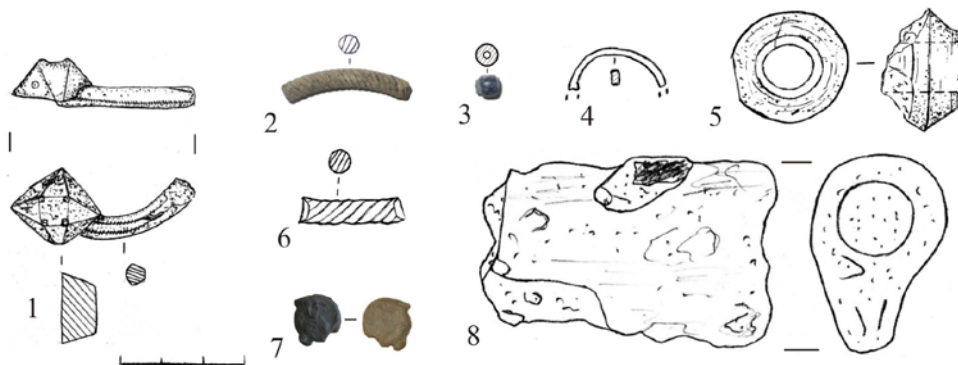
На поўдзень ад ЖГК 16–3 выяўлены яшчэ адзін жыллёва-гаспадарчы комплекс 15–3 (гл. мал. 5:2, 6:2). Яго сляды прадстаўлены аналагічнай мацерыковай ямай круглай формы. Яма 23 была выяўлена на ўзроўні пятага ўмоўнага пласта і размяшчалася ў кв. Г3, Г4, В3, В4. Памер ямы 2,4 × 2,5 м. Вызначана, што яма запаўнялася паступова (паслойна). Глыбіня ямы ў цэнтры дасягае 0,9 м. Яна мае плаўны ўступ па ўсяму контуру, які больш ярка фіксуецца ў заходняй частцы ямы. Зафіксавана 4 стратыграфічныя праслойкі. Верхняя (першая) і трэцяя (ад верху) праслойкі зямлі цёмна-карычневага колеру з глінай, дамешкамі мацерыковага пяску і вапны (магутнасць да 0,2 м кожная) утварыліся са спрасаванага слою гною. Праслойка (другая) магутнасцю да 0,05 м паміж імі ўтварылася з чорнага спрасаванага слою з дамешкамі вапны і гліны. Ва ўсходняй частцы ямы другая праслойка мае лінзу белага мацерыковага пяску магутнасцю да 0,1 м. Чацвёртая стратыграфічная праслойка складаецца з дзвюх частак. Верхняя – гэта тонкі слой чорна-карычневай гумусавай зямлі, які ўтварыўся ад перагнівання дошак, яго магутнасць каля 0,1 м. У ніжняй частцы чацвёртая праслойка ўтворана чорнай зямлёй і мацерыковым пяском, якія перамешаны ў заходняй і паўднёвай частках. У паўночнай і ўсходняй частках ямы чацвёртая праслойка запоўнена чорным слоём зямлі з дамешкамі пераважна мацерыковага пяску і радзей чырвонай гліны. Сумарная таўшчыня чацвёртай праслойкі каля 0,3 м. На дне ў цэнтры ямы (бліжэй да паўночнага краю) зафіксавана паглыбленне да 0,15 м, памер 0,3 × 0,2 м, запоўненае чорнай зямлёй. У яме знойдзены шэраг фрагментаў керамічнага посуду (гл. табл. 1). У першай і другой праслойках прысутнічае выключна ганчарная кераміка, у той час як у трэцяй і чацвёртай праслойках сярод ганарнага фіксуецца нешматлікі ляпны посуд. Сярод іншых знаходак прысутнічаюць гаспадарчыя рэчы: жалезны ледаходны шып, жалезны скабяны выраб, каменнае прасліца (мал. 14). Відавочна, што дадзены комплекс з’яўляецца часткай гаспадарчай пабудовы, на што ўказваюць праслойкі гною, і датаваць яго можна XII–пач. XIII стст.

Малюнак 14. – Знаходкі з жыллёва-гаспадарчага комплексу 15-3

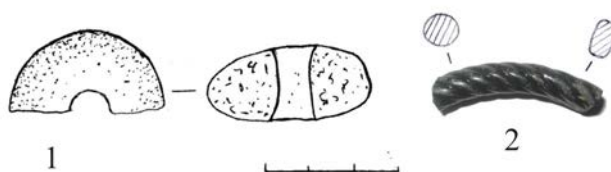
У кв. Е1 на ўзроўні 5-6 умоўных пластоў зафіксаваны бясформенны развал камянёў, які маркіраваны як ЖГК 12–3 (аб’ект 13) (гл. мал. 5:2, 10:1). Ён выяўлены фрагментарна, паколькі частка засталася ў сценцы раскопа. Агульны памер выяўленай часткі аб’екта 1×1 м. Зафіксаваная вышыня развала камянёў каля 0,15 м. Прастора паміж камянямі запоўнена чорнай зямлёй з вуглём. Усе камяні пакладзены ў адзін слой. Памер камянёў 0,1–0,2 м у папярэчніку. Пры разборы каменнай канструкцыі выяўлены фрагмент рубленай шыйнай грыўны са срэбра і фрагменты керамічнага посуду (мал. 15:6, табл. 1). На 0,1 м вышэй азначанага аб’екта былі зафіксаваны знаходкі: жалезны нож, фрагмент фібулы, шчыток пярсцёнка, пацеркі, фрагмент шклянога бранзалета, глінянае прасліца, свінцовая пломба (гл. мал. 15). Магчыма, што жыллёва-гаспадарчы комплекс 12–3 прадстаўляе рэшткі печы-каменкі, якая маркіруе жылую прастору ў доме заможнага гаражаніна XI ст.

Малюнак 15. – Знаходкі з жыллёва-гаспадарчага комплексу 12-3

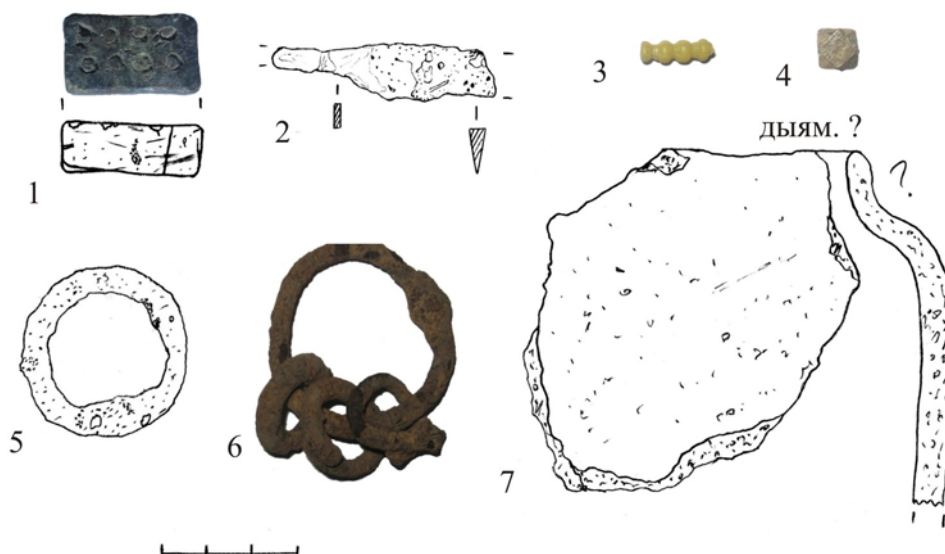
Каля паўночнай сценкі раскопа, у кв. Г1 і Д1, вызначаны развал камянёў (ЖГК 13–3, аб’ект 14), якія часткова ўпушчаны ў мацерыковую яму 24 (гл. мал. 5:2, 10:1, 10:2). Ён раскапаны часткова, паколькі з паўночнага боку выходзіць за межы раскопа. Магчыма, што выяўленая каменная канструкцыя з’яўляецца рэшткамі печы-каменкі. Яна ўяўляе сабой бясформенны развал камянёў (памерам да 0,2 м у папярэчніку), пакладзеныя на слой чорнай зямлі з вуглём. Памер выяўленай часткі аб’екта 0,8–0,4 м. Мацерыковая яма 24 мае форму паўкола дыяметрам 2,1 м. Максімальная зафіксаваная глыбіня – 0,4 м. Сценкі пакатыя, дно плоскае. Яма запаўнялася паэтапна. Ва ўсходняй частцы ў сценцы раскопа зафіксаваны праслойкі пяску і вуглю; у заходняй частцы – праслойка пяску, перамешанага з зямлёй. Цэнтр ямы запоўнены перадамацерыковым цёмна-шэрым слоём зямлі магутнасцю да 0,05 м. Зверху гэты перадамацерыковы слой перакрыты чорным гумусавым слоём арганічнага рэчыва, ва ўсходняй частцы яго магутнасць да 0,05 м, у заходняй – 0,15 м. Вышэй размешчаны слой цёмна-карычневай зямлі з вуглём, пяском і глінай. Знаходкі ЖГК 13–3 прадстаўлены венцамі кругавых гаршкоў, косткамі жывёл, пяццю сценкамі і адным венцам ляпнога посуду (гл. табл. 1).

Жыллёва-гаспадарчы комплекс 14–3 (аб’ект 15) зафіксаваны на скрыжаванні межаў кв. Е1, Е2, Д1 і Д2 (гл. мал. 5:2). Ён прадстаўляе сабой бясформенны развал камянёў (памерам да 0,15 м у папярэчніку), які запоўнены чорнай зямлёй з вуглём. Памер аб’екта $0,9 \times 1,1$ м. Знойдзеныя тут глінянае прасліца, шкляны бранзалет і кераміка (мал. 16, табл. 1) датуюць ЖГК XII–XIII стст.

Малюнак 16. – Знаходкі з жыллёва-гаспадарчага комплексу 14-3

Мацерыковая яма 27 вызначана як жыллёва-гаспадарчы комплекс 17–3. Яна зафіксавана ў кв. E2 і E3 як паглыбленне мацерыка (гл. мал. 5:2, 10:2) і ўскрыта часткова, паколькі палова яе засталася па-за межамі раскопа. Сляды мацерыковай ямы прасочваліся ад ўзроўню 5 умоўнага пласта. Яма мае складаную структуру, якая адрозніваецца шэрагам уступаў у паўночнай частцы. З паўднёвага боку сценкі ямы вертыкальныя, у іншых выпадках стромкія, дно плоскае. Даўжыня ямы па лініі ўсходняй сценкі раскопа 1,75 м. Глыбіня ямы дасягае 0,56–0,6 м. Запоўнена яма паслойна: на мацерыку залягае праслойка чорнай зямлі магутнасцю да 0,1 м, з паўночнага боку яна ўтрымлівае лінзы белага пяску. Вышэй чорную праслойку перакрывае слой шэрага пяску магутнасцю да 0,2 м, над ім сфарміраваўся слой зямлі магутнасцю да 0,15 м чорнага колеру з перагарэлымі камянямі. У верхняй частцы ямы размешчаны цёмна-шэры слой зямлі ніжняга стратыграфічнага гарызонта з глінай і вуголлем. Знаходкі з жыллёва-гаспадарчага комплексу 17–3 прадстаўлены жалезнымі кольцамі (адно з дадатковымі трыма маленькімі калечкамі), нажом, шкляной пацеркай, прыстасаваннем ювелірнай вытворчасці, гіркай разнавагай, гузікам (мал. 17). У непасрэднай блізкасці выяўлены таксама дэталі фібулы, аплаўкі, акоўка, ключ, нож, фрагменты шкляных бранзалетаў, гірка-разнавагі, нажніцы “скандынаўскія” і інш. Масавыя знаходкі – гэта фрагменты сценак ляпной і у меншай колькасці ганчарнай керамікі (гл. табл. 1). Комплекс археалагічных рэчаў сведчыць аб статуснасці гаспадара апісанага комплексу, які існаваў у X–XI стст.

Малюнак 17. – Знаходкі з жыллёва-гаспадарчага комплексу 17-3

Высновы. У раскопе 1 2014 г. на стрэлцы Ніжняга замка зафіксавана 17 жыллёва-гаспадарчых комплексаў X–XVIII стст. Найбольшая колькасць зафіксаваных комплексаў прыпадае на перыяд X–XIII стст. Шчыльнасць забудовы і стракатасць культурных напластаванняў саступае аналагічным ва ўсходняй частцы Верхняга замка, асабліва гэта тычыцца напластаванняў XII–XIII стст. Побач з даследаванай пляцоўкай (каля 20 м) у XII ст. будзеца царква і пачынаюць фарміравацца могількі.

У канструкцыях печаў X–XIII стст. акрамя камянёў выяўлены фрагменты плінфы. Гэтая плінфа была пашкоджана і па гэтай прычыне не выкарыстоўваліся падчас будаўніцтва храма. Выкарыстанне плінфы ў канструкцыі полацкіх печаў з’яўляецца даволі распаўсюджанай з’явай у XII ст.

Падчас раскопак было высветлена, што ў драўляных дамах XI–XIII стст. на тэрыторыі Ніжняга замка будаваліся ў асноўным печы-каменкі. Печаў з гліны тут выяўлена менш. Па матэрыялах Верхняга

замка было заўважана, што ў XIII ст. будаваліся выключна глінабітныя печы на падрубках (апечках) [8, с. 46–47]. У перыяд XIV–XV стст. дадзенае месца не вызначаецца масавай гарадской забудовай. Відавочна, што акрэсленая пляцоўка знаходзілася пры царкве, і тут існавалі могількі.

У канцы XV – першай палове XVI ст. адбываецца інтэнсіфікацыя ўзвядзення жылой забудовы. Магчыма, аднаўленне будаўніцтва звязана з актыўным дзеяннем маскоўскіх войскаў, якія ў 1508, 1513, 1518 гг. выпальвалі правабярэжныя пасады Полацка [4, с. 111]. На той час Ніжні замак з’яўляўся часткай Вялікага пасаду. Намі былі выяўлены сляды двух жыллёва-гаспадарчых комплексаў на адным месцы. Адбываюцца змены ў будаўніцтве – адна з жылых драўляных пабудоў пачатку XVI ст. была ўсталявана на каменным падмурку, што з’яўляецца самым раннім прыкладам выкарыстання каменнага падмурку ў драўляным дойлідстве Полацка.

Пасля Лівонскай вайны слядоў актыўнай забудовы XVII–XVIII стст. не зафіксавана. Выяўлены толькі 2 ЖГК у культурных пластах азначанага перыяду. На гэты перыяд прыпадае канчатковае разбурэнне храма XII ст.

ЛІТАРАТУРА

1. Дук, Д.У. Археалагічныя комплексы пасадаў Полацка IX–XVIII стст. (па выніках раскопак 2004–2012 гг.) / Д.У. Дук. – Наваполацк : ПДУ, 2014. – 248 с.
2. Дук, Д.У. Археалагічныя раскопкі на старажытным полацкім гарадзішчы ў 2007 г. / Д.У. Дук // МАБ – 2011. – № 21. – С. 30–60.
3. Дук, Д.У. Полацк і палачане (IX–XVIII стст.) / Д.У. Дук. – Наваполацк : ПДУ, 2010. – 180 с.
4. Дук, Д.У. Экімань у сацыятапаграфічнай структуры Полацка XV–XVIII стст. / Д.У. Дук // МАБ. – 2011. – № 21. – С. 99–114.
5. Раппопорт, П.А. Полоцкое зодчество XII в. / П.А. Раппопорт // Советская археология. – 1980. – № 3 – С. 143–163.
6. Тарасаў, С.В. Полацк IX – XVII стст.: Гісторыя і тапаграфія / С. В. Тарасаў. – Мінск : Беларуская навука, 1998. – 183 с.
7. Штыхов, Г.В. Отчёт о раскопках на Полоцком городище и на мысах вдоль р. Полоты в 1962 г. / Г.В. Штыхов // Фонд археологічнай научнай дакументацыі Цэнтральнага Научнага Архіва НАН Беларусі. – Д. 129.
8. Штыхов, Г.В. Древний Полоцк (IX–XIII вв.) / Г.В. Штыхов. – Мінск : Наука и техника, 1975. – 136 с.

Паступіў 30.11.2017

THE HOUSEHOLD COMPLEXES WITHIN THE TERRITORY OF THE LOWER CASTLE IN POLACK IN THE XTH-XVIIITH CENTURIES (BASED ON THE RESULTS OF THE EXCAVATIONS IN 2014)

A. KOTS

The archaeological research on the projection of the Lower Castle in Polack were conducted in 2014. During the excavations, the cultural layers of the Xth-XVIIIth centuries as well as the cultural layers of the earlier period, the ancient cemeteries, the Polack tangible culture, the building material of the temple of the XIIth century, etc. were explored. As a result, seventeen household complexes were defined. The cultural layer does not preserve organic substances, thus the complexes were determined with the remains of stoves, cultural layer marks, inland pits, ceramics concentration in the household area, etc. The largest number of the recorded complexes date back to the Xth-XIIIth centuries. In addition to stones and clay, the ancient bricks (plinths) were used in the stove construction of the Old Russian period. In the beginning of the XVIth century the houses with stone foundation appeared. The projection of the Lower Castle in the XVIIth-XVIIIth centuries has no features of the intensive housing development. This period is characterized by the final destruction of the temple of the XIIth century.

Keywords: Polack, the Lower Castle, the projection of the Lower Castle, household complex, stove.

УДК 94 (476)«18/19»

**КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ ЧИНОВНИЧЕСТВА
БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ В 1864–1914 гг.****А.Д. КУЗЬМИН***(Могилёвский государственный университет продовольствия)*

Предметом исследования является конфессиональный подход в кадровой политике царских властей на территории белорусских губерний в 1864–1914 гг. Установлено, что после подавления восстания 1863–1864 гг. царское правительство проводило политику по изменению кадрового состава местных органов государственной власти. На всех высших и ответственных должностях местные чиновники замещались выходцами из центральных губерний Российской империи. В начале XX в. кадровая политика царских властей не претерпела существенных изменений. Ключевые должности в местной администрации по-прежнему оставались закрытыми для лиц польской национальности.

Ключевые слова: чиновничество, конфессиональный подход, национальный подход, кадровый состав.

Введение. В рассматриваемый исторический период чиновники были значимыми фигурами в обществе. Являясь официальными представителями государственной власти, они оказывали существенное влияние на общественное поведение и сознание людей. Представители бюрократии были не только оплотом самодержавия на местах, но и региональными центрами власти. Работа государственных учреждений во многом зависела от психологии и образа жизни людей в них служащих, конфессиональной и национальной принадлежности чиновников, уровня их профессиональной компетентности, имущественного положения, условий службы.

Актуальность работы обусловлена недостаточной изученностью данной темы в отечественной историографии. На сегодняшний день отсутствует детальное рассмотрение политики самодержавия в области организации местных органов государственной власти, не проведен всесторонний анализ законодательства, регламентировавшего структуру и состав государственных учреждений, отсутствует комплексная характеристика чиновничества белорусских губерний в этот период.

Основная часть. Восстание 1863–1864 гг. поставило перед российскими властями вопрос о политической лояльности чиновников из числа местных уроженцев католического вероисповедания. Многие из них проявляли нескрываемую симпатию к политическим и национальным идеалам восстания, пополняли ряды повстанческих отрядов, оказывали им помощь. Чиновники содействовали подделке документов, укрывали повстанцев, давали ложные показания в пользу земляков, информировали восставших о передвижении войск и действиях властей. Одним из способов демонстрации своей политической позиции в среде чиновников стал саботаж. С целью сорвать работу местных учреждений часть из них подавала коллективные прошения об увольнении, другая часть не выходила на работу без уважительной причины. Например, в Могилёвской губернии только за 5 дней 1863 г. (23–28 апреля) оставил службу 51 человек. Чиновники участвовали также в обеспечении повстанческих отрядов деньгами, провизией, оружием, вели антиправительственную агитацию [1, с. 34].

По мнению виленского генерал-губернатора М. Н. Муравьёва, восстание 1863–1864 гг. приобрело широкий размах благодаря тому, что «все нити ... сосредотачивались в руках туземных чиновников, наполнявших присутственные места и канцелярии и поэтому имевших полную возможность скрывать от правительства все заговоры и политические организации, содействовать их развитию и парализовывать распоряжения правительства, касавшиеся пресечения зла в самом его начале» [2, с. 44]. В циркуляре от 19 июня 1863 г. он констатировал, что «во время настоящего мятежа многие из чиновников и служащих лиц польского происхождения, оставив занимаемые ими должности, скрылись с мест своих жительств и присоединились к шайкам мятежников» [2 с. 44]. Так, только за январь 1864 г. в витебском тюремном замке за политические преступления из 105 арестованных 27 (25,7%) принадлежали к служащим, в большинстве своем римско-католического исповедания [3, с. 61]. В марте 1864 г. жандармский штабс-капитан Гродненской губернии отослал губернатору список лиц, которые были по причине возникших сомнений в их благонадежности высланы административным порядком во внутренние губернии империи под надзор полиции. Данный список включал в себя 81 чел., среди которых насчитывалось 37 чиновников (45,7%) [4, с. 111]. В таких условиях замещение в местной администрации чиновников-католиков было одной из важнейших мер в правительственной программе успокоения и русификации края. По мнению Д. Сталюнаса, М. Н. Муравьёв не нашел в крае ни одной социальной группы, на которую он мог бы полностью опереться в реализации своей программы. В связи с чем именно чиновники стали его основной опорой в Литве и Беларуси [5].

В служебной записке виленского генерал-губернатора от 14 мая 1864 г. указывалось, что в западных губерниях следует «все высшие служебные должности по всем ведомствам, а также все места, имеющие прикосновение с народом, заместить русскими чиновниками, прочие же должности замещать русскими постепенно» [2, с. 45], что и было утверждено императором Александром II 22 мая 1864 г.

В феврале 1865 г. М. Н. Муравьев еще раз напомнил губернаторам о том, что нахождение чиновников-католиков на службе возможно только после строгой проверки личного состава штатных чиновников польского происхождения, причем проверяемые служащие должны были засвидетельствовать политическую благонадежность и преданность правительству не только на словах, но и на деле. Циркулярное предписание заканчивалось пожеланием того, чтобы чиновники, которые «остаются в душе преданными революционным устремлениям мятежной польской партии», добровольно покинули государственную службу и не вынуждали власти прибегать к увольнению [2, с. 45].

По указу от 17 марта 1867 г. генерал-губернатору было дано право замещать должности предводителей дворянства только лицами русского происхождения. В результате должности предводителей дворянства в крае были заняты или местными русскими помещиками, или чиновниками МВД из внутренних губерний империи [3, с. 61].

Царские власти поставили задачу привлечения в край русских чиновников, предоставив им ряд льгот и преимуществ. Уже 14 января 1864 г. М. Н. Муравьев приказал выплачивать всем приехавшим из России чиновникам 50-процентную прибавку к жалованию. В Гродненской губернии, например, за тот год 364 чиновника получили такую прибавку к своим окладам. Эти деньги являлись вознаграждением за благонадежность и старательную службу. В апреле 1865 г. гродненский губернатор обратился к начальнику края с просьбой разрешить выплачивать дополнительное жалованье чиновникам местного происхождения православного и мусульманского вероисповеданий, и такое разрешение было получено [4, с. 112–113].

В поисках денег и чинов в период генерал-губернаторства М. Н. Муравьева в Северо-Западный край прибыло свыше 3000 чиновников. По свидетельству П. А. Черевина, около 1000 из них были возвращены обратно за несоответствие требованиям службы по своим деловым и моральным качествам. Оставшиеся в крае 2000 служащих вместе «с прежними не составили, однако, перевеса на стороне русских в общей массе чиновников, и только впоследствии при генерал-губернаторе К. П. Кауфмане стало число русских чиновников превышать польских» [6, с. 27].

В сентябре 1864 г. начальник Виленского жандармского управления А. М. Лосев доносил в Петербург: «Большая часть командированных в Вильно русских чиновников низших чинов отличаются дурным поведением. А некоторые из них оказались до такой степени отвратительной нравственности, что никакие меры начальства не могли обуздать их; пробовали выдавать им на обратный путь прогонные деньги, но они до выезда успевали их пропить. Чтобы избавиться от подобных представителей русского чиновничества, возмущавших нравственность, другого средства не было, как отправлять их по этапу» [7, с. 62–63]. В 1865 г. витебский губернатор В. Н. Веревкин в секретном предписании требовал от уездных исправников, председателя Витебской казенной палаты, военных начальников уездов, председателей палат гражданского и уголовного суда предоставить сведения о служебных и нравственных качествах чиновников, прибывших из великороссийских губерний [8, л. 4–5 об.]. Из 27 приехавших чиновников положительные характеристики были у 13. У семерых было указано, что они «мало способны к службе». Так, военный начальник Динабургского уезда предоставил следующие сведения о чиновниках присутственных мест уездного города: «Столоначальник уездного суда Перевалов и заседатель Тарабукин ведут себя пока прилично, в служебных делах не очень способны. Последний может быть более полезен в другом меньшем уездном городе. Секретарь магистрата Березин ведет нетрезвый образ жизни и к службе непригоден. Заседатель уездного полицейского управления Куковекин требует за собою надзора и склонен к злоупотреблению спиртным, никаких ответственных поручений давать ему нельзя. Регистратор Емельянов во всех отношениях положителен» [8, л. 21–21 об.].

Генерал-губернатор М. Н. Муравьев предложил установить обязательных двухлетний срок службы или требовать обратно подъемные деньги. Всего на службу в северо-западные губернии с 1863 по 1867 гг. прибыло 5617 чиновников [7, с. 63].

Тотальная замена чиновников-католиков на православных значительно повысила расходы на их содержание, поэтому позднее правительство постепенно регламентировало льготы для служащих западных губерний. Согласно правилам от 21 ноября 1869 г. служащим некоторых ведомств предоставлялась особая прибавка к жалованию, которая пополнялась из 10-, 5- и 1-процентных сборов с местных дворян-католиков. Лица, поступившие на службу в край до 1870 г., получали 50% добавочного содержания, прибывшие в 1870–1875 гг. – 30–40%; после 1875 г. – 15–20% [3, с. 62].

Таким образом, правительство делало все возможное, чтобы материально заинтересовать русских чиновников. Эта политика вскоре стала приносить свои результаты. Чиновники местного происхождения католического вероисповедания в массовом порядке увольнялись со службы. Так, согласно данным гродненского губернатора за апрель 1866 г. в его губернии насчитывалось 186 уволенных чиновников.

В Витебской губернии эта цифра была приблизительно такой же – 183 человека [9]. Витебский губернатор В. Н. Верёвкин писал в своем отчете: «Главной причиной увольнения этих лиц со службы было их польское происхождение, которое не позволяло убедиться в их преданности русскому правительству». Таким образом, в данной ситуации католическое вероисповедание отождествлялось с принадлежностью к польской национальности [4, с. 114]. На протяжении всего нескольких лет личный состав служащих местных государственных учреждений был кардинально обновлен. Согласно перечневой ведомости в Витебской губернии в 1865 г. было 1086 чиновников, состоящих на службе в присутственных местах и канцеляриях, без учета лиц, служащих частным образом по найму. Из них православных – 650 (60%), католиков – 388 (35,7%), лютеран – 34 (3,1%). Так, в канцелярии витебского губернатора из 16 чиновников 15 были православными; в губернском правлении из 85 чиновников 68 (80%) – православные, 14 (16,5%) – католики, 3 (3,5%) – лютеране. По почтовому ведомству среди 34 чиновников 26 (76,5%) были православными, 8 (23,5%) – католиками, 2 (6%) – лютеранами. В палате государственных имуществ из 74 служащих 51 (69%) были православными, католиками – 21 (28,4%), лютеранами – 2 (2,7%). В городских и уездных полицейских управлениях католиков было только 15 человек (11%) из 136. Довольно высоким оставался процент католиков, служащих в палатах гражданского и уголовного судов (около 52%), а также в уездных судах Витебской губернии (50%). Однако католики служили в канцеляриях этих судов и никаких руководящих должностей не занимали [10, л. 248–251 об.].

На основе данных адрес-календаря Виленского генерал-губернаторства за 1868 г. С. М. Токть проанализировал профессиональный состав 3400 классов чиновников 5 белорусских губерний. По вероисповеданию они распределялись: православные – 2591 (76,2%), католики – 571 (16,8%), протестанты – 153 (4,5%), мусульмане 75 (2,2%), другие 10 (0,29%). Среди 43 чиновников, которые занимали руководящие должности в губернских администрациях, 32 были православными (74,4%), 6 – лютеранами (14%), 5 – католиками (11,6%). 330 чиновников уездных учреждений по вероисповеданию распределялись следующим образом: православные – 271 (82%), католики – 33 (10%), протестанты – 23 (6,7%), мусульмане – 3 (0,9%). Особенно высоким был процент православных среди уездных судей (100%), председателей мировых съездов (96,9%) и полицейских исправников (89,7%) [4].

В 1870 г. в канцелярии минского губернатора в штате насчитывалось 9 человек. Все они были православными. Из них 3 были награждены орденами, которые давали право на дворянство. Только во врачебном отделении губернского правления из 46 чел. 17 были католиками и 5 – иудеями, на долю православных и лютеран приходилось 24 человека [11, с. 217].

Несмотря на то, что по закону от 22 мая 1864 г. на государственную службу в крае запрещалось принимать католиков только в качестве начальников учреждений, в действительности же это касалось почти всех служебных мест. Так, 17 октября 1868 г. директор почтового департамента в своем циркулярном письме предлагал губернаторам не принимать католиков на открывавшиеся вакансии, а тех, кто уже служил, – не повышать в должности. Этот циркуляр вновь был подтвержден в 1899 г. Таким же письмом от 27 октября генерал-лейтенант А. Н. Безак запретил принимать на службу католиков и в телеграфные учреждения [11, с. 217].

В 1867–1877 гг. только 5 чиновников почтового ведомства в Могилёвской губернии были католиками. Некоторые католики ради карьеры переходили в православие. Например, так поступил уроженец Пруссии А. Ф. Гензель, работавший 8 лет станционным смотрителем. После крещения он за такие же 8 лет прошел путь до Мстиславского уездного почтмейстера. После подавления восстания 1863–1864 гг. все почтовые служащие Могилёвской губернии были награждены медалью «За усмирение польского мятежа», кроме почтчиков-католиков. При этом трое из них работали в этот период в губернии и в их послужных списках не зафиксированы претензии к их работе. Протестанты среди могилевских почтчиков были из числа лютеран. Телеграфисты должны были владеть иностранным языком (французским или немецким). Хорошее знание языка было у российских подданных прибалтийских губерний, поэтому их охотно приглашали на телеграф. В начале XX в. в Могилёвской губернии работало 12 почтовых служащих лютеран [12, с. 42].

Однако несмотря на все предпринимаемые меры по привлечению в Северо-Западный край чиновников из центральных губерний России кадровый состав местных органов власти по-прежнему не устраивал губернаторов. Так, в своей всеподданнейшей записке за 1885 г. витебский губернатор В. М. Долго-руков писал: «Считается настоятельно необходимым недопущение на государственную службу лиц польского происхождения, число которых в губернии доходит до 180 чел., особенно в должностях предводителей дворянства. Лица, находящиеся в этих должностях, принадлежат в большинстве к польским помещикам и благодаря служебному положению и своему богатству способствуют польской интеллигенции проводить антиправительственную агитацию» [13, л. 9]. Виленский генерал-губернатор И. С. Каханов в отчете за 1884 г. указывал, что число католиков составляет весьма значительный процент служащих и что цель, намеченная Высочайше утвержденным 27 мая 1864 г. журналом Западного Комитета по замещению чиновников, находящихся в непосредственном соприкосновении с народом, лицами

русского происхождения, не достигнута. Особенно это относится к большинству низших должностей и преимущественно к составу канцелярских чиновников и вольнонаемных писцов. В Гродненской губернии из 1260 лиц, состоящих на государственной службе и допущенных к работе по найму в учреждениях ведомств министерств внутренних дел, финансов и государственных имуществ, православные составляли 779 человек (61,8%), католики – 351 (27,9%), протестанты – 62 (4,9%), мусульмане – 58 (4,6%), иудеи – 9 (0,7%). Служба в северо-западных губерниях для чиновников из других местностей империи была нелегка. Из-за отсутствия земств и выборных должностных лиц все дела, которые в других губерниях империи находились в их ведении, здесь ложились на плечи чиновников. Недостаток притока русских служащих привел к тому, что низшие должности в крае, по которым неизбежно непосредственное соприкосновение с народом, замещаются католиками. Не исключая того, что среди чиновников-католиков могли быть люди вполне добросовестные, генерал-губернатор все же сомневался, что эти крайне немногочисленные служащие, находясь под контролем окружающей их родственной польской среды, могли идти вразрез с польскими стремлениями. И. С. Каханов обратил также внимание, что всякая оплошность со стороны русского чиновника всегда выставляется напоказ местной интеллигенцией, тогда как серьезные неблагоприятные действия польских служащих скрываются. В конечном итоге губернатор пришел к выводу, что необходимо сделать службу в Северо-Западном крае более привлекательной путем увеличения служебных преимуществ чиновникам русского происхождения от XIV до VII классов включительно. Его предложение состояло из следующих пунктов:

- 1) право на производство за выслугу лет в чины по сокращенному на один год ранее общему 3- и 4-летнему сроку;
- 2) право на производство канцелярских служащих в чин XIV класса по сокращенным наполовину, вместо положенных по их происхождению, срокам;
- 3) право на получение по сокращенным срокам выслуги полных окладов пенсии за 25 и половинных за 20 лет службы в крае;
- 4) право на зачисление в срок выслуги прежней службы чиновника в империи по крестьянским учреждениям и по выборам от дворянства;
- 5) право на получение ордена Св. Владимира IV степени за 35-летнюю службу по сокращенному сроку с тем, чтобы 3 года в крае считались за 4 года в империи [14, л. 3–5].

13 июня 1886 г. были изданы дополнительные правила о преимуществах службы в отдаленных губерниях. Согласно правилам в западных губерниях (Виленской, Гродненской, Минской) особыми привилегиями пользовались служащие в канцеляриях духовных консисторий православного исповедания, в канцеляриях губернаторов, в городских и уездных полицейских управлениях, а также учителя приходских училищ: им установили надбавку в размере 50% получаемого жалования. Чиновникам от XIV до VIII класса включительно в губернских правлениях, приказах общественного призрения, комиссиях народного продовольствия, в почтовых конторах, казенных палатах, казначействах, управлениях государственными имуществами, контрольных палатах, в духовных учебных заведениях и канцеляриях попечителей учебных округов, учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения и дирекциях народных училищ, уездным врачам и землемерам, чинам ведомства Министерства путей сообщения полагалась надбавка в размере 20% от получаемого жалования. Особые преимущества заключались и в предоставлении прогонных денег в повышенном размере. Лица русского происхождения, определяемые на должности по учебной и воспитательной части в учебные заведения Виленского учебного округа, получали сверх прогонов пособие: семейные – в размере полугодового оклада жалования, а одинокие – в размере 1/3 означенного оклада. Кроме того, чиновникам предоставлялся отпуск на льготных условиях и пенсионные преимущества [15, с. 14–15].

Могилевский губернатор А. С. Дембовецкий в отчете за 1886 г. приветствовал принятие данного закона. Вместе с тем он указывал на недостаточный размер содержания служащих ведомства Министерства внутренних дел. Данное обстоятельство уже давно служило, по его словам, существенным затруднением при замещении второстепенных должностей в губернских и уездных учреждениях, потому что люди с высшим образованием или практическим служебным опытом предпочитали работу в других ведомствах или же вообще уходили из государственной службы. Более того, закон 13 июня 1886 г., увеличивая содержание только тех служащих, которые не принадлежат к числу местных уроженцев, улучшал материальное положение лишь немногих. По мнению А. С. Дембовецкого, данная мера должна была распространяться и на местных уроженцев православного вероисповедания [16, л. 7–8].

Таким образом, губернаторы являлись не только исполнителями государственных законов, но и непосредственно принимали участие в их проектировании с учетом местных особенностей.

Особое внимание царское правительство уделяло конфессиональному составу судебных кадров в Северо-Западном крае. Секретный циркуляр Министерства юстиции от 21 июля 1885 г. запрещал «лицам польского происхождения» занимать в девяти западных губерниях должности секретарей в судебных учреждениях, судебных приставов, а также нотариусов. Согласно секретному циркуляру Министер-

ства юстиции от 9 января 1892 г. принимать «лиц польского происхождения» в качестве кандидатов на судебные должности при окружных судах западных губерний категорически запрещалось. Тем не менее вышеназванные меры власти посчитали недостаточными. 10 июня 1893 г. был принят еще один секретный циркуляр, направленный на ограничение доступа католиков к судебным должностям в Западном крае. Отныне для данной категории граждан недоступными становились должности помощников секретарей общих и мировых судов, а также судебных рассыльных при судебных палатах и окружных судах в девяти западных губерниях [17, с. 61–62].

Территория Беларуси входила в черту еврейской оседлости, что, несомненно, влияло на конфессиональный аспект кадровой политики правительства в здешнем крае. В секретном циркуляре Министерства юстиции от 30 апреля 1886 г. говорилось о необходимости отстранения евреев от работы в канцеляриях судебных следователей и чинов прокурорского надзора. Следующим шагом правительства по удалению евреев из судебных учреждений стало издание секретных циркуляров 6 июня 1887 г. и 9 января 1892 г., согласно которым евреи не могли быть нотариусами и кандидатами на судебные должности. В результате такой политики евреи могли участвовать в деятельности судебных учреждений только в качестве адвокатов. Однако и тут их права были ограничены. В 1889 г. министр юстиции Н. А. Манасеин представил на утверждение царя доклад, в котором предлагалось принимать в присяжную адвокатуру лиц нехристианских вероисповеданий только с разрешения министра юстиции. Необходимость этой меры Н. А. Манасеин объяснял тем, что русские вытеснялись из адвокатуры евреями, которые своими специфическими приемами нарушали моральную чистоту, столь необходимую корпорации присяжных поверенных. Данный доклад был утвержден Александром III 8 ноября 1889 г. В результате приток иудеев в корпус присяжной адвокатуры был фактически остановлен. Так, по подсчетам И. Г. Гуцинского, в Минском окружном суде за 1891–1902 гг. количество евреев сократилось с 15,8 до 10 % от представителей всех вероисповеданий [17, с. 73–74].

Существенная корректировка внутривнутриполитического курса российского правительства в западных губерниях произошла в период политического кризиса 1905–1907 гг. В указе от 12 декабря 1904 г. была обнародована программа будущих политических и административных преобразований в Российской империи, в том числе планировалось «произвести пересмотр действующих постановлений, ограничивающих право инородцев и уроженцев отдельных местностей империи». В развитие этого постановления 1 мая 1905 г. был принят указ об отмене некоторых постановлений, ограничивающих права поляков в западных губерниях [18]. В самом указе не было никаких упоминаний о порядке прохождения поляками государственной службы в белорусских губерниях, однако к законодательному акту для сведения и руководства высших административных лиц было разослано секретное извлечение из журнала Комитета министров. В этом документе разъяснялась позиция высших органов власти по вопросу о кадровой политике в отношении поляков, желавших служить в Северо-Западном крае. Секретность разъяснения обусловливалась тем, что согласно российскому законодательству о государственной службе «различие вероисповедания или племени не препятствует определению на службу» [19, с. 4]. Таким образом, имевшиеся ограничения для службы поляков в западных губерниях противоречили нормам действовавшего законодательства. Данное постановление следовало рассматривать как административное «наставление начальникам ведомств не замещать известные должности в Западном крае лицами польского происхождения, не создавая в то же время никаких препятствий к получению ими соответствующих должностей в прочих местностях империи» [2, с. 47].

К выписке из журнала Комитета министров прилагался перечень должностей, которые оставались недоступными для поляков в западных губерниях. Этот список служил начальникам государственных учреждений руководством для производимых кадровых перемещений. Согласно ему по ведомству Министерства внутренних дел для лиц польской национальности закрытыми оставались должности начальников и их заместителей в городских, уездных полицейских и губернских жандармских управлениях; по ведомству Министерства финансов – должности управляющих казенных палат, управляющих акцизными сборами и таможенными округами, таможенными, должности окружных таможенных ревизоров, управляющих отделениями Государственного банка, отделениями Крестьянского поземельного банка, Государственного дворянского земельного банка, а также уполномоченного в Виленском земельном банке. По Министерству земледелия и государственных имуществ с особым доступом были посты начальников управлений земледелия и государственных имуществ, директора и управляющего средних и низших сельскохозяйственных учебных заведений. Полякам было нельзя занимать должности управляющих контрольными палатами, а также главных контролеров контроля железных дорог и над постройкой оборонительных сооружений в г. Ковно. Железные дороги относились к стратегическим объектам ведомства Министерства путей сообщения, поэтому на такие посты, как начальники, директора и управляющие железными дорогами, управление которых находилось в городах западных губерний, а также по линии Московско-Брестской железной дороги, назначение поляков запрещалось. Такое же требование распространялось на заместителей должностных лиц данной категории, начальников службы движения и всех

«агентов, имеющих в своем распоряжении сведения по мобилизации и передвижению воинских частей» [2, с. 47]. Не меньшие предосторожности применялись в отношении замещения поляками должностей по внутренним путям и шоссейным дорогам: начальников округов и их помощников, инспекторов судоходства и начальника Висло-Неманского пути. В силу особой роли в крае системы учреждений Министерства народного просвещения негласные административные запреты для поляков распространялись на должности директоров, инспекторов и начальников как государственных образовательных учреждений, так и пользующихся правами правительственных учебных заведений. Кроме того, поляки не могли рассчитывать на должности преподавателя русского языка и словесности, истории, педагогики. В начальных училищах для них была доступна лишь должность законоучителя римско-католического исповедания. Особый подход в кадровых перемещениях был выработан для чиновников Министерства юстиции: область ограничений распространялась только на территорию Виленского генерал-губернаторства. В Виленской, Ковенской и Гродненской губерниях лица польского происхождения не могли получить назначение на должности старшего председателя и председателей департаментов судебной палаты, председателей окружных судов, прокурора и товарищей прокурора в судебной палате и окружных судах. Все остальные должности по всем ведомствам являлись открытыми для поляков, однако в документе специально оговаривалось, что «перечень, конечно, не может быть понимаем как создающий обязательство для начальников ведомств замещать все другие, не перечисленные в нем должности, в пределах Западного края лицами польского происхождения [2, с. 48].

В циркуляре № 10 от 10 января 1906 г. виленский генерал-губернатор К. Ф. Кршвицкий, комментируя решение Комитета министров от 1 мая 1905 г., приказал руководствоваться следующими указаниями. Он дал ясно понять, что отмену ограничений для лиц польского происхождения нельзя трактовать как право «неограниченного определения их на службу». Органы государственной власти в Северо-Западном крае должны «прежде всего, сохранить облик русских учреждений», в особенности, когда получили развитие «крайние стремления инородческих элементов населения к обособлению от общерусской жизни». Роль личного состава государственных учреждений в этих условиях заключалась в создании противовеса сепаратистским и революционным движениям. Показательно, что в черновом варианте циркуляра приводился пример участия в революционных беспорядках 1905 г. чиновников-поляков, служивших по ведомству Министерства путей сообщения в Управлении Полесской железной дороги. В этой связи на государственную службу могут быть приняты только те лица польской национальности, которые в течение более или менее продолжительного времени послужили по вольному найму, безукоризненны в политическом отношении при условии, что в данном государственном учреждении «элемент служащих инородческого происхождения не поглощал русских». Все прошения об определении на службу поступали на личное рассмотрение генерал-губернатора с характеристикой политической лояльности кандидата и статистическими сведениями о национальном составе чиновников в органе государственной власти. Кроме того, губернаторам предлагалось изложить соображения о размере процентной нормы поляков среди чиновников края [2, с. 48].

В какой степени рекомендации генерал-губернатора К. Ф. Кршвицкого были актуальными для местного руководства, можно отчасти судить на основании сведений о личном составе чиновников отдельных учреждений Виленской губернии в 1906 г. Например, в марте 1906 г. во всех учреждениях Виленской и Ковенской губерний, входивших в состав Виленского почтово-телеграфного округа, насчитывалось 1151 человек, из которых только 25 (2,2%) являлись католиками. В Виленской казенной палате из 199 служащих 20 относились к католикам (10%). В правлении Виленского округа путей сообщения штатные должности занимало 20 человек, из них католиками было 6 чиновников (30%). В Управлении земледелия и государственных имуществ Виленской и Ковенской губерний служило 35 человек, из которых 9 были католиками (26%). В Виленской контрольной палате согласно данным, предоставленным ее управляющим, служило 116 чиновников, из них лишь 10 (8,6%) исповедовали католичество [2, с. 48–49].

Таким образом, большинство чиновников государственных учреждений Виленской губернии относились к лицам «русского происхождения», причем критерием определения национальности служило, как правило, вероисповедание. Польская национальность и католичество в большинстве случаев по-прежнему оставались неразрывными в представлениях местной администрации. Так, согласно постановлению Особого совещания начальников полиции Минской губернии в феврале 1913 г. было принято, что русским по происхождению считается лишь то лицо, которое «исповедует православную веру от родителей, рожденных в православии». В этой связи показательно, что сам по себе переход в православие из католичества уже не отменял польской национальной принадлежности, но все же православное вероисповедание, а не язык и культурная идентичность, оставалось главным критерием в определении русской национальности в крае в начале XX в. [2, с. 49].

В конфиденциальном письме от 18 сентября 1912 г. директор Департамента полиции Министерства внутренних дел С. П. Белецкий предложил губернаторам западных губерний представить сведения о кадровой политике с 1 мая 1905 г. и высказать свои соображения относительно установления процент-

ной нормы для лиц польского и литовского происхождения. В ответном письме витебского губернатора М. В. Арцимовича от 13 января 1913 г. сообщалось, что в губернии по ведомству Министерства внутренних дел служит 1107 человек, в том числе 152 католика (13,7%). Самый высокий процент католиков оказался среди служащих земских и городских учреждений самоуправления – 687 человек (17%), по крестьянским учреждениям – 133 (14%), а вот в таких учреждениях, как губернское правление, полицейские управления, дворянском депутатском собрании и канцеляриях предводителей дворянства, всего 287 (4,5%). Если говорить о лицах, занимающих классные должности, то в письме витебского губернатора приводились точные сведения по двум последним категориям служащих этого ведомства. В частности, католиками оказались 3 депутата от дворянства, 1 помощник полицмейстера, 1 помощник пристава, 2 полицейских надзирателя, 1 заседатель дворянской опеки, 3 земских начальника, 4 делопроизводителя земских начальников и 16 канцелярских чиновников. В целом витебский губернатор констатировал, что представители администрации пользовались Высочайше утвержденным 1 мая 1905 г. Журналом Комитета министров с большой осмотрительностью и допускали на классные должности католиков лишь изредка, в виде исключения, и притом таких лиц, которые при продолжительном испытании обнаружили выдающиеся способности и преданность правительству. В принципе, витебский губернатор признавал пользу от применения закона от 1 мая 1905 г., но, учитывая политические условия в крае, считал, что введение процентной нормы для чиновников-католиков не имеет смысла [2, с. 50].

Одним из показателей реального места каждой этнической группы в социальной структуре общества является количество ее представителей в органах власти. По данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., в административных, полицейских и судебных органах преобладали русские чиновники. На основании языкового критерия выяснилось, что в Витебской губернии из 2456 чиновников великорусами себя называли 1200 человек (почти 49%), белорусами – 792 (32,2%), поляками – 231 (9,4%), евреями – 26 (1,1%) [20, с. 172–174]. В Гродненской губернии из 2803 чиновников великорусами себя называли 1408 человек (чуть более 50%), белорусами – 784 (около 28%), поляками – 375 (13,4%), евреями – 42 (1,5%) [21, с. 202–207]. В Минской губернии из 2737 чиновников великорусами себя назвали 1437 человек (52,5%), белорусами – 901 (почти 33%), поляками – 234 (8,5%), евреями – 24 (0,9%) [22, с. 158–161]. В Могилёвской губернии национальный состав государственных служащих выглядел несколько иначе. Из 2081 чиновников белорусами себя назвали 1213 человек (58,3%), великорусами – 705 (около 34%), поляками – 84 (4%), евреями – 30 (1,4%) [23, с. 178–183]. По результатам переписи в 43-тысячном Могилёве проживало 6,8 тыс. этнически русских жителей. В подавляющем большинстве это были выходцы из Могилёвской, Калужской, Костромской и Нижегородской губерний. Среди государственных служащих (администрация, суд, полиция) 334 человека были русскими, а 342 чиновника назвали родным языком белорусский [24, с. 294].

Позиции белорусов среди чиновничества и занятых в интеллектуальной сфере были значительно сильнее в сельской местности (включая местечки). Так, если среди занятых в администрации, суде и полиции в городах белорусы составляли приблизительно 32,5%, то за их пределами – 53,2% [25, с. 152].

Заключение. Таким образом, ограничение доступа католиков на государственную службу в органы власти белорусских губерний после восстания 1863–1864 гг. становится одним из инструментов внутренней политики российских властей, направленной на деполонизацию края. Вместе с тем ограничения при поступлении на государственную службу для католиков никогда в полном объеме не выдерживались, о чем свидетельствуют отчеты и донесения местных губернаторов. В период революционных событий 1905–1907 гг. вследствие либерализации внутриполитического курса кадровая политика была пересмотрена в сторону восстановления для католиков права замещения должностей в государственном аппарате белорусских губерний. Однако ключевые должности в местных властных структурах по-прежнему оставались закрытыми для лиц польской национальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Луговцова, С. Л. Кадровая политика российских властей на территории Беларуси после подавления восстаний 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг.: (попытка сравнительного анализа) / С. Л. Луговцова // Российские и славянские исследования : науч. сб. / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2014. – Вып. 9. – С. 28–38.
2. Киселёв, А. А. Конфессиональные аспекты кадровой политики российских властей в полицейских учреждениях МВД белорусских губерний во второй половине XIX – начале XX вв. / А. А. Киселёв // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2012. – № 4(73). – С. 44–52.
3. Подорожня, Е. А. Особенности формирования губернской администрации в Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. Е. А. Подорожня // Вестник Полоцкий государственный университета. Серия А, Гуманитарные науки. – 2012. – № 2. – С. 61–64.
4. Токць, С. М. Дзяржаўны апарат царызму ў Беларусі ў 30–60-х гг. XIX ст. (структура, функцыі, чыноўніцкі корпус) : дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / С. М. Токць. – Мінск, 1997. – 150 л.
5. Сталюнас, Д. Этнополитическая ситуация Северо-Западного края в оценке М. Н. Муравьева (1863–1865) [Электронный ресурс] / Д. Сталюнас // Балтийский архив : Русская культура в Прибалтике. – Вильнюс : Русские

- творческие ресурсы Балтии, 2003. – Т. VII. – С. 250–271. – Режим доступа: <http://www.russianresources.lt/archive/Mater/staliunas.html>. – Дата доступа: 21.04.2016.
6. Черевин, П. А. Воспоминания П. А. Червина 1863–1865 гг. / П. А. Черевин. – Кострома : Тип. «Северный рабочий», 1920. – 76 с.
  7. Комзолова, А. А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ / А. А. Комзолова. – М. : Наука, 2005. – 383 с.
  8. Дело о служебных и нравственных качествах чиновников, вызванных на службу в Витебскую губернию из Велико-русских и Юго-Западных губерний // Национальный исторический архив Беларусь (НИАБ). – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 32678.
  9. Дело о представлении главному начальнику края перечневой ведомости о чиновниках польского происхождения, уволенных от службы с 1863 по 1866 гг // НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 32752.
  10. Дело о представлении генерал-губернатору перечневой ведомости о числе чиновников Витебской губернии 1865 г. // НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 32281.
  11. Жытко, А. П. Дваранства Беларусі перыяду капіталізму. 1864–1914 гг. : манагр. / А. П. Жытко. – Мінск : БДПУ, 2003. – 233 с.
  12. Заремский, В. К. Религия в жизни провинциального чиновника XIX в. (на примере почтово-телеграфных служащих Могилёвской губернии) / В. К. Заремский // Религия и общество: актуальные проблемы современного религиоведения : сб. науч. тр. / под общ. ред. В. В. Старостенко. – Могилёв, 2006. – С. 41–43.
  13. Особая всеподданнейшая записка витебского губернатора о положении губернии вообще от 18 апреля 1885 г. // НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 54057.
  14. Дело о мерах к привлечению на службу в Северо-Западный край русских уроженцев 1884 г. // Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 733. Оп. 121. Д. 833.
  15. Правила об особых преимуществах гражданской службы в отдаленных местностях, а также в губерниях западных и Царства Польского. (Высочайше утверждены 13 июня 1886 г.). – СПб. : Литотипография и словолитня Эрнста Платеса, 1886. – 19 с.
  16. Всеподданнейший отчет Могилёвского губернатора за 1886 г. // Научно-справочная библиотека ; Российский государственный исторический архив (НСБ РГИА). – Ф. 2847. Ед. хр. 15.
  17. Гушчынскі, І. Г. Роля судовых устаноў у палітычным жыцці і сацыяльна-эканамічным развіцці Беларусі (1864–1914 гг.) : дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / І. Г. Гушчынскі. – Мінск, 2011. – 160 л.
  18. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). – Собрание 3-е. – Т. 25. – Отд. 1 – № 26163. О порядке выполнения пункта седьмого Именного указа 12 декабря 1904 г. в отношении девяти западных губерний от 1 мая 1905 г. – СПб., 1908. – С. 286–287.
  19. Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Первого составленный, изд. 1857 г. : в 15 т. – СПб. : Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1857. – Т. 3 : Уставы о службе гражданской. – 1416 с.
  20. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / Изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел ; под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб., 1903. – Тетр. 3 (последняя). V : Витебская губерния. – XIV, 281 с.
  21. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / Изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел ; под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб. : Тип. т-ва «Народная польза», 1903. – XI : Гродненская губерния. – XV, 319 с.
  22. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / Изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел ; под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб. : Тип. С.-Петерб. тюрьмы, 1904. – XXII : Минская губерния. – XVI, 243 с.
  23. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / Изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел ; под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб. : Тип. С.-Петерб. АО печ. и писчебумаж. дела в России «Слово», 1903. – XXIII : Могилевская губерния. – XV, 275 с.
  24. Сидоренко, Б. И. Русский компонент в общественно-политической жизни Могилёва XIX века / Б. И. Сидоренко // Этнічная, моўная і культурная разнастайнасць у сучасным грамадстве : зб. навук. пр. удзельнікаў Міжнар. навук.-практ. канф., Магілёў, 29–30 мая 2014 г. / Маг. дзярж. ун-т харч. ; рэдкал.: Ю. М. Бубнаў (адк. рэд.) [і інш.]. – Магілёў : МДУХ, 2014. – С. 292–295.
  25. Терешкович, П. В. Этническая история Беларуси XIX – начала XX в.: В контексте Центрально-Восточной Европы / П. В. Терешкович. – Минск : БГУ, 2004. – 223 с.

Поступила 15.12.2016

CONFESSIONAL AND NATIONAL STRUCTURE OF THE BUREAUCRACY BELARUSIAN PROVINCES IN 1864–1914

A. KUZMIN

The subject of the research in this article is a confessional approach in the personnel policy of the tsarist authorities in the territory of Belarusian provinces in the 1864–1914. The author found that after the suppression of the uprising of 1863–1864 tsarist government pursued a policy to change the staff of local authorities. In all the higher positions of responsibility and local officials were replaced by people from the central provinces of the Russian Empire. At the beginning of the XX century personnel policy of the authorities did not change significantly. Key positions in the local administration were still closed for the Poles.

Keywords: *the bureaucracy, confessional approach, national approach, staffing.*

УДК 94(476) “17/20”

**ЯЎРЭЙСКАЕ НАСЕЛЬНІЦТВА БЕЛАРУСІ
Ў АГРАРНАЙ ПАЛІТЫЦЫ РАСІЙСКОЙ ІМПЕРЫІ Ў КАНЦЫ ХVІІІ – ПАЧАТКУ ХХ СТ.:
ГІСТАРЫЯГРАФІЯ І СУЧАСНЫ СТАН ДАСЛЕДАВАННЯЎ**

К.А. ТАЛЯРОНАК
(*Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт*)

Аналізуецца гістарыяграфія і сучасны стан даследаванняў гісторыі яўрэйскага насельніцтва Беларусі, якое ажыццяўляла сельскагаспадарчую дзейнасць на беларускіх землях на працягу ХІХ стагоддзя. Робіцца выснова, што гісторыя вывучэння дадзенага пытання пачынаецца з другой паловы ХІХ стагоддзя. Першыя працы, якія закранаюць праблему аграрнай палітыкі ў адносінах да яўрэйства, часта насілі публіцыстычны характар з выразнай суб'ектыўнай пазіцыяй аўтара. Аднак ужо з апошняй трэці ХІХ стагоддзя закладваецца навуковая традыцыя ў вывучэнні яўрэйскай гісторыі. За перыяд ХІХ – пачатак ХХІ стагоддзя па гэтай тэме быў назапашаны некаторы фактычны матэрыял. На яго аснове з'явіўся шэраг даследаванняў, якія закранаюць гісторыю яўрэйскай сельскай гаспадаркі на тэрыторыі беларускіх і ўкраінскіх земляў у кантэксце агульнай гісторыі расійскага яўрэйства. Аднак на сёняшні дзень комплекснага і сістэмнага даследавання, прысвечанага гісторыі яўрэй-земляробаў на Беларусі ў кантэксце беларускай гісторыі няма, што абумоўлівае яе грунтоўны аналіз і падрабязнае асвятленне.

Ключавыя словы: *гістарыяграфія, яўрэйскае насельніцтва, яўрэйская сельская гаспадарка.*

Уводзіны. У межах вызначанага даследавання ажыццяўляецца спроба раскрыць гісторыю аграрнай палітыкі Расійскай імперыі ў адносінах да яўрэйскага насельніцтва Беларусі праз аналіз удзелу яўрэяў у сельскай гаспадарцы Беларусі на працягу ХІХ стагоддзя. Вызначэнне ролі яўрэяў-земляробаў у сацыяльна-эканамічным жыцці беларускай вёскі з'яўляецца значным гістарычным аспектам як для гісторыі асобных населеных пунктаў, так і сацыяльна-эканамічнай гісторыі Беларусі ў цэлым. Даследчыкі яўрэйскай гісторыі неаднаразова звярталі ўвагу на выключную ролю яўрэйскага этнасу ў жыцці беларускіх гарадоў мяжы аселасці, што, відавочна, было абумоўлена колькасным фактарам. Пачынаючы з канца ХVІІІ і да пачатку ХХ стагоддзя ў некаторых беларускіх гарадах колькасць яўрэяў складала каля 70% ад агульнай колькасці гарадскіх жыхароў. Яўрэйская вясковая гісторыя радзей прыцягвала ўвагу гісторыкаў, так як колькасць вясковага яўрэйскага насельніцтва ў параўнанні з гарадскім была значна меншай. Гэтаму садзейнічала супярэчлівая міграцыйная палітыка расійскага ўрада, па выніках якой яўрэйскаму насельніцтву было забаронена сяліцца ў вёсцы за выключэннем яўрэяў-земляробаў.

Аналіз гістарычных даследаванняў па вызначанай тэме прывёў да высноў, што для максімальна поўнага асвятлення аграрнай гісторыі яўрэяў на беларускіх землях неабходна ўлічваць тры грунтоўныя групы прац: даследаванні па гісторыі расійскага заканадаўства адносна яўрэйскага пытання, працы па гісторыі расійскага яўрэйства і гістарычныя даследаванні, прысвечаныя яўрэям-земляробам.

Асноўная частка. Трэба адзначыць, што гістарыяграфія даследавання яўрэйскай сельскагаспадарчай дзейнасці на Беларусі прадстаўлена адносна невялікім колам навуковых манаграфій і артыкулаў. Пытанні гісторыі беларускіх яўрэяў доўгі час не падымаліся ў навуковай літаратуры як аічыннай, так і замежнай. Гэта звязана з тым, што традыцыйна ў гістарыяграфіі яўрэйская гісторыя Беларусі не вылучалася з агульнай гісторыі яўрэйства Расіі, так як асноўная колькасць яўрэяў Расійскай імперыі пражывала ў межах яўрэйскай аселасці, якая праходзіла па тэрыторыі Беларусі, Літвы і Украіны. Падцверджаннем такой пазіцыі ў руска-яўрэйскай гістарыяграфіі могуць служыць словы гісторыка, пачынальніка руска-яўрэйскай гістарычнай навукі С. Дубнова: “Отделить историю евреев в России от истории их в Польше и Литве невозможно, потому что евреи всех этих стран составляют при всем различии местных оттенков, одну культурно-бытовую единицу, имеют одно общее прошлое, испытали и ныне испытывают одни и те же судьбы, жили и живут под одинаковым режимом, наконец, потому что предки всех нынешних «русских» евреев были польскими евреями...” [1, с. 7]. Трэба адзначыць, што паняцце “рускае” або “расійскае яўрэйства” адносіцца не толькі да яўрэйскага насельніцтва цэнтральнай Расіі. “Рускае яўрэйства” – гэта жыхары беларускіх, украінскіх і літоўскіх земляў [2, с. 26]. У працах дарэвалюцыйных гісторыкаў беларускіх яўрэяў, у залежнасці ад гістарычнага перыяду, да падзелаў Рэчы Паспалітай называлі “яўрэі Польшчы”, з моманту ўваходжання беларускіх земляў у склад Расійскай Імперыі – “яўрэі Паўночна-Заходняга краю”, “беларускія яўрэі”, “літвакі”. Сёння некаторыя навукоўцы Захаду, якія займаюцца вывучэннем гісторыі беларускіх яўрэяў, у сваіх працах працягваюць выкарыстоўваць гэтыя тэрміны [1, с. 7].

Пры даследаванні аграрнай палітыкі расійскага ўрада ў адносінах да беларускага яўрэйства мэтазгодным будзе ў першую чаргу правесці агляд прац па гісторыі заканадаўства Расійскай імперыі ў сферы стварэння самастойнай сацыяльнай групы яўрэяў-земляробаў.

Першымі, хто звярнуўся да даследаванняў заканадаўства па яўрэйскім пытанні, былі расійскія і яўрэйскія гісторыкі, юрысты, публіцысты, чыноўнікі. Вывучэннем прававога становішча яўрэяў на працягу XIX стагоддзя займаліся Ф.І. Леантовіч, В.О. Леванда, І.Г. Аршанскі і шэраг іншых даследчыкаў. Значную каштоўнасць для арыентацыі ў заканадаўчых актах аб яўрэях-земляробах набыла праца юрыста В.О. Леванды, які склаў “Полный хронологический сборник законов и положений, касающихся евреев, от уложения царя Алексея Михайловича до настоящего времени, 1649–1873. Извлечение из Полных собраний законов Росс. Империи” [3], выдадзены ў Санкт-Пецярбургу у 1874 годзе. Нягледзячы на некаторыя пропускі заканадаўчых актаў, дапушчаныя аўтарам, зборнік з’яўляецца вельмі каштоўным дапаможнікам пры даследаванні расійскага заканадаўства аб яўрэях. У дачыненні да аграрнай гісторыі яўрэяў у працы вылучаны асобныя раздзелы, якія даюць пералік заканадаўчых дакументаў аб яўрэях-земляробах, яўрэйскім землеўладанні і інш.

Трэба адзначыць, што выданню збора законаў папярэднічаў артыкул, прысвечаны тэме яўрэйскага земляробства на тэрыторыях Расійскай імперыі. У 1872 годзе В.О. Леванда надрукаваў грунтоўны артыкул “К вопросу о земледелии у евреев в России” [4]. Пасля юрыст працягнуў працу над гэтай тэмай у часопісе-штотыднёвіке “Русский еврей”, дзе выйшлі ў свет некалькі артыкулаў пад агульнай назвай “К вопросу о земледелии у евреев в России” [5, 6]. Аўтар ажыццявіў спробу зрабіць дэталёвы аналіз прычын цяжкага становішча яўрэяў-земляробаў на беларускіх і ўкраінскіх землях і выявіць прыроду адмоўнага стаўлення грамадства да новай сацыяльнай групы яўрэйскіх гаспадароў.

Выпускнік Наварасійскага (Адэскага) універсітэта, вядомы юрыст, публіцыст і грамадскі дзеяч другой паловы XIX стагоддзя І.Г. Аршанскі быў адным з першых, хто звярнуўся да вывучэння эканамічнага становішча яўрэйскага насельніцтва праз аналіз заканадаўчых актаў расійскага ўрада. У сваёй працы “Русское законодательство о евреях” (1877) [7] ён выказваўся за наданне яўрэям роўных з астатнім насельніцтвам правоў. Каштоўнасць працы І.Г. Аршанскага “Русское законодательство о евреях” заключаецца ў тым, што ён не толькі даў каментарыі да заканадаўчых актаў аб яўрэях, але і зрабіў спробу даследаваць гістарычнае развіццё матываў стварэння гэтых законаў у сувязі з агульным ходам юрыдычнага жыцця ў Расійскай імперыі. Нягледзячы на публіцыстычны характар працы, аўтар на навуковым узроўні даказаў, што прававое становішча яўрэяў – гэта вельмі важны фактар у агульным строі іх жыцця. Такія высновы прывялі да асазнання неабходнасці напісання асобнага раздзелу дысертацыі, прысвечанай аналізу заканадаўчых актаў Расійскай імперыі, якія рэгулявалі працэс стварэння і станаўлення яўрэйскіх земляробчых калоній і пасяленняў у беларускіх губернях.

Аўтарству І.Г. Аршанскага належыць таксама нарыс аб юрыдычным статусе яўрэйскіх каланістаў Расійскай імперыі [8]. Ён засяродзіў сваю ўвагу на тое, наспасці і прычынах размежвання паняццяў “яўрэй-каланіст” і “яўрэй-земляроб” у імперскім заканадаўстве і ў судовай практыцы. У сваёй працы ён прыходзіць да высновы і ўпэўнена даказвае, што згодна заканадаўчым актам гэтыя два паняцці сінанімічныя і рашэнні судовых спраў з удзелам яўрэйскага насельніцтва павінны вырашацца ў адпаведнасці з існуючым заканадаўствам.

Самымі знакавымі і фундаментальнымі даследаваннямі XIX стагоддзя па гісторыі яўрэйскага земляробства на Беларусі і ўвогуле на тэрыторыі Расійскай імперыі з’яўляюцца кнігі Віктара Нікітавіча Нікіціна. Яшчэ хлопчыкам ён быў узяты ў кантаністы, пасля шмат год вывучаў архівы афіцыйнай перапіскі Пецярбурга і Новаросіі. Праца з архівамі абумовіла насычанасць яго даследаванняў шырокім колам розных дакументаў і статыстычных матэрыялаў. У 1887 годзе першай выйшла ў свет яго праца “Евреи земледельцы: историческое, законодательное, административное и бытовое положение колоний со времени их возникновения до наших дней. 1807–1887” [9], якая ўсебакова апісвае становішча яўрэйскіх земляробчых калоній Херсонскай і Кацярынаслаўскай губерній. Аднак для яўрэйскай аграрнай гісторыі Беларусі найбольшую каштоўнасць набыла яго другая праца “Еврейские поселения Северо и Юго-Западных губерний (1835–1890 гг.)” [10]. На сёняшні дзень гэта праца – адзіная манаграфія па вызначанай тэме.

Манаграфія В.Н. Нікіціна «Еврейские поселения Северо и Юго-Западных губерний (1835–1890)», якая, яшчэ раз падкрэслім, з’яўляецца адзінай манаграфіяй па гісторыі яўрэйскай сельскай гаспадаркі на Беларусі, заслугоўвае падрабязнага разгледжання і аналізу. Праца выйшла ў свет у 1894 годзе. Тэкст амаль цалкам пабудаваны на архіўных справах, да якіх аўтар меў прамы доступ. Аўтарам працы адзначана, што архіўных спраў аб яўрэйскіх пасяленнях у беларускіх губернях нашмат менш, чым спраў аб яўрэйскіх калоніях у Паўднёвых губернях (Кацярынаслаўскай і Херсонскай). Даследчык падкрэслівае, што мэтай працы з’яўляецца “безпристрастно осветить колонизационный предмет, по которому до появления нашей книги “Евреи-земледельцы” в русской литературе не имелось никаких, из официальных источников, обстоятельных данных...” [10, с. 11]. У асобных 34 раздзелах грунтоўна

апісваецца працэс стварэння земляробчых калоній на беларускіх тэрыторыях, матэрыяльныя выдаткі, спосабы кіравання калоніямі, умовы жыцця і іншыя аспекты гісторыі яўрэй-земляробаў на Беларусі. У аснову працы пакладзены прынцып аб'ектыўнасці. Аўтар гэта неаднаразова падкрэслівае. Тым не менш шэраг тагачасных даследчыкаў такіх, як эканаміст Багушэвіч Ю.М., абвінавачвалі Нікіціна ў суб'ектыўнасці падыходу да пытання і імкненні абараніць яўрэй у вачах імперскага грамадства. Праца В.Н. Нікіціна выклікала значны інтарэс з боку не толькі айчынных крытыкаў і аўтараў, але і атрымала хуткія станоўчыя водгукі ў польскай, нямецкай і французскай публіцыстыцы. Кніга “Еврейские поселения Северо и Южно-Западный губерний (1835–1890)” зацікавіла таксама тагачасных аўтарытэтных эканамістаў А.М. Ягунава, А.П. Субоціна, М.П. Заламанова.

Аднак нягледзячы на буйное кола выкарыстаных крыніц, працы В.Н. Нікіціна маюць шэраг недахопаў. У даследаваннях напластавана шмат архіўных дакументаў, якія часта падаюцца без аналізу і са шматразовай паўтаральнасцю, дэталёвыя на першы погляд табліцы не заўсёды поўныя (не ўзгадваюцца некаторыя беларускія губерні). Статыстычны матэрыял, прыведзены ў даследаванні Нікіціна, не быў цалкам сістэматызаваны. Аднак дадзеныя па некаторым беларускім губерням (Магілёўская і Мінская) з'яўляюцца адзінай крыніцай па гісторыі земляробчых пасяленняў на Беларусі з-за адсутнасці ці дрэннай захаванасці дакументаў у архівах Беларусі і Расіі. Гэты факт дазваляе аднесці манаграфію “Еврейские поселения Северо и Южно-Западный губерний (1835–1890)” да разрады крыніц пры даследаванні гісторыі яўрэйскай сельскагаспадарчай дзейнасці на Беларусі.

Актуальнасць праблемы палітычна-прававага статусу яўрэй, з'яўленне даследаванняў і публікацый заканадаўчых актаў сведчыла аб росце цікаўнасці ў тагачасным грамадстве да яўрэйскага пытання.

Аднак да пачатку 80-х гадоў XIX стагоддзя працы па гісторыі яўрэй Расійскай імперыі насілі хутчэй публіцыстычны характар, чым навуковы. Да разрады такіх даследаванняў можна аднесці кнігі і артыкулы М.М. Галіцына, М.Д. Градоўскага і інш. М.М. Галіцын лічыў яўрэйскую палітыку царскай адміністрацыі на новадалучаных пасля трох падзелаў Рэчы Паспалітай землях неарганічнай, аднак падкрэсліваў перыядычнасць станоўчых памкненняў у вырашэнні яўрэйскага пытання. М.Д. Градоўскі, напрыклад, разглядаючы правы яўрэй у Расіі, выказваў меркаванне, што захаванне мяжы аселасці наносіць страты эканамічнаму развіццю імперыі. Ён быў прыхільнікам ураўнавання правоў яўрэй з астатнімі жыхарамі Расіі, падкрэсліваў неабходнасць спрашчэння заканадаўства [2, с. 8].

Менавіта з канца XIX – пачатку XX стагоддзя са з'яўленнем яўрэйскай навукова гістарычнай школы ў Пецябурзе, заснавальнікам якой быў С.А. Бяршадскі, а пераемнікам С.М. Дубнаў, пачалася мэтанакіраваная праца па вывучэнню гісторыі расійскага, а значыць і беларускага яўрэйства. С.М. Дубнаў стаў цэнтральнай фігурай ў гістарыяграфіі яўрэйскай гісторыі канца XIX – пачатку XX стагоддзя. Яго аўтарству належаць такія важкія працы па яўрэйскай праблематыцы як “Новейшая история еврейского народа. (1789–1881)” [11], “Евреи в России и Западной Европе в эпоху антисемитской реакции. (1894–1914)” [12] і інш [13, 14].

Галоўным чынам палітычна-прававым аспектам яўрэйскай гісторыі былі прысвечаны працы маладога гісторыка Ю.І. Гесэна. Ён змог увесці ў навуковы зварот сотні архіўных дакументаў. А адно з яго асноўных даследаванняў па гісторыі яўрэй “История еврейского народа в России” [15] цалкам заснавана на дакументах, звязаных з беларускім яўрэйствам. Шырокае кола тэматычных сюжэтаў гэтай працы закранае гісторыю царскага заканадаўства аб яўрэйях. Аднак прысутнічаюць і вынікі даследаванняў унутранага жыцця яўрэйскага насельніцтва. Пэўную важнасць для даследавання аграрнай палітыкі Расійскага ўрада ў адносінах да яўрэй прадстаўляе яго наступная праца “О жизни Евреев в России. Записка в Государственную Думу” [16]. У асобным падраздзеле кнігі аўтар дае пералік і кароткі аналіз абмежаванняў да яўрэй вёсак і сёлаў.

Трэба адзначыць, што Ю.І. Гесэн быў першым гісторыкам, які атрымаў доступ у дзяржаўныя архівы. На думку даследчыка, стваральнікамі рускага заканадаўства часоў імперыі рухала памылковая думка аб тым, што яўрэі сваёй эканамічнай дзейнасцю стваралі сур'ёзную пагрозу гаспадарчай дзейнасці насельніцтва імперыі, галоўным чынам сялянству. Гэту навуковую праблему закранаў у сваіх працах і Н.Н. Галіцын. Адрозненне паміж дзвюма даследчыцкімі інтэрпрытацыямі заключалася ў тым, што Галіцын сапраўды лічыў яўрэй вінаватымі ў беднасці сялянства. Гесэн, наадварот, сцвярджаў, што расійскі ўрад рабіў з яўрэй адзіных вінаватых у надзвычай неспрыяльным становішчы сялянства, пакідаючы без увагі самавольства памешчыкаў-землеўласнікаў. Такія палажэнні замацоўваліся ў заканадаўстве, у выніку чаго ў Расіі неаднаразова прымаліся непадрыхтаваныя і таму часта правальныя спробы змяніць характар жыцця яўрэй [17, с. 21].

Прававыя аспекты земляробчага пытання ў адносінах да яўрэйскіх землеўласнікаў даследаваў Б.Г. Альшамоўскі. Яго гістарычна-юрыдычная праца дазваляе прааналізаваць погляд расійскіх улад на яўрэйскае землеўладанне ў XIX стагоддзі [18].

Канец XIX – пачатак XX стагоддзя азнамянаваны з’яўленнем шэрагу калектыўных абагульняючых прац. Значнай падзеяй павінен быў стаць выхад пятнаццацітомнай “Истории еврейского народа” [17, с. 22]. Другім выданнем, якое стала своеасаблівым вынікам дарэвалюцыйнай гістарыяграфіі, была Яўрэйская энцыклапедыя. Рэдакцыя ўключыла ў яе даволі арыгінальныя артыкулы па гісторыі ўсходнеўрапейскага яўрэйства. Яўрэйскаму землеўладанню і земляробству, у тым ліку і на беларускіх тэрыторыях Расійскай імперыі, прысвечаны артыкулы “Земледелие среди евреев в России” [19], “Землевладение по русскому законодательству” [20].

Пры даследаванні яўрэйскага земляробчага вопыту важна звярнуць увагу на працы па гісторыі яўрэйскіх земляробчых пасяленняў у XIX стагоддзі на тэрыторыі ўкраінскіх губерняў. У дарэвалюцыйнай гістарыяграфіі можна адзначыць працу Б.Б. Бруцкуса “Еврейские земледельческие поселения Екатеринославской губернии (статистико-экономические очерки и исследования) (1910) [21]. Праца з гэсам даследавання дазваляе стварыць сацыяльна-эканамічны партрэт яўрэйскага земляроба XIX стагоддзя і правесці параўнальную характарыстыку гісторыі станаўлення і развіцця аграрнага эксперыменту з яўрэйскім насельніцтвам на Беларусі і ў Украіне.

Трэба адзначыць, што з пачаткам Першай сусветнай вайны праца над некаторымі даследаваннямі была спынена. Сярод іх даследаванні І. Чэрыкова, І. Цынберга, П. Марэка, шматтомная “История еврейского народа” [17, с. 25]. Тым не менш, дзякуючы працы некалькіх пакаленняў гісторыкаў Расійскай імперыі стала адным з буйнейшых цэнтраў яўрэйскіх гістарычных даследаванняў у тагачасным свеце. Былі пастаўлены важныя гістарыяграфічныя праблемы, створана шырокая крыніцазнаўчая база, закладзена навуковая традыцыя.

Накіраванасць і рэзультатыўнасць працы савецкіх гісторыкаў вельмі добра адлюстраваны ў працы Н.І. Рутберга, які сумесна з калегамі стварыў храналагічна-тэматычны паказальнік літаратуры аб яўрэях [22], выдадзенай за 1917–1991 гады на рускай мове. Аўтарамі ставілася задача не толькі паказаць, што публікавалася аб яўрэях і па яўрэйскаму пытанню, але і прадэманстраваць дынаміку гэтых выданняў па гадам ад падзення імператарскай Расіі да распаду савецкага рэжыму. Храналагічны прынцып размеркавання матэрыялу дае выразнае прадстаўленне аб палітыцы савецкіх уладаў у адносінах да яўрэйскага насельніцтва. Калі ў 1917–1919 гадах публікацыі розных яўрэйскіх арганізацый даволі шматлікія, то ў 20-я і пачатку 30-х гадоў іх у значнай ступені змяняюць выданні ОЗЕТА і КОМЗЕТА.

Падцверджаннем высноў Н.І. Рутберга стаў яшчэ той факт, што ўзнікшыя ў сярэдзіне 20-х гадоў XX стагоддзя даследчыцкія цэнтры па вывучэнню яўрэйскай гісторыі, асноўныя з якіх былі ў Мінску і Кіеве, толькі на працягу першых некалькі год сваёй дзейнасці змаглі прадоўжыць папярэдні накірунак руска-яўрэйскай гістарычнай навукі. Так, заснаваны ў 1924 годзе ў Мінску ў Інстытуце беларускай культуры (Інбелкульт) яўрэйскі аддзел інтэўсіўна займаўся гістарычнымі даследаваннямі. У гэты перыяд у рэспубліцы праводзілася палітыка беларусізацыі, якая выступала за развіццё нацыянальных культур як беларускай, так і іншых народаў, пражываючых на тэрыторыі БССР. Гэта стымулявала развіццё гістарычнай навукі. У друкаваным органе яўрэйскага аддзела Інбелкульта – часопісе “Цайтшыфт” (“Временник”) друкаваліся працы гістарычнай, сацыялагічнай і краязнаўчай секцыі аддзела. Але ў пачатку 30-х гадоў XX стагоддзя сітуацыя ў рэспубліцы мяняецца. Яўрэйскіх гісторыкаў пачынаюць абвінавачваць у нацыяналізме, шавінізме і сіянізме. Шмат даследчыкаў было рэпрэсіравана. Дзейнасць гістарычнай секцыі звярнулася да вывучэння ўдзела яўрэйскіх працоўных у рэвалюцыйным руху. [2, с. 9–10]. Наступныя падзеі палітычнага і сацыяльна-грамадскага характару садзейнічалі зачыненню аддзела ў пачатку 30-х гадоў XX стагоддзя. Пачынаючы з гэтага моманту і да 90-х гадоў не з’явілася ніводнай навуковай працы па гісторыі яўрэяў. Адносна яўрэйскага земляробства на Беларусі і ў цэлым у Расійскай імперыі ў навуковай літаратуры распаўсюджвалася думка аб тым, што імперскі ўрад вельмі адмоўна ставіўся да ідэй аб далучэнні яўрэйскага насельніцтва да сельскагаспадарчай дзейнасці. У савецкага аўтара 20-х гадоў Ю. Ларына “Евреи и антисемитизм в СССР” катэгарычным тонам сцвярджаецца аб тым, што царскі ўрад забараняў яўрэйскаму насельніцтву займацца земляробствам [23, с.36].

З пачаткам 90-х гадоў XX стагоддзя на Беларусі, як і ў іншых рэспубліках былога СССР, пачынаецца якасна новы этап у гістарычнай навуцы. Ён характарызаваўся імкненнем вучоных стварыць аб’ектыўную гісторыю сваёй краіны, якая б не залежала ад ідэалогіі ўладаў і заснаваную на дакументальных крыніцах з адчыненых для даследаванняў архіваў. Дзякуючы гэтаму многія гістарычныя падзеі і факты атрымалі іншае, часта супрацьлеглае папярэдніму, асвятленне. У той жа час узнікла неабходнасць вывучэння новых, раней ігнараваных, аспектаў гісторыі. Менавіта такой стала для беларускіх гісторыкаў яўрэйская гісторыя. Надзвычайную цікаўнасць яна выклікала як у саміх яўрэйскіх навукоўцаў, так і ў даследчыкаў гісторыі Беларусі ў цэлым [1, с. 11].

Навукоўцы Рэспублікі Беларусь актыўна далучыліся да ўдзелу ў канферэнцыях па гісторыі яўрэйскага этнасу і тым самым падцвердзілі з’яўленне новага накірунку ў гістарыяграфіі – гісторыі беларускіх яўрэяў. Асабліва знакавай была міжнародная навуковая канферэнцыя, арганізаваная нацыянальным навукова-асветніцкім цэнтрам ім. Ф. Скарыны ў 1994 г.: “Яўрэйская культура Беларусі і яе

ўзаемадзеянне з беларускімі і іншымі культурамі”. Зборнік матэрыялаў гэтай канферэнцыі “Беларусіка. 4.” [24] адлюстравалі ўсю сур’ёзнасць адносін навуковай грамадскасці Рэспублікі Беларусь і замежных даследчыкаў да праблемаў вывучэння гісторыі яўрэяў Беларусі. Зборнік змяшчае артыкул “Яўрэі і земляробства ў Беларусі” [25] пад аўтарствам беларускіх гісторыкаў У.А. Сосна і С.М. Ходзіна. Даследчыкі паспрабавалі зрабіць аналіз аграрнага эксперыменту расійскага ўрада над яўрэйскім насельніцтвам мяжы аселасці і прыйшлі да высноў, што эксперымент не меў поспехаў па прычыне непаслядоўнасці заканадаўчай палітыкі ўрада і адсутнасці неабходных матэрыяльных рэсурсаў для рассялення і грашовай падтрымкі яўрэйскіх земляробаў.

У.А. Сосна працягвае звяртацца да гісторыі яўрэйскіх сялян у сваёй манаграфіі, прысвечанай гісторыі сялянства Беларусі. На думку аўтара, спробы царскага ўрада прымацаваць яўрэяў да зямлі не мелі поспеху не з прычыны няздольнасці яўрэяў да вядзення сельскай гаспадаркі, а ў сувязі з канкрэтнымі гістарычнымі абставінамі, якія не садзейнічалі развіццю такой традыцыі [26, с. 100].

Трэба адзначыць, што ў канцы 90-х гадоў ХХ стагоддзя ў асноўным адбывалася накопленне гістарычных дакументаў і матэрыялаў, вылучэнне навуковых падыходаў і складанне метадыкі вывучэння яўрэйскай гісторыі Беларусі. Гэта падцвярджае з’яўленне першых выданняў, аўтары якіх імкнуліся злучыць папулярнасць падачы матэрыялу з гісторыка-навуковым падыходам. Асаблівую значнасць набылі працы Э.Р. Іофе. Яго кнігі і шматлікая колькасць артыкулаў, напісаныя ў папулярным стылі, знаёмяць чытача з гісторыяй, культурай, традыцыямі яўрэяў Беларусі [27, 28]. Даследаванне асобных аспектаў яўрэйскай аграрнай гісторыі на Беларусі без уліку такога кшталту прац будзе няпоўным. Акрамя таго, кнігі аўтара падаюць шмат факталагічнага матэрыялу, што прадстаўляе інтарэс не толькі для масавага чытача, але і для навукоўцаў.

Актуальнымі пры даследаванні сельскагаспадарчага жыцця яўрэяў Беларусі будуць працы па гісторыі гарадоў і мястэчак Беларусі, дзе на працягу ХІХ стагоддзя масава пражывала яўрэйскае насельніцтва. Аўтары такіх прац звычайна стараюцца ўсебакова ахарактарызаваць жыццё яўрэяў у тым ці іншым населеным пункце. Таму пры даследаванні спецыфічных рыс аграрнага жыцця яўрэяў абавязковым будзе знаёмства з працамі такіх даследчыкаў яўрэйскай гісторыі, як Л. Смілавіцкі, А. Падліпскі, Л. Шкуцько, А. Шульман, В. Сабалеўская, А. Разенблум і інш. Асаблівую ўвагу неабходна звярнуць на навуковыя працы В.А. Сабалеўскай, у прыватнасці, на яе артыкул “Сельскохозяйственная деятельность евреев Белоруссии в XIX веке” [29], дзе гісторык аналізуе аграрную палітыку Расійскага ўрада па стварэнню яўрэйскіх земляробчых калоній на прыкладзе Гродзенскай губерні. Тэма яўрэйскага земляробства на Беларусі таксама ўзгадваецца ў манаграфіі аўтара “Повседневная жизнь евреев Беларуси в конце XVIII – первой половине XIX века” [30, с. 134–144, с. 191].

Як ужо адзначалася, аграрная палітыка Расійскай імперыі ў адносінах да яўрэяў уяўляе сабой той бок гістарычнага мінулага, даследаванне якога немагчыма без глыбокага аналізу расійскага заканадаўства. Больш таго, заканадаўчыя акты таго перыяду з’яўляюцца важнай гістарычнай крыніцай па гісторыі сацыяльна-эканамічнага становішча беларускага яўрэйства. У гэтым накірунку праводзіць свае даследаванні Ю.В. Функ. У сваёй працы “Евреи Беларуси в конце XIX – начале XX вв.” даследчыца случна адзначае, што жыццё беларускіх яўрэяў можа быць дастаткова вывучана на падставе заканадаўчых актаў таго часу, так як менавіта заканадаўства з’яўлялася галоўным рэгулятарам усіх бакоў грамадскага жыцця [31, с.14].

Асобна хацелася б звярнуць увагу на выданні навуковага штогодніка “Цайтшрыфт”, («Tsaytshrift», «צײַטשריפֿט»), які цалкам прысвечаны яўрэйскім даследаванням. Прэзентацыя першага нумара адбылася ў 2011 годзе. Штогоднік ставіць сваёй мэтай асвятляць навуковыя пытанні беларускай і ўсходнеёўрапейскай юдаікі і пазіцыянуецца як выданне, якое працягвае традыцыі беларускай юдаікі, закладзеныя часопісам «Цайтшрыфт» у 1926–1931 гадах. У першым нумары штогодніка яўрэйскай сельскагаспадарчай каланізацыі на Беларусі ў першай палове ХІХ стагоддзя прысвечаны асобны раздзел, дзе прадстаўлены адпаведныя тэматычныя артыкулы такіх навукоўцаў, як І. Сосіс, Ш. Баравы, А. Бужэвіч [32–34]. Абагульняючай рысай іх прац з’яўляецца акцэнтаванне ўвагі на той катэгорыі яўрэйскага насельніцтва, якое пакідала беларускія тэрыторыі для ўдзелу ў стварэнні земляробчых калоній на тэрыторыі ўкраінскіх губерняў.

Сучасная расійская гістарыяграфія даволі багатая на даследаванні па яўрэйскай гісторыі. Разглядаючы пытанне аграрнай палітыкі царскага ўрада ў адносінах да яўрэяў мяжы аселасці, неабходна звярнуць увагу на працы А.Б. Міндліна. Значнае кола яго артыкулаў прысвечана прававому становішчу яўрэйскага насельніцтва Расійскай імперыі ў канцы ХVІІІ – пачатку ХХ стагоддзя, гісторыі дзейнасці Камітэтаў па яўрэйскаму пытанню [35–37]. Асаблівасцю навуковых прац А. Міндліна з’яўляецца тое, што розныя бакі яўрэйскай гісторыі падаюцца ў адпаведнасці з храналогіяй праўлення расійскіх імператараў. Аўтар акцэнтуюе ўвагу на залежнасці палітыкі па яўрэйскаму пытанню ад асабістага стаўлення імператараў да яўрэйскага этнасу.

Адным з апошніх расійскіх даследаванняў, у якім закранаецца пытанне прававога рэгулявання яўрэйскай земляробчай каланізацыі ў Расійскай імперыі, з'яўляюцца артыкулы і дысертацыя [38, 39] расійскага гісторыка права Я.У. Абакумавай. Аўтар разглядае прававы статус яўрэйў у Расійскай імперыі ў сферы арганізацыі імі земляробчых калоній, аналізуюцца прычыны, з якіх дзяржава імкнулася прымусіць яўрэйў займацца сельскай гаспадаркай, заканадаўства, якое рэгулявала адпаведныя праваадносінны і наступствы такой палітыкі.

Гісторыя стварэння яўрэйскіх земляробчых калоній набыла папулярнасць сярод украінскіх гісторыкаў. Даследаванні В. Нахмановіча, Р. Бесіцкага, У. Шчукіна [40–43] раскрываюць гісторыю стварэння яўрэйскіх калоній, арганізацыю школьнай адукацыі, духоўна-культурнае жыццё яўрэйскіх земляробаў. Знаёмства з гэтымі даследаваннямі дазваляе правесці параўнальную характарыстыку паміж яўрэйскімі земляробчымі пасяленнямі на тэрыторыі беларускіх і ўкраінскіх губерній, зрабіць высновы аб агульных і адрозных рысах заканадаўчай палітыкі адносна яўрэйскіх земляробчых калоній Паўночнага і Паўднёва-Заходняга краю.

Што датычыцца вывучэння гісторыі беларускіх яўрэйў замежнымі даследчыкамі, то тут доўгі час існавалі два асноўныя накірункі. Да першага накірунку адносяцца навукоўцы, якія не дзялілі гісторыю рускіх яўрэйў на гісторыю беларускіх, польскіх, украінскіх, літоўскіх яўрэйў. Іх працы насілі агульнанавуковы характар. Другая плынь навукоўцаў займалася вывучэннем выключна палітычнага жыцця яўрэйў [2, с. 13].

Першым заходнім гісторыкам, які ў сваіх працах вылучыў тэрыторыю Беларусі ў асобны рэгіён Расійскай імперыі, стаў С.В. Бэйран. У сваёй працы “The Russian Jew under Tsars and Soviets” [44] ён закрануў такія пытанні яўрэйскай гісторыі, як заканадаўства, антысемізм, адукацыя, дэмаграфічныя змены яўрэйскага насельніцтва, урбанізацыя, міграцыя, рэлігія, культура і інш. Бэйран стараўся ахапіць усю тэрыторыю Расійскай імперыі, пры гэтым у сваёй кнізе ён звяртаецца да тэрыторыі так званай White Russia (Белая Расія), пад якой маюцца на ўвазе беларускія землі.

Значную ўвагу гісторыі стварэння класу яўрэйскіх земляробаў на тэрыторыі Расійскай імперыі і СССР надаваў вядомы гісторык, публіцыст, грамадскі і палітычны дзеяч А.І. Салжаніцын. Нягледзячы на навукова-папулярны характар яго кніг [45, 46], фактычны матэрыял па вызначанай тэме падаецца з захаваннем прыняцця навуковасці. Каштоўнасць працы ў тым, што аўтар узгадвае гісторыю яўрэйскага аграрнага эксперыменту за перыяд існавання Расійскай імперыі і савецкай дзяржавы.

Апошнія працы ізраільскіх і амерыканскіх даследчыкаў факусіруюць сваю ўвагу на даследаванні культурнай гісторыі яўрэйў Расійскай імперыі і праблем узаемадзеяння яўрэйскіх абшчын з неяўрэйскім асяроддзем. Пытанні аграрнай палітыкі разглядаюцца ў агульным кантэксце заканадаўчай творчасці Расійскай імперыі ў адносінах да яўрэйскага насельніцтва.

Заклучэнне. Гісторыя вывучэння яўрэйскай сельскагаспадарчай дзейнасці на Беларусі мае даўнюю традыцыю. Імкненне расійскага ўрада далучыць яўрэйў да земляробчай працы праз актыўную законатворчасць адлюстроўвалася ў тагачаснай навуковай і публіцыстычнай літаратуры. Тым не менш, нягледзячы на папулярнасць праблемы яўрэйскага аграрнага вопыту сярод гісторыкаў, публіцыстаў, грамадска-палітычных дзеячоў, дарэвалюцыйная гістарыяграфія большую ўвагу звяртала на становішча яўрэйскіх калоній на тэрыторыі ўкраінскіх губерній, і яўрэйскае земляробства на Беларусі ўзгадвалася ў кантэксце іх развіцця. Савецкая гістарыяграфія характарызаваўся распаўсюджаннем у навуковых працах думкі аб забароненым статусе сельскагаспадарчай дзейнасці для яўрэйскага насельніцтва. Пытанне гісторыі яўрэйскіх земляробчых калоній і пасяленняў на Беларусі стала падмацаццём ў сучаснай беларускай, украінскай і расійскай гістарычнай навуцы. Аўтары мэтанакіравана звяртаюцца да вывучэння асаблівасцяў заканадаўчай палітыкі царскага ўрада адносна беларускіх яўрэйў-земляробаў, імкнучыся выявіць асаблівасці і падабенствы паміж яўрэйскімі земляробчымі калоніямі Беларусі і Украіны. Аднак агляд навуковых прац па вызначаную тэму паказаў адсутнасць буйных комплексных даследаванняў у сучаснай гістарычнай навуцы. Прыведзеная вышэй навуковая літаратура па праблеме прадстаўлена невялікай колькасцю артыкулаў. Такі стан гістарычных даследаванняў абумовіў больш дэталёвае вывучэнне яўрэйскай аграрнай гісторыі ў кантэксце сацыяльна-эканамічнай гісторыі Беларусі.

ЛІТАРАТУРА

1. Герасимова, И.П. Проблемы изучения истории евреев Беларуси в отечественной историографии / И.П. Герасимова // Евреи Беларуси. История и культура: Сборник научных трудов. – Минск: Бестпринт, 1997. – С. 7–18.
2. Киммель, Е. Становление источниковедения истории евреев Беларуси / Е. Киммель // Материалы Шестой Ежегодной междунар. междисциплинарной конф. по иудаике, Москва, 1–3 февр. 1999 г., / редкол.: Р.М. Капланов [и др.]. – Ч. 3 : Еврейская культура и культурные контакты. – С. 26–32.
3. Леванда, В.О. Полный хронологический сборник законов и положений, касающихся евреев, от Уложения царя Алексея Михайловича до настоящего времени, от 1649–1873 г / В.О. Леванда. – СПб., 1874. – 1158 с.

4. Леванда, В.О. К вопросу о земледелии у евреев в России / В.О. Леванда // Еврейская библиотека : историко-литературный сборник. – 1872. – Т. 2. – С. 347–382.
5. Леванда, В.О. К вопросу о земледелии у евреев в России / В.О. Леванда // Русский еврей. – 1879. – 24 сент. – № 4. – С. 103–107.
6. Леванда, В.О. К вопросу о земледелии у евреев в России / В.О. Леванда // Русский еврей. – 1879. – 31 окт. – № 9. – С. 300–303.
7. Оршанский, И.Г. Русское законодательство о евреях: очерки и исследования / И.Г. Оршанский. – СПб. : Типография и литография А.Е. Ландау, 1877. – 456 с.
8. Оршанский, И.Г. Земледельческий труд у евреев / И.Г. Оршанский // Русское законодательство о евреях: очерки и исследования. – СПб. : Типография и литография А.Е. Ландау, 1877. – С. 110–133.
9. Никитин, В.Н. Евреи земледельцы: историческое, законодательное, административное и бытовое положение колоний со времени их возникновения до наших дней. 1807–1887 / В.Н. Никитин. – СПб., 1887. – 276 с.
10. Никитин, В.Н. Еврейские поселения северо и юго-западных губерний (1835 – 1890 гг.) / В.Н. Никитин. – СПб. : Типолитогр. А.Е. Ландау, 1895. – 204 с.
11. Дубнов, С.М. Новейшая история еврейского народа (1789–1881) / С.М. Дубнов – СПб. : Север, 1914. – 631 с.
12. Дубнов, С.М. Евреи в России и Западной Европе в эпоху антисемитской реакции / С.М. Дубнов – М. : изд-во Л.Д. Френкель, 1923. – 148 с.
13. Дубнов, С.М. Евреи в царствование Николая II (1894–1914) / С.М. Дубнов. – СПб. : Кадима, 1922. – 85 с.
14. Дубнов, С.М. Краткая история евреев / С. М. Дубнов. – Ростов н/Д : Феникс, 1997. – 576 с.
15. Гессен, Ю.И. История еврейского народа в России / с предисл. и библиогр., сост. В.Ю. Гессеном при участии В.Е. Кельнера. – М. : Евр. ун-т Иерусалим: Gesharim, 1993. – 241 с.
16. Гессен, Ю.И. О жизни евреев в России. Записка в Государственную Думу / Ю.И. Гессен – СПб. : Общественная польза, 1906. – 135 с.
17. Евреи в Российской Империи XVIII–XIX веков / сост., авт. вступ. ст. и аннот. А. Локшин. – М. : Евр. ун-т Иерусалим: Гешарим, 1995. – 687 с.
18. Ольшамовский, Б.Г. Права по землевладению в Западном крае / Б.Г. Ольшамовский. – СПб. : Типолитография Ю.А. Мансфельдт, 1899 – 139 с.
19. Чериковер, И. Земледелие среди евреев в России [Электронный ресурс] / И. Чериковер // Еврейская энциклопедия Брокгауза-Эфрона. – Режим доступа: <http://brockhaus-efron-jewish-encyclopedia.ru/beje/08-2/038.htm>. – Дата доступа: 11.12.2012.
20. Землевладение по русскому законодательству [Электронный ресурс] // Еврейская энциклопедия Брокгауза-Эфрона. – Режим доступа: <http://brockhaus-efron-jewish-encyclopedia.ru/beje/08-2/035.htm>. – Дата доступа: 11.12.2012.
21. Бруцкус, Б.Б. Еврейские земледельческие поселения Екатеринославской губернии (статистико-экономические очерки и исследования) / Б.Б. Бруцкус. – СПб. : Тип. «Экономия», 1913 – 96 с.
22. Рутберг, Н.И. Евреи и еврейский вопрос в литературе советского периода : хронол.-темат. указ. лит., изд. за 1917–1991 гг. на рус. яз. / Н.И. Рутберг, И.Н. Пидевич ; отв. ред. И.А. Беседин ; Центр науч. работников и преподавателей иудаики в вузах “Сэфер”. – М. : Грантъ, 2000. – 596 с.
23. Ларин, Ю. Евреи и антисемитизм в СССР / Ю. Ларин. – М. ; Л. : Гос. изд-во, 1929 – 311 с.
24. Беларусіка = Albaruthenika / Міжнар. асац. беларусістаў, Нац. навук.-асвет. цэнтр. ім. Ф. Скарыны // Яўрэйска культура Беларусі і яе ўзаемадзеянне з беларускай і іншымі культурамі; Вацлаў Ластоўскі – выдатны дзеяч беларускага адраджэння / рэд.: В. Рагойша, Г. Цыхун, З. Шыбека. – Мінск : Навука і Тэхніка, 1995. – Кн. 4. – 382 с.
25. Сосна, У. Яўрэі і земляробства ў Беларусі / У. Сосна, С. Ходзін // Беларусіка = Albaruthenika / Міжнар. асац. беларусістаў, Нац. навук.-асвет. цэнтр. ім. Ф. Скарыны // Яўрэйска культура Беларусі і яе ўзаемадзеянне з беларускай і іншымі культурамі; Вацлаў Ластоўскі – выдатны дзеяч беларускага адраджэння / рэд.: В. Рагойша, Г. Цыхун, З. Шыбека. – Мінск : Навука і Тэхніка, 1995. – Кн. 4. – С. 60–65.
26. Сосна, У.А. Фарміраванне саслоўна-групавога складу сялянства Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст. / У.А. Сосна. – Мінск : БДУ, 2000. – 115 с.
27. Иоффе, Э.Г. Страницы истории евреев Беларуси: Краткий научно-популярный очерк / Э.Г. Иоффе. – Минск : АРТИ-ФЛЕКС, 1996. – 294 с.
28. Иофе, Э.Р. Яўрэі на Беларусі. / Э.Р. Иофе // Роднае слова – 2005. – С. 97–100.
29. Соболевская, О.А. Сельскохозяйственная деятельность евреев Белоруссии в XIX веке. / О.А. Соболевская // Евреи Беларуси / Израил. культур.-информ. центр, Открытый ун-т Израиля в Беларуси. – Вып. 3–4. – С. 26–34.
30. Соболевская, О.А. Повседневная жизнь евреев Беларуси в конце XVIII – первой половине XIX века / О.А. Соболевская. – Гродно : ГрГУ, 2012. – 443 с.
31. Функ, Ю.В. Евреи Беларуси в к. 19 – начале 20 в. / Ю.В. Функ // Беларуский научн.-исслед. ин-т документоведения и арх. дела. – Минск : Бел. НИИДАД, 1998. – 105 с.
32. Сосис, И. Первая попытка привлечь белорусских евреев к сельскому хозяйству / И. Сосис // Цайтшрыфт. – 2011. – Т. 2–3. – С. 109–112.
33. Боровой, Ш. Еврейские колонии после второй волны переселения из Белоруссии / Ш. Боровой // Цайтшрыфт. – 2011. – Т. 2–3. – С. 111–138.
34. Бужевич, А. Положение еврейских колонистов после третьей волны переселения из Белоруссии / А. Бужевич // Цайтшрыфт. – 2011. – Т. 2–3. – С. 137–156.
35. Миндлин, А. «Еврейская политика» Столыпина [Электронный ресурс] / А. Миндлин // Общество «Еврейское наследие». – Режим доступа: <http://amindlin.narod.ru/stolypin.htm>. – Дата доступа: 21.10.2012.

36. Миндлин, А. Деятельность комитетов, комиссий и совещаний по еврейским реформам в России в XIX – начале XX века [Электронный ресурс] / А. Миндлин // Вопросы истории. – Режим доступа: http://jhist.org/russ/mindlin_01.htm. – Дата доступа: 21.10.2012.
37. Миндлин, А. Евреи при Александре I [Электронный ресурс] / А. Миндлин // Общественно-публицистический и культурно-просветительский журнал еврейских общин России, Украины и других стран СНГ “Корни”. – 2004. – Режим доступа: <http://amindlin.narod.ru/alex1.htm>. – Дата доступа: 21.10.2012.
38. Абакумова, Е.В. Правовое регулирование еврейской земледельческой колонизации в Российской империи в начале XIX века [Электронный ресурс] / Е.В. Абакумова // Государство и право. Юридические науки. – 2004. – Режим доступа: <http://naukarus.com/pravovoe-regulirovanie-evreyskoy-zemledelcheskoy-kolonizatsii-v-rossiyskoy-imperii-v-nachale-xix-veka> – Дата доступа: 02.07.2013.
39. Абакумова, Е.В. Правовое положение евреев в Российской империи в конце XVIII – начале XIX вв. : автореф. дис. ... канд. юр. наук : 12.00.01 / Е.В. Абакумова ; Московский гос. ун-т им. В.М. Ломоносова. – М., 2014. – 26 с.
40. Нахманович, В. Еврейская политика царского правительства в 1870-х гг. Деятельность Комиссии по устройству быта евреев [Электронный ресурс] / В. Нахманович. – Режим доступа: <http://jhistory.nfurman.com/russ/russ004>. – Дата доступа: 27.01.2013.
41. Бесицкий, Р. Как это было. К истории организации еврейских земледельческих колоний в Новороссии [Электронный ресурс] / Р. Бесицкий. – Режим доступа: <http://www.vseslova.com>. – Дата доступа: 27.01.2013.
42. Щукин, В. Школы в еврейских земледельческих колониях Херсонской губернии в XIX – начале XX вв. / В. Щукин // Научные труды по иудаике : материалы XX Междунар. ежегодной конф. по иудаике. – М., 2013. – С. 62–74.
43. Щукин, В. Здравоохранение и медицинское обслуживание в еврейских земледельческих колониях Херсонской губернии в XIX – начале XX вв. / В. Щукин // Научные труды по иудаике : материалы XX Междунар. ежегодной конф. по иудаике. – М., 2014. – С. 127–143.
44. Le Foll, Claire. The Jews of Belorussia in Western and Russian Historiography [Electronic resource] / Claire Le Foll // Bulletin du Centre de recherche français à Jérusalem. – 2002. – Mode of access: <http://bcfrj.revues.org/>. – Date of access: 04.02.2012.
45. Солженицын, А. И. Двести лет вместе / А.И. Солженицын – М. : Русский путь. 2001. – Т. 1. – 512 с.
46. Солженицын, А. И. Двести лет вместе / А.И. Солженицын – М. : Русский путь. 2002. – Т. 2. – 512 с.

Пастыніў 30.11.2017

**THE JEWISH POPULATION OF BELARUS IN THE AGRARIAN POLICY
OF THE RUSSIAN EMPIRE AT THE END OF XVIII - EARLY XX CENTURY:
HISTORIOGRAPHY AND THE PRESENT STATE OF RESEARCH**

K. TALJARONAK

The article analyzes historiography and present researching of the Belarusian Jews' history, who were engaged in agriculture at the end of XVIII – the begging of XX centuries. We conclude that the history of this question begins since the second half of the XIX century. The first works devoted to the imperial Jewish agricultural policy had journalistic features with the author's subjective attitude. But since the last third of the XIX century a scientific researching tradition of Jewish history has been developed. Some factual data has been collected for the period of XIX – beginning of XXI century. A range of works concerning the history of the Jewish agriculture on the territory of Belarusian and Ukrainian lands in the context of general history of Russian Jewry has appeared. But today there is no one integrated and systematic researching devoted to the history of Jewish farmers in Belarus in the context of Belarusian history, which leads to its thorough analysis and extensive lighting.

Keywords: *historiography, the Jewish population, Jewish agriculture.*

УДК 94(476)«1915/1917»

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТРУДА ВОЕННОПЛЕННЫХ
НА ТЕРРИТОРИИ МИНСКОЙ И МОГИЛЕВСКОЙ ГУБЕРНИЙ
МИНСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА В 1915–1917 гг.¹****В.В. ВАСИЛЕНКО***(Климовичский государственный аграрный колледж)*

На основе документов архивов Республики Беларусь и Российской Федерации, а также опубликованных источников исследуется использование труда иностранных военнопленных на территории Минской и Могилевской губерний Минского военного округа в 1915–1917 гг. Освещается вопрос применения их труда на окопных работах в районе дислокации 10-й русской армии, а также на сельскохозяйственных и дорожных работах, государственных и частных предприятиях, в городском хозяйстве. Рассматриваются проблемы в обеспечении одеждой и обувью, питанием, плохие условия проживания, распространение среди пленных эпидемических заболеваний и организация в связи с этим помощи учреждениями Всероссийского земского союза. Приводятся статистические данные о численности задействованных военнопленных нижних чинов австро-венгерской и германской армий на работах в 1915–1917 гг.

Ключевые слова: *Первая мировая война, военнопленные, Минский военный округ, Минская и Могилевская губернии, Всероссийский земский союз, окопные, сельскохозяйственные и дорожные работы, казенные и частные предприятия.*

Введение. Первая мировая война оставила свой след в истории Беларуси. На сегодняшний день события этой «забытой войны» остаются малоизученными. Круг вопросов достаточно широк и требует детальной проработки. В последнее десятилетие появились работы, в которых исследуются события войны на территории белорусских губерний, но они малочисленны. Одна из тем, попадавшая в поле зрения историков лишь эпизодически, – пребывание на территории белорусских губерний Российской империи иностранных военнопленных и использование их труда на различных работах. Вообще, этой проблеме посвящено всего несколько небольших статей. Историк В.И. Адамушко сделал обзор архивных документов, которые содержат сведения о пребывании военнопленных на территории Беларуси в 1914–1917 гг. [1]. В исследовании военного историка А. Самовича рассматриваются законодательные акты, регулирующие использование труда военнопленных. Автор проанализировал статьи законов и внесенные в них изменения. Он обращался к вопросу обеспечения питанием пленных, привел примеры проявления социального протеста против тяжелых условий труда и жизни в плену, добавил эпизодические сведения о применении труда пленных в Минске [2]. В работе историка, опубликованной в 2009 г., рассматриваются те же вопросы, но нового фактологического и статистического материала нет [3]. В 2012 г. в журнале «Международное право и международные отношения» была опубликована статья С.Н. Рындина [4]. В ней исследователь сделал обзор документов из фондов Национального исторического архива Беларуси, в которых содержится информация о пребывании на территории белорусских губерний в 1914–1917 гг. иностранных военнопленных. В документах есть сведения об их национальности, численности, условиях содержания, работы, отмечены новые факты и цифровые данные, которых нет в статьях А. Самовича.

Цель нашего исследования – рассмотреть вопрос трудового использования иностранных военнопленных на территории Минской и Могилевской губерний Минского военного округа в 1915–1917 гг., определить их численность, условия жизни и быта, ввести в оборот новые, ранее не опубликованные документы.

Основная часть. После первых боев на Северо-Западном фронте осенью 1914 г. через белорусские губернии, на восток, вглубь Российской империи, стали перемещать партии военнопленных. Властями был разработан документ, определявший их нахождение на территории Российской империи. 7 октября 1914 г. Советом Министров Российской империи были утверждены «Положения о военнопленных» [5, с. 243–257], прописывающие правила о перемещении, содержании на работах, пребывании в лагерях, обеспечении пленных довольствием и другие вопросы, касающиеся нахождения в плену.

Многие военнопленные имели личное имущество и деньги. Но они не могли использовать национальную валюту своих стран для потребностей, т.к. не было возможности обменять ее на российские рубли. Эту проблему решило военное руководство. Главному полевому казначею армий фронта в октябре

---

¹Статья написана при поддержке гранта БРФФИ, проект «Первая мировая война. Повседневность Минского военного округа (на примере уездов Могилевской и Орловской губернии. 1915–1917 гг.)» № Г17Р-070.

1914 г. приказом Главного начальника снабжений армий Северо-Западного фронта было поручено организовать для офицеров и нижних чинов места для обмена денег на станциях в Варшаве, Седлеце, Новогоргиевске, Белостоке, Гродно, Вильно, Двинске и Полоцке [6, л. 59–об. 59].

Самые ранние сведения о пребывании военнопленных на территории Беларуси относятся к осени 1914 г. Они содержатся в делах (метрических книгах) фондов религиозных учреждений (церквей, костелов и монастырей) Национального исторического архива Беларуси. Много офицеров и нижних чинов германской и австро-венгерской армий нашли на белорусской земле «последний покой». Так, например, в метрической книге Минской евангелической-лютеранской церкви за 20 октября 1914 г. сделана запись о смерти военнопленного германской армии, нижнего чина 10-го гренадерского полка Вильгельма Нинбурга, умершего в Минском военном госпитале. Он был погребен на евангелическо-лютеранском кладбище. 17 ноября в инфекционной больнице Минска от ранения в голову и дизентерии скончался рядовой 93 пехотного полка австрийской армии Макс Шлимплейн. Ему было 29 лет. Похоронен 19 ноября на указанном выше кладбище. В Ново-Борисове в полевом запасном госпитале № 258 10 августа 1915 г. умер от огнестрельного ранения 28-летний уроженец Верхней Силезии Феликс Францевич Пендзячек. Похоронен на военном кладбище. В гомельском костеле отпевали умерших солдат и офицеров: в сентябре 1914 г. рядового Юзефа Вагнера, в октябре – лейтенанта Рудольфа Свогина, 5 мая 1915 г. лейтенанта Адальберта Керестеша, 11 мая 1916 г. Теодора Иосифата Тумара, скончавшегося в гомельском госпитале. Они все были похоронены на братском кладбище в Новобелице. В Могилеве в декабре 1914 г. в губернской больнице умер военнопленный австро-венгерской армии Игнатий Малич [7, с. 230, 232, 233, 235, 237, 244, 245].

В связи с мобилизацией в армию трудоспособного мужского населения в экономике страны стало не хватать рабочих. В п. 12 «Положений о военнопленных» была прописана норма о привлечении пленных к различным казенным и общественным работам [5, с. 246]. Применение их труда на различных работах регулировали следующие законодательные документы: «Правила о порядке предоставления военнопленных, для исполнения казенных и общественных работ, в распоряжение заинтересованных в том ведомств» от 7 октября 1914 г., «Правила о допущении военнопленных на работы по постройке железных дорог» от 10 октября 1914 г., «Правила об отпуске военнопленных для работ частных промышленных предприятиях» от 17 марта 1915 г., а также изменения к Правилам [8, с. 90–97, 407; 5, с. 540].

После одобрения Советом Министров 28 февраля 1915 г. были приняты «Правила об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы» [9, с. 3–4]. 22 апреля в них были внесены изменения, согласно которым разрешалось привлекать пленных на лесные, гидротехнические, мелиоративные и иные работы [8, с. 57]. Поэтому стало возможным использование их труда на гидротехнических работах в Минской губернии. Инженер-гидротехник А.Д. Дубах составил смету таких работ. Он докладывал 30 мая 1915 г. начальнику Минского управления министерства земледелия и государственных имуществ И.М. Шемигонову, что работы предполагается организовать в Бобруйском, Игуменском, Речицком, Мозырском и Пинском уездах. В докладе говорилось о порядке приема, охраны, размещения, выплаты зарплаты и оказания медицинской помощи военнопленным. На работы планировалось привлечь 1400 человек. На каждые 100 человек пленных полагалось несколько стражников. Техникам и надсмотрщикам для личной безопасности следовало выдать револьверы. Проживать военнопленные должны в бараках. Суточную оплату труда пленного свыше 1 рубля предлагалось разделить следующим образом: 50 коп. выдавать ему на руки, 40 коп. использовать на его содержание, 10 коп. на организацию работы. Медицинское обслуживание было предложено оставить в ведении Военного ведомства [7, с. 241–242].

Минский губернатор А.Ф. Гирс сообщил начальнику управления Земледелия и государственных имуществ порядок привлечения военнопленных в Минском военном округе к сельскохозяйственным, общественным казенным работам, работам в промышленных предприятиях. Ходатайства об их отпуске должны направляться через губернаторов в штаб округа. Заболевших пленных следовало лечить в ближайших военных медицинских учреждениях или же городских и земских больницах. При попытках побега к нарушителям разрешалось применять оружие. Были разъяснены нормы питания [7, с. 243–244]. Военным советом для военнопленных нижних чинов была установлено довольствие. В приказе Начальника Минского военного округа барона Е.А. Рауша фон Траубенберга от 30 июня 1915 г. сообщалось Минским военно-окружным управлениям, что питание пленного в сутки должно состоять из провиантского (2 фунта черного хлеба, 24 золотника крупы), приварочного (½ фунта мяса свинины, баранины или рыбы и 2,5 копейки на все приварочные припасы) и чаевого (0,48 золотника чая и 6 золотников сахара) довольствия [10, № 441]. Но уже в приказе начальника округа от 9 июля сообщались новые нормы довольствия, утвержденные Военным советом. Теперь мяса военнопленному было положено четверть фунта, а выдача чаевого довольствия прекращалась [10, № 481]. По «Положению о военнопленных» они должны были получать такое же довольствие, как и нижние чины русской армии [5, с. 255]. Известно, что с обеспечением солдат пайком в 1915–1917 гг. были проблемы. Питание в русской армии ухудшалось и нормы довольствия не выдерживались. На фронте личный состав не доедал – не хватало продуктов, а качество порою

было таким, что приготовленная из них пища не годилась для употребления [11, с. 197]. В письмах солдат много свидетельств о плохом питании: «за шесть дней куска хлеба не было во рту», «все обессилели, чуть ходят на ногах», «о пище и говорить нечего, часто приходится быть на пище святого Антония» [12, с. 51; 15, с. 391, 392, 393, 490, 497, 498, 499, 502, 503, 545]. В 1915 г. начинает уменьшаться мясная часть солдатского пайка. Военный врач В.П. Кравков 11 мая записал в дневнике: «У солдат на $\frac{1}{4}$ фунта уменьшен паек мяса; теперь они будут получать по $\frac{1}{2}$ ф[унта] свежего и $\frac{1}{4}$ ф[унта] солонины» [13, с. 143]. Мясные продукты стали заменять другими. Запас хлебопродуктов у правительства и интендантства был, а вот с запасами мяса и изделиями из него ситуация становилась угрожающей. В начале войны мясо в армии получали согласно довоенным нормам: 2,5–3 фунта в неделю на солдата. Но численность армии увеличилась, а запасы мяса уменьшались. Весной 1916 г. на фронте происходит уменьшение нормы мясного пайка на солдата и замена мясных продуктов другими: $\frac{1}{4}$ фунта мяса заменялась $\frac{1}{2}$ фунта хлеба, 12 золотниками крупы и 3 золотниками сахара [14, с. 52]. Из-за недостатка продуктов и урезания пайков военнопленные тоже плохо питались. По воспоминаниям русских офицеров, они были плохо одеты и истощены [11, с. 200–201].

Труд пленных использовался на военных окопных работах. На Западном фронте в районе 10-й армии они проводились по двум направлениям: Молодечно – Вязовец – Городок – Волма и Воложин – Першай – Ивенец – Слободка. Санитарно-медицинские учреждения Комитета Западного фронта (КЗФ) Всероссийского земского союза (ВЗС) оказывали здесь медицинскую помощь военным, окопным рабочим и всем нуждающимся [16, с. 31]. На заседании Санитарного совета КЗФ ВЗС 30 ноября – 3 декабря 1915 г. рассматривались вопросы медицинского обслуживания окопных рабочих. Военнопленные, работавшие здесь, находились в очень плохих условиях. От инженеров поступали просьбы об увеличении для них пайка. Врач Полоцкого района А.Н. Фейнберг докладывал, что у австрийцев нет белья, одежды и обуви. 30–40 % из них буквально босые. Военнопленные жили в деревнях в надворных постройках, зачастую просто под навесами. Районный врач при 10-й армии М.А. Петрусевич, указывая на необеспеченность австрийских пленных одеждой и обувью, предлагал, чтобы фронтовой комитет Земсоюза взял на себя их обеспечение [17, с. 13]. Наблюдались случаи, когда они по три месяца носили одно и то же белье и у них не было теплой одежды [16, с. 33]. Такие донесения свидетельствуют, что военнопленные находились в плачевном состоянии. Следует отметить, что в русской армии были проблемы с обеспечением солдат одеждой и обувью. Поэтому обеспечение пленных было в последнюю очередь.

Военные власти следили за эпидемической ситуацией в округе и личной гигиеной находящихся здесь людей. 31 марта 1915 г. начальник Минского военного округа барон Е.А. Рауш фон Траубенберг приказывал Минским военно-окружным управлениям на театре войны: «В целях предупреждения возникновения и развития заразных заболеваний во вверенном мне округе, предписываю... чтобы все нижние чины воинских частей, учреждений, управлений и заведений округа, а равно и военнопленные, военнообязанные неприятельские подданные, а также высланные неблагонадежные лица, находящиеся в ведении властей, были отправляемы почаще в баню и переменяли белье» [18, № 204]. Но из-за антисанитарных условий в местах проживания военнопленных, проблем личной гигиены избежать заразных заболеваний невозможно. В феврале – марте 1916 г. в районе Городка в лагере для австро-венгерских пленных вспыхнула эпидемия возвратного тифа, которая была занесена ими самими из Сибири. В соседнем лагере для славян, находившемся на расстоянии одной версты, никаких заболеваний не было, т.к. здесь условия проживания были лучше. Оперативные санитарно-медицинские мероприятия помогли ликвидировать вспышку опасной болезни. Медперсонал учреждений ВЗС провел поголовные осмотры и все больные были изолированы, сделаны дезинсекции и дезинфекции. Все пленные посетили бани, им было выдано чистое белье [16, с. 33–34]. Бани сыграли большую роль в профилактике инфекционных заболеваний и личной гигиены. В районе 10-й армии на окопных работах КЗФ ВЗС обслуживал рабочих в банях. В июле 1916 г. клиентов-военнопленных было 889 человек, в августе – 5946, сентябре – 5801, октябре – 4045 [16, с. 62]. Пленные, работавшие в распоряжении городских властей, мылись в частных банях. Управой города Могилева, например, с 30 июля 1915 г. по 1 апреля 1916 г. за посещение трех частных бань военнопленными было уплачено 1910 рублей 44 копейки [4, с. 73].

Земский союз обеспечивал окопных рабочих питанием. В заседании Санитарного совета КЗФ ВЗС 30 ноября – 3 декабря 1915 г. был разработан и утвержден паек. На пунктах для питания ВЗС его получали все окопные рабочие, в т.ч. и военнопленные. Паек включал чай утром и вечером, обед и ужин. В порциях на обед должны быть следующие продукты: мясо – 1 фунт, крупа – $\frac{1}{8}$ фунта, капуста – $\frac{1}{4}$ фунта, картофель – $\frac{1}{2}$ фунта, соль – 2 золотника, лук и прочее – 1 золотник, хлеб – $1\frac{1}{2}$ фунта. Питательность составляла 2273,3 калорий. На ужин полагались продукты в порциях: горох, фасоль или пшено – $\frac{1}{2}$ фунта, картофель – $\frac{1}{4}$ фунта, сала или постного масла 2 золотника и 3 золотника, хлеба – $2\frac{1}{2}$ фунта. Питательная ценность продуктов – 920,5 калорий. Чаю полагалось $\frac{1}{4}$ золотника, сахара – 10 золотников, хлеба – $\frac{1}{2}$ фунта. В калориях выходило 565,5 [17, с. 77]. В районе 10-й армии, где велись работы, окопных рабочих кормили на пунктах Земского союза. От всех клиентов (статистика за сентябрь 1915 г. – февраль 1916 г.) пленные

составили 22%. В сентябре 1915 г. клиентов военнопленных было 26101 (9,37% от общего числа всех питавшихся), октябре – 53807 (10,66 %), ноябре – 35462 (5, 97%), декабре – 63003 (7,14%), январе 1916 г. – 84369 (7,13%), феврале – 49244 (4,5 %) [19, с. 49–50]. Организация питания на пункте ВЗС была устроена просто. В августе 1916 г. один из работников Земсоюза наблюдал в районе «П», как питались австрийцы. Они собирались на пункт к 12 часам дня на обед, по очереди проходили мимо котлов с кислыми щами и кашей, получали свои порции и устраивались под навесами или на открытом воздухе. Питательный пункт в день кормил до 600 человек, а иногда и более 1000 [20, с. 3].

Рассматривая продуктовые нормы довольствия на питательных пунктах ВЗС на день окопного рабочего, беженца и солдата (статистика за февраль 1916 г.), видно, что рабочие получали больше продуктов и питались лучше (таблица).

Таблица. – Нормы пайкового довольствия на питательных пунктах Всероссийского земского союза для беженцев, окопных рабочих, солдат

Продукты	Беженец	Окопный рабочий	Солдат
Черный хлеб	1,1 ф.	2,1 ф.	1 ф.
Мясо	0,2 ф.	0,4 ф.	0,1 ф.
Сало и масло	0,5 з.	5 з.	4 з.
Разные крупы	17 з.	27 з.	12 з.
Вермишель и макароны	0,01 з.	0,1 з.	–
Рис	1 з.	4,5 з.	–
Картофель	1 з.	5 з.	0,8 з.
Горох и фасоль	0,8 з.	3 з.	1 з.
Капуста и другие овощи	0,3 з.	2 з.	–
Чай	0,1 з.	0,6 з.	0,3 з.
Сахар	6 з.	11, 3 з.	10 з.
Соль	4 з.	3,4 з.	1,5 з.

Источник: [19, с. 55].

Стоимость питания в день одного клиента окопного рабочего составляла от 22 до 27 копеек, беженца – 12–18, солдата – 10–15 [19, с. 54]. Питались рабочие лучше потому, что выполняли тяжелые работы.

Через Минск постоянно следовали партии военнопленных. Среди них были больные и раненые. Они могли получить медицинскую помощь и питание на пунктах общественных организаций. На 3-м врачебно-питательном пункте ВЗС в Минске среди разных категорий питавшихся были и военнопленные. С 1 января по 1 июля 1916 г. здесь им было выдано 600 порций (100 в месяц или 3–4 в день) [21, с. 2–3].

Во время войны из сельской местности была призвана в армию большая часть мужского населения. Деревня осталась без рабочих рук, не хватало работников и в помещечьих имениях. Поэтому власти стали привлекать на различные сельскохозяйственные работы военнопленных. Сведения об их использовании в Минской и Могилевской губерниях встречаются за 1916–1917 гг. В сентябре 1916 г. они не привлекались на работы в Пинском, Игуменском, Бобруйском, Борисовском, Новогрудском уездах [22, л. 28, 32, 33, 37, 39]. В Мозырском уезде по донесению исправника Валуженича с 1 июля на заготовке сена для Военного ведомства в имении Бураз работали 50 австрийцев, в имении Дорошевичи – 480, в имении Моисеевичи – 240 [22, л. 35]. В Речицком уезде военнопленные находились в распоряжении уполномоченного министерства Земледелия А.П. Чорного. 4 июля 100 австрийцев прибыли в имение Жары и 50 в имение Березовая Гряды для заготовки сена. С 22 июня с разрешения Киевского военного округа в имении Ассаревичи работали 35 военнопленных австрийцев, а 12 и 21 июля туда прибыли еще 85 человек. В урочище Михнов с разрешения Главнокомандующего Юго-Западного фронта 11 июля прибыли для работ 205 нижних чинов австрийцев. За время работ бежало 2 человека из имения Ассаревичи. В сентябре в вышеупомянутых имениях трудилось 40 немецких и 462 австрийских военнопленных [22, л. об. 42, об. 45]. В Минской губернии к 1 февраля 1917 г., по донесению губернатора В.А. Друцкого-Соколинского в канцелярию Главного начальника снабжений армий Западного фронта, на работах находилось 38 германцев и 4527 австрийцев [22, л. 121].

В Могилевской губернии на сельскохозяйственные работы также привлекались военнопленные. Отчеты уездных управ свидетельствуют, что к 1 сентября 1916 г. в частных имениях Чаусского уезда трудилось 82 человека, в Могилевском уезде – 180, Горецком – 63, Быховском – 361, Сенненском – 179, Рогачевском – 120, Климовичском – 223, Оршанском – 178 [23, л. 15, 16, 21, 21а, 22, 23, 25]. В октябре 1916 г. в Гомельском и Чериковском уездах было привлечено к работам 590 и 195 человек, а в распоряжении

уполномоченного по заготовке сена для армии было 775 пленных [23, л. 32]. В ноябре, по сообщению губернатора А.И. Пильца, в губернии на различных работах было 3226 военнопленных [23, л. 111].

В 1917 г. военнопленные привлекались на сельскохозяйственные работы. В Новогрудском уезде Минской губернии на 1 июля трудилось 312 человек, в Мозырьском уезде на 1 августа – 1133 австрийца [22, л. 259, 263].

Пленных в качестве рабочей силы использовали различные организации. К 1 мая 1917 г. в Минской губернии в уездные продовольственные комитеты и земства было распределено 8480 человек. Для КЗФ ВЗС работы выполняли 2060 нижних чинов австро-венгерской и германской армий. Фронтальной комитет ВСГ располагал 600 военнопленными, Красный крест – 120. В распоряжении начальника штаба Минского военного округа находилось 755 человек, у варшавского интенданта – 135. В организации Минского Гупрома по заготовке сена для армии работали 560 пленных. Всего на работах 12710 человек [22, л. 259, 263, 283].

Казенные и частные предприятия Минской и Могилевской губернии тоже испытывали нехватку рабочих рук. Военнопленные работали на судовой верфи в местечке Наровля. Туда 4 июля 1916 г. по распоряжению штаба Киевского военного округа прибыло сначала 52 австрийца из изоляционно-пропускного пункта в Дернице, в августе еще рота из 219 человек [22, л. об. 42]. На лесопильном заводе в деревне Кохиничи в Минском уезде в ноябре 1916 г. трудилось 19 пленных. В Речице в декабре на частном гвоздильном заводе братьев Рикк работали 49 австрийцев [22, л. об. 1]. В Могилевской губернии на заводе по выработке сыромятных кож в имении Буда К.К. Энгельгардта, арендованном ВЗС, работало 18 пленных [23, л. 37]. В Климовичском уезде на заводе ротмистра Щегловитова – 300 человек [23, л. 32].

Стратегическое значение железнодорожных путей сообщения на территории белорусских губерний требовало постоянного поддержания их в рабочем состоянии и расширения пропускной способности. Поэтому здесь велись строительные работы, на которые привлекались и военнопленные австрийцы. В ноябре 1916 г. на станции Телуша Бобруйского уезда на укладке железнодорожных путей трудилось 147 человек. На станции Красный Берег – 162 пленных. В Игуменском уезде на строительстве второго пути Либаво-Роменской железной дороги в полосе отчуждения – 150 австрийцев. На погрузочных работах на станции в Бобруйске с 17 января 1917 г. работала 107-я железнодорожная рабочая команда, в которой находилось 75 военнопленных. В феврале 1917 г. в местечке Свислочь в 170-й железнодорожной рабочей роте было 152 австрийца [22, л. 67, 114, 133, 184]. В Могилевской губернии труд военнопленных также использовался на объектах железнодорожной инфраструктуры. Но конкретные населенные пункты не указаны. Всего работало 967 человек [23, л. 87]. В губернии пленные были задействованы также на обычных дорожных и строительных работах [23, л. 22, 24].

Труд «кузников войны» был востребован и в городском хозяйстве. В Могилеве с июля 1915 г. в распоряжении городских властей находилось 69 пленных. В основном это были поляки. Они трудились на предприятиях, в ассенизационном обозе, на земляных и торфяных работах, уборке снега. На кирпичном заводе – 20 человек были, на городской скотобойне, поставлявшей мясо для населения и войск гарнизона, – 8. Военнопленные привлекались для устройства и оборудования Ставки Верховного Главнокомандующего [4, с. 71–72].

Частные лица и общественные организации, у которых работали военнопленные, просили командование фронта таковых оставлять в своем распоряжении. «Союз поляков военных» по ходатайству его отдела в Гомеле в октябре 1917 г. в виду недостатка учителей поляков обращался к Начальнику снабжений армий Западного фронта вернуть им пленного из 84-го рабочего батальона поляка Иосифа Барся, работавшего в речичском училище. В ответе Начальника снабжений было сказано, что пленного отпустить нельзя. Но это станет возможным после приема его в польские войска [24, л. 10–11]. Главноуполномоченный Российского общества Красного Креста при армиях Западного фронта обращался к Главному Начальнику снабжений армий Западного фронта с прошением прикомандировать к Минскому госпиталю Красного Креста для заразных больных военнопленного из 7-й роты 85-го рабочего батальона 14-й бригады поляка Людвиг Домина, по профессии слесаря-монтера, знающего систему парового отопления. Минскому госпиталю был крайне нужен такой работник. Просьбу не удовлетворили [24, л. 34–35]. В ноябре 1917 г. было отклонено и ходатайство Шимона Янкеля Бернштейна, владельца паровой мельницы, об передаче ему в качестве машиниста на мельнице военнопленного 80-го рабочего батальона Яна Тильчика [24, л. 39–об. 39].

Заключение. О пребывании военнопленных на территории белорусских губерний можно говорить с начала осени 1914 г., когда они перемещались через территорию Беларуси и здесь попадали в медицинские учреждения, умирали от ран и болезней, находили здесь «последний покой».

Постоянные призывы в русскую армию трудоспособного мужского населения обусловили нехватку рабочих рук в различных отраслях промышленности и сельском хозяйстве. Власти прибегли к использованию труда военнопленных иностранных армий на различных работах в экономике страны. Трудовые

использование было закреплено в различных законодательных актах. На территории Минской и Могилевской губерний Минского военного округа в 1915–1917 гг. находились военнопленные австро-венгерской и германской армий. В 1915–1916 гг. они использовались на военных окопных работах в районе дислокации 10-й русской армии. В 1916–1917 гг. военнопленные часто привлекались на сельскохозяйственные работы. В основном это была заготовка сена для армии. Трудились пленные на казенных и частных заводах. Их активно использовали на работах дорожной инфраструктуры, особенно в железнодорожном строительстве. Городские органы, общественные организации и частные лица также пользовались трудом военнопленных австро-венгерской и германской армий. Статистические данные указывают, что большая часть работающих были нижними чинами австро-венгерской армии, германских военнопленных было немного. Труд военнопленных использовали различные государственные ведомства, военные и местные органы власти, общественные организации. Общее число трудившихся в Могилевской губернии к февралю 1917 г. составляло более 3 тысяч человек, а в Минской губернии летом было привлечено на работы более 12 тысяч пленных.

Немногочисленные источники указывают на тяжелое положение военнопленных: плохие одежда и обувь, скудное питание, не всегда сносные условия для проживания. Среди пленных часты были эпидемические заболевания. Единственной организацией, которая оказывала помощь военнопленным на окопных работах, был Всероссийский земский союз.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адамушко, В.И. Архивные источники о событиях Первой мировой войны на территории Беларуси / В.И. Адамушко // Юстиция Беларуси. – 2008. – № 6. – С. 22–24.
2. Самович, А.Л. Работать, чтобы выжить. Трудовое использование иностранных военнопленных в 1914–1918 годах на территории Беларуси / А.Л. Самович // Беларуская думка. – 2008. – № 11. – С. 36–41.
3. Самович, А.Л. Трудовое использование иностранных военнопленных (1914–1918) на территории Беларуси / А.Л. Самович // Гісторыя: праблемы выкладання. – 2009. – № 7. – С. 57–60.
4. Рындин, С.Н. Документы Национального исторического архива Беларуси о пребывании иностранных военнопленных на территории Беларуси в годы Первой мировой войны / С.Н. Рындин // Журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2012. – № 2. – С. 70–74.
5. Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени : сб. законов, манифестов, указов Правительства сенату и министрам, высочайших повелений, постановлений Совета министров, воен. и адмиралтейств совета, инструкций и распоряжений министров, изд. во время войны с Германией, Австро-Венгрией и Турцией. С прил. предметного указателя : в 2 т. / сост. С.М. Левин. – Петроград : Н.К. Мартынов, 1915–1916. – Т. 1. : Июль 1914 г. – апрель 1915 г. – XXVIII, 728 с.
6. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 2049. Оп. 1. Д. 477. Л. 59–об. 59.
7. Беларусь в годы Первой мировой войны (1914–1918) : сб. документов / Департамент по архивам и делопроизводству М-ва юстиции Респ. Беларусь, Нац. ист. архив Беларуси, Нац. ист. архив Беларуси в г. Гродно ; сост.: В.В. Врублевский [и др.] ; редкол.: В. И. Адамушко (пред) [и др.]. – Минск : Беларусь, 2014. – 352 с.
8. Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени : сб. законов, манифестов, указов Правительства сенату и министрам, высочайших повелений, постановлений Совета министров, воен. и адмиралтейств совета, инструкций и распоряжений министров, изд. во время войны с Германией, Австро-Венгрией и Турцией. С прил. предметного указателя : в 2 т. / сост. С.М. Левин. – Петроград : Н.К. Мартынов, 1915–1916. – Т. 2. : Апрель – декабрь 1915 г. – XXX, 512 с.
9. Законоположения и распоряжения правительства // Вестник могилевского земства. – 1915. – № 2. – С. 3–4.
10. Приказ Минским военно-окружным управлениям на театре войны 1915 г., № 290–1024. – Минск ; Смоленск : [б. и.]. – 1915. – разд. паг.
11. Сенявская, Е.С. Окопный быт Первой мировой войны: очерк фронтовой повседневности / Е.С. Сенявская // Историческая психология и социология истории. – 2014. – № 1. – С. 192–219.
12. Казаковцев, С.В. Первая мировая война в письмах воинов-вятичей / С.В. Казаковцев // Воен.-ист. журн. – 2007. – № 4. – С. 51–54.
13. Кравков, В.П. Великая война без ретуши. Записки корпусного врача / В.П. Кравков. – М. : Вече, 2014. – 416 с.
14. Оськин, М.В. Армия и продовольственное снабжение / М.В. Оськин // Воен.-ист. журн. – 2006. – № 3. – С. 52–54.
15. Письма с войны, 1914–1917 / сост., коммент. и вступит. ст А.Б. Асташова и П.А. Симонса. – М. : Новый Хронограф, 2015. – 794 с.
16. Петрусевич, М.А. Годовой обзор деятельности медико-санитарных учреждений, находящихся в районе X армии ВЗС. С 1 января 1916 года по 1 января 1917 г. / М.А. Петрусевич // Известия Комитета Западного фронта Всероссийского земского союза. – 1917. – № 5–6. – С. 27–65.
17. Отчет о деятельности медицинских организаций Комитета западного фронта Всероссийского Земского союза за октябрь, ноябрь и декабрь 1915 г. – М., 1916. – 77 с.
18. Приказ Минским военно-окружным управлениям на театре войны 1915 г., № 1–290. – Минск ; Смоленск : [б. и.]. – 1915. – разд. паг.

19. Невский, В. Полгода работы питательных пунктов (сентябрь 1915 г. – февраль 1916 г.). По данным текущей статистики Управления ВЗС при X армии / В. Невский // Известия комитета Западного фронта Всероссийского земского союза. – 1917. – №3–4. – С. 40–75.
20. Насекин, Н. Учреждения Земсоюза в П. / Н. Насекин // Вестник Комитета Западного фронта Всероссийского земского союза. – 1916. – 3 авг. – С. 3.
21. Деятельность 3-го врачебно-питательного пункта в Минске (из отчета доктора А.П. Татарова за период с 1-го января на 1 июля 1916 г.) // Вестник Комитета Западного фронта Всероссийского земского союза. – 1916. – 5 авг. – С. 2–3.
22. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 295. Оп. 1. Д. 9181. Л. об. 1, 28, 32, 33, 35, 37, 39, об. 42, об. 45, 67, 114, 121, 133, 184, 259, 263, 283.
23. НИАБ. – Фонд 2001. Оп. 1. Д. 2109. Л. 15, 16, 21, 21а, 22, 23, 24, 25, 32, 37, 87, 111.
24. РГВИА. – Фонд 2049. Оп. 1. Д. 422. Л. 10–11, 34–35, 39–об. 39.

Поступила 13.09.2017

WAR PRISONER'S LABOR WITHIN THE TERRITORY OF MINSK AND MOGILEV PROVINCES OF MINSK MILITARY DISTRICT IN 1915–1917

V. VASILENKO

This article examines the use of the foreign war prisoners' labor within the territory of Minsk and Mogilev provinces of Minsk military district in 1915-1917. The research is based on archives documents of the Republic of Belarus and the Russian Federation and also on early published sources. The article covers the issue of the prisoners' employment in trench works in the area of deployment of the 10th Russian Army. The problems of providing with clothes, footwear and food, the problems of poor living conditions, advance of epidemic diseases among war prisoners and due to this the organization of help service of the All-Russian Zemsky Union are considered. The issue of war prisoners' employment in agricultural work, in public and private enterprises, in the city economy, in the infrastructure of the railway is clarified. Statistical data on the number of war prisoners in the lower ranks of the Austro-Hungarian and German armies involved in work in 1915-1917 are presented.

Keywords: *First World War, prisoners of war, Minsk Military District, Minsk, Mogilev Province, All-Russian Zemsky Union, trench, agricultural, road works, state, private enterprises.*

УДК 021.4(476.5)

ТРАНСЛЯЦЫЯ ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНАЙ СПАДЧЫНЫ БЕЛАРУСІ Ў ДЗЕЙНАСЦІ ПУБЛІЧНЫХ БІБЛІЯТЭК НА ПРЫКЛАДЗЕ ЎСТАНОЎ ВІЦЕБСКОЙ ВОБЛАСЦІ**К.В. АНДРЭЙЧЫК***(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт)*

Разглядаецца феномен трансляцыі гісторыка-культурнай спадчыны публічнымі бібліятэкамі Беларусі на прыкладзе шэрагу ўстановаў Віцебскай вобласці. Актуальнасць пытання абумоўлена даследаваннем формаў і метадаў працы, прымяненне якіх спрыяе фарміраванню цікавасці да знаёмства і вывучэння гісторыка-культурнай спадчыны краіны. Вынікі сацыялагічнага даследавання падкрэсліваюць неабходнасць дасканалыя стаўлення да праблемы. Зроблен акцэнт на інавацыйных метадах прэзентацыі нацыянальнага здабытку. Атрыманая выснова адлюстроўвае эфектыўнасць пазіцыянавання спадчыны Беларусі ў дзейнасці сельскіх і гарадскіх публічных бібліятэк.

Ключавыя словы: *краязнаўства, бібліятэка, папулярызацыя гісторыка-культурнай спадчыны, сацыяльна-педагагічны аспект.*

Уводзіны. За сваю шматвяковую гісторыю Рэспубліка Беларусь атрымала багатую спадчыну, прадстаўленую матэрыяльнымі і нематэрыяльнымі каштоўнасцямі, якія маюць навуковую, культуралагічную і эстэтычную значнасць. Духоўныя і матэрыяльныя каштоўнасці, дасканалы захаваныя і памножаныя, з'яўляюцца ўмовай дынамічнага развіцця грамадства і дзяржавы. Захаванне і папулярызацыя гісторыка-культурнай спадчыны дазваляе выхаваць у падростаючым пакаленні духоўнасць, маральнасць, патрыятызм. Пазнанне гісторыка-культурнай спадчыны, якая з'яўляецца часткай нацыянальнага здабытку, выступае неабходнай умовай для інтэлектуальнага, духоўнага станаўлення асобы. Агульнанацыянальныя каштоўнасці генеруюць высокую ступень нацыянальнай самасвядомасці і самаідэнтыфікацыі, светаўспрымання, уплываюць на ўсталяванне сувязі паміж пакаленнямі. Дзяржава бярэ на сябе функцыю гаранта ў пытанні захавання, папулярызацыі і памнажэння нацыянальнай гісторыка-культурнай спадчыны краіны. Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб Культурнай спадчыне ад 20 ліпеня 2016 г. рэгулюе грамадскія адносіны па ўстанаўленню арганізацыйна-прававых і эканамічных гарантый стварэння, захавання, распаўсюджвання і папулярызацыі твораў матэрыяльнай і духоўнай культуры, па захаванню і перадачы культурных традыцый. Галоўная мэта заключаецца ў адраджэнні і развіцці беларускай нацыянальнай культуры і культур нацыянальных супольнасцей Беларусі як складовай часткі агульначалавечай культуры; фарміраванні культурнага асяроддзя, маральных пачаткаў, эстэтычных поглядаў і густаў народа і далучэння яго да мастацкай творчасці, да гуманістычных каштоўнасцяў культуры [8].

Асноўная частка. Сёння многія сацыяльныя інстытуты краіны ў той ці іншай ступені акцэнтуюць увагу на пытанні папулярызацыі гісторыка-культурнай спадчыны, у іх ліку сістэма ўстановаў адукацыі, рэлігійных ўстановаў, музеяў, бібліятэкі і інш.

Бібліятэка як сацыякультурнае асяроддзе ўяўляе сабой не толькі сховішча дакументальнага здабытку краіны, але і з'яўляецца рэалізатарам шматлікіх функцый, у тым ліку сацыяльна-педагагічнага характару. Даследчыкі вылучаюць наступныя функцыі: інфармацыйную, выхаваўчую, адукацыйную і арганізацыйную [3, с. 10]. Відавочна, што патрэбы сучаснага карыстальніка інфармацыйнай бібліятэка задаволіць не можа. Дадзеная акалічнасць абумоўлена некалькімі з'явамі: востра стаіць праблема нецікавасці да чытання, састарэлыя метады арганізацыі пошуку інфармацыі, нязначная мадэрнізацыя і недастатковае фінансаванне. Падобная сітуацыя назіралася з сістэмай айчыннага відэапракату і дзейнасці кінатэатраў. Састарэлыя тэхналогіі больш не маглі адказаць інтарэсам спажываўца. І толькі мадэрнізацыя сферы ў цэлым, а менавіта ўкараненне 3D, 5D-тэхналогій з «эфектам прысутнасці», дазволіла вярнуць глядача. Гульня з успрыманням рэальнасці, сінхранізацыя спецэфектаў і імітацыя руху дае магчымасць глядачу стаць не проста пасіўным назіральнікам таго, што адбываецца на экране, але і актыўным удзельнікам падзей.

Ва ўмовах інфармацыйнага грамадства і шырокага захавання падростаючага пакалення здабыткамі татальнай інфарматызацыі актуальна прапанаваць такую форму пазнання гісторыка-культурнай спадчыны краіны, якая стымулявала бы ўстойлівую цікавасць, садзейнічала самаадукацыі, павышала прывабнасць да прафесійнай гістарычнай навукі, натхняла на даследчыцкі пошук. Інстытут адукацыі ставіць перад сабой задачу пошуку аптымальнай стратэгіі фарміравання ў маладога пакалення арыенціраў для грамадзянскай, нацыянальнай самаідэнтыфікацыі, спасціжэння культурных, этычных, маральных каштоўнасцяў. На сучасным этапе даволі актуальна пытанне фарміравання і прасоўвання нацыянальнага турыстычнага прадукту, пабудовы станаўчага іміджу краіны на знешнім рынку, аднак не

варта забываць і аб даступнасці і прывабнасці інфармацыі, актуалізацыі ўвагі да гісторыі і культуры сваёй Радзімы. Багатая гісторыка-культурная спадчына, унікальная і самабытная традыцыйная культура могуць быць незаслужана забытыя і сцёртыя з свядомасці падрастаючага пакалення, у тым выпадку, калі своечасова не надаць гэтаму пытанню належнай увагі.

Дзейнасць публічных бібліятэк вызначаецца Кодэксам Рэспублікі Беларусь аб Культурцы ад 20 ліпеня 2016 г., а таксама Статутам дзяржаўнай установы культуры, зацверджаным для кожнай цэнтралізаванай бібліятэчнай сістэмы. Згодна з унутранымі распарадчымі дакументамі бібліятэка павінна ажыццяўляць дзейнасць па такіх напрамках, як фарміраванне прававой адукацыі, экалагічная асвета, прапаганда здаровага ладу жыцця, сямейнае, эстэтычнае, патрыятычнае выхаванне, краязнаўства, а таксама прапаганда беларускай літаратуры, мовы, культуры, адраджэнне нацыянальных традыцый і г. д. Краязнаўчая дзейнасць уключае ў сябе фондавую, бібліяграфічную, выдавецкую, выставачную і сацыякультурную працу. Дадзеныя напрамкі работы бібліятэкі дазваляюць прэзентаваць інфармацыю для шырокага чытацкага кола [1, с. 22].

Бібліятэчныя ўстановы краіны надаюць увагу вывучэнню лакальнай, рэгіянальнай гісторыі, краязнаўству і прыцягненню ўвагі дзяцей і падлеткаў. Дадзены кірунак дзейнасці прадстаўлены наступнымі формамі метадычнай працы: краязнаўчыя гурткі, гісторыка-патрыятычныя клубы і г. д. Найбольш актуальнай формай камунікацыі паміж бібліятэкай і чытачом з'яўляюцца відэапрэзентацыі, тэматычныя гасцёўні, віктарыны, гульні-квэсты, творчыя майстэрні, кніжныя выставы, этнаграфічныя куткі і г. д. [5, с. 23].

Бібліятэка як сацыякультурны інстытут бярэ на сябе задачы сацыяльна-педагагічнага і выхаваўчага характару. Зыходзячы з класіфікацыі Р. С. Матульскага прынята вылучаць наступныя сацыяльныя функцыі бібліятэк: садзейнічанне адукацыі і выхаванню, інфармацыйнае забеспячэнне навукова-вытворчай дзейнасці, культурную. Кожная з названых функцый можа выступаць у якасці дамінуючай па параўнанні з астатнімі ў канкрэтнай бібліятэцы. Сацыяльна-педагагічная функцыя прадстаўлена наступнымі напрамкамі: адукацыйны, выхаваўчы, навучальны, асветніцкі, функцыя самаадукацыі і інш. Сэнс адукацыйнай функцыі даследчык бачыць у тым, што «бібліятэкі, садзейнічаючы розным відам адукацыі чытачоў, спрыяюць павышэнню іх культурнага ўзроўню, духоўнаму ўзбагачэнню чалавека, выхаванню навуковага светапогляду, умацаванню пазнавальнай цікавасці». Дзейнасць бібліятэкі грунтуецца на дасканалай метадычнай працы. Адным з такіх напрамкаў з'яўляецца выставачная дзейнасць [7, с. 54].

Выставачная зона з'яўляецца тым локусам у прасторы бібліятэкі, якая фармуе першае ўражанне і прыцягвае ўвагу да тэматыцы экспануемых матэрыялаў. Веданне асноўных законаў візуальнага ўспрымання і творчы падыход да вырашэння праблемы дазваляюць дасягнуць максімальнага эфекту. Даволі часта інтэр'ер бібліятэк з'яўляецца спадчынай савецкіх часоў. І толькі творчы падыход у афармленні выставачных стэндаў і тэматычных куткоў дазваляе прыцягнуць увагу чытачоў. Згодна з каляндарна-тэматычным планаваннем у дзейнасці бібліятэкі афармленне выставачных стэндаў прысвячаюць жыццю і творчасці выдатных пісьменнікаў, паэтаў; каляндарным датам; тэме фарміравання асноў здаровага ладу жыцця, патрыятычнаму, маральнаму, эстэтычнаму выхаванню, прывіццю экалагічнай культуры, гісторыка-культурнай спадчыне Беларусі. Аднак, якім бы камфортным не было прасторавае асяроддзе чытача, пытанне прывіцця цікавасці да чытання застаецца актуальным. Як адзначаў вядомы педагог Л. С. Выгоцкі: «Устойлівая цікавасць да чытання можа быць сфарміравана толькі ў тым выпадку, калі дзіця пастанйна акружана кнігамі і людзьмі, якія чытаюць» [2, с. 99].

Не менш актуальнае пытанне не толькі прывабнасці бібліятэкі як інфармацыйнага і сацыякультурнага інстытута, але і чытання. Сацыялагічнае даследаванне, якое насіла характар анкетавання, выявіла наступную тэндэнцыю: рэспандэнты ва ўзросце 15–18 гадоў (46%), ва ўзросце 19–22 (41%) выказаліся, што бібліятэку наведваюць рэдка, 24% не наведваюць і карыстаюцца паслугамі інтэрнэту. У анкетаванні прынялі ўдзел 62 чалавекі. 36 (54% апытаных) дзяўчыны і 26 (46%) юнакоў. 30 чалавек (51%) ва ўзросце 13–17 гадоў, 18 (29%) ва ўзросце 18–20 гадоў, 14 (20%) 20–22 гадоў. Адказы на першае пытанне выявілі наступныя дадзеныя «Ці наведваеце Вы бібліятэкі і як часта?» 25 чалавек (31%) выбралі варыянт «1 раз у месяц», 15 (24%) – «часам», 14 – (17%) «ніколі». На пытанне «З якой мэтай Вы наведваеце бібліятэку» атрыманы наступныя адказы: «Пошук дакумента, кнігі» 13 (34%) чалавека «Скарыстацца паслугамі копірайтэра» – 43 чалавека (61%), «Удзел у бібліятэчных мерапрыемствах» 6 чалавек (5%).

Наступнае пытанне датычылася матывацыі: «Прычына, па якой Вы НЕ наведваеце бібліятэку, альбо робіце гэта рэдка?» вызначылася наступнымі адказамі: 30 чалавек (47%) выбралі «Не прывучаны з дзяцінства да наведвання бібліятэк», 33 чалавека (54%) – «Не люблю чытаць», 27 чалавек (44%) – «Зручны пошук інфармацыі ў інтэрнэце», 8 чалавек (11%) – «Не маю часу». На пытанне «Якія формы работы былі б цікавыя Вам?» атрыманы адказы: «Гульні-квэсты» 34 чалавек (54%), «Майстар-класы па традыцыйных рамёствах» 14 чалавек (23%), «Відэа-экскурсіі па гістарычных мясцінах» 14 чалавек

(23%). Сярод прапаноў з боку рэспандэнтаў у пытанні паляпшэння якасці і прывабнасці бібліятэчнага абслугоўвання былі адзначаны наступныя: мастацкае афармленне інтэр'еру бібліятэкі (фота кніг, заніраванне чытальнай прасторы), правядзенне інтэрактыўных мерапрыемстваў, супрацоўніцтва з навукальнымі ўстановамі (каледж, універсітэт).

Такім чынам, сам факт прыцягнення падростаючага пакалення ў бібліятэкі з'яўляецца актуальным напрамкам у дзейнасці устаноў. Разам з тым з боку бібліятэк распрацоўка і прымяненне мэтавых праграм будучы акцэнтаваць увагу чытача на пэўных аспектах дзейнасці бібліятэкі. Падростаючае пакаленне з'яўляецца тым патэнцыялам, на які павінна быць звернута пільная ўвага. Яркае, вобразнае афармленне тэматычных куткоў і выстаў, перадавыя педагагічныя інавацыі здольныя прыкаваць увагу чытача, прывіць цікавасць да далейшага наведвання бібліятэчных устаноў і цеснай працы з кнігай.

Прэзентацыя гісторыка-культурнай спадчыны, у тым ліку традыцыйнай культуры, на базе бібліятэкі ва ўмовах сучаснага соцыуму павінна насіць сістэматычны, паслядоўны характар з выкарыстаннем крэатыўных і інавацыйных метадаў.

Даследуючы праблематыку папулярнага гісторыка-культурнай спадчыны ў цэлым і традыцыйнай культуры ў прыватнасці, гарадскімі і сельскімі публічнымі бібліятэкамі былі вывучаны планы прац Верхнядзвінскай, Браслаўскай, Полацкай, Шумілінскай, а таксама Наваполацкай цэнтралізаваных бібліятэчных сістэм (далей ЦБС). Увага звярталася на такія аспекты дзейнасці, як вядзенне краязнаўчых картатэк і баз дадзеных, выдавецкую і выставачную дзейнасць, наяўнасць мэтавых праграм па краязнаўстве і адраджэнню традыцыйнай культуры, дзейнасці краязнаўчых і гісторыка-патрыятычных клубаў, правядзенні тэматычных мерапрыемстваў, наяўнасці на базе бібліятэкі этнаграфічнай экспазіцыі (табл. 1.).

Табліца 1. – Колькасныя паказчыкі папулярнага гісторыка-культурнай спадчыны ў дзейнасці бібліятэк Верхнядзвінскага, Браслаўскага, Полацкага, Шумілінскага раёнаў і г. Наваполацка за 2016-2017 гг.

Назва раёну	Колькасць бібл. і філіялаў	Колькасць мэтавых праграм па краязнаўству, адраджэнню традыцыйнай культуры	Наяўнасць краязнаўчых, гісторыка-патрыятычных, клубаў для розных катэгорый насельніцтва	Наяўнасць этнаграфічнага кутка пры бібліятэцы
Верхнядзвінскі р-н	19	4	–	–
Браслаўскі р-н	17	8	4	5
Шумілінскі р-н	19	5	5	2
Полацкі р-н	35	8	2	1
г. Наваполацк	7	3	2	–

Спецыялізацыя бібліятэкі на пэўных кірунках сваёй дзейнасці знаходзіць адлюстраванні ў распрацоўцы мэтавых праграм. Галоўная місія падобных дакументаў заключаецца ў актуалізацыі ролі бібліятэкі па папулярнага кніг краязнаўчага характару; садзейнічанні захаванню духоўнай спадчыны беларускага народа, выхаванню патрыятызму і гонару за сваю Радзіму. Задачы праграм засяроджаны на наступных напрамках: выяўленне і сістэматызацыя краязнаўчых, гістарычных матэрыялаў, арганізацыя бібліяграфічнага і інфармацыйнага забеспячэння чытачоў па тэме мэтавай праграмы, павышэнне агульнаадукацыйнага і культурнага ўзроўню чытачоў, папулярнага беларускай мовы і літаратуры, каардынацыя працы з музеямі, Дамамі культуры, рамёстваў, грамадскімі аб'яднаннямі і арганізацыямі, фарміраванне этнаграфічных куткоў пры бібліятэцы, каардынацыя дзейнасці краязнаўчых, гісторыка-патрыятычных клубаў і гурткоў.

Верхнядзвінская, Браслаўская, Полацкая, Шумілінская, а таксама Наваполацкая цэнтралізаваныя бібліятэчныя сістэмы (далей ЦБС) складаюцца з цэнтральнай бібліятэкі і філіялаў. Так, у Верхнядзвінскай ЦБС налічваецца 19 бібліятэк, 4 з якіх працуюць па мэтавых праграмах, варта адзначыць, што 1 рэалізуецца ў Верхнядзвінскай цэнтральнай раённай бібліятэцы ім. Г. Хадкевіча, іншыя – у Нураўскай, Валынецкай сельскіх філіялах, а таксама ў Асвейскай горпаселкавай бібліятэцы № 2 ім. В. Рудага.

Браслаўская ЦБС прадстаўлена 17 бібліятэкамі. Мэтавыя праграмы па краязнаўстве і адраджэнню традыцыйнай культуры прадстаўлены ў цэнтральнай бібліятэцы г. Браслава, Богінскім, Друеўскім, Іказненскім, Мяжанскім, Плюскім, Пагасчанскім, Іказненскім філіялах.

Шумілінская ЦБС налічвае 19 бібліятэк. Мэтавыя праграмы функцыянуюць у Дабейскай, Кардонскай, Лаўжанскай, Мішкоўскай і Язвінскай сельскіх бібліятэках.

Полацкая ЦБС складаецца з 35 бібліятэк. Мэтавыя праграмы рэалізуюцца ў Полацкай цэнтральнай раённай бібліятэцы ім. Ф. Скарыны, бібліятэцы-філіяле № 2 ім. А. І. Герцэна, бібліятэцы-філіяле № 3 ім.

Я. Купалы, бібліятэцы-філіяле № 8, а таксама Гомельскай, Багатырскай сельскай бібліятэках, Шпакоўшчынскай сельскай бібліятэцы-клубе, Сільніцкай сельскай бібліятэцы-музеі этнаграфіі.

У Наваполацкую ЦБС уваходзіць 7 бібліятэк. Праблемамі адраджэння беларускай мовы і літаратуры займаюцца дзіцячая бібліятэка-філіял № 4 ім. А. Пушкіна, цэнтральная бібліятэка ім. В. Маякоўскага пазіцыянуе сусветную гісторыка-культурную спадчыну, бібліятэка-філіял № 8 у г.п. Баравуха мае гісторыка-патрыятычны кірунак.

У рамках рэалізацыі дзяржаўнай праграмы «Год культуры» (2016 г.) Цэнтралізаванай бібліятэчнай сістэмай Браслаўскага раёна была распрацавана мэтавая праграма па адраджэнню нацыянальнай культуры і краязнаўства. Мэтай дадзенай праграмы з'явілася актывізацыя дзейнасці бібліятэк у пытанні прапаганды гісторыі, традыцый і культуры малой Радзімы. Асноўнымі сродкамі ў рэалізацыі праграмы выступілі наступныя аспекты: выяўленне і сістэматызацыя матэрыялаў па гісторыі Браслаўшчыны, арганізацыя экскурсій у этнаграфічныя куткі бібліятэк, папаўненне экспазіцый новымі прадметамі, фарміраванне бібліяграфічных і інфармацыйных рэсурсаў па тэме мэтавай праграмы, папулярызацыя гісторыка-культурнай спадчыны рэгіёна шляхам арганізацыі кніжных выстаў, каардынацыя дзейнасці рэалізацыі праграмы з устаноўмі адукацыі. Напрамкі краязнаўчага выхавання – гісторыка-краязнаўчы, грамадзянска-патрыятычны, літаратурны. Формы і метады рэалізацыі праграмы – тыдзень беларускай пісьменнасці і друку, тыдзень патрыятызму, тыдзень роднай мовы, гістарычнае падарожжа, гістарычная пляцоўка, гадзіна народных традыцый, экскурсія ў этнаграфічны куток, этнаграфічны гульні [11].

Краязнаўчая дзейнасць бібліятэк накіравана на шырокі круг чытачоў, увага надаецца не толькі дзецям і падлеткам. Клуб «Я-палачанін» на базе бібліятэкі-філіяла ім. Герцэна г. Полацка сваёй дзейнасцю арыентаваны на сталую чытацкую аўдыторыю. Праграмы мерапрыемстваў утрымліваюць сустрэчы з гісторыкамі, краязнаўцамі, экскурсаводамі, майстрамі-рамеснікамі і г.д. Цеснае супрацоўніцтва з рэгіянальнымі цэнтрамі навукі, такімі як Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт, Нацыянальны полацкі гісторыка-культурны музей-запаведнік, дае магчымасць трансляваць інфармацыю аб найноўшых дасягненнях у археалогіі, этнаграфіі, музейнай справе і інш. Так, неаднаразова гасцямі сустрэч былі Дз. У. Дук, У. А. Лобач, П. І. Мішын, В. І. Мішына, У. А. Арлоў, Т.А. Джумантаева і інш. [12].

Пошук інавацыйных падыходаў магчымы і ў традыцыйных метадах бібліятэчнай дзейнасці, прыкладам таму з'яўляецца выставачная дзейнасць. Аднак стэлаж з кнігамі хутчэй будзе праігнараваны, калі не выкарыстоўваць пэўныя тэхналогіі яго афармлення. Асаблівасцю выставачнай дзейнасці Шумілінскай раённай бібліятэкі з'яўляецца прымяненне ў выставачных стэндах не толькі кніг як экспанатаў, але і тэкстылю, дэкарацый, тэматычных арыбутаў і г. д. Кніжная выстава пад назвай «Квітней, Беларусь» (2016 г.), прысвечаная Дню незалежнасці Рэспублікі Беларусь, візуалізуецца з дапамогай выкарыстання тэкстылю, экспанатаў, кветак, якія злучаюць выставачную кампазіцыю ў адзінае цэлае. Прысвячаючы выставу дэкаратыўна-прыкладному мастацтву, традыцыйным рамёствам Беларусі, выкарыстаны мастацкія ўзоры, вырабленыя з саломкі, дрэва, гліны. Такая падача матэрыялу дазваляе не толькі ўзбудзіць цікавасць да пазнання традыцыйнай культуры, але і паспрабаваць свае сілы ў майстэрстве вырабу прадметаў народнага побыту, дэкаратыўна-прыкладнога мастацтва. Так, падчас правядзення выставы, прысвечанай традыцыйным рамёствам Беларусі ў 2017 г., адбылася прэзентацыя творчых дасягненняў «Зіхаціць золатам саломка» майстра саломапляцення Наталлі Стержанковай. Знаёмства з галіновай літаратурай, удзел у майстар-класе дазваляе самым якасным чынам пазнаёміцца з вывучаемым матэрыялам. Падобныя мерапрыемствы праводзяцца і ў асяроддзі гарадскіх публічных бібліятэк. Так, на базе Наваполацкай ЦБС у 2016 г. прайшла выстава і майстар-клас «Матуліна лялька», на якой была прадстаўлена лялька не толькі як узор дэкаратыўна-прыкладнога мастацтва, прадмет з выключна ўтылітарнай функцыяй, але і як сакральны аб'ект напоўнены глыбокім сімвалізмам [13].

Удалым эксперыментам ў пытанні папулярызацыі сусветнай культурнай спадчыны стала рэалізацыя мэтавых праграмаў «Візуальная галерэя мастацтваў», «Свет мастацтва: прастора і час» на базе бібліятэкі ім. Маякоўскага, якая ўваходзіць у Наваполацкую цэнтралізаваную бібліятэчную сістэму. Адзін з праектаў меў сваёй асновай дэманстрацыю аўдыёвізуальных матэрыялаў, мэтай якога з'яўлялася прэзентацыя сусветнай музейнай спадчыны, а таксама агляд турыстычных славуцасяў краін і рэгіёнаў: «Імгненне вечнасці: музеі свету», «Турызм – рамантыка душы: мультымедыя – экскурсіі» [13].

Праца па папулярызацыі традыцыйнай культуры ў шэрагу бібліятэк цэнтралізаваных бібліятэчных сістэм рэалізуецца ў дзейнасці шматпрофільных аматарскіх аб'яднанняў і клубаў. Так, напрыклад, Полацкая цэнтральная бібліятэка ім. Ф. Скарыны ў рамках клуба «Фітатэрапія» прапануе лекцыі пра гаючыя ўласцівасці траў, паслугі фітабара, майстар-класы па вырабу традыцыйнай беларускай лялькі-матанкі («Скарбонкі», «Крупенечкі», «Граўніцы» «Пеленашкі», «Берагіні» і інш.), а таксама надае ўвагу традыцыйнаму беларускаму календару з акцэнтам на святкаванні Купалля, Сёмухі (Тройцы) [9].

Выкарыстанне такіх прыёмаў у педагагічнай рабоце бібліятэкі як «пазнанне-рух» рэалізуецца з дапамогай правядзення гульні-квэстаў. У рамках арганізацыі цыклу мерапрыемстваў, прысвечаных памятнай даце святкавання 500-годдзя беларускага кнігадрукавання, Цэнтральнай раённай бібліятэкай

ім. Францыска Скарыны г. Полацка была праведзена гульня-квэст арыентаванне – SkarynaVelaKvest. Гэта спартыўна-інтэлектуальная гульня ў межах гістарычнай часткі горада, маршрут быў прывязаны да такіх месцаў як помнік Францыску Скарыне, дзе ўдзельнік можа бачыць легендарнага першадрукара ў мантыі вучонага, помніка літары Ў, музея беларускага кнігадрукавання. Сродкам перамяшчэння быў абраны веласіпед [9].

Такім чынам, прэзентацыя гісторыка-культурнай спадчыны заклікае вырашыць некалькі задач: па-першае, з'яўляецца добрым стымулюючым асяроддзем для павышэння цікавасці як да чытання, так і спрыяе сацыялізацыі, акультурацыі, па-другое, садзейнічае фарміраванню ўстойлівай цікавасці да гісторыі, краязнаўству, а па-трэцяе, закладае асновы для далейшага спасціжэння нацыянальнага здабытку краіны з дапамогай выезду па турыстычных і экскурсійных маршрутах. Гэта акалічнасць павінна спрыяць падтрымцы ў развіцці ўнутранага турызму.

Актуальна пытанне дзейнасці бібліятэк (бібліятэк-клубаў) у сельскай мясцовасці, якія даволі часта з'яўляюцца адзінымі цэнтрамі асветы і арганізацыі вольнага часу, зносін на інтарэсах, месцам псіхалагічнай разрадкі.

Сацыяльна неадаптаваныя (інваліды, “складаныя” падлеткі і г. д.), маламаёмасныя грамадзяне, якія не маюць магчымасці выезду не толькі за мяжу з мэтай турызму, а таксама выезду на экскурсіі, набываюць выдатную магчымасць пазнаёміцца з культурна-гістарычнымі рэсурсамі раёна, рэгіёна, краіны.

Немалаважная праблема пашырэння спектру паслуг бібліятэкамі. Ключавым момантам з'яўляецца пытанне фінансавання. Асноўнымі крыніцамі выступаюць сродкі мясцовага бюджэту і сродкі саміх арганізацый. Гэта з'ява, у сваю чаргу, запавольвае фінансаванне праектаў. Узнікае аб'ектыўная складанасць у выкананні праграмы камп'ютарызацыі. Варта адзначыць, што, сучасная бібліятэка імкнецца ісці ў нагу з часам. Інфармацыйныя тэхналогіі адкрываюць новыя магчымасці для зносін з чытачом, у тым ліку з дапамогай віртуальнай прасторы (сацыяльныя сеткі). Карыстальнік мае магчымасць атрымаць онлайн-доступ да рэсурсаў бібліятэкі, да груп па інтарэсах. Такая форма работы мае перавагі, якія дазваляюць павялічыць чытацкую аўдыторыю, бо карыстальнікі дзеляцца інфармацыяй са сваім асяроддзем.

Такім чынам, перад сучаснай бібліятэкай стаіць шэраг задач: пашырэнне дыяпазону патэнцыйных спажыўцоў інфармацыйных паслуг; тэхнічнае перааснашчэнне бібліятэк; інтэрактыўныя метады работы з рознымі катэгорыямі насельніцтва; фарміраванне метадычнай базы; прыцягненне мэтавай аўдыторыі з дапамогай PR-кампаній; фарміраванне творчых майстэрняў на базе бібліятэк; інавацыйныя формы камунікацыі з чытачом (выязныя чытальныя залы, перасоўныя бібліятэкі).

Высновы. Сацыякультурную прастору Беларусі немагчыма ўявіць без дзейнасці бібліятэк, якія з'яўляюцца генератарамі сацыяльна-педагагічных і выхаваўчых задач. Бібліятэка – гэта інфармацыйны і сацыякультурны цэнтр горада, рэгіёна, краіны. Пазнанне лакальнай, рэгіянальнай і глабальнай гісторыі з'яўляецца важным кампанентам у фарміраванні рознабакова развітой асобы, а ўсведамленне нацыянальнага багацця краіны спрыяе выхаванню пачуцця патрыятызму і любові да Радзімы. Сацыяльна-педагагічная і выхаваўчая прастора сучаснай бібліятэкі гэта полікампанентная і поліфункцыянальная сістэма. Падтрымліваючы і ўмацоўваючы статус сацыяльна значнага інстытута, неабходны пастаянны пошук інавацыйных метадаў работы з рознымі катэгорыямі насельніцтва. Татальная інфарматызацыя і камп'ютэрызацыя, дамінаванне інтэрнэт-рэсурсаў у свядомасці падростаючага пакалення з'яўляюцца «бар'ерам» у вяртанні да друкаванага слова, бо пустыя залы бібліятэк могуць стаць пацярджэннем дадзенай з'явы. Выхаванне цікавасці да чытання з'яўляецца доўгачасовым планамерным працэсам. Недапрацоўкі ў гэтым кірунку на ўзроўні дзіцячага садка, пачатковай школы могуць прывесці да немінуемых наступстваў. Аднак новыя задачы вылучаюць і новыя падыходы да іх вырашэння. Бібліятэка, з'яўляючыся адзінкай інстытута культуры, выступае кансалідуючай платформай для супрацоўніцтва розных сацыяльных інстытутаў, такіх як адукацыя, культура, эканоміка са спажыўцом інфармацыйных паслуг – чытачом. Бібліятэка заклікана задавальняць маральныя, эстэтычныя, культурныя патрэбы чалавека. Прапаганда гісторыка-культурнай спадчыны, знаёмства і вывучэнне гісторыі роднага краю, краіны ў сценах бібліятэкі магчымы дзякуючы сімбіёзу творчасці і чытання, тэматычных сустрэч, віктарын, гульняў-квэстаў, творчых майстэрняў. У такіх умовах магчыма знаёмства з традыцыйнымі рамёствамі, дапоўненае чытаннем навукова-папулярнай літаратурай і, як вынік, замацаванне атрыманых ведаў з дапамогай вырабу прадметаў дэкаратыўна-прыкладнога мастацтва. Гурткова-клубная дзейнасць на базе бібліятэкі можа стаць дадатковым стымулам для яе наведвання і далучэння да гісторыі, культуры, мастацтва.

Гадавое каляндарна-тэматычнае планаванне ў абавязковым парадку змяшчае пералік мерапрыемстваў, якія прысвячаюцца мікрагісторыі рэгіёну. Распрацоўка бібліятэчных праектаў і мэтавых комплексных праграм спрыяе прафесійнаму мадэляванню дзейнасці і адкрывае новыя перспектывы. Аналіз мэтавых праграм і метадычных дакументаў дае падставу зрабіць высновы аб тым, што пытанню традыцыйнай культуры надаецца ўвага ў большай ступені ў раённых і сельскіх філіялах бібліятэк, у тым

ліку, дзе прысутнічае пастаянная тэматычная экспазіцыя. Праектаванне выставачных экспазіцый, якія адлюстроўваюць традыцыйны ўклад жыцця, уключае ў сябе аб'екты духоўнай культуры і нематэрыяльнай спадчыны, якія, у сваю чаргу, увасабляюцца ў правядзенні народных святаў традыцыйнага народнага календара беларусаў. Генерацыя аб'ектаў матэрыяльнай культуры з утылітарнай і сакральнай сферы больш даступна ў сельскім асяроддзі. Культурна-адукацыйная прастора бібліятэкі, дапоўненая музейнымі артэфектамі, пашырае сваю функцыянальную сутнасць. Аднак варта адзначыць, што такая праца не з'яўляецца ўсеабдымнай, бо толькі асобныя бібліятэкі галоўнай сваёй місіяй маюць прапаганду гісторыка-культурнай спадчыны. Гарадскія цэнтралізаваныя бібліятэчныя сістэмы першачарговай сваёй мэтай маюць прапаганду прававой адукацыі, экалагічнай і эстэтычнай культуры. Дадзеную з'яву можна растлумачыць тым, што ўмовы сучаснага горада актуалізуюць новыя напрамкі ў дзейнасці бібліятэк.

У адпаведнасці з дзяржаўнай праграмай «Культура Беларусі на 2016–2020 г.» перад бібліятэкамі ставіцца задача павелічэння колькасці наведванняў публічных бібліятэк, у тым ліку выдаленымі карыстальнікамі. У межах партнёрства з аб'яднаннямі і арганізацыямі відавочна пытанне павышэння ўвагі да такіх катэгорый насельніцтва, як сацыяльна-неадаптаваныя грамадзяне, “складаныя” падлеткі, і г. д. Рэалізацыя дадзенага кірунку заклікана садзейнічаць сацыялізацыі, акультурацыі, творчай сама-рэалізацыі, пашырэнню кола інтарэсаў і культурных патрэбаў розных катэгорый насельніцтва.

ЛІТАРАТУРА

1. Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб Культурцы ад 20 ліпеня 2016 г. [Электронны рэсурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 10.07.2017 г.
2. Громова, О.К. Развитие информационной культуры у детей в школьных и детских библиотеках / О.К. Громова. – СПб. : Профессия, 2009. – 208 с.
3. Ванев, А.Н. Библиотечное дело. Теория. Методика. Практика / А.Н. Ванев ; СПбГУКИ. – СПб. : Профессия, 2004. – 368 с.
4. Мамонтов, А.В. Краеведческая библиография / А.В. Мамонтов, Н.Н. Щерба. – М. : Книжная палата, 1989. – 215 с.
5. Мотульский, Р.С. Библиотека как социальный институт / Р.С. Мотульский. – Минск: Бел. гос. ун-т культуры, 2002. – С. 3–7, 13–230, 232–278, 332–374.
6. Выготский, Л.С. Собрание сочинений : в 6 т. / Л.С. Выготский ; гл. ред. А.В. Запорожец. – М. : Педагогика, 1982–1984. – Т. 4 : Детская психология / под. ред. Д.Б. Эльконина. – 1984. – 433 с.
7. Целевая программа по возрождению национальной культуры и краеведению на 2016–2017 гг. Друйской библиотеки-филиала №3 «Мой край – мае вытокі» Централизованной библиотечной системы Браславского района.
8. Целевая программа на 2016–2017 гг. Верхнедвинской центральной районной библиотеки имени Т. Хадкевича «Зямля, дзе пачаўся мой лёс».
9. Целевая программа по краеведению “Я-полочанин” библиотеки-филиала № 2 им. А. Герцена Полоцкой районной библиотечной системы.
10. Целевая программа на 2016–2018 гг. “Мир искусства: пространство и время” Центральной библиотеки им. В. Маяковского НЦБС
11. Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь / склад. В.Я. Абрамскі, І.М. Чарняўскі, Ю.А. Барысюк. – Мінск : БЕЛТА, 2009. – 684 с. : іл.
12. Мартыненко, И.Э. Понятие и состав историко-культурного наследия Республики Беларусь / И.Э. Мартыненко. – Гродно : ГрГУ, 2005. – 343 с.
13. План работы Полоцкой районной централизованной библиотечной системы на 2016–2018 гг.

Поступила 13.09.2017

STREAM HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF BELARUS IN THE ACTIVITIES OF PUBLIC LIBRARIES ON THE EXAMPLE OF INSTITUTIONS OF VITEBSK REGION

K. ANDREICHYK

The article considers the phenomenon of translation's cultural and historical heritage and public libraries of Belarus by the example of several districts of the Vitebsk region. The relevance of the question due to the study forms and methods of work, the use of which contributes to the formation of interest to explore and study historical and cultural heritage of the country. The results of the survey emphasize the need for careful attitude to the problem. Problem emphasis on innovative methods of presentation of the national heritage. The findings reflect the effectiveness of positioning heritage of Belarus in the activities of rural and urban public libraries.

Keywords: Local history, library, popularization of historical-cultural heritage, socio-pedagogical aspect.

УДК 069.01

**ВЫВУЧЭННЕ І АКТУАЛІЗАЦЫЯ НЕМАТЭРЫЯЛЬНАЙ КУЛЬТУРНАЙ СПАДЧЫНЫ
НАЦЫЯНАЛЬНЫМ ПОЛАЦКІМ ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНЫМ МУЗЕЕМ-ЗАПАВЕДНІКАМ
У 1991–2016 ГГ.****Д.У. ФІЛПЧЫК***(Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск)*

Даследуюцца выкарыстанне ў экспазіцыйна-выставачнай і культурна-адукацыйнай дзейнасці Нацыянальным Полацкім гісторыка-культурным музеем-запаведнікам элементаў нематэрыяльнай культурнай спадчыны ў 1991–2016 гг. Прыведзены галоўныя накірункі навукова-даследчай работы музея-запаведніка, звязаныя з нематэрыяльнай спадчынай. Даследаванне ўтрымлівае звесткі і прыклады формаў культурна-адукацыйнай дзейнасці музея, у якіх выкарыстоўваюцца элементы нематэрыяльнай культурнай спадчыны і якія спрыяюць захаванню і папулярызаванню гэтай спадчыны (экскурсіі, лекцыі, музейна-педагагічныя заняткі, майстар-класы, музейныя святы і тэматычныя праграмы-анімацыі). Паказана роля Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка ў актуалізацыі нематэрыяльнай спадчыны і яе захаванні.

Ключавыя словы: *нематэрыяльная культурная спадчына, Нацыянальны Полацкі гісторыка-культурны музей-запаведнік, культурна-адукацыйная дзейнасць музея, Музей традыцыйнага ручнога ткацтва Паазер'я, захаванне спадчыны.*

Уводзіны. Захаванне гісторыка-культурнай спадчыны з'яўляецца важнай і прыярытэтнай задачай дзяржавы і ўсяго беларускага грамадства. Неабходна захаваць не толькі матэрыяльныя праяўленні культуры (музейныя прадметы, помнікі археалогіі, архітэктуры і гарадскую забудову), але і спадчыну нематэрыяльную (звычаі, абрады, вусную народную творчасць, тэхналогіі і г.д.). З кожным годам, у тым ліку і ў нашай краіне, у справу вывучэння і захавання нематэрыяльнай культурнай спадчыны (далей – НКС) усё больш актыўна ўключаюцца музейныя ўстановы. Музеі займаюцца не толькі вывучэннем НКС, але і спрыяюць яе захаванню праз актуалізацыю гэтай спадчыны. Пад актуалізацыяй НКС будзем разумець выкарыстанне элементаў нематэрыяльнай спадчыны музеем у экспазіцыйна-выставачнай і культурна-адукацыйнай дзейнасці, па сродках чаго элементы НКС становяцца запатрабаванымі сучасным грамадствам.

Асаблівую ролю ў вывучэнні і актуалізацыі НКС адыгрываюць музеі-запаведнікі. Комплексны профіль музея дазваляе ажыццяўляць рознабаковую дзейнасць, скіраваную на вывучэнне, захаванне і папулярызаванне гісторыка-культурнай спадчыны, у тым ліку і НКС. Дадзеныя ўстановы могуць выкарыстоўваць музейныя прадметы, навукова-дапаможныя і сыравінныя матэрыялы ў мэтах “падтрымкі і развіцця народных мастацкіх рамёстваў, папулярызаванні і распаўсюджвання вырабаў народных мастацкіх рамёстваў, гістарычных традыцыйных тэхналагічных працэсаў гаспадарання, вытворчасці, прыгатавання асобных відаў прадуктаў харчавання нацыянальнай кухні” [1, с. 143]. Безумоўна, пры ўмове, што такая дзейнасць не стварае пагрозы захаванню музейных прадметаў, іх пашкоджання або страты.

У Рэспубліцы Беларусь на сённяшні дзень існуе тры музеі-запаведнікі. Гэта Нацыянальны Полацкі гісторыка-культурны музей-запаведнік (далей – НПГКМЗ), Гісторыка-культурны музей-запаведнік “Заслаўе” і Нацыянальны гісторыка-культурны музей-запаведнік “Нясвіж”. Ніжэй разгледзім дзейнасць НПГКМЗ па вывучэнні і актуалізацыі НКС у 1991–2016 гг.

На базе Полацкага краязнаўчага музея, які быў заснаваны ў 1926 г., у 1967 г. быў створаны гісторыка-археалагічны запаведнік. У 1990 г. ён быў перайменаваны ў гісторыка-культурны запаведнік, а з 1997 г. – у Полацкі гісторыка-культурны музей-запаведнік. 26 ліпеня 2000 г. музей атрымаў статус нацыянальнага [2, с. 9]. Як адзначыла дырэктар музея-запаведніка Т. А. Джумантаева, у 1985–2012 гг. музей-запаведнік пабудоваў трывалую структуру, якая адпавядае сучасным патрэбам музейнай інтэграцыі [3, с. 386]. На 2016 г. НПГКМЗ у сваёй структуры ўтрымлівае 11 музеяў (Краязнаўчы музей, Музей баявой славы, Музей-кватэра Героя Савецкага Саюза З.М. Тусналобавай-Марчанка, Музей гісторыі архітэктуры Сафійскага сабора, Музей беларускага кнігадрукавання, Музей-бібліятэка Сімяона Полацкага, Музей традыцыйнага ручнога ткацтва Паазер'я, Стацыянарная выстава “Прагулка па Ніжне-Пакроўскай”, Мастацкая галерэя, Дзіцячы музей, Прыродна-экалагічны музей) і 65 аб'ектаў, унесеныя у Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь, што патрабуе ад яго шматвектарнай дзейнасці [4, с. 80]. У чатырох з адзінаццаці філіялаў музея-запаведніка найбольш актыўна вядзецца праца з рознымі элементамі НКС. Гэта Краязнаўчы музей, Музей традыцыйнага ручнога ткацтва Паазер'я, Дзіцячы музей і Прыродна экалагічны музей.

Вывучэнне нематэрыяльнай культурнай спадчыны. Для максімальна эфектыўнага і навукова абгрунтаванага выкарыстання элементаў НКС у экспазіцыйна-выставачнай і культурна-адукацыйнай дзейнасці музея неабходна займацца вывучэннем і сістэматызацыяй гэтай спадчыны. Навукова-даследчая работа НППГКМЗ рэгламентуецца Палажэннем аб навукова-даследчай рабоце, якое было зацверджана дырэктарам музея-запаведніка. Згодна з ім адной з асноўных задач НППГКМЗ з’яўляецца “навукова даследчая дзейнасць у галіне беларускай гісторыі і культуры”, а сярод 18 накірункаў даследчай работы адзначаны накірунак “этнаграфія” [5, л. 1], які найбольш цесна звязаны з НКС.

Улічваючы музейную спецыфіку, як правіла, музейныя спецыялісты займаюцца вывучэннем не самой нематэрыяльнай спадчыны, а артэфактаў, што з гэтай спадчынай звязаныя. Але ў той жа час музеі арганізуюць гісторыка-этнаграфічныя экспедыцыі для выяўлення прадметаў музейнага значэння, падчас якіх фіксуюцца і элементы НКС. У разглядаемы перыяд экспедыцыйная дзейнасць НППГКМЗ не насіла шырокага характару. Былі арганізаваны тры працяглыя экспедыцыі па вывучэнні этнаграфічнай спадчыны Віцебскай вобласці (Пастаўскі, Полацкі, Верхнядзвінскі раёны). Першая экспедыцыя праходзіла ў Пастаўскім раёне з 12 па 18 ліпеня 1991 г. Мэтай даследчыкаў быў “працяг камплектавання калекцый, якія характарызуюць развіццё рамёстваў і промыслаў, сялянскага побыту” [6, л. 2]. Падчас экспедыцыі было абследавана 10 вёсак Камайскага і Палескага сельсаветаў і сабрана 72 прадметы (ручнікі, дываны, мэбля, кераміка, плеценыя вырабы, прылады працы, узоры дэкаратыўна-прыкладнога мастацтва і інш.) [7, л. 4]. Адметна тое, што экспедыцыя выявіла бытаванне гарбарнага рамяства ў в. Камаі. Майстар Лебедзь Мустафа Амуратавіч не толькі перадаў музейным супрацоўнікам прылады апрацоўкі скуры, але і пазнаёміў з тэхналогіяй іх апрацоўкі ў хатніх умовах, якая была падрабязна апісана і зафіксавана спецыялістамі [6, л. 3]. Экспедыцыя выявіла валоданне жыхарамі в. Палесе закладной тэхнікай ткацтва, а сярод вяскоўцаў у Свіранах – носьбіта выканальніцкага мастацтва народных песень.

З 7 па 12 жніўня 1991 г. супрацоўнікі НППГКМЗ арганізавалі экспедыцыю з мэтай вывучэння этнаграфічнай спадчыны Полацкага раёна. Былі абследаваны в. Астроўна і в. Жаўнова, зроблены падворны абыход 50 дамоў і сабрана 40 экспанатаў [8, л. 3]. У адрозненні ад папярэдняй накірункі збору матэрыяла гэтай экспедыцыі былі больш разнастайнымі: археалогія, народная архітэктура, сялянскі побыт, рамёствы і промыслы, фальклор [8, л. 2]. Зафіксаваны імёны і біяграфічныя звесткі майстроў (цесляры, бондары, рымары), выканальніц народных песень. Запісаны ўзоры народных песень, замоў, прыказак і прымавак, прыкмет, асаблівасці культуры харчавання і інш.

Апошняя за разглядаемы перыяд экспедыцыя праходзіла з 23 па 26 ліпеня 1993 г. у Верхнядзвінскім раёне. У выніку былі зафіксаваны этнаграфічныя звесткі аб развіцці рамёстваў рэгіёну і набыта 23 прадметы (ручнікі, дываны, карункі, прылады працы і інш.) [9, л. 4].

Іншы накірунак вывучэння НКС у музеі – гэта вывучэнне этнаграфічных калекцый. Паводле Канвенцыі 2003 г., да НКС адносяцца “звычаі, формы прадстаўлення і выражэння, веды і навыкі, а таксама звязаныя з імі інструменты, прадметы, артэфакты і культурныя прасторы, якія прызнаюцца супольнасцямі, групамі і, у некаторых выпадках, асобнымі людзьмі ў якасці часткі іх культурнай спадчыны” [10]. Дадзеныя інструменты, прадметы і артэфакты галоўным чынам згрупаваны ў этнаграфічныя калекцыі.

У НППГКМЗ у разглядаемы перыяд вывучэннем калекцый этнаграфіі і ўласна традыцыйнай культуры займаліся сістэматычна. У 1991 г. у зборніку тэзісаў дакладаў навуковых супрацоўнікаў НППГКМЗ па выніках навукова-даследчай працы былі апублікаваны два артыкулы. прысвечаныя вывучэнню НКС Віцебскай вобласці на падставе музейных калекцый. Гэта артыкулы “Ганчарства Віцебшчыны I пал. XX ст.” [11] і “Народнае ткацтва Віцебшчыны (савецкі перыяд)” [12, с. 9].

Публікацыі 1993 г. сведчаць аб тым, што цікавасць з боку музейных супрацоўнікаў да вывучэння традыцыйнай культуры не толькі захоўваецца, але і ўзрастае, наколькі колькасць артыкулаў, прысвечаных гэтай тэматыцы, павялічваецца. Па-ранейшаму вядзецца праца па вывучэнні і сістэматызацыі існуючых калекцый. Аб гэтым сведчаць артыкулы “Вырабы з саломы і лазы ў фондах ПГКЗ” [13] і “Калекцыя беларускай народнай керамікі ў фондах ПГКЗ. Каталог. Гістарыяграфія і бібліяграфія пытання” [14]. У той жа час супрацоўніцай НППГКМЗ Ж.У. Пасадскай вядзецца работа па вывучэнні народнага мастацтва г. Полацка і прылягаючых да яго вёсак (“Архітэктурны дэкор традыцыйнага дома – крыніца вывучэння народнай мастацкай традыцыі” [15]), семантыкі традыцыйнага дэкору пабудовы (“Адлюстраванне паганскага светапогляду ў арнаментальных кампазіцыях дэкора традыцыйных дамоў Полацка і яго наваколля” [16]).

У 1995 г. з’яўляюцца публікацыі, прысвечаныя беларускай народнай кераміцы [17, с. 25], у 1997 г. – вырабам з лазы і саломы. Адзначаецца, што дадзеныя калекцыі папаўняліся ў выніку збіральніцкай працы, навуковых экспедыцый, закупкі ў арганізацый і прыватных асоб [18, с. 80].

У 1998 г. надрукаваны артыкул Н.В. Філатавай, у якім аўтар намагаецца паказаць, што з дапамогай экспазіцыі Музея традыцыйнага ручнога ткацтва Паазер’я магчыма раскрыць тэму язычніцкай міфалогіі [19].

Зборнік Матэрыялаў навукова-практычнай канферэнцыі (па выніках навукова-даследчай работы НППКМЗ) за 1999 г. утрымлівае артыкулы, прысвечаныя калекцыі вырабаў з саломы і лазы, а таксама комплексу традыцыйнага касцюма. У 2000 г. у выніку далейшай распрацоўкі тэмы з’яўляецца ўступны артыкул да каталогу вырабаў з саломы і лазы, дзе змешчана інфармацыя аб гісторыі камплектавання калекцыі, геаграфіі паходжання вырабаў, развіцці саломы- і лозапляцення ў рэгіёне [20]. У гэтым жа годзе з’яўляецца падобная публікацыя Н. В. Філатавай, але прысвечаная калекцыі ручнікоў [21].

На пачатку XXI ст. на старонках выданняў НППКМЗ з’яўляюцца навуковыя артыкулы, прысвечаныя традыцыйнаму касцюму Паазер’я [22], яго абрадаваму прызначэнню [23], упрыгожванням транспартных сродкаў [14], ручнікам [24], абрусам [25].

У Полацкім музейным штогодніку за 2013 г. з’яўляецца публікацыя старшага навуковага супрацоўніка Музея традыцыйнага ручнога ткацтва Паазер’я Г. А. Шарох “Элементы традыцыйнага вяселля на Падзвінні ў вясельным абрадзе Музея ткацтва «Як зліліся дзве рэчаныкі...»” [26], прысвечаная выкарыстанню элементаў НКС у культурна-адукацыйнай дзейнасці музея. У гэтым жа зборніку апублікаваны артыкул Н. В. Філатавай, у якім разгледжаны мастацка-тэхналагічныя асаблівасці ўзорнага ткацтва ручнікоў з музейнага збору НППКМЗ [27].

Аktуалізацыя нематэрыяльнай культурнай спадчыны. Найбольш актыўна інтэрпрэтацыяй і захаваннем музеяў гісторыка-культурнага запаведніка займаецца Музей традыцыйнага ручнога ткацтва Паазер’я. Ён быў адчынены ў снежні 1998 г. Навуковая канцэпцыя музея распрацавана Н. В. Філатавай. У музеі на 2015 г. экспануецца 404 музейныя прадметы [2, с. 193].

Паводле навуковай канцэпцыі музей распавядае аб традыцыях ручнога ткацтва Беларускага Паазер’я, геаграфічна ахопліваючы тэрыторыю сучасных Верхнядзвінскага, Глыбоцкага, Докшыцкага, Міёрскага, Пастаўскага, Полацкага і Шаркаўшчынскага раёнаў Віцебскай вобласці. Задача музейнай экспазіцыі – раскрыць працэс стварэння тканых вырабаў к. XIX – пач. XX стст. У музеі “логіка развіцця ткацтва прадстаўляецца ў выглядзе жывога працэса, які працякае ў форме дыялога паміж прыродай і культурай, дзе нітка, выходзячы з прыроднай стыхіі, імкнецца да ўстойлівай, арганізаванай прасторы – тканіны” [28, с. 35].

Увесь працэс стварэння тканіны разглядаецца ў якасці рытуалу. Гэты працэс адлюстраваны ў трох экспазіцыйных залах: “Вырошчванне і апрацоўка лёну”, “Тэхнікі і віды ткацтва”, “Арнаментыка і семантыка ткацтва” [2, с. 189]. Першая зала знаёміць з гадавым цыклам апрацоўкі лёну, які падзелены на чатыры сезоны (вясна, лета, восень, зіма). У экспазіцыі прадстаўлены прылады працы, характэрныя для кожнага з сезонаў, лён (на розных стадыях апрацоўкі), фотаматэрыялы і г.д. Паказваючы асноўныя этапы апрацоўкі лёну, стваральнікі экспазіцыі прыводзяць прыказкі і прыкметы, звязаныя з гэтымі этапамі. Візуальна кожная падтэма абазначана габеленамі, якія колеравым вырашэннем і семантычна звязаны з пэўным сезонам і святам народнага календара [19, с. 94]. Другая зала музея прысвечана тэхнікам і відам ткацтва. Тут галоўным чынам прадстаўлены вырабы з лёну, узоры народных строяў, ільняныя рэчы ў інтэр’еры сялянскай хаты. Апошняя зала музея раскрывае глыбокі сэнс узораў арнаменту, якія змешчаны на тканых вырабах. Адна з задач гэтай залы – “падкрэсліць музейнымі прадметамі традыцыйную сямейную каляндарную абраднасць і характэрныя рысы арнаментыкі і семантыкі ў ткацтве, тыповыя для Паўночнай Беларусі” [29, с. 130]. У асобных вітрынах згрупаваны рэчы (галоўным чынам ручнікі), на якіх адлюстраваны ўзоры адной тэматыкі (ураджаю, дабрабыту, святаў і інш.). У сваю чаргу мадэль ткацкага рамяства прадстаўлена інсталяцый “Сусветнае дрэва”, якая сэнсава злучае залы музея, што знаходзяцца на розных узроўнях.

Якасная прэзентацыя элементаў НКС у экспазіцыі дапаўняецца актыўнай *выставачнай дзейнасцю*, прысвечанай нематэрыяльнай спадчыне. У апошнія гады праходзілі выставы, прысвечаныя традыцыйнаму беларускаму вяселлю (2009 і 2012 гг.), традыцыйнаму народнаму строю (2011 г.), музычным інструментам (2013 г.), асвятленню жылля (2013 г.), ткацтву (2014 г.), батлейцы (2015 г.), саломопляценню і вышыўцы (2016 г.), беларускай народнай ляльцы (2016 г.).

Традыцыі правядзення беларускага вяселля былі адлюстраваны на выставе пад назвай “Вяселле: традыцыі і сучаснасць”, якая праходзіла з 14 кастрычніка па 31 студзеня 2009 г. і была арганізавана сумесна з РМГА “Студэнцкае этнаграфічнае таварыства”. Адкрыццё суправаджалася выступленнем фальклорных гуртоў, частаваннем караваем, традыцыйнымі беларускімі гульнямі і танцамі [30]. Да гэтай жа тэмы музей звяртаўся ў 2012 г., калі з 3 мая па 14 чэрвеня праходзіла выстава “Як вілася свадзетка хмелем каля двара...” (з фондавай калекцыі Лепельскага дома рамёстваў). Наведвальнікі маглі азнаёміцца з рэканструкцыяй святочных і вясельных строяў беларусаў [31, с. 40].

Беларускаму традыцыйнаму строю была прысвечана выстава “Народны касцюм Заходняй Віцебшчыны” [32], якая праходзіла з 14 мая па 30 жніўня 2011 г.

Выстава “Інструмент народны, і вясёлы, і журботны...”, прысвечаная народным музычным інструментам і беларускай музычнай традыцыі, праходзіла ў маі – жніўні 2013 г. і была падрыхтавана супрацоўнікамі НППКМЗ сумесна з Браслаўскім раённым аб’яднаннем музеяў, Наваполацкім дзяржаўным му-

зычным каледжам і Полацкай дзіцячай школай мастацтваў. Экспанаваліся разнастайныя музычныя інструменты, але адметна тое, што наведвальнікі выставы мелі магчымасць пайграць на некаторых з іх, паўдзельнічаць у майстар-класе па вырабе музычнага інструмента [33].

Асаблівасцям асвятлення памяшканняў у ХХ ст. была прысвечана выстава “Пад лямпы дзіўнае святло...”, што праходзіла ў снежні 2013 – студзені 2014 гг. Дэманстраваліся асвятляльныя прыборы і калекцыя выцінанак пад назвай “Па сцяжынках народнага календара”, якая знаёміла наведвальнікаў з гадавым цыклам святаў народнага календара [34].

З 18 мая па 30 чэрвеня 2014 г. у Музеі традыцыйнага ручнога ткацтва Паазер’я праходзіла выстава “Пяшчота матчыных рук”. На выставе былі прадстаўлены працы сучасных майстроў, ручнікі з фондаў Цэнтра рамёстваў і нацыянальных культур г. Полацка, Музея нацыянальных культур “Вытокі” Наваполацкага дзяржаўнага прафесійнага ліцэя будаўнікоў [35].

У каляндны перыяд 2015/2016 гг. у музеі праходзіла выстава пад назвай “Таямніцы батлеечнай скрыні”, на якой былі прадстаўлены калекцыя батлеечных лялек, батлеечныя скрыні Народнага тэатра лялек “Капялюш” Цэнтра рамёстваў і традыцыйнай культуры г. Наваполацка [36]. Адметнасцю выставы з’яўляецца тое, што падчас яе правядзення адбылася святочная імпрэза “Батлейка-батлея – чароўная дзея!”, якая праходзіла ў выглядзе сустрэчы з кіраўніком Народнага тэатра лялек і паказам батлеечнага спектакля.

З 22 лютага па 30 красавіка 2016 г. у музеі прайшла выстава пад назвай “Свет жаночага майстэрства”, на якой былі прадстаўлены наступныя віды дэкаратыўна-прыкладнага мастацтва: саломаліценне, аплікацыя з саломкі, вышыўка. Выстава арганізавалася сумесна з удзельнікамі Народнага клуба “Майстар” Полацкага раённага цэнтра рамёстваў і нацыянальных культур [37].

З 18 мая па 30 ліпеня 2016 г. праходзіла выстава “Лялька: абярог, гульня, памяць”. Была прадстаўлена калекцыя лялек клуба фальклорнай і народнай лялькі “Папараць-кветка”, што дзейнічае пры Беларускай нацыянальнай тэхналагічным універсітэце [38]. Традыцыйны беларускі строй і міфалогія былі адлюстраваны праз дзіцячую і абрадавую ляльку.

Папулярызацыі і захаванню нематэрыяльнай спадчыны садзейнічае шырокі спектр *формаў культурна-адукацыйнай дзейнасці* Музея традыцыйнага ручнога ткацтва Паазер’я. Гэта экскурсіі (у тым ліку і тэматычныя), лекцыі, музейна-педагагічныя заняткі, майстар-класы, музейныя святы і тэматычныя праграмы-анімацыі. Ніжэй разгледзім найбольш удалыя прыклады выкарыстання розных форм культурна-адукацыйнай дзейнасці музея, звязанай з НКС.

Тэматыка НКС уключана ў аглядную экскурсію па музеі, што абумоўлена экспазіцыйнай музея, прынцыпамі і метадамі яе пабудовы. У той жа час звычайную экскурсію можа зрабіць больш цікавай для наведвальнікаў уключэннем у яе дадатковай інфармацыі аб НКС. Так, у снежні 2011 – студзені 2012 гг. музей прапаноўваў сямейную экскурсію пад назвай “Вячоркі-супрадкі”, якая суправоджалася майстар-класам па выцінанцы.

Больш грунтоўна з нематэрыяльнай спадчынай магчыма пазнаёміцца на музейнай лекцыі. Лекцыі ў Музеі традыцыйнага ручнога ткацтва Паазер’я вельмі часта дапаўняюць сустрэчы з носьбітамі НКС, даследчыкамі ў гэтай галіне, народнымі калектывамі. Шмат лекцыйных мерапрыемстваў праходзіць у межах дзейнасці так званага клуба выхаднага дня (шэраг мерапрыемстваў, скіраваных на забеспячэнне баўлення вольнага часу ў межах музейнай установы). Клуб выхаднага дня прапануе разнастайныя сустрэчы, на якіх разглядаюцца тэмы, прысвечаныя традыцыйнай культуры. Так, у жніўні-верасні 2013 г. прайшлі сустрэчы-лекцыі па наступных тэмах: “Інструмент народны, і вясёлы, і журботны...” (суправоджалася іграй на дудзе і майстар-класам па народных танцах), “Лялькі з куфэрка бабкі Агапкі” (суправоджалася майстар-класам па стварэнні лялькі-скруткі), “Беларуская вышыванка” (майстар-клас па вышыўцы), “Беларускі пояс – зручны і прыгожы” (майстар-клас па пляценні пояса) [39].

У верасні 2013 г. была прачытана лекцыя загадчыка філіяла Веткаўскага музея народнай творчасці імя Ф.Р. Шклярава ў Гомелі П.М. Цалкі. Тэма – “Ткацтва як стварэнне свету і лёсу. Семантыка тэхналогіі і кампазіцыі рэчы, як мадэль культурнай прасторы”. Асаблівасць сустрэчы ў тым, што мерапрыемства завяршылася майстар-класам па ткацтве [40].

У красавіку 2014 г. адбылося дзве лекцыі. Адна – з удзелам выкладчыкаў Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта пад назвай “Традыцыі беларускага вяселля” праходзіла ў выглядзе лекцыі-размовы, што раскрыла розныя аспекты падрыхтоўкі і правядзення традыцыйнага беларускага вяселля [41]. Другая лекцыя пад назвай “Ткацтва як цэлы свет” была прачытана кандыдатам мастацтвазнаўства, спецыялістам па традыцыйнай культуры, даследчыкам народнага тэкстылю В.А. Лабачэўскай. Падчас мерапрыемства адбылася прэзентацыя кнігі “Белорусский народный текстиль: художественные основы, взаимосвязи, новации”.

Тэматыка лекцый разнастайная і закранае розныя бакі традыцыйнай культуры і НКС. 31 мая 2014 г. адбылася сустрэча “Зоркі жывуць у арнаменце”. На сустрэчы супрацоўнік НАН Рэспублікі Беларусь Ц.В. Авлін прачытаў лекцыю, прысвечаную беларускім народным назвам зорак і сузор’яў, іх адлюстра-

ванню і месцы ў традыцыйным беларускім арнаменце [42]. А 29 кастрычніка 2016 г. выкладчыкамі Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта была прачытана лекцыя пад назвай “Дзяды vs Хэлоўін: святкуй сваё!”, прысвечаная гісторыі свята ўшанавання продкаў “Дзяды” [43]. 22 снежня гэтага ж года адбылася прэзентацыя “Каляднай батлейкі”. Наведвальнікі мерапрыемства ўбачылі батлеечны спектакль “Цар Ірад”, праслухалі лекцыю аб паходжанні батлейкі і традыцыйных сюжэтах батлеечных спектакляў [44].

Супрацоўнікамі Музея традыцыйнага ручнога ткацтва Паазер’я распрацаваны і музейна-педагагічныя заняткі. Адзін з іх пад назвай “Калядная батлейка” прадугледжвае знаёмства з гісторыяй батлейкі і гісторыяй свята “Каляды” [45], а таксама спалучаецца з праглядам батлеечнага спектакля.

Майстар-клас, як было паказана вышэй, у якасці спосаба дэманстрацыі элементаў НКС часцей за ўсё спалучаецца з іншымі формамі культурна-адукацыйнай дзейнасці, але можа выкарыстоўвацца самастойна. У розныя гады ў музеі арганізаваліся майстар-класы па ўпрыгожванню велікодных яек, вышыўцы, ткацтве, саломалляцтве і інш. Майстар-класы праходзяць з удзелам носьбітаў НКС, якія ў межах музейнай установы дзеляцца сваімі ўменнямі і майстэрствам. У кастрычніку 2014 г. адбыўся майстар-клас па дэкаратыўна-прыкладным мастацтве пад назвай “А нітка цуд стварае” з удзелам майстрыцы з в. Захарнічы Полацкага раёна Святланы Іванаўны Пугачовай [46]. У маі таго ж году ў Музеі традыцыйнага ручнога ткацтва Паазер’я была арганізавана творчая сустрэча з носьбітам НКС, народным майстрам па ткацтве Р.І. Язерскас [35, с. 38]. А таксама прайшло музейнае мерапрыемства (у выглядзе майстар-класу) “Сяўба лёну” [35, с. 43]. Класічная музейная экскурсія дапоўнілася майстар-класам для школьнікаў па пасеве лёну.

Найбольш масавыя мерапрыемствы, падчас якіх папулярныя і актуалізуюцца НКС, – музейныя святы. Яны праходзяць альбо ў выглядзе сустрэч-вечарын, або спалучаюцца з асноўнымі святамі народнага календара.

Да прыкладу, 18 мая 2013 г. у музеі праходзіла дударская сустрэча-вечарына “Зайграй, зайграй, дудар!”. Магчыма было пачуць народныя спевы ў выкананні гурта “Варган”, дударскую музыку. Гурт дзейнічае з 2011 г. пры Полацкім дзяржаўным ўніверсітэце і стала займаецца захаваннем і аднаўленнем аўтэнтчных беларускіх абрадаў, танцаў, спеваў. Сумесна з супрацоўнікамі музея “Варган” удзельнічаў у правядзенні такіх святаў як Каляды, Гуканне вясны і Купалле [47].

17 студзеня 2015 г. прайшла сустрэча-вечарына “З кім век векаваць?”, на якой сумесна з гуртом архаічных спеваў “Княжыч” удзельнікі правялі калядныя варожбы. А вось у маі 2016 г. музейныя супрацоўнікі арганізавалі сустрэчу-вечарыну пад назвай “Як у хаце пры лучыне дзеўкі грошы палічылі...”. Мэта мерапрыемства – знаёмства са стаўленнем да грошай у беларускім традыцыйным грамадстве. Для максімальна поўнага раскрыцця тэмы былі выкарыстаны розныя элементы НКС (прыказкі, прымаўкі, замовы і варажба, прыпеўкі, гульні) [48].

Музейныя святы, якія спалучаюцца з народным календаром, ператварыліся ў сталую практыку і карыстаюцца найбольшым попытам сярод наведвальнікаў. Галоўным чынам гэта музейныя святы “Ехала Каляда з Полацку” і “Гуканне вясны”. У розныя гады праводзіліся таксама святы пад назвай “Мясоедная вяселіца”, “Купалле”, “Пакроўскі кірмаш” і інш.

Фальклорнае свята “Ехала Каляда з Полацка...” ладзіцца ў музеі штогод, як правіла, мерапрыемства ажыццяўляецца сумесна са студэнцкім фальклорным гуртом “Варган” [31, с. 46]. НКС тут прадстаўлена спевамі, святочнымі пажаданнямі, традыцыйнымі каляднымі гульнямі, варажбой і інш. У апошнія гады ўсё гэта дапаўняецца батлеечным спектаклем “Цар Ірад”.

Своасаблівай традыцыяй стала правядзенне ў сакавіку кожнага года свята “Гуканне вясны” (сумесна са студэнцкім фальклорным гуртом “Варган” [49]). Традыцыйныя гульні і карагоды падчас свята дапаўняюцца магчыма для наведвальнікаў музея паўдзельнічаць у майстар-класе па вырабе “веснавых птушак”.

У кастрычніку 2012 г. у Музеі традыцыйнага ручнога ткацтва Паазер’я прайшло фальклорнае свята “Пакроўскі кірмаш”, якое было арганізавана музеем сумесна з дзіцячым фальклорным калектывам “Лецейка”. Пры правядзенні мерапрыемства выкарыстоўваліся ўзоры мясцовага фальклору і традыцыйнай культуры харчавання.

Тэматычныя праграмы-анімацыі з’яўляюцца спецыфічнай формай прэзентацыі НКС і, як правіла, праводзяцца непасрэдна па замове. З 2007 г. музей прапануе жадаючым стаць удзельнікамі вясельнага абраду пад назвай “Як зліліся дзве рэчанькі” [50]. Супрацоўнікі Музея традыцыйнага ручнога ткацтва Паазер’я выкарысталі пры распрацоўцы тэматычнай праграмы-анімацыі элементы НКС на навуковай аснове. Былі выкарыстаны не толькі спецыяльныя даследаванні, але і этнаграфічны матэрыял рэгіёну (у прыватнасці, запісы старшага навуковага супрацоўніка Г.А. Шарох) [31, с. 233]. Абрад “Як зліліся дзве рэчанькі” не з’яўляецца дэталёвай і дакладнай рэканструкцыяй вясельнага абраду, але дэманструе такія яго элементы, як адорванне, абыход, закладанне “рагаткі”, традыцыйныя гульні. У той жа час характэрныя элементы абраду адаптаваны да музейнай прасторы: абыходзяць не стол, а інсталяцыю “Сусветнае дрэва”, адорваюць не традыцыйнымі падарункамі, а сучаснымі вырабамі і ў жартаўлівай форме. Адапта-

цыя да ўмоў музея змяняе элемент НКС, але ў той жа час дазваляе яго актуалізаваць, упісаць у сучасную традыцыю правядзення вяселля.

Прыродна-экалагічны музей. На першы погляд можа падацца, што музеі прыродазнаўчага профіля найменшым чынам звязаны з НКС і не выкарыстоўваюць гэту спадчыну ў сваёй дзейнасці. Прыклад Прыродна-экалагічнага музея абвяргае гэту думку. У навуковай канцэпцыі музея адзначаецца, што “Музей прыроды ствараецца з мэтай знаёмства наведвальнікаў з асаблівасцямі мясцовай прыроды і яе багаццямі, характарыстыкай прыроды ў якасці геаграфічнага асяроддзя, у якім разгортваецца вытворчая дзейнасць людзей, што змяняе і ператварае прыроду” [51, с. 15]. Адлюстроўваючы вытворчую дзейнасць, якая ператварае прыроду, супрацоўнікі музея змаглі ўдала выкарыстаць элементы НКС, а ў прыватнасці традыцыйныя рамёствы. Так, на выставе “Прырода ў руках майстроў” (працы навучэнцаў Тэхналагічнага каледжа г. Віцебска) [31, с. 34], якая праходзіла з 8 лютага па 24 сакавіка 2012 г., акрамя мастацкіх прац з прыродных матэрыялаў, былі прадстаўлены традыцыйныя вырабы беларускіх рамёстваў (з гліны, лазы, ільну).

Супрацоўнікі музея змаглі выкарыстаць і, здавалася б, рэдкую ў музейнай інтэрпрэтацыі НКС такую яе вобласць, як вусныя традыцыі і формы выражэння, у прыватнасці казкі. У 2014 г. з 8 студзеня па 5 лютага ў Прыродна-экалагічным музеі праходзіла выстава “Жывёлы з зімовых казак”. Выстава дала магчымасць азнаёміцца з прыродным абліччам персанажаў зімовых казак, у тым ліку і беларускіх народных. Для поўнага раскрыцця тэмы на выставе былі прадстаўлены і прадметы побыту, якія фігуруюць у тэкстах казак, але не сустракаюцца ў сучасных інтэр’ерах [35, с. 31].

Выкарыстанне элементаў НКС Прыродна-экалагічным музеем не абмяжоўваецца дэманстрацыяй музейных прадметаў, звязаных з гэтай спадчынай, але ўключае і актыўныя формы прадстаўлення. Так, да Міжнароднага дня музеяў 18 мая 2014 г. Прыродна-экалагічны музей арганізаваў майстар-клас па саломалляцтве, які правяла Л.М. Шайтар, майстар Полацкага раённага Цэнтра рамёстваў і нацыянальных культур. Майстар-клас праходзіў у выставачнай зале, дзе ў той час дэманстравалася выстава “Залатое пляценне” [35, с. 38]. Як бачна, музеі прыродазнаўчага профіля здольны выкарыстоўваць элементы НКС у экспазіцыйна-выставачнай і культурна-адукацыйнай дзейнасці.

У **Краязнаўчым музеі** ў экспазіцыі раздзел, прысвечаны традыцыйнай культуры, займае асобнае месца ў выглядзе рэканструкцыі інтэр’ера сялянскай хаты з сенцамі. Гэта тэматычная частка экспазіцыі носіць назву “Сялянскі побыт” і дэманструе прадметы пач. ХХ стагоддзя [2, с. 48]. Экспануюцца поспілки, ручнікі, адзенне, керамічныя, саламяныя вырабы. На базе музея праходзяць музейна-педагагічныя заняткі, якія знаёмяць з НКС (напрыклад, занятак “Паўгадзіны ў сялянскай хаце”) [52].

Дзіцячы музей, адчынены ў 2004 г., выкарыстоўвае ў сваёй культурна-адукацыйнай дзейнасці элементы НКС, хаця і ў нязначнай ступені. У кастрычніку 2014 г. на базе музея прайшло мерапрыемства пад назвай “Казкі з музейнага куфра”, падчас якога ў гульнявой форме школьнікі знаёміліся з сюжэтамі беларускіх народных казак і казак народаў свету. Расказ дапаўняўся прадметамі, што ўзгадваюцца ў казках і гульнямі [35, с. 42]. З традыцыйнымі беларускімі гульнямі наведвальнікі Дзіцячага музея маглі пазнаёміцца, наведваюшы яго летам таго ж года. Удзельнікі музейна-педагагічнага занятка маглі даведацца аб гісторыі баўлення вольнага часу і паўдзельнічаць у гульнях “Дзеці”, “Пацяг”, “Адгадай назвы ягад і зёлак”, “Хлебныя словы”, “Мы збіраем садавіну” і інш. [53].

Падчас навуковай канферэнцыі “Культура Беларусі: рэаліі сучаснасці” на круглым stole “Кіраўнічыя практыкі і маркетынговыя камунікацыі ў музейнай дзейнасці” дырэктарам НППКМЗ Т. А. Джумантаевай была выказана ідэя стварэння ў будучым шэрагу іншых музеяў (старага горада, зброі, археалогіі, ганзейскага гандлю, знакамітых палачан, літаратуры, народнай медыцыны) [3, с. 386]. Стварэнне новых музеяў у будучым (асабліва музея народнай медыцыны) дазволіць яшчэ больш пашырыць выкарыстанне НППКМЗ элементаў НКС у сваёй дзейнасці.

Заклучэнне. На падставе прааналізаванага матэрыялу неабходна адзначыць, што ў НППКМЗ у разглядаемы перыяд актыўна і паслядоўна займаліся вывучэннем НКС. Галоўныя накірункі навукова-даследчай работы музея-запаведніка, звязаныя з НКС, – гэта вывучэнне этнаграфічных калекцый і экспедыцыйная дзейнасць. Найбольшая ўвага музейнымі спецыялістамі надавалася вывучэнню калекцый, звязаных з традыцыйнымі рамёствамі, – ткацтвам, ганчарствам, саломалляцтвам і лозалляцтвам.

Максімальна эфектыўна і якасна ў экспазіцыйна-выставачнай і культурна-адукацыйнай дзейнасці НКС выкарыстоўвалася ў Музеі традыцыйнага ручнога ткацтва Паазер’я. У музеі прадстаўлены і выкарыстоўваюцца амаль ўсе вобласці НКС: вусныя традыцыі і формы выражэння (прыказкі, прыкметы, забавы, варожбы), выканальніцкія мастацтвы (гурт “Варган”, які выконвае падчас музейных святаў аўтэнтчныя спевы Падзвіння), традыцыйныя цырымоніі (музейнае свята “Ехала Каляда з Полацку”, тэматычная праграма-анімацыя “Як зліліся дзве рэчанькі”), светапогляд людзей і міфалогія (намаганне раскрыць у экспазіцыі і агляднай экскурсіі семантыку ўзораў арнамента, язычніцкія вобразы), традыцыйныя рамёствы (ткацтва і цыкл апрацоўкі лёну).

Выставачная дзейнасць Музея традыцыйнага ручнога ткацтва Паазер'я, якая адлюстроўвае НКС рэгіёна, сведчыць аб магчымасцях музейных устаноў шырока выкарыстоўваць элементы НКС у сваёй дзейнасці. Выставы музея знаёмяць не толькі з элементамі НКС, якія звязаны з апрацоўкай лёну і ткацтвам, але ахопліваюць розныя бакі традыцыйнай культуры рэгіёна. Адкрыццё выстаў часта суправаджаецца майстар-класамі, якія дазваляюць наведвальнікам засвоіць элементы НКС і стаць, у пэўнай ступені, іх носьбітамі. А гэта, у сваю чаргу, спрыяе захаванню НКС.

Захаванню і папулярызацыі нематэрыяльнай спадчыны спрыяюць разнастайныя формы культурна-адукацыйнай дзейнасці музея, у якіх выкарыстоўваюцца элементы НКС, – экскурсіі (у тым ліку і тэматычныя), лекцыі, музейна-педагагічныя заняткі, майстар-класы, музейныя святы і тэматычныя праграмы-анімацыі.

Прыклад НПГКМЗ (Прыродна-экалагічны музей) сведчыць аб тым, што ў сваёй дзейнасці НКС могуць выкарыстоўваць не толькі музеі этнаграфічнага профілю або комплексныя музеі, але нават і прыродазнаўчыя.

Актыўнае выкарыстанне музеям нематэрыяльнай спадчыны спрыяе актуалізацыі гэтай спадчыны ў сучасным грамадстве, а значыць і яе далейшаму захаванню. Элементы НКС, удала і на навуковай аснове ўжытыя ў музейнай дзейнасці, робяць формы культурна-адукацыйнай дзейнасці ўстановаў больш разнастайнымі і прыцягальнымі для наведвальнікаў, аглядную экскурсію па музеі – інтэрактыўнай, узаемадзеянне з музейнай аўдыторыяй – больш эфектыўным. Актуалізацыя элементаў НКС дае магчымасць фарміраваць на іх падставе нацыянальна-культурную ідэнтычнасць, пачуццё патрыятызму і культурнай адметнасці ўласнага рэгіёна (асабліва ў малодшых наведвальнікаў музея).

ЛІТАРАТУРА

1. Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб культуры : прыняты Палатай прадстаўнікоў 24 чэрв. 2016 г.: адобраны Саветам Рэспублікі 30 чэрв. 2016 г. : уступае ў сілу з 3 лютага 2017 г. – Мінск : Нацыянальны цэнтр прававой інфармацыі Рэспублікі Беларусь, 2016. – 270 с.
2. Музеі Полацка = Музеи Полоцка = Polotsk museums : фотаальбом / аўтар тэксту і ўклад. Т.А. Джумантаева ; пер. на англ. мову: Н.А. Далжонак ; фота: І.У. Супранёнак. – Мінск : Беларусь, 2015. – 332 с.
3. Джумантаева, Т.А. Стратэгія захавання культурнай спадчыны Полацка як фактар устойлівага развіцця музея-запаведніка / Т.А. Джумантаева // Культура Беларусі: рэаліі сучаснасці : матэрыялы Міжнароднай навука-практ. канф., Мінск, 12 – 13 чэрв. 2012 г. / уклад.: А.А. Галкін, І.Р. Голубева ; рэдкал.: І.І. Крук (гал. рэд.), А.А. Галкін, І.Р. Голубева. – Мінск : Ін-т культуры Беларусі, 2012. – С. 384–391.
4. Джамунтаева, Т.А. Музеяграфічны агляд з нагоды 30-годдзя самастойнасці Полацкага музея-запаведніка / Т.А. Джамунтаева // Искусство и культура : науч.-практ. журнал. – Витебск, 2015. – № 4. – С. 75–81.
5. Палажэнне аб навукова-даследчай дзейнасці НПГКМЗ // Навуковы архіў НПГКМЗ. – Л. 3.
6. Ласточкина, Л.В. Отчет о работе историко-бытовой экспедиции на территории Поставского района / Л.В. Ласточкина // Навуковы архіў НПГКМЗ. – Л. 5.
7. Список экспонатов, приобретенных экспедицией Полоцкого историко-культурного заповедника в населённых пунктах Поставского района Витебской области // Навуковы архіў НПГКМЗ. – Л. 4.
8. Ласточкина, Л.В. Отчет о работе историко-этнографической экспедиции на территории Островщинского сельсовета Полоцкого района / Л.В. Ласточкина // Навуковы архіў НПГКМЗ. – 7 л. (л2)
9. Список экспонатов, приобретенных экспедицией Полоцкого историко-культурного заповедника в населённых пунктах Верхнедвинского района Витебской области // Навуковы архіў НПГКМЗ. – Л. 4.
10. Text of the Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage [Electronic resource] // Official website of The United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. – Mode of access: <http://www.unesco.org/culture/ich/index.php?lg=en&pg=00006>. – Date of access: 10.10.2014.
11. Краско, О.Д. Гончарство Витебщины I пол. XX в. / О.Д. Краско // Тэзісы дакладаў навуковых супрацоўнікаў ПГКЗ па выніках працы навука-практыч. канф. 1989, 1990 г. – Полацк : ПГКЗ, 1991. – С. 6–7.
12. Лугина, Н.Г. Народное ткачество Витебщины (советский период) / Н.Г. Лугина // Тэзісы дакладаў навуковых супрацоўнікаў ПГКЗ па выніках працы навука-практыч. канф. 1989, 1990 г. – Полацк : ПГКЗ, 1991. – С. 8–9.
13. Пельх, В.А. Изделия из соломы и лозы в фондах ПИКЗ / В.А. Пельх // Тэзісы дакладаў навуковых супрацоўнікаў ПГКЗ па выніках працы навука-практыч. канф. 1991, 1992 г. – Полацк : ПГКЗ, 1993. – С. 22–23.
14. Ушакова, Е.А. Коллекция поддужных колокольчиков в фондах НПИКМЗ / Е.А. Ушакова // Матэрыялы навука-практыч. канф. : па выніках навука-даследч. работы ў 2005 г. / уклад. Т.А. Джумантаева – Полацк : НПГКМЗ, 2006. – С. 136–142.
15. Посадская, Ж.В. Архитектурный декор традиционного дома – источник изучения народной художественной традиции / Ж.В. Посадская // Тэзісы дакладаў навуковых супрацоўнікаў ПГКЗ па выніках працы навука-практыч. канф. 1991, 1992 г. – Полацк : ПГКЗ, 1993. – С. 4–5.
16. Посадская, Ж.У. Адлюстраванне паганскага светапогляду ў арнаментальных кампазіцыях дэкора традыцыйных дамоў Полацка і яго наваколя / Ж.У. Посадская // Тэзісы дакладаў навуковых супрацоўнікаў ПГКЗ па выніках працы навука-практыч. канф. 1991, 1992 г. – Полацк : ПГКЗ, 1993. – С. 28–29.
17. Ушакова, Е.А. Коллекция белорусской народной керамики в фондах ПИКЗ. Каталог. Историография и библиография вопроса / Е.А. Ушакова // Тэзісы дакладаў навуковых супрацоўнікаў ПГКЗ па выніках працы навука-практыч. канф. 1991, 1992 г. – Полацк : ПГКЗ, 1993. – С. 25.

18. Ушакова, Е.А. Коллекция изделий из лозы и соломы в фондах ПИКМЗ. Историография. Объём, состав, структура каталога / Е.А. Ушакова // Матэрыялы навук.-практыч. канф. па выніках навук.-даследч. работы ў 1997 г. / уклад. Т.А. Джумантаева. – Полацк : ПГКМЗ, 1998. – С. 75-82.
19. Філатава, Н.В. Вобразы язычніцкай міфалогіі (на аснове тэматычнай структуры I і II залаў Музея ткацтва) / Н.В. Філатава // Матэрыялы навук.-практыч. канф. па выніках навук.-даследч. работы ў 1997 г. / уклад. Т.А. Джумантаева. – Полацк : ПГКМЗ, 1998. – С. 93-96.
20. Ушакова, Е.А. Коллекция изделий из соломы и лозы / Е.А. Ушакова // Матэрыялы навук.-практыч. канф. па выніках навук.-даследч. работы ў 1999 г. / уклад. Т.А. Джумантаева. – Полацк : НПГКМЗ, 2000. – С. 56-61.
21. Філатава, Н.В. Тэматычны каталог калекцыі ручнікоў Полацкага раёна к. XIX – пач. XX стст. / Н.В. Філатава // Матэрыялы навук.-практыч. канф. па выніках навук.-даследч. работы ў 1999 г. / уклад. Т.А. Джумантаева. – Полацк : НПГКМЗ, 2000. – С. 62-71.
22. Філатава, Н.В. Асаблівасці развіцця жаночага касцюма на Паазер’і ў к. XIX – пач. XX ст. (канструктыўна-тэхналагічныя асаблівасці жаночага адзення Расонска-Верхнядзвінскага крою) / Н.В. Філатава // Матэрыялы навук.-практыч. канф. па выніках навук.-даследч. работы ў 2004 г. / уклад. Т.А. Джумантаева. – Полацк : НПГКМЗ, 2005. – С. 92-95.
23. Дамаскіна, В.Ф. Народнае адзенне ў звычаях і абрадах беларусаў (сямейная абрадаваць) / В.Ф. Дамаскіна // Матэрыялы навук.-практыч. канф. па выніках навук.-даследч. работы ў 2004 г. / уклад. Т.А. Джумантаева. – Полацк : НПГКМЗ, 2005. – С. 6-14.
24. Філатава, Н.В. Каталог ручнікоў з музейнага збору НПГКМЗ / Н.В. Філатава // Матэрыялы навук.-практыч. канф. па выніках навук.-даследч. работы ў 2006 г. / уклад. Т.А. Джумантаева. – Полацк : НПГКМЗ, 2007. – С. 160-162.
25. Пракоф’ева, Ю.С. Абрусы з музейнага збору НПГКМЗ: уступны артыкул да тэматычнага каталога / Ю.С. Пракоф’ева // Матэрыялы навук.-практыч. канф. па выніках навук.-даследч. работы ў 2008 г. / уклад. Т.А. Джумантаева. – Полацк : НПГКМЗ, 2009. – С. 196-207.
26. Шарох, Г.А. Элементы традыцыйнага вяселья на Падзвінні ў вясельным абрадзе Музея ткацтва «Як зліліся дзве рэчанькі...» / Г.А. Шарох // Полацкі музейны штогоднік : зб. навук. арт. за 2013 г. / уклад. Т.У. Явіч. – Полацк : НПГКМЗ, 2014. – С. 231-239.
27. Філатава, Н.В. Мастацка-тэхналагічныя асаблівасці ўзорнага ткацтва ручнікоў з музейнага збору НПГКМЗ / Н.В. Філатава / Полацкі музейны штогоднік : зб. навук. арт. за 2013 г. / уклад. Т.У. Явіч. – Полацк : НПГКМЗ, 2014. – С. 213-222.
28. Філатава, Н.В. Навуковая канцэпцыя і тэматычная структура музея традыцыйнага ручнога ткацтва / Н.В. Філатава // Тэзісы дакладаў навук. супрацоўнікаў ПГКЗ па выніках працы ў 1993-1994 гг. навук.-практыч. канф. 1994 г. – Полацк : ПГКЗ, 1994. – С. 35-36.
29. Філатава, Н.В. Прэзентацыя музейных калекцый у экспазіцыі музея традыцыйнага ручнога ткацтва Паазер’я / Н.В. Філатава // Першы нац. форум “Музеі Беларусі”, Гродна, 12-14 кастр. 2012 г. = The first national forum "Museums of Belarus", Grodno, 12-14 oct. 2012. – Гродна, 2012. – С. 129-135.
30. Выстава «Вяселле: традыцыі і сучаснасць» [Электронны рэсурс] // Афіцыйны сайт Музея традыцыйнага ручнога ткацтва Паазер’я. – Рэжым доступу: <http://tkach.polotsk.museum.by/be/node/5373>. – Дата доступу: 03.02.2017.
31. Полацкі музейны штогоднік : зб. навук. арт. за 2013 г. / уклад. Т.У. Явіч. – Полацк : НПГКМЗ, 2014. – 288 с.
32. Выстаўка “Народны касцюм Заходняй Віцебшчыны” [Электронны рэсурс] // Афіцыйны сайт Музея традыцыйнага ручнога ткацтва Паазер’я. – Рэжым доступу: <http://tkach.polotsk.museum.by/be/node/21975>. – Дата доступу: 03.02.2017.
33. “Інструмент народны, і вясельы, і журботны...” [Электронны рэсурс] // Афіцыйны сайт Музея традыцыйнага ручнога ткацтва Паазер’я. – Рэжым доступу : <http://tkach.polotsk.museum.by/be/node/33711>. – Дата доступу : 03.02.2017.
34. Выстаўка “Пад лямпы дзіўнае святло...” [Электронны рэсурс] // Афіцыйны сайт Музея традыцыйнага ручнога ткацтва Паазер’я. – Рэжым доступу: <http://tkach.polotsk.museum.by/be/node/34776>. – Дата доступу: 03.02.2017.
35. Полацкі музейны штогоднік : зб. навук. арт. за 2014 г. / уклад. Т.У. Явіч. – Полацк : НПГКМЗ, 2015. – 312 с.
36. Выстаўка "Таямніцы батлеечнай скрыні" [Электронны рэсурс] // Афіцыйны сайт Музея традыцыйнага ручнога ткацтва Паазер’я. – Рэжым доступу: <http://tkach.polotsk.museum.by/be/node/38533>. – Дата доступу: 05.02.2017.
37. Выстаўка "Свет жаночага майстэрства" [Электронны рэсурс] // Афіцыйны сайт Музея традыцыйнага ручнога ткацтва Паазер’я. – Рэжым доступу: <http://tkach.polotsk.museum.by/be/node/38941>. – Дата доступу: 05.02.2017.
38. Выстаўка "Лялька: абярог, гульня, памяць" [Электронны рэсурс] // Афіцыйны сайт Музея традыцыйнага ручнога ткацтва Паазер’я. – Рэжым доступу: <http://tkach.polotsk.museum.by/be/node/39538>. – Дата доступу: 05.02.2017.
39. Сямейны адпачынак у музеі [Электронны рэсурс] // Афіцыйны сайт Музея традыцыйнага ручнога ткацтва Паазер’я. – Рэжым доступу: <http://tkach.polotsk.museum.by/be/node/34146>. – Дата доступу: 05.02.2017.
40. Лекцыя - майстар-клас Пятра Цалкі [Электронны рэсурс] // Афіцыйны сайт Музея традыцыйнага ручнога ткацтва Паазер’я. – Рэжым доступу: <http://tkach.polotsk.museum.by/be/node/34324>. – Дата доступу: 06.02.2017.
41. Сустрэча “Традыцыі беларускага вяселья” [Электронны рэсурс] // Афіцыйны сайт Музея традыцыйнага ручнога ткацтва Паазер’я. – Рэжым доступу: <http://tkach.polotsk.museum.by/be/node/35251>. – Дата доступу: 06.02.2017.
42. Сустрэча “Зоркі жыўць у арнаменце” [Электронны рэсурс] // Афіцыйны сайт Музея традыцыйнага ручнога ткацтва Паазер’я. – Рэжым доступу: <http://tkach.polotsk.museum.by/be/node/35543>. – Дата доступу: 06.02.2017.
43. Дзяды vs Хэлоўін: святкуй сваё! [Электронны рэсурс] // Афіцыйны сайт Музея традыцыйнага ручнога ткацтва Паазер’я. – Рэжым доступу: <http://tkach.polotsk.museum.by/be/node/40416>. – Дата доступу: 12.02.2017.
44. Прэзентацыя "Калядная батлейка" [Электронны рэсурс] // Афіцыйны сайт Музея традыцыйнага ручнога ткацтва Паазер’я. – Рэжым доступу: <http://tkach.polotsk.museum.by/node/40666>. – Дата доступу: 12.02.2017.

45. Музейна-педагагічны занятак "Калядная батлейка" [Электронны рэсурс] // Афіцыйны сайт Музея традыцыйнага ручнога ткацтва Паазер'я. – Рэжым доступу: <http://tkach.polotsk.museum.by/node/40708>. – Дата доступу: 12.02.2017.
46. А нітачка цуд стварае... [Электронны рэсурс] // Афіцыйны сайт Музея традыцыйнага ручнога ткацтва Паазер'я. – Рэжым доступу: <http://tkach.polotsk.museum.by/be/node/36098>. – Дата доступу: 12.02.2017.
47. Фальклорны гурт «Варган» [Электронны рэсурс] // Афіцыйны сайт Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта. – Рэжым доступу: <http://elib.psu.by:8080/handle/123456789/13558>. – Дата доступу: 14.02.2017.
48. Вечарына "Як у хаце пры лучыне дзеўкі грошы палічылі..." [Электронны рэсурс] // Афіцыйны сайт Музея традыцыйнага ручнога ткацтва Паазер'я. – Рэжым доступу: <http://tkach.polotsk.museum.by/be/node/39477>. – Дата доступу: 14.02.2017.
49. Заклічам вясну разам! [Электронны рэсурс] // Афіцыйны сайт Музея традыцыйнага ручнога ткацтва Паазер'я. – Рэжым доступу: <http://tkach.polotsk.museum.by/be/node/39103>. – Дата доступу: 14.02.2017.
50. Вясельны абрад «Як зліліся дзве рэчанькі...» [Электронны рэсурс] // Афіцыйны сайт Музея традыцыйнага ручнога ткацтва Паазер'я. – Рэжым доступу: <http://tkach.polotsk.museum.by/be/node/18165>. – Дата доступу: 16.02.2017.
51. Беспрозванная, Н. В. О концепции музея природы / Н. В. Беспрозванная // Тэзісы дакладаў навуковых супрацоўнікаў ПГКЗ па выніках працы навук.-практыч. канф. 1991, 1992 г. – Полацк : ПГКЗ, 1993. – С. 15.
52. “Музейный калейдоскоп” (программа для детей 5-и лет) [Электронны рэсурс] // Афіцыйны сайт Краязнаўчага музея. – Рэжым доступу: <http://children.polotsk.museum.by/n-ode/34949>. – Дата доступу: 16.02.2017.
53. У што гулялі дзеці 150 гадоў таму [Электронны рэсурс] // Афіцыйны сайт Дзіцячага музея. – Рэжым доступу: <http://children.polotsk.museum.by/node/35613>. – Дата доступу: 16.02.2017.

Пасмуніў 20.01.2017

**INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE STUDIES AND FOREGROUNDING
BY THE POLOTSK NATIONAL HISTORICAL AND CULTURAL MUSEUM RESERVE
IN 1991–2016**

D. FILIPCHIK

The article covers the research of intangible cultural heritage elements used in expository, cultural and educational activities of the Polotsk National historical and cultural museum reserve in 1991–2016. The main directions of the museum's intangible culture scientific research are put forward. The research comprises evidence and examples of the museum's cultural and educational activities which use the elements of intangible cultural heritage and foster its preservation and popularization (excursions, lectures, museum educational classes, master classes, museum holidays and thematic animated programmes). The article explains the role of the Polotsk National historical and cultural museum reserve in intangible cultural heritage preserving and foregrounding.

Keywords: *intangible cultural heritage, Polotsk National Historical and Cultural Museum-Reserve, cultural and educational activities of the museum, Museum of Traditional Manual Weaving of Poozerye, preservation of heritage.*

УДК 39(075.8)

**ЧЕСНОК И КРАПИВА В ТРАДИЦИОННОЙ МЕДИЦИНЕ БЕЛОРУСОВ:
СЕМАНТИЧЕСКИЙ И КУЛЬТУРНО-СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ****ИНЬЛИН ЧЖАН***(Полоцкий государственный университет)*

Исследуются символическое и утилитарное значения чеснока и крапивы в народной медицине белорусов. Отмечено, что в мифологической картине мира белорусов статус данных растений и их лечебные свойства тесно взаимосвязаны. Приведены этнокультурные параллели с традициями китайской народной медицины.

Ключевые слова: чеснок, крапива, народная медицина, семантический и культурно-сравнительный анализ, Беларусь, Китай.

Введение. Традиционная медицина зародилась в глубокой древности. В те времена лечение основывалось на знаниях трав, корней, ягод и других веществ, предложенных человеку природой, а также магических ритуалах. В настоящее время чеснок и крапива играют большую роль в современной медицине Беларуси и Китая. Кроме фармакологического значения они имеют значительную символическую нагрузку в мифологической картине мира сельского населения, что во многом определяет их роль в традиционной культуре белорусов и китайцев. Чеснок до настоящего времени считается эффективным средством при лечении инфекционных и простудных заболеваний. Крапива помогает при лихорадке, кашле, кровотечении и других недугах. Растения активно используются в современной народной медицине и кулинарии белорусов. Таким образом, изучение значения и роли данных растений имеет не только научную актуальность, но и общественное значение.

Научная новизна исследования обусловлена тем, что несмотря на значительное количество научных работ, посвященных народной фитотерапии белорусов, сравнительный анализ символического статуса и лечебных функций растений в белорусской и китайской традициях проводится впервые.

В качестве основных методов исследования были использованы культурно-сравнительный и семантический анализ, что позволяет охарактеризовать символический статус и лечебные функции растений в белорусской традиционной культуре, а также выявить типологические параллели в китайской традиции.

Объект исследования – традиционная культура белорусов конца XIX – начала XXI в. *Предмет исследования* – символическое и практическое значение чеснока и крапивы в народной медицине белорусов. *Цель исследования* – охарактеризовать символическое и практическое значение чеснока и крапивы в народной медицине белорусов и китайцев. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1) определить символический статус чеснока и крапивы в мифологической картине мира белорусов и китайцев; 2) изучить использование чеснока и крапивы в белорусской и китайской народной медицине в контексте мифологических представлений.

Основная часть. Чеснок (*Allium sativum*) – одна из древних овощных культур. Сведения о нем встречаются во многих старинных книгах естествоиспытателей и медиков. Среди надписей на пирамиде Хеопса (4500 лет до н.э.) имеется упоминание о чесноке. Древнегреческий ученый Теофраст, живший в 4 веке до н.э., довольно подробно описывает некоторые сорта и агротехнику этой культуры [1].

В основе мифологических представлений о чесноке лежат его биологические свойства, а именно его специфический резкий запах и острый вкус. Считается, что сильный запах чеснока обладает защитными характеристиками и от него убегают все злые силы и болезни. Поэтому чеснок обычно служит оберегом от нечистой силы и демонических воплощений болезней. Например, белорусы верили, что чеснок защищает от ведьм. Поскольку чеснок – это «расліна, якая дзякуючы свайму востраму смаку і рэзкому паху выконвала ў народным побыце функцыю абярэга ... Мяшэчак з часныком вешалі на шыю каровам – з мэтай ўберагчы іх ад ведзьмаў малочных» [2, с. 551]. Подобный способ защиты коров от ведьм был широко распространен на всей территории Беларуси. «Каб чараўніца не адбірала малака ў кароў, ... шыюць мяшэчак з нябеленага палатна..., кладуць туды асафетыду (ферула смярдзючая, *Ferula foetidissima* – Ч.И.), часнык і соль, асвятчоную на Вялікдзень, і завязваюць карове на шыі» (Западная Беларусь) [3, с. 155]. У восточных славян чеснок также служил оберегом от русалок: «Берут несколько головок чеснока и нож, для того чтобы, увидевши русалок, тотчас есть чеснок и, сделав ножом круг на земле, припасть в оном ниц на землю; кто это делает, того русалки никогда не тронут» [4, с. 210].

Подобное использование чеснока характерно и для традиционной культуры китайцев. «В некоторых районах Китая накануне праздника Небесного Происхождения (19-го января по китайскому лунному календарю) нужно рано закрывать двери и на них вешать молодые ростки чеснока, чтобы ведьмы не пришли, чтобы бог Тай Бай Цзинь Син (бог мира и безопасности) пришел и защитил всю семью» [5, 6].

В качестве оберега чеснок использовался китайцами и в обыденной жизни: «чтобы нечистые силы не подходили, люди носят на голове головки чеснока» [7].

В народной культуре белорусов широко распространено представление о вредоносной силе *сглаза* (*сурокаў*). От этой болезни страдают люди и животные, могут засыхать деревья, человека постигают жизненные неудачи. Современная официальная медицина не признает сглаз в качестве болезни. Сведения о том, что чеснок активно использовался как средство от сглаза в народной белорусской культуре, приводятся различными этнографами. Особенно эффективным считался чеснок для защиты маленьких детей. «Перед отправлением в церковь мать пережевывает зубок чеснока с солью и хукает на ребенка со всех сторон, чтобы оно не боялось сглаза» (Витебская губ.) [8, с. 25]; «Каб ліхія вочы дзіцяці не шкодзілі, то трэба зубок часныку на шыйцы павесіць ...» (Западная Беларусь) [9, с. 305].

До нашего времени белорусы используют чеснок при испуге (бессоннице) ребенка. «Перелякалося дитына. Кладут кусочек мела от печи, уголек, чесночка дольку, иголку. У люльку кладут. Усё вместе, штоб было там. Латочку замотати (закрутить в тряпочку)» (Брестская область) [10, с. 637]. Чеснок также активно использовался в традиционной белорусской культуре для защиты домашних животных от колдовства и сглаза: «В Юрьев день при помощи молодого чеснока предохраняют скот от сглаза» [10, с. 219]. Мешочки с чесноком вешали на шею не только коровам, но «і новым прыдбаным коням, каб яны не баяліся сурокаў» [2, с. 551]. Аналогичное использование чеснока характерно и для китайской традиции. «Согласно китайской мифологии, чеснок способен отпугнуть дурной глаз» [11].

Чесноку также приписывались положительные символические функции в некоторых обрядах. В качестве оберега от колдовства чеснок активно использовался в свадебном ритуале для защиты невесты. Применяли чеснок, чтобы не околдовали невесту по дороге в церковь. «Для предупреждения возможного чародейства во время следования к венцу, мать невесты ... завязывает в тряпочку головку лука или чеснока и кладет в карман невесты» (Витебская губ.) [8, с. 58]. Невеста, чтобы избежать вредоносного воздействия, должна была носить с собою чеснок на протяжении всей свадьбы. «Каб ніхто ... не зачараваў, маладая бярэ з сабою галоўку цыбулі ці часныку і носіць праз усё вяселле» (Слуцкий район) [12, с. 200]. Также белорусы верили, что чеснок «защищает урожай и плодородие в доме» [13, с. 219].

В подобном качестве чеснок в китайских семейных обрядах не используется. Но чеснок в китайской народной культуре является знаком благополучия и удачи. По данным китайского интернет-портала «Жэньминь-ван», «во время династии Сун школьники, чтобы быть благополучными на каникулах, вешали на шею чеснок на красной нитке» [14].

Особый статус чеснока в народной культуре обусловлен резким, специфическим запахом растения, который отгоняет от человека представителей иного мира. Поэтому в китайской традиционной культуре чеснок не только исполняет функцию оберега от нечистой силы, но и создает барьер в общении человека с богами: «В буддийской и даосской религиях чеснок относится к пяти скоромным кушаньям. Буддийским и даосским монахам не принято его кушать» [15].

Применение чеснока в народной медицине белорусов обусловлено как мифологическим статусом растения, так и его реальными биологическими свойствами, в частности – наличием фитонцидов, убивающих и подавляющих рост болезнетворных бактерий. В свою очередь, народная медицина включает как рациональные средства, так и различные магические приемы. Чеснок в народной медицине являлся довольно универсальным средством для лечения и предупреждения различных заболеваний. Повсеместно в Беларуси чеснок использовался при *зубной боли*, но способы применения растения могли отличаться. «Вот дзе пульсы б'юцца, часнок разрэжаш тонкамі слямі і во так наложыш, і крэпка ўвяжыш. Тады зубы перастаюць балець» (Полоцкий р-н) [16, с. 140]; «Зубы, знаеш, лажылі часнок і сала салёнае на зуб лажылі, во так» (Шумилинский р-н) [16, с. 319]. В ряде случаев использование чеснока могло сопровождаться магическим приговором: «Калі баліць левая шчака, то да пульсу на правай руцэпрывязваюць трапачку з цёртым часнаком і кажуць: “У часнаку боль, штоб із зуба вышла хвор”. І патом трапачку закопваюць. А калі баліць правая шчака, то прывязваюць да левага пульсу» (Поставский р-н) [10, с. 464].

Если *тяжело прорезались зубы* у маленького ребенка, предпринимали следующие действия: «При трудном прорезывании зубов нужно “хукать” в рот дитяти чесноком, а пережеванный (чеснок) прикладывать к теменной впадине» (Витебская губ.) [8, с. 27]. В Китае чеснок также используется для лечения зубной боли, но подобный способ лечения встречается реже, чем у белорусов. Схожий рецепт упоминается в старинной медицинской книге «Бен Цао Ган Му»: «Спеки головку чеснока, нарежь ее тонкими ломтиками и положи на больной зуб, чтобы перестал болеть» [17].

Чеснок активно используется в современной народной медицине белорусов для *лечения кашля и простуды*. «Часнок – гэта тожа вітаміны. Ад прастуды, ад кашлю» (Бешенковичский р-н) [16, с. 6]. Современные исследователи традиционной фитотерапии восточных славян отмечают широкое использование чеснока в народной медицине в качестве средства от кашля, простуды и т.п.» [13, с. 219]. С аналогичной целью растение применяют в Китае: «Вскипятить воду с имбирем, чесноком и бурым сахаром и принимать – хорошо от кашля и простуды» [17]. Популярность чеснока при лечении простудных заболеваний

обусловлена наличием в нем биологически активных веществ с выраженным противовирусным и противовоспалительным действием. Также чеснок используется в белорусской народной медицине как лекарство против паразитов: «Ад глістоў трэбапіць настой часнака» (Браславский р-н) [16, с. 12].

В белорусской и китайской традиции чеснок – признанное общеукрепляющее и восстанавливающее здоровье средство: «Часнок настаіваюць на спірту і п'юць для ўкрыплення арганізму» (Полоцкий р-н) [16, с. 152]. В китайской народной медицине находим аналогичные рекомендации: «Очень популярен чеснок в китайской народной медицине. Ведущие целители – китайцы – рекомендуют по утрам сосать чеснок до полного восстановления организма» [18]. В китайской народной медицине чесноком также лечат *солнечный удар*: «Тот, кто получил солнечный удар, если жует чеснок и пьет теплую воду, то его состояние улучшится»; используют при судорогах ног: «Размельчи чеснок, намажь середину ступни и скоро вылечишься»; а также при сердечных болях: «Пей свежий чесночный сок и выздоравливай» [17].

Крапива (*Urtica*) – еще одно необыкновенное растение в белорусской традиционной культуре. История использования крапивы людьми уходит корнями в глубокую древность. Еще в Древнем Египте это растение культивировали и обожествляли. Древние греки и римляне подавали его как приправу к столу наряду с другой зеленью [19].

В традиционной культуре белорусов крапива, в первую очередь, отличается некоторыми своими качествами, основанными на реальных «агрессивных» особенностях этого растения. Благодаря биологическому свойству – жгучести («*крапіва-жыгучка*»), крапиве приписывали магическую силу, держали в своих домах и дворах как оберег от болезней, порчи, нечистой силы, несчастий. Например, «шырока вядома затыканне крапівы за дзверы ў купальскую ноч, кааб папярэдзіць пранікненне чараўнікоў» [20, с. 250].

Наряду с чесноком и луком, крапива отпугивает нечистую силу. «В Полесье для защиты от нечистой силы в доме и в хлеву вывешивали крапиву, полынь, чеснок, коноплю» (в. Жары Браг. Гом., ПА) [21, с. 144]. Особое свойство крапивы широко использовалось для защиты животных от ведьм. «Крапіва. Кладі крэст на крест пад парог у хлеве, дык малако ў кароў ведзьма не скрадзе» (Бешенковичский р-н) [16, с. 7]; «предотвратить порчу коровы ведьмой можно по-разному: заткнув в щелях хлева крапиву, нож или косу» [21, с. 17]. Крапива также имеет положительное значение при защите от *сглаза*. «Утром в Юрьев день, перед тем, как начать стрижку овец, их опрыскивают водой пучком крапивы, чтобы предохранить овец от сглаза» [21, с. 79].

В купальской обрядности белорусов крапива, как оберег от ведьм, занимает особое место. «Почти во всех источниках сообщается, что белорусы (как и украинцы) в Ивановскую ночь на дверях и окнах домов и хлебов вешали крапиву, дедовник, осину, венки из освященного зелья, над входом ставили «громничную» свечу, иногда вбивали косу (чтобы ведьма порезалась), вешали на воротах борону и пр. Некоторые жгли костры за огородами, чтобы не подпустить ведьму» [22, с. 241]. С помощью крапивы от ведьм оберегали домашний скот. В XIX в. «в Витебской губернии с помощью дедовника боролись с молочными ведьмами, которые производят чары над коровами и отнимают у них молоко, преимущественно, в Купальскую ночь, вешая его вместе с крапивой над дверями хлева» [23, с. 242]. Использование крапивы в качестве магического оберега продолжает практиковаться на территории Витебщины и в конце XX – начале XXI вв.: «Ведзьмы. І нада, калі кругом хлева абкладаць крапіву. Крапіву нада абкладаць вакол хлева. Да Купалы крапіву вакол хлева абкладзі, кажучь, ведзьмы тады на крапіву ня йдуць» (Ушачский р-н) [16, с. 272].

Вера в магические свойства крапивы сохранилась в белорусской деревне до наших дней. «Могут сурочыць, і скаціна ёсьць, што скаціна можыць і здохнуць ... Нада каля хлева на Купалку абкладаць крапівай-жыгучкай. На парог палажу у дома, ля хлева палажыць, на вакенца, дзе-што палажыць. Не ідуць чараўнікі ў хату цераз крапіву гэтую жыгучую» (Ушачский р-н) [16, с. 298].

Кроме ведьм, крапива также служила оберегом от русалок. Такое использование крапивы у восточных славян часто упоминается в работе Д. Зеленина: «В Пинском же уезде 23 июня вешают по хлевам крапиву, венки из освященных трав и т.п., чтобы русалки и ведьмы не отнимали молока у коров» [4, с. 188]; «Женщины рано на Купалу рвут крапиву, которую вешают на дверях сеней у хлебов, потому что русалки, по их мнению, боятся этого растения» [4, с. 272]; «Вечером на открытом месте разводят огонь и с венками, взявшись за руки, ходят с песнями хороводом, потом с разбега скачут через огонь или же вместо огня через пучок крапивы. Иные в это время купаются в реке, но прежде бросают в воду крапиву, из предосторожности от русалок» [4, с. 272]. С другой стороны, и сама «русалка» пользовалась крапивой для того, чтобы лечить людей. «У Рэчыцкім раёне ў час провадаў русалкі ўбраная як русалка дзяўчына біла прысутных па суставах, каб не балелі рукі, ногі» [20, с. 250]. *Лечение суставов* с помощью крапивы характерно и для китайской народной медицины. В частности, крапива используется для лечения ревматического артрита: «Вскипяти воду с листьями крапивы, принимай душ или намажь на свое тело отваром – тогда поможет» [24]. Крапива также активно используется белорусами в случаях, когда болит спина. «Кагда сыліна баліць, крапівай ў бані парылі і білі» [16, с. 24].

В белорусской народной медицине крапива используется с давних времен. Она встречается в травниках и лечебниках как средство от различных заболеваний. Растение употреблялось в качестве средства для остановки *кровотечения* различного происхождения: кровохарканья, кровавой рвоты, кровотечения из носа, продолжительной и обильной менструации, геморроя, резаных ран: «Крапиву сушеную и толченую на раны присыпати» [23, с. 178].

Все части крапивы имеют лечебную ценность. «Настой листьев крапивы двудомной применяли от *лихорадки*, настой семян – от *кашля*» [23, с. 177]. Такое применение крапивы встречаем и в практике китайской народной медицины. «Чтобы лечить крапивную лихорадку, нужно растереть крапивные листья. Сделав сок, помажь им на большую кожу» [25].

В народной медицине белорусов крапива с давних времен использовалась для *лечения кашля*. «Согласно травнику, толченое семя крапивы, смешанное с медом и разведенное вином, лечило кашель» [23, с. 178]. Кроме того, крапиву использовали для лечения *болезней желудка*: «Кропива великая есть и добра. Коли в которого человека тяжело на животе, навари кропивы з вином, здоров будешь» [26, с. 29]. В травнике XVII в. отвар крапивы с медом упоминается как средство от *изжоги (лишний огонь)*: «Так же озьми семя кропивного и змешай с пресным медом, а пей пораву, абоижь, воздоровливает лишний огонь, и болести в лоне, и кашель» [26, с. 40]. Такое же использование крапивы находим и в китайской народной медицине, именно в Тибетской области: «Крапива лечит расстройство желудка, которое вызывает лишнее тепло тела» [27].

В заговоре *от укуса змеи* крапива выступает в качестве оружия Святого Юрия, которым он угрожает источнику болезни «стрыкучаю крапивою». «На сінім моры-велікаморы стаіць дуб, на тым дубе змяінае гняздо, у тым гнязде тры змяі-гадзюкі... Прыедзе святы Юры на белым коніку з вострай кап'ёй, з вострай мечай, з колкай шупшынаю, *стрыкучай крапивою*. На свентым Здзвіжэнні будзе вам там крушэнне. Будзе сеч і стракаць стрыкучаю крапивою, норы-пячоры будзе зарываць, наказанні даваць – і падпечныя, і падмежныя, вадзяныя, земляныя» (Кормянский р-н) [28, с. 125]. В китайской традиции таких магических формул не отмечено, однако сок крапивы считался хорошим противоядием от змеиного укуса. «(Крапива) лечит укус змеи. Бери листья крапивы, растирай их, делай сок и намажь на больное место» [29].

Крапиву использовали и при лечении *подвоя* – болезни, вызванной ветром. «Каб пазбавіцца ад падвёю, яму пагражалі доўгай ніткай, ссуканай з крапівы. Калі хвароба не пакідала чалавека, падвэй пачыналі сілай звязваць (нітакай абвівалі хворага вакол галавы, жывата, грудзей, рук, ног. Потым гэтыя звязкі спальвалі ў печы)» [20, с. 250].

Отвар крапивы до нашего времени используется в народной медицине белорусов для *стимуляции роста волос*. «Чыстацел, вот есьлі галава, вот аблысенне есьлі ёсьць у галаве. Чыстацел, крапіву...» [16, с. 128]. Также с помощью крапивного отвара лечили *колтун* (болезнь, при которой волосы сбивались в комок; могла быць вызвана глазом или испугом). «Я сабяру чыстацелу, жменьку крапівы, аір у мяне ёсьць ... А ён узяў таз вады і чалёх яе на галаву. Абліў яе ўсю. Памыліся. У яе лысіна ўся аж голая. Назаўтра, ну, каб у яе адзін волас вылез. Кажа: “Толік, валасы не лезуць» (Шумилинский р-н) [16, с. 306].

Крапива в славянских верованиях является не только универсальным оберегом (благодаря своему свойству жечь, жалить), но и растением, наделенным символикой оплодотворения, деторождения. «Выражение *скакать в крапиву* – о блудодеянии, слова *крапива, крапивник* в значении *незаконнорожденный*, что связано с обычаем подкидывать внебрачных детей в крапиву. В связи с этим можно предположить, что взаимное стегание крапивой в заговенье перед Петровым постом стоит в одном семантическом ряду с обычаем кидать в этот день друг в друга яйцами и объединяется с ним общей символикой оплодотворения» [30].

Таким образом, вся символика крапивы в народной культуре обусловлена ее главным признаком – жгучестью. Во всем славянском мире она, прежде всего, оберег от нечистой силы. В то же время крапива в области социальных отношений имеет отрицательное значение: «Крапива связана и с любовной сферой ... у восточных и западных – как метафора любви незаконной» [23, с. 180].

Упоминание символического значения крапивы в китайской культуре встречается нечасто. Она считается «кусающим растением» в китайском традиционном обществе. Но существует такая интересная традиция: «В деревне Лэ И, которая находится в провинции Сычуань, в ходе свадьбы обычно проводился следующий обряд: жениха и невесту били крапивой, считалось, что, чем чувствительнее удары, тем больше счастья будет в семье» [31]. В некоторой степени это указывает на то, что крапива в китайской традиционной региональной культуре связана с символикой семейного счастья и оплодотворения.

Современная официальная медицина во многом признает народный опыт в области фитотерапии, в частности, лечебные свойства чеснока и крапивы. Специалисты советуют использовать крапиву как общевостанавливающее средство «ослабленным людям, і асабліва дзіцям, мы рэкамендуем ужываць свежы сок з крапівы ... Сок дабратворна ўдзейнічае на работу крывятворных органаў, узмацняе асноўны абмен рэчываў, павышае ахоўныя сілы арганізма» [32, с. 219]. В белорусской традиционной медицине чеснок представляет собой также признанное общеукрепляющее и восстанавливающее здоровье средство.

Выводы. Чеснок и крапива, растения с уникальными биологическими свойствами, занимают важное место в народной культуре белорусов и китайцев и имеют большое символическое значение в традиционной картине мира обоих народов.

Резкий запах и острый вкус чеснока лежат в основе его магических защитных свойств (охраняет от нечистой силы, колдовства и сглаза). Чеснок также обозначает благополучие и удачу. Однако в китайских народных представлениях употребление чеснока может быть препятствием при общении человека с богами. В народной медицине белорусов чеснок лечит зубную боль, кашель, простуду и бессонницу ребенка и укрепляет здоровье. В китайской народной медицине чеснок не используют для лечения насморка, но растение считается эффективным средством при солнечном ударе, судорогах и сердечных болях. Таким образом, чеснок как овощная культура занимает важное место как в мифологической картине мира, так и в народной медицине двух культур.

Крапива с ее жгучестью также является особым растением, обладающим высоким символическим статусом в традиционной культуре белорусов. Благодаря такому свойству, крапива отпугивает болезни, нечистую силу и различные несчастья, служит оберегом от ведьм, русалок и сглаза. Но в народных традициях китайцев апотропейные функции крапивы представлены слабо. В некоторой степени она символизирует семейное счастье и оплодотворение. В народной традиционной медицине белорусов крапива обычно используется для лечения суставов, кровотечения, лихорадки и кашля. Она также помогает при изжоге и восстанавливает силы человека. В китайской традиционной медицине крапива имеет схожее применение.

Таким образом, в мифопоэтической картине мира белорусов и китайцев одинаковым образом обыгрываются биологические свойства чеснока и крапивы. С одной стороны, особенности растений (резкий запах, острый вкус, жгучесть) лежат в основе их использования в качестве оберега от демонических сверхъестественных сил. С другой, в народной медицине воплощен многовековой опыт традиционной фитотерапии, во многом рациональный и признанный современными специалистами. Отличия в использовании чеснока и крапивы в системе народной медицины белорусов и китайцев обусловлены спецификой этнокультурного развития двух народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Происхождение и распространение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.chesnok.info/catalog_left/proishojdenie_i_rasprostranenie.html. – Дата доступа: 29.01.2017.
2. Васілевіч, У. Часнык / У. Васілевіч // Беларуская міфалогія : энцыкл. слоўнік. – Мінск : Беларусь, 2004. – С. 551.
3. Васілевіч, У. Зямная дарога ў вырай : Беларускія народныя прыкметы і павер'і. Кн. 3 / Уклад., прадм., пер. і паказ. У. Васілевіча. – Мінск : Беларусь, 2010. – 717 с.
4. Зеленин, Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью и русалки / Д.К. Зеленин. – М. : Индрик, 1995. – 432 с.
5. Праздник Небесного происхождения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.holidays5.com/view/25465.html>. – Дата доступа: 29.01.2017.
6. Традиция о чесноке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://news.sun0769.com/town/ys/201102/t20110222_988758.shtml. – Дата доступа: 29.01.2017.
7. Вешание чеснока [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://baike.baidu.com/link?url=8v4BpRGRLC5aLm2MxKzMxN_Qzj-sw4UKLMUqMdtpIgiJXro7a4G8RpQwby5GKxtG4-R-9BbaRTy2KoxZZHF4v9YXVFxCw9tsB9VWhMfYa. – Дата доступа: 29.01.2017.
8. Никифоровский, Н.Я. Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи... Витебской Белоруссии / Н.Я. Никифоровский. – Витебск : Губ. типо-литограф., 1897. – 338 с.
9. Federowski, M. Lud białoruski na Rusi Litewskiej / M. Federowski. – Kraków : Wyd. Komis. Antropolog. Akad. UmiejetnoSci, 1897. – Т. I. – 509 с.
10. Валодзіна, Т.В. Народная медыцына: рытуальна-магічная практыка / уклад., прадм. і паказ. Т.В. Валодзіна. – Мінск : Бел. навука, 2007. – 776 с.
11. Чеснок [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fudz.ru/post/5316>. – Дата доступа: 29.01.2017.
12. Сержпутоўскі, А.К. Прымхі і забабоны беларусаў-палешукоў / А.К. Сержпутоўскі / прадм. У.К. Касько. – Мінск : Універсітэцкае, 1998. – 301 с.
13. Этноботаника: растения в языке и культуре / отв. ред. В.Б. Колосова, А.Б. Ипполитова. – СПб. : Наука, 2010. – С. 34–65.
14. Праздник двойной девятки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://history.people.com.cn/n/2015/1021/c372330-27723168.html>. – Дата доступа: 29.01.2017.
15. Пять скоромных кушаний [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://baike.baidu.com/link?url=ZOzs7wzPqUoVB1tNPpki_sgneqXuimrroRoJOOwPpTL9iPWPd6-zRcGREVFhV9OP-rMPFe8hhcx_JoAIC8TD9ExuFuwwyGSZDxX2vIPElnF7. – Дата доступа: 29.01.2017.
16. Полацкі этнаграфічны зборнік. Вып. 1. Народная медыцына беларусаў Падзвіння. У 2 ч. Ч. 2. / склад. У.А. Лобач, У.С. Філіпенка. – Наваполацк : ПДУ, 2006. – 332 с.

17. Ли, Шичжень. Бэньцаоганму (Основные положения о корнях и травах / Великий травник) / Ли Шичжень. – Китай, 1578.
18. Чеснок: лечебные свойства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belriem.org/?p=14326>. – Дата доступа: 29.01.2017.
19. Крапива [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wiki.secret-dolgolet.ru/%D0%9A%D1%80%D0%B0%D0%BF%D0%B8%D0%B2%D0%B0>. – Дата доступа: 29.01.2017.
20. Малоха, М. Крапіва / М. Малоха // Міфалогія беларусаў : энцыкл. слоўнік / склад. І. Клімковіч, В. Аўтушка ; навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. – Мінск : Беларусь, 2011. – С. 250–251.
21. Левкиевская, Е.Е. Славянский оберег. Семантика и структура / Е.Е. Левкиевская. – М. : Индрик, 2002. – 336 с.
22. Соколова, В.К. Весенние-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов XIX – начала XX вв. / В.К. Соколова – М. : Наука, 1979. – 288 с.
23. Колосова, В.Б. Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект / В.Б. Колосова. – М. : Индрик, 2009. – 352 с.
24. Управление китайской народной медицины. Китайское травоведение / Упр-е китай. нар. медицины. – Шанхай : Шанхай. науч.-технол. изд-во, 1999. – 533 с.
25. Медицинские функции крапивы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.med66.com/new/201211/jj201211098059.shtml> Берегова. – Дата доступа: 29.01.2017.
26. Бочкарева, З.Н. Редкие источники по истории России. Древнерусский лечебник / З.Н. Бочкарева, М.Е. Бычкова. – М. : Ин-т истории АН СССР., 1977. – 162 с.
27. Цзя, Миньжу. Китайская народная медицина / Миньжу Цзя, Синвуэй Ли. – Пекин : Китай. мед. науч. пресса, 2005. – 857 с.
28. Замовы / уклад., сістэм., уступ. арт. і камент. Г.А. Барташэвіч ; рэдкал.: А.С.Фядосік (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992. – 597 с.
29. Бюро здравоохранения автономного района Внутренней Монголии. Китайская фитотерапия в Внутренней Монголии / Бюро здравоохранения автономного района Внутренней Монголии. – Хух-Хото : Изд-во народа автоном. р-на Внутренней Монголии, 1972. – 851 с.
30. Берегова, О. Символы славян / О. Берегова. – СПб. : Диля, 2007. – 47 с.
31. Свадебные традиции в Китае [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.douban.com/note/310459643/>. – Дата доступа: 29.01.2017.
32. Шмярко, Я.П. Лекавыя расліны ў комплексным лячэнні / Я.П. Шмярко, І.П. Мазан. – Мінск : Навука і тэхніка, 1989. – 399 с.

Поступила 26.10.2017

GARLIC AND BROWN NETTLE IN TRADITIONAL MEDICINE OF BELARUS: SEMANTIC AND CULTURAL-COMPARATIVE ANALYSIS

YINLING ZHANG

The article is to characterize the symbolic and practical significances of garlic and nettle in the traditional medicine of Belarus. The author comes to the conclusion that in the world view of Belarusians the mythological status of these plants and their curative properties were closely related. Cross-cultural, cross-national comparisons are made between the traditions in Belarus and in China.

Keywords: *garlic, nettle, traditional medicine, semantic and cultural-comparative analysis, Belarus, China.*

УДК 930.2

**ПРЕДМЕТ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ
В ТРАКТОВКЕ РОССИЙСКОЙ КРИТИКО-ПОЗИТИВИСТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ****Т.И. ЛЕОНЧЕНКО***(Гродненский государственный университет им. Я. Купалы)*

Рассмотрена одна из актуальных проблем в современной методологии истории – предмет исторической науки. Проанализирована трактовка данного вопроса в работах ведущих теоретиков «критического позитивизма» в российской историографии. Обозначено проблемное поле исследования, представлен краткий обзор литературы по рассматриваемому вопросу. Проведен сравнительный анализ взглядов российских исследователей на конкретные задачи исторической науки, ее место в системе научного знания, специфику исторического познания, проблемы исторического прогнозирования. Показано, как исследователи подходили к определению понятия закономерности развития человеческого общества и как решали вопрос о соотношении общего и особенного в историческом исследовании. Выявлено, какое значение ученые придавали изучению народных масс и отдельной личности как действующим силам в истории.

Ключевые слова: предмет исторической науки, «критический позитивизм», неокантианство, историческая закономерность, историческое прогнозирование, многофакторный подход.

Введение. Период конца XIX – начала XX вв. ознаменован в российской историографии началом сложных и противоречивых по своему характеру изменений в представлениях о природе, статусе и предмете исторической науки. Для развития гуманитарного знания рассматриваемого периода было характерно сосуществование различных философских учений, предлагавших свое, порой диаметрально противоположное, решение актуальных вопросов в науке. Одним из направлений в историографии того времени стало течение «критических позитивистов».

Группа ученых, попадающих под данное условное обозначение, ставила своей целью формирование «новой истории» на основе синтеза лучших достижений современной им науки в области теории исторического процесса и методологии исследования с новыми выводами в теории познания этого процесса. В результате теоретико-методологического поиска представители «второго позитивизма» в российской историографии внесли существенный вклад в разработку специфики и предмета истории как самостоятельной общественной науки; подняли ряд новых вопросов, присущих изучению исторического прошлого, которые являются актуальными и сегодня.

Цель данного исследования состоит в том, чтобы определить предмет истории как науки в трактовке ведущих представителей «критического позитивизма» в российской историографии рассматриваемого периода и показать общее и особенное в их подходах к решению данной проблемы. Обращение к указанной теме актуально в силу неразрешенности ряда вопросов по предмету исторической науки в современной историографии. До сих пор нет единого мнения о возможности объективного познания прошлого, соотношении общего и особенного в научном исследовании, роли случайного и необходимого в историческом процессе. Дискуссии и споры научного сообщества рубежа XX – XXI вв. по этим и другим вопросам убеждают в необходимости переосмысления их достижений в области теории и методологии истории.

Развитию российской исторической науки последней трети XIX – начала XX вв. посвящено немало работ советских и современных историков. Так, ведущими авторами, изучающими теоретико-методологические проблемы, кризисные явления и становление нового видения науки в историографии данного периода, стали Б.Г. Могильницкий, Н.Л. Рубинштейн, П.С. Шкуринов, Л.Н. Хмылёв, А.Н. Нечухрин, С.П. Рамазанов, Г.П. Мягков, А.В. Малинов, Т.И. Сидненко и др. Однако постановка предмета исторической науки в трудах представителей «первого» и «второго» позитивизма специально в историографии не изучалась, хотя некоторые авторы в той или иной степени затрагивали данный вопрос в своих работах, посвященных творчеству отдельных ученых.

Основная часть. Историографическая картина в России на рубеже XIX – XX вв. характеризовалась крайней сложностью и неоднородностью взглядов ученых на историческое прошлое и производство знаний о нем. С одной стороны, широкую популярность в России завоевал марксизм, теоретико-методологическим фундаментом которого был «экономический материализм» с присущей ему верой в объективность и строгую научность исторического исследования. С другой стороны, это было время распространения новых веяний в обществоведении, в основе которых лежал релятивистский взгляд на мир, его развитие и производство знаний о нем. В итоге, свое оформление в отечественной историогра-

фии получили течения, подвергшие критике каноны позитивистской науки и выступившие за коренной пересмотр принципов философии истории. Таковыми стали неокантианство и философия жизни.

Многие ученые высказывались против решительного разрыва с ценностями, выработанными научным сообществом второй половины XIX в., но в то же время признавали необходимость реформирования истории как науки в соответствии с запросами времени [1, с. 119]. Последние получили в историографии название «критических позитивистов». Выделяя данное течение в российской историографии, следует сделать оговорку, что под ним понимается не отдельная научная школа, а скорее плеяда крупных исследователей, не вписывающихся по своим взглядам ни в одно из конкретных философских учений. В то же время, несмотря на своеобразие предлагаемых ими концепций, общим для историков было критическое переосмысление установок позитивизма, марксизма и неокантианства с сохранением в своей основе некоторых положений позитивной философии.

Критико-позитивное мировоззрение в большей или меньшей степени разделяли П.Н. Милоков, Р.Ю. Виппер, Д.М. Петрушевский, Н.А. Рожков, В.П. Бузескул, В.М. Хвостов, М.М. Хвостов, Е.В. Тарле, Е.Н. Щепкин, М.И. Ростовцев, А.К. Дживелегов и др. Особенности подходов к определению предмета исторической науки напрямую были связаны с их общими представлениями о месте истории в системе научного знания и специфике ее познания.

В рассматриваемый период не было господствующей классификации наук; каждая научная школа предлагала свой взгляд на их разграничение, а нередко это делали и отдельные ученые. «Критические позитивисты» осуждали предложенную неокантианцами классификацию за ее жесткое противопоставление наук о природе (номотетических) наукам о культуре (идиографическим). В данной классификации история занимала положение чисто описательной науки, предметом которой являются сугубо индивидуальные культурные явления. В результате историческое исследование оказалось лишено признания закономерного развития общества и задачи выявления общих связей явлений, с чем не могли согласиться представители «критического позитивизма». Многие из них сходились во мнении, что науки и об обществе, и о природе одинаково изучают в своем предмете и индивидуальное, и общее, а значит, историческая наука не только может, но и должна выявлять закономерности. Так, Д.М. Петрушевский писал по этому поводу следующее: «Чтобы быть наукой об индивидуальном, историческая наука, как и всякая другая наука, должна быть и наукой об общем, а чтобы быть наукой об общем, она должна быть и наукой об индивидуальном» [2, с. 14]. На примере феодализма в Англии, автор отметил, что нельзя вскрыть индивидуальные особенности его проявления в одной стране, если не знать типических черт и общих тенденций развития этого средневекового явления в Европе в целом.

Таким образом, для «критических позитивистов» неокантианская классификация наук была неприемлема в виду односторонности предмета исторического изучения. Предпочтительнее для данной группы ученых было предложенное основателем позитивизма О. Контом деление наук на абстрактные и конкретные с признанием их тесной связи между собой. Однако и этот вариант в чистом виде не мог быть принят, поскольку история у О. Конта являлась составной частью социологии и вовсе не находила себе места в его классификации. Еще представители «первого» позитивизма в России переосмыслили идеи европейского классика и попытались отстоять научный статус исторической науки, выделив ей место среди других *конкретных* наук. Однако преодолеть подчиненное положение истории перед социологией позитивистам не удалось: основной ее задачей они видели накопление конкретного исторического материала для широких социологических обобщений.

Исходя из вышесказанного «критические позитивисты» стремились расширить задачи исторической науки в сравнении с неокантианством и «первым» позитивизмом за счет изучения повторяемых, типических явлений и установления общих связей между ними. Для этого необходимо было определить отношение истории к социологии. Переработав контовскую классификацию наук, Н.А. Рожков, установил связь истории с социологией следующим образом. История определенного народа у него выступала как наука конкретная, потому что она изучает законы развития данного общества в разные периоды его жизни. Социология, или теория общественной жизни, имела целью исследование общих законов общежития, независимо от какой-либо конкретной обстановки; следовательно, она наука абстрактная [3, с. 2]. Таким образом, ученый требовал освещать историю отдельной страны с социологической точки зрения, что и попытался сделать в одном из своих научных трудов.

Того же требования строго придерживались П.Н. Милоков, Д.М. Петрушевский, В.П. Бузескул, Е.В. Тарле, М.И. Ростовцев, М.М. Хвостов, А.К. Дживелегов. Определяя место истории и социологии в ряду теоретических наук, «критические позитивисты» четко разграничивали их между собой. Конкретная историческая наука изучала факты, приводила их в систему и обобщала, выявляла законы развития конкретного общества. Абстрактная социология имела дело с обобщениями и являлась теорией общественной жизни как таковой. Суть данного положения четко выразил А.К. Дживелегов: «Исторический факт в его конкретной обстановке случается только однажды, но основа этого факта, общая в социологии и истории, явление постоянное» [4, с. 312]. Поэтому главную теоретическую задачу исторической науки

автор сводил к «познанию отношения между индивидуальными и общими элементами исторического процесса, к выяснению специфического характера его закономерности» [4, с. 312]. Не отрицая взаимной связи обеих наук, исследователи все же отводили истории роль фундамента по отношению к социологии: история должна считаться с такими фактами, которыми социология пренебрегает, потому что для нее важен только конечный результат, остающийся всегда неизменным [4, с. 311].

Дальше других ученых в своих рассуждениях зашел Р.Ю. Виппер. Распространяя социологическую точку зрения на историю, методолог подверг сомнению возможность разделения абстрактного и конкретного методов познания, считая, что мысль историка движется среди обоих тесно взаимосвязанных методов: исследователь изучает, описывает отдельные факты и устанавливает общие связи между ними. Если нельзя провести границу в применении абстрактных идей и реальных описаний, то, по мнению автора, «едва ли есть необходимость различать две особые науки: абстрактную социологию и конкретную, собственно историю. Если смысл социологии заключается в постановке общих задач, то из них трудно или невозможно образовать особую область научного видения, потому что общие задачи не выделены из всей совокупности работы над историческим материалом» [5, с. 47]. Больше других Р.Ю. Виппер был склонен к отрицанию самостоятельного значения социологии в научном знании.

Идеи неокантианства и особенно психология В. Вундта более всего повлияли на взгляды Е.Н. Щепкина и В.М. Хвостова. Последний отстаивал научность знания индивидуального, ввиду чего высоко оценивал заслуги Г. Риккерта [6, с. 105]. Трактовка предмета исторической науки в трудах русского методолога была построена на признании особенного как исключительного предмета этой науки и притом не в смысле инвентаризирования индивидуального, наличного в каждый данный момент, а в смысле изучения последовательной смены неповторяющихся событий в социальной жизни людей.

Однако в концепции В.М. Хвостова обнаруживается сходство не только с неокантианцами. Вслед за отечественными историками «первого» позитивизма, исследователь под предметом истории понимал не какие-нибудь типические, закономерные процессы, а «отдельные события и состояния во всей их конкретности» [6, с. 4], а задачей социологии считал выявление общих законов жизни общества, построение широких обобщений на основе данных, накопленных историей [7, с. 14]. Следовательно, в отличие от неокантианцев, ученый не отрицал наличие закономерностей в историческом процессе. Дело в том, что их поиском должна заниматься социология, а не историческая наука. Правда, сама социология у В.М. Хвостова, ее предмет, понятие закономерности были пропитаны психологизмом немецкой философии. Социальные законы он объявлял тождественными законам социальной психики [6, с. 81]. Трактовать исторический процесс как процесс психический был склонен и Е.Н. Щепкин, т. е. в основе социальных, экономических и других явлений он находил законы психологии, поэтому причинность событий, по его мнению, следовало объяснять через характер и мотивы действий отдельных лиц [1, с. 194].

Таким образом, представители «второго» позитивизма в России заявляли о том, что в реальной действительности все развивается не хаотично, а по своим внутренним закономерностям и считали (здесь следует исключить В.М. Хвостова и Е.Н. Щепкина), что историк может и должен их выявлять. «История всегда была в ранге науки, признававшей и наблюдавшей закономерность» – писал Р.Ю. Виппер [5, с. 14]. По утверждению Д.М. Петрушевского, историческую науку сырой конкретный материал интересует для выяснения того общего и постоянного, что под ним скрывается [2, с. 13]. О том, что историк в своем исследовании должен стремиться к уяснению закономерности исторического процесса, писали П.Н. Милюков [8, с. 5], М.И. Ростовцев [1, с. 199] и Е.В. Тарле [9, с. 2]. Однако, не сомневаясь в самом факте существования повторяемости, «критические позитивисты» не надеялись на их полное и достоверное познание и тем более отрицали возможность открытия таких законов, при помощи которых можно было бы предвидеть будущие события.

В этом отношении П.Н. Милюков высказывался: «Признать историческую закономерность несравненно легче, чем открыть законы истории», но даже, если нам не суждено выявить ни одного закона, мы все-таки должны предполагать их существование [8, с. 8]. Этот пессимизм был вполне обоснованно связан, во-первых, со сложностью исторических явлений как таковых, а во-вторых, с относительностью наших знаний о мире. Что касается первого обстоятельства, то опять же П.Н. Милюков признавал, что сочетания элементов при бесконечной сложности явлений будут бесконечно разнообразны и что искать закономерности нужно сначала в действии отдельных элементов, а потом уже в их сочетаниях. Проблема заключается в том, что первоначально мы имеем явление как сложный социологический итог, и главная задача историка – разложить его на отдельные простые элементы вплоть до их психологической, физиологической природы [8, с. 10].

Что касается относительности наших знаний, то этот вопрос специально разрабатывался Р.Ю. Виппером, а некоторые его взгляды на проблемы познания разделяли и другие исследователи. С одной стороны, Р.Ю. Виппер, будучи сторонником сравнительно-исторического подхода, признавал действие определенных закономерностей развития общества, которые историк может и должен выявлять путем сравнения однородных явлений. С другой стороны, он различал реальную действительность и ее

научное познание. Поставив задачу обоснования специфики истории как науки, Р.Ю. Виппер связал вопросы ее гносеологии с психологией исторического творчества исследователя. Исходя из этого, профессор трактовал историческую закономерность *в научном исследовании* как психологический конструкт организации мыслительной деятельности историка, как «факт науки», а не действительности, который, наряду с другими категориями, необходим для привнесения смысла в исторический материал. Р.Ю. Виппер назвал эти категории «умственными разрезами» истории [10, с. 143].

Другие теоретики также считали, что реально протекающий исторический процесс существует отдельно от наших представлений о нем. Говоря об общих понятиях исторической науки, Д.М. Петрушевский отмечал, что если применять к некоторым из них слово закон, «то ясно, что не может быть речи об исторических законах, что можно говорить лишь о законах социологических» [2, с. 18]. П.Н. Милоков призывал не забывать о том, что построить дедуктивным путем известную закономерную последовательность социального развития еще не значит объяснить вполне историческую реальность [8, с. 11]. Однако Р.Ю. Виппер в своих рассуждениях об относительности наших знаний, о влиянии современности на историка заходил настолько далеко, что вообще отвергал возможность объективного познания действительности. Конечно, его крайние релятивистские выводы встретили критику среди коллег. Все они соглашались с тем, что современные проблемы влияют на выбор темы исследования, привносят субъективные оценки в интерпретацию прошлого, но историк должен стремиться к объективности, опираясь на научный методологический арсенал. В.П. Бузескул подчеркивал, что главной целью исторической науки является отыскание истины, и если, стремясь к полной объективности, историк может обезличивать событие и излишне преклоняться перед фактом, то соединение истории и политики может привести к крайней субъективности, к извращению и подтасовке фактов, что несет в себе опасность для науки [11, с. 223]. Однако вопрос о том, каким образом в изучении прошлого уклониться от этих двух крайностей, остался открытым.

Защитником объективности исторического познания (не без влияния марксистских идей) позиционировал себя Н.А. Рожков. Несмотря на признание того, что действительность и наши представления о ней – это две разные вещи, в виду чего исторические понятия и категории изменчивы, ученый был убежден в возможности научного познания общества. Поэтому он выступал против морализирования истории в любой форме, против подбора фактов в целях «практической потребности минуты», т. е. в борьбе интересов, партий, настроений и т. п. Исчерпывающего объяснения данному противоречию в своих взглядах историк не давал. Более того, Н.А. Рожков верил в возможность научного предвидения. Конечно, он признавал, что наши знания о законах настолько ограничены, что предвидеть будущее во всех подробностях, тем более отдаленное, мы не в состоянии, однако исследователь выражал уверенность, что с развитием общественнознания и социальные предсказания постепенно достигнут большей точности [12, с. 16].

Как уже отмечалось выше, другие представители «критического позитивизма» полностью отказывались от прогнозирования последующих событий. Предметом исторической науки является конкретное прошлое, и историк, наблюдая определенные сходства и повторения, должен признавать, что выявленные им закономерности общественного развития относятся только к произошедшим событиям, а к будущим никакого отношения не имеют. Даже социология, по В.М. Хвостову, в состоянии вывести только отдельные общие закономерности, протекающие в обществе, но так как они представляют собой отдельные ряды и имеют свойство пересекаться между собой, то в точке их пересечения и происходят события, которые мы называем случайными. Естественно, случай в истории также имеет свою причину, но ввиду того, что знание наше ограничено и относительно, мы никогда не разгадаем причины пересечения причинных рядов. Случай, по мнению методолога, есть «результат неполноты наших знаний» и из истории он неустраим [6, с. 334].

Повторения явлений, о которых писал Р.Ю. Виппер, также всегда есть относительные повторения: они заключают совпадение очень многих, но не всех, составных признаков [5, с. 58]. Цепи явлений, считал профессор, могут быть сравнимы, но они не совпадают между собой, а потому степень наших заключений не имеет полной точности. Кроме того, везде, где процесс или ряд явлений не закончен, в силу его индивидуальности предвидение обставлено множеством ограничений [5, с. 56], а значит, по причинам нельзя безошибочно предсказать следствие, пока оно не наступило. Похожей точки зрения на повторения в истории придерживался Е.Н. Щепкин, ввиду чего также сомневался в прогностических возможностях исторической науки [1, с. 187].

Содержание предмета истории как науки «критические позитивисты» рассматривали весьма широко. В этом отношении исследователи продолжили традицию отечественной позитивистской историографии. Методологическим инструментом в анализе и объяснении исторического материала все также выступал многофакторный подход, исходя из которого, историк должен изучать развитие общества во всем его многообразии. Все факторы признавались равноценными в своем воздействии на исторический процесс, ни один из них не считался определяющим. Однако, отрицая экономический детерминизм, некоторые историки соглашались, что изучение жизни общества удобнее начинать с социально-экономических от-

ношений. Наибольшее внимание материальным аспектам уделяли П.Н. Милоков и Н.А. Рожков, и, наоборот, основное значение отдавали психической стороне жизни Е.Н. Щепкин и В.М. Хвостов.

Кроме того, общей тенденцией исторической науки рассматриваемого периода, как заметил В.П. Бузескул, стало стремление изучать историю народной массы, а не только «великих людей», обращать больше внимание на «состояния», чем на «события» [11, с. 14; 12, с. 166]. Представители «второго» позитивизма продолжили раскрывать историю больших и малых социальных групп. Народ рассматривался как деятель истории, как активная сила, движущая историю по закономерному, необходимому пути развития. С элементом случайного традиционно связывалось значение действий отдельной личности, ее сознательное и непредсказуемое влияние на ход событий. Историки считали, что вокруг все развивается закономерно, поэтому любой поступок человека определяется внешними влияниями, а не его сознательным выбором. Следовательно, личную деятельность наука должна подвергнуть такому же закономерному объяснению. А.К. Живелегов писал: «Личность интересна лишь как типичный представитель или как продукт общества» [4, с. 311]. В то же время исследователь отмечал, что было бы ошибкой совершенно устранять личные характеристики из работы историка, даже несмотря на то, что под влиянием действий великих людей жизнь общества не может ни остановиться, ни утратить раз принятого направления. Данную точку зрения разделяли П.Н. Милоков, Д.М. Петрушевский, М.И. Ростовцев и др.

Полностью отрицал какую бы то ни было роль личности в истории Н.А. Рожков, отчего и считал, что «история лиц» не является самостоятельным предметом изучения [12, с. 170]. Исключить волевую единицу, творца, из объяснения связи явлений пытался Р.Ю. Виппер [10, с. 278]. В отличие от указанных выше авторов выдающуюся роль великой личности признавал Е.Н. Щепкин. В.М. Хвостов также видел в личностном факторе главный источник творческого движения вперед, однако отмечал, что деятельность отдельно взятого человека становится предметом изучения историка только в той мере, в какой он принимает участие в жизни человеческого общества, т. е. историк изучает «события социального характера» [6, с. 4]. Так или иначе, рассматриваемая группа ученых признавала, что любое действие каждого отдельного субъекта имеет свою причину и может быть объяснено.

Заключение. На основе всего вышесказанного, можно сделать следующие выводы, касающиеся предмета истории как науки в трактовке российских «критических позитивистов». Конечно, взгляды исследователей не были тождественны, каждый ученый предлагал свое оригинальное видение той или иной проблемы. Однако, несмотря на неоднородность научных убеждений историков, можно выделить некоторые общие черты их подходов к теоретическим вопросам истории. Во-первых, представители «второго» позитивизма стремились отстоять единство научного знания, не отрицая специфики общественных и естественных наук. Исходя из того, что нет такой науки, которая занималась бы изучением только единичных предметов, или, наоборот, установлением только общих связей, ученые предложили иной взгляд на соотношение общего и особенного в историческом исследовании. Обе эти категории они включили в предметное содержание истории, что не было характерно для «первого» позитивизма и неокантианства. В итоге, критические позитивисты, последовательно отстаивая роль общих понятий в научном арсенале историков, расширили задачи исторической науки за счет поиска причин и закономерностей общественных явлений.

Во-вторых, исследователи отмечали, что закономерности развития того или иного народа в их конкретной форме никогда не воспроизводятся с совершенной точностью дважды, а значит, исторический процесс в своих общечеловеческих масштабах вполне индивидуален, он имеет место быть лишь раз. Следовательно, общая историческая причинность в методологических концепциях указанных авторов была представлена как феноменологическая по своему характеру, поэтому ученые уверенно заявляли, что предвидение отдаленных событий невозможно ни средствами исторической науки, ни усилиями социологии.

В-третьих, «критические позитивисты» признавали объективное действие определенных закономерностей только на уровне исторического процесса. Что касается *научного* исследования этого процесса, то все категории, в том числе и понятия закономерности, факторов, социальных институтов и другие объявлялись существующими только в нашем сознании и необходимыми для объяснения разрозненных исторических явлений. Положение об относительном характере наших знаний о мире внесло изменения в представления историков о возможности объективного истолкования прошлого.

В-четвертых, меньше всего отрыв от базовых установок позитивизма в трудах обозначенной группы исследователей чувствовался в подходе к содержанию предмета истории. Как и прежде, исторический процесс рассматривался с точки зрения плюрализма факторов, основное внимание уделялось не столько отдельным личностям, сколько народным массам, а актуальным направлением в выборе тематики для конкретно-исторических исследований оставалась социально-экономическая история.

Таким образом, ведущие теоретики российской критико-позитивистской историографии четко различали предмет истории как самостоятельной науки и отводили ей свое место в ряду других теоретических наук. Ученые внесли существенный вклад в разработку теоретико-методологических проблем

исторической науки, несмотря на то что их взгляды по определенным вопросам не совпадали. Переосмыслив положения классического позитивизма с учетом новых идей и требований, предъявляемых науке, исследователи представили более современный взгляд на природу и специфику исторического знания, благодаря чему предвосхитили последующее развитие исторической мысли. Все это позволяет сделать вывод о высокой научной значимости и актуальности вклада ведущих представителей «критического позитивизма» для современной теории и методологии истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нечухрин, А.Н. Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в.–1917 г.): моногр. / А.Н. Нечухрин. – Гродно : ГрГУ, 2003. – 349 с.
2. Петрушевский, Д.М. К вопросу о логическом стиле исторической науки: Отдельный оттиск из «Известий Политехнического института императора Петра Великого» / Д.М. Петрушевский. – Пг. : Тип. Р.Г. Шредера, 1915. – Т. 24. – 21 с.
3. Рожков, Н.А. Обзор русской истории с социологической точки зрения / Н.А. Рожков. – М. : Издание И. Шамова, 1905. – Ч. 1. Киевская Русь (с VI до конца XII века). – 172 с.
4. Дживелегов, А.К. История / А.К. Дживелегов // Энциклопедический словарь Товарищества братьев А. и И. Гранат. – Изд. 7-е. – М., 1935. – Т. 22. – С. 282–319.
5. Вишпер, Р.Ю. Очерки теории исторического познания / Р.Ю. Вишпер. – М. : Типолитограф. Товарищества И.Н. Кушнерев, 1911. – 284 с.
6. Хвостов, В.М. Теория исторического процесса: очерки по философии и методологии истории : курс лекций / В.М. Хвостов. – Изд. 3-е (испр. и доп.). – М. : Моск. науч. изд. при Моск. науч. ин-те, 1919. – 392 с.
7. Хвостов, В.М. Социология. Введение / В.М. Хвостов. – М. : Изд. Моск. науч. ин-та, 1917. – Ч. 1: Исторический очерк учений об обществе. – 341 с.
8. Миллюков, П.Н. Очерки по истории русской культуры. / П.Н. Миллюков. – СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1896. – Часть первая: Население, экономический, государственный и сословный строй. – 223 с.
9. Тарле, Е.В. Падение абсолютизма в Западной Европе : ист. очерки Е.В. Тарле / Е.В. Тарле. – СПб ; М. : Изд. Товарищества М.А. Вольф, 1907. – Ч. 1. – 208 с.
10. Вишпер, Р.Ю. Две интеллигенции и другие очерки : сб. ст. и публичных лекций. 1900 – 1912 / Р.Ю. Вишпер. – М. : Типолитограф. Товарищества И.Н. Кушнерев, 1912. – 321 с.
11. Бузескул, В.П. Исторические этюды / В.П. Бузескул. – СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1911. – VI, 406 с.
12. Рожков, Н.А. Исторические и социологические очерки : сб. ст. : в 2 ч. / Н.А. Рожков. – М. : Изд. И. Шамова, 1906. – Ч. 1. – 260 с.

Поступила 26.10.2017

THE SUBJECT OF HISTORICAL SCIENCE IN THE INTERPRETATION OF CRITICAL AND POSITIVIST HISTORIOGRAPHY

T. LEONCHENKO

The article is devoted to one of the most urgent problems in the modern methodology of the history – the subject of historical science. The author analyzes the interpretation of this issue in the works of leading theoreticians of «critical positivism» in Russian historiography. In the introduction, given the problem field of research, a brief review of the literature on the subject. In the main part, the author conducted a comparative analysis of the views of Russian researchers on specific tasks of historical science, its place in the system of scientific knowledge, the specifics of historical knowledge, the problems of historical prediction. It is shown how the researchers approached the explanation of the laws of the development of human society and how they solved the question of the relationship between the general and the individual in historical research. Also revealed what significance scientists gave the study masses and the individual as the current forces in history

Keywords: *subject of history, "critical positivism", neo-Kantianism, historical pattern, historical forecasting, multivariate approach.*

УДК 94(476)«1907/1912»

**ПРОБЛЕМЫ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИБЕРАЛЬНЫХ И МОНАРХИЧЕСКИХ ПАРТИЙ
В III ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ (НА МАТЕРИАЛАХ БЕЛАРУСИ)**

Е.И. ГОЛОВАЧ

(Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова)

Анализируется деятельность либеральных и монархических политических партий по решению проблем народного образования в III Государственной думе Российской империи. Раскрыты особенности воззрений и тактики депутатов от белорусских губерний, показана их работа в комиссии по народному образованию, подготовке законопроектов, направленных на улучшение положения местного населения.

Ключевые слова: народное образование, III Государственная дума, политические партии и организации, либеральные и монархические партии, белорусские депутаты, проблемы образования и просвещения, законодательная деятельность, законопроект, политика правительства.

Введение. На рубеже XIX–XX вв. проблема народного образования и просвещения в Российской империи занимала особое место. В ее решении принимало участие не только российское правительство, но и различные политические партии и организации, которые выступали с многочисленными проектами, направленными на корректировку правительственной политики в данной сфере. Поэтому неслучайно вопросы народного образования нашли отражение в работе такого представительного учреждения, как III Государственная дума.

В научных трудах, посвященных истории либерального и монархического движения, изучались ключевые аспекты идеологии и тактики политических партий, рассматривалась их роль в общественно-политической жизни Российской империи в начале XX века. К их числу следует отнести книги российских историков И.В. Омелянчука [1], С.А. Степанова [2]. Свой вклад в изучение данной проблемы внесли и белорусские авторы, среди которых необходимо отметить работы К.М. Бондаренко [3; 4], Н.М. Забавского [5], Д.С. Лавриновича [6]. Однако до настоящего времени отсутствуют комплексные исследования, посвященные законодательной деятельности белорусских либералов и монархистов в сфере образования и просвещения. В связи с этим данная проблема требует более подробного изучения.

Основная часть. Основная работа над законопроектами в III Государственной думе проходила в комиссиях, состоявших из представителей различной политической ориентации. Заявление о формировании комиссии по народному образованию было внесено 30 членами партии «Союз 17 октября» 8 ноября 1907 г. В ее состав было избрано 55 человек, преимущественно русские православного вероисповедания (37 светских и 18 духовных лиц) [7, с. 73]. За время существования комиссия сделала 313 докладов общему собранию Государственной думы, не рассмотренными остались 16 законопроектов [8, с. 117].

На первом организационном заседании комиссии (24 ноября 1907 г.) ее председателем был избран В.К. фон Анреп (бывший профессор Медицинской Академии и попечитель Петербургского учебного округа), который по своим политическим убеждениям принадлежал к партии «Союз 17 октября». Товарищем председателя был назначен Е.П. Ковалевский (октябрист) [9, с. 79]. В комиссию по народному образованию входило семь депутатов от белорусских губерний: М.В. Блажевич (Витебская губерния), А.С. Вераксин (Виленская губерния), С.Г. Мацевич (Виленская губерния), епископ Митрофан (Могилевская губерния), И.Я. Павлович (Минская губерния), В.К. Тычинин (Гродненская губерния), А.Д. Юрашкевич (Минская губерния) [10, с. 252–253].

При открытии III Государственной думы в нее поступил законопроект о «Введении всеобщего начального обучения в Российской Империи» от 1 ноября 1907 г. Одновременно с законопроектом о всеобщем обучении Министерство народного просвещения просило выделить для этой цели кредит в 6 900 000 руб. [11, с. 66–67]. Согласно законопроекту в течение десяти лет к смете должно было прибавляться по десять миллионов рублей каждый год для введения всеобщего обучения. Кроме того, этот проект отводил главное место светской начальной школе, ставил под общий надзор церковно-приходские школы, допускал в первые годы преподавание на родном языке в тех местностях, где преобладает инородческое население, улучшал положение школьных учителей и пр. [12, с. 29].

Сумма в 6 900 000 руб. превышала все ассигнования на начальные училища со стороны Министерства за его более чем столетнее существование и вошла в закон от 3 мая 1908 г. После 1908 г. все дальнейшие ассигнования на нужды начального образования разрешались ежегодно особыми законами, в основу которых были положены те же начала, что и в закон от 3 мая 1908 г. Докладчиком по всем этим законопроектам выступал октябрист Е.П. Ковалевский. Особенностью законопроектов являлось то, что комиссия по народному образованию ежегодно настаивала на увеличении кредитов, испрашиваемых правительством.

В течение целого ряда лет Государственной думой были отпущены значительные средства на нужды начального образования. С 9 680 061 руб., ассигнованных в 1907 г., эта сумма возросла в 1913 г. до 55 277 645 руб., т.е. увеличилась почти в шесть раз, в то время как общая сумма расходов по смете Министерства увеличилась немного более, чем в три раза [13, л. 5].

В Государственной думе представители всех фракций высказались за принятие законопроекта о всеобщем обучении [10, с. 48]. Однако не все члены партии «Союз 17 октября» поддерживали идею о выделении для этой цели ежегодно десяти миллионов рублей. При обсуждении этого вопроса на заседании фракции октябристов 21 января 1911 г. мнения депутатов разделились: часть из них (М.М. Алексеенко, М.Я. Капустин, Е.П. Ковалевский) выступила в поддержку ежегодных ассигнований в размере десяти миллионов рублей, другая часть (Ю.Н. Глебов, В.К. фон Анреп, Г.В. Скоропадский) озвучила идею о выделении только восьми миллионов рублей [14, л. 189]. В результате долгих прений 31 января 1911 г. было принято решение с целью достижения всеобщего обучения в Российской империи согласиться на ежегодную фиксацию суммы в восемь миллионов рублей с возможностью увеличения этой цифры при неблагоприятных экономических условиях [14, л. 197].

Параллельно с выделением средств на училища Министерства народного просвещения Государственная дума не отказывала в кредитах и на синодские школы. В декабре 1907 г. одновременно с законопроектом о дополнительном ассигновании 7 000 000 руб. на земско-министерские народные школы группа правых депутатов за подписью 94-х человек внесла законопроект об ассигновании 4 003 740 руб. на устройство и открытие церковно-приходских школ [15, с. 130].

Представитель Могилевской губернии епископ Митрофан выступил по этому вопросу докладчиком. Он отметил, что данный законопроект явился результатом полугодовой работы комиссии и подкомиссии по народному образованию. Первоначально предполагалось выделить 4 000 000 руб. на нужды церковно-приходских школ, но позднее эта цифра была уменьшена до 1 000 000 руб. [16, ст. 2464]. Однако, по мнению епископа Митрофана, несмотря на то, что сумма ассигнований была значительно уменьшена, «... мы все-таки должны принять эту подачку, так как знаем нужды тех учителей, которые ожидают хотя небольшой прибавки к своему жалованью, хотя некоторого улучшения своего тяжелого положения» [17, с. 28].

Члены комиссии по народному образованию почти единогласно постановили выделить 1 700 000 руб. в качестве пособия церковно-приходским школам. Однако бюджетная комиссия уменьшила это пособие до 1 000 000 руб., объяснив это тем, что смета уже закончена и теперь очень трудно отыскать ресурсы на эти цели.

Свои подписи под законопроектом об ассигновании 4 003 740 руб. на устройство и открытие церковных школ поставили следующие белорусские депутаты: А.С. Вераксин, В.Л. Гаврилюк, В.Ф. Голынец, Н.К. Гюббенет, М.К. Ермолаев, В.М. Кузьминский, епископ Митрофан, А.Н. Наливайко, Ф.И. Никонович, И.Я. Павлович, А.П. Сапунов, С.И. Соловьевич, К.Ф. Томашевич, В.К. Тычинин, Ф.Т. Шевцов [18, с. 88, 99, 111, 118, 129, 171, 201, 206, 210–211, 217, 245–246, 255, 272, 277, 297].

Представитель Могилевской губернии епископ Гомельский не раз высказывался о деятельности церковно-приходских школ. В своей речи в 1906 г. при открытии курсов для учителей и учительниц церковных школ владыка так охарактеризовал данный тип школ: первые основы воспитания и образования детям дают родители, но со временем им на помощь приходит школа, и в этом отношении большие надежды возлагаются именно на церковную школу [19, с. 190]. Он считал, что в процессе воспитания детей учителя вкладывают больше труда, чем родители. Епископ также отмечал, что в настоящее время среди народа все более возрастает симпатия по отношению к церковной школе. Однако часто слышатся речи даже в печати, авторы которых неблагоприятно отзываются о церковно-приходских школах, стремятся найти малейшие изъяны в их деятельности.

Сторонником существования церковно-приходских школ являлся белорусский националист священник М.В. Блажевич. Начав служить в селе Кисели Себежского уезда Витебской губернии, через несколько лет он превратил его в один из самых культурных и духовно-нравственных уголков губернии. Здесь он открыл церковно-приходскую школу, которая стала центром, объединяющим вокруг себя культурную работу прихода. Благодаря активной деятельности Блажевича, наблюдался подъем экономического развития села Кисели. Витебский священник пользовался высоким авторитетом среди местного населения, которое обращалось к нему за советами по разным вопросам сельской жизни [15, с. 425–426].

Негативное отношение октябристов к законопроекту о церковно-приходских школах выразилось в том, что 20 марта 1908 г. на собрании фракции «Союза 17 октября» было принято решение о его передаче в «комиссию законодательных предположений», куда обычно отправлялись законопроекты, заранее обреченные на провал.

Анализируя причины такого отношения к внесенному на рассмотрение Думы законопроекту, епископ Митрофан в своей речи 10 июня 1908 г. с горечью говорил о попытках «подвергнуть церковную школу измору», под различными предлогами откладывая назначение субсидий, без которых она не может развиваться и существовать. Епископ Митрофан выступил категорически против идеи о создании единой сети начальных школ под руководством Министерства народного просвещения. Белорусский депутат обратил внимание на преимущества именно церковной школы перед светской в процессе воспитания народа в «религиозно-нравственном духе», ведении борьбы с отрицательными явлениями жизни [15, с. 131]. Ему

принадлежала еще одна идея: для установления единства школьного управления в Российской империи объединить все школы под началом духовного ведомства. В аналогичном духе выступил священник Машкевич, говоривший о «тяжком кризисе русской школы» [15, с. 132].

Но не все белорусские депутаты положительно оценивали роль церковно-приходских школ в системе образования Российской империи. Так, представитель от Могилевской губернии Ф.Т. Шевцов (русская национальная группа) заявил, что при обсуждении данного вопроса со своими крестьянскими избирателями была высказана мысль о переводе церковно-приходских школ в ведомство народного просвещения [16, ст. 2470]. В ответ на это Митрофан заявил, что он не видел такого отношения к церковно-приходским школам от населения своей епархии. А депутат Шевцов, вероятно, говорит от имени своего небольшого района, а не от всей Могилевской губернии. В целом же большинство белорусских монархистов высоко оценивали значение церковно-приходских школ в процессе образования и воспитания и выступали за увеличение их количества.

Государственная дума, в большинстве настроенная против самостоятельности церковно-приходских школ, затягивала обсуждение законопроекта, и только осенью, 3 ноября 1908 г., предложение 94-х депутатов попало на повестку дня. По данному вопросу выступали представители различных фракций. Социал-демократы заявили себя принципиальными противниками церковно-приходских школ. Кадеты и мирнообновленцы, не возражая открыто против самой идеи церковно-приходских школ, находили, что сохранять ее в том виде, как она есть, вне общего руководства и наблюдения, – значит нарушить единство плана всеобщего обучения [15, с. 133].

Правые и националисты выступили безоговорочно в поддержку своего законопроекта. Октябристы же в основном заявляли, что государство должно поддерживать просветительные учреждения, идущие от церкви, церковных союзов и обществ, «кввиду того, что в стране, страдающей от школьного голода, нельзя отказать в поддержке ни одной школе» [15, с. 134]. Думские крестьяне, среди которых вели пропаганду социал-демократы, начали высказываться резко против законопроекта. Так, например, витебский депутат умеренно-правый крестьянин В.Г. Амосенок прямо заявил, что деньги, полученные на школы, духовенство кладет себе в карман. В своей речи он даже обозвал заведующих приходскими школами священников ворами и мошенниками [15, с. 137].

5 декабря 1909 г. было избрано совещание о церковно-приходских школах при комиссии по народному образованию. В составе 12 членов совещания присутствовали белорусские представители (епископ Митрофан, В.К. Тычинин) [15, с. 140].

Центральное место в III Государственной думе занял вопрос: сохранить ли самостоятельность церковно-приходских школ или же передать их в ведомство Министерства народного образования [15, с. 145]. Выступая в защиту сохранения самостоятельного существования церковно-приходских школ, член комиссии по народному образованию священник Минской епархии А.Д. Юрашкевич (правый) подчеркнул общеобразовательную и нравственную ценность таких школ. Как и большинство ораторов, поддерживавших церковную школу, минский депутат обратил внимание на ее охранительное назначение в период революционных смятений. Он справедливо отметил, что образцовых церковно-приходских школ пока мало, и главная причина такого положения заключается в незначительных государственных субсидиях [15, с. 156–157].

9 февраля 1911 г. Дума приняла раздел XIV законопроекта о передаче церковно-приходских школ в ведение Министерства народного просвещения [14, с. 178]. Однако по этому поводу между Государственной думой и Государственным советом возникли разногласия. Государственный совет подтвердил право церковных школ на самостоятельное существование и расширение под управлением церковной власти (ассигновать на церковно-приходские школы 1 500 000 руб. ежегодно, начиная с 1912 г.) [15, с. 179].

Во всех регионах Российской империи в начале XX в. остро стояла проблема организации обучения на родном языке. 29 марта 1908 г. 37 депутатов Думы, главным образом кадеты, представили проект основных положений о языке преподавания в начальных школах в западных губерниях. Авторы законопроекта предлагали ввести преподавание на родном языке, начиная с 1908/1909 учебного года, при обязательном изучении русского языка как государственного [15, с. 50]. Депутат от Виленской губернии С.Г. Мацевич, излагая свою точку зрения по этому вопросу, предложил обучать детей белорусов-католиков в начальных учебных заведениях на польском языке. В свою очередь священник А.Д. Юрашкевич (Минская губерния) выступил с инициативой, чтобы белорусские дети обучались «не па-свойму, а толькі парасейску» [20, с. 708].

После обсуждения законопроекта в комиссии по народному образованию было принято решение, что преподавание должно вестись на русском языке, однако в первые два года разрешалось преподавание на родном языке учащихся при условии, что и русский язык будет изучаться с первых трех месяцев обучения [21, с. 50].

17 июня 1908 г. за 50 подписями в III Государственную думу был внесен еще один немаловажный законопроект «О пенсиях учителям и учительницам приходских по уставу 1828 года училищ». Следует отметить, что первыми подписавшимися под этим проектом были гродненские депутаты В.К. Тычинин и В.М. Кузьминский [22, с. 33] и витебский историк А.П. Сапунов (октябрист) [23, с. 139]. Инициаторы законопроекта обращали внимание на то, что учителя приходских училищ выполняют такую же тяжелую и ответственную работу, как и учителя народных училищ. Но если народные учителя получают пенсию из

кассы при Министерстве народного просвещения, то для учителей приходских училищ существует особый пенсионный капитал, т.е. казна в этом процессе участия не принимает [22, с. 33].

30 мая 1909 г. на заседании Государственной думы докладчиком по данному вопросу выступил В.К. Тычинин. В своей речи он определил основания, в связи с которыми этот законопроект был внесен в Думу, и отметил, что по закону в настоящее время учителям и учительницам приходских училищ полагаются незначительная пенсия в размере 90 руб. в год. Тычинин пришел к заключению, что пенсия приходских учителей и учительниц не соответствует их окладам содержания [16, ст. 2725–2726]. 28 мая 1909 г. этот законопроект был передан в комиссию по народному образованию, затем 18 декабря 1909 г. одобрен Думой и высочайше утвержден 15 января 1910 г. [22, с. 34].

Депутат В.М. Кузьминский выступил в Государственной думе от фракции националистов по проекту государственной росписи в соответствии со сметой Министерства народного просвещения. Он отметил, что на 1909 г. смета исчислена на 11 000 000 руб. больше, чем на прошлый год. Из этой суммы 7 000 000 руб. предназначены только на начальное народное образование. Фракция националистов, по его словам, приветствует такое увеличение ассигнований в целях скорейшего достижения всеобщего начального образования [24, ст. 2530]. В.М. Кузьминский заявил, что в настоящее время многие очень сильно критикуют народные школы, предлагая увеличить объем школьного преподавания и срок обучения, ввести в школьную программу прикладные знания и таким образом превратить народную школу в культурный центр в деревне. Однако депутат высказал сомнение в том, что нынешний состав учителей сможет все это сделать. При обсуждении вопроса о необходимости введения всеобщего народного начального образования он придерживался такой точки зрения, что с этим вопросом не следует торопиться, т.к., во-первых, для этого нужны очень большие средства, а во-вторых, очень хорошо подготовленные учителя [24, ст. 2531–2532]. Но, по его мнению, в настоящее время в Российской империи нет ни того, ни другого.

22 марта 1911 г. за подписями 33 депутатов в III Государственную думу был внесен законопроект «Об установлении права поступать в высшие учебные заведения для лиц, оканчивающих реальные училища, духовные семинарии, кадетские корпуса, коммерческие училища и другие средние учебные заведения». Одним из первых, подписавших этот законопроект, был депутат от Гродненской губернии В.К. Тычинин [23, с. 176]. Законопроект имел целью устранить несправедливый порядок, при котором выпускники гимназий могли поступать во все высшие учебные заведения, а выпускники реальных училищ – только в высшие специальные (технические). Депутаты предлагали предоставить выпускникам реальных училищ право поступать в университеты, сдав разницу в программах. 22 марта 1911 г. законопроект был передан в комиссию по гимназиям и подготовительным училищам в качестве материала. 23 мая 1912 г. Государственная дума одобрила законопроект. Однако дальнейшего продвижения он не получил [23, с. 176]. Заслуживает внимания позиция минского октябриста Г.К. Шмидта, которая заключалась в том, что Государственная дума должна отыскать средства для организации народных школ в Российской империи, в которых учащиеся могли не только обучаться грамоте, но и получать знания по сельскому хозяйству и ремеслам [25, с. 1].

Белорусские либералы поддержали следующие законопроекты, внесенные на рассмотрение III Государственной думы: «О правилах приема в высшие учебные заведения» (прогрессист В.А. Бич, Гродненская губерния) [26, с. 54] и «О предоставлении воспитанникам учебных заведений Прибалтийского края держать часть экзаменов на немецком языке» (октябрист П.Г. Доппельмайер, Витебская губерния) [27, с. 171–172].

Заключение. На основе проведенного исследования можно сделать вывод о том, в работе III Государственной думы нашли отражение вопросы, связанные с введением всеобщего начального образования в Российской империи, выделением средств на открытие церковно-приходских школ, организацией обучения на родном языке, увеличением размера пенсий учителям приходских училищ и пр. В свою очередь представители либеральных и монархических политических партий от белорусских губерний принимали самое активное участие в разработке и обсуждении законопроектов по народному образованию, внесенных на рассмотрение III Государственной думы, отправляли собственные поправки и предложения, многие из которых впоследствии вошли в действующее законодательство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Омелянчук, И.В. Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914) / И.В. Омелянчук. – Киев : МАУП, 2007. – 744 с.
2. Степанов, К.М. Черная сотня в России (1905–1914) / С.А. Степанов. – М. : Изд-во ВЗПИ ; Росвузнаука, 1992. – 329 с.
3. Бондаренко, К.М. Правые партии и их организации в Беларуси (1905–1917 гг.) : моногр. / К.М. Бондаренко. – Могилев : МГУ им. А.А. Кулешова, 2010. – 412 с. : ил.
4. Бондаренко, К.М. Русские и белорусские монархисты в начале XX века : моногр. / К. М. Бондаренко, Д.С. Лавринович. – Могилев : МГУ им. А.А. Кулешова, 2003. – 212 с.
5. Забаўскі, М. М. Расійская Дзяржаўная дума ў лесах Беларусі (1906–1917 гг.) / М.М. Забаўскі. – Мінск : БДПУ, 2008. – 267 с.

6. Лавринович, Д.С. Деятельность общероссийских либеральных партий на территории Беларуси (1905–1918 гг.) : моногр. / Д.С. Лавринович. – Могилев : МГУ им. А.А. Кулешова, 2015. – 326 с. : ил.
7. Овчинников, А.В. Дума народного просвещения / А.В. Овчинников // Педагогика. – 2000. – № 8. – С. 73–79.
8. Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва. 1907–1912 гг. – СПб. : Гос. тип., 1912. – Ч. I. Общие сведения. – 515 с.
9. Герье, В. Значение третьей Думы в истории России : в 2 ч. / В. Герье. – СПб. : Тип. т-ва А.С. Суворина, 1912. – Ч. 1. – 99 с.
10. Ропп, А.Н. Что сделала третья Государственная дума для народного образования? / А.Н. Ропп. – СПб. : Тип. А.С. Суворина, 1912. – 255 с.
11. Соломатина, Т. Б. Общественно-педагогическое движение в условиях Российского парламентаризма / Т.Б. Соломатина // Педагогика. – 2000. – № 1. – С. 62–68.
12. Что делала и что делала третья Государственная Дума. – СПб. : Т-во «Екатерингофское Печатное Дело», 1912. – 56 с.
13. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 539. Оп. 1. Д. 346. Газетные вырезки по вопросу Министерства Народного Просвещения за 1914–1915 гг.
14. ГАРФ. – Ф. 115. Оп. 1. Д. 19(3). Протоколы заседаний думской фракции «Союза 17 октября» с обсуждением.
15. Рожков, В. Церковные вопросы в Государственной Думе / В. Рожков. – М. : Изд-во Крутицкого подворья; О-во любителей церковной истории, 2004. – 560 с.
16. Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв III. 1909 г. Сессия II. Часть. IV. Заседания 101–126 (с 27 апреля по 2 июня 1909 г.). – СПб. : Гос. тип., 1909. – 3476 ст.
17. Головач, Е.И. Вопросы народного образования в третьей Государственной Думе / Е.И. Головач // Весн. Мазыр. дзярж. пед. ун-та імя І.П. Шамякіна. – 2008. – № 3(20). – С. 27–30.
18. Указатель к стенографическим отчетам (Части I–III). Созыв III. Сессия I. 1907–1908 гг. Заседания 1–98 (1 ноября 1907 г. – 28 июня 1908 г.). – СПб. : Гос. тип., 1908. – 672 с.
19. Слова, поучения и речи Архимандрита Митрофана ректора Могилевской Духовной Семинарии. – Могилев на Днепре : Скоропечатня и Литография Ш. Фридланда, 1906. – 204 с.
20. Г.Б. Справа аб беларускай школе у Думе / Г.Б. // Наша ніва. – 1910. – 18 ліст. – С. 707–708.
21. Трубчык, П.А. Праблемы развіцця адукацыі ў заходніх губернях у пачатку XX ст. (па матэрыялах дзейнасці Дзяржаўнай думы Расійскай імперыі) / П.А. Трубчык // Вестн. МГИРО. – 2015. – № 3. – С. 49–52.
22. Законотворчество думских фракций. 1906–1917 гг.: Документы и материалы / под общ. ред. П.А. Пожигайло. – М. : РОССПЭН, 2006. – 768 с.
23. Хмяльніцкая, Л. Гісторык з Віцебска [жыццяпіс Аляксея Сапунова] / Л. Хмяльніцкая. – Мінск : Энциклапедыкс, 2001. – 256 с.
24. Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв III. 1909 г. Сессия II. Ч. III. Заседания 71–100 (с 6 марта по 24 апреля 1909 г.). – СПб. : Гос. тип., 1909. – 3211 ст.
25. Шмидт, Г. Минск, 13 октября / Г. Шмидт // Минское слово. – 1907. – 12 окт. – С. 1.
26. Николаев, А.Б. Бич Василий Акимович / А.Б. Николаев // Государственная Дума Российской империи. 1906–1917 : энцикл. / под ред. В. В. Шелохаева [и др.]. – М. : РОССПЭН, 2008. – С. 54.
27. Ромов, Р.Б. Доппельмайер Порфирий Гаврилович / Р.Б. Ромов // Государственная дума Российской империи. 1906–1917 : энцикл. / под ред. В. В. Шелохаева [и др.]. – М. : РОССПЭН, 2008. – С. 171–172.

Поступила 30.11.2017

**THE PROBLEMS OF PUBLIC EDUCATION
AT THE ACTIVITY OF THE LIBERAL AND MONARCHIC PARTIES
AT THE THIRD STATE DUMA (AT THE MATERIALS OF BELARUS)**

E. GOLOVACH

In the article gives the analysis of the activity of the liberal and monarchist political parties for resolving the problems of public education in the third State Duma of the Russian Empire. The author reveals the peculiarities of views and tactics of deputies from the Belarusian provinces, shows their work in the commission of public education, in the development of the draft laws aimed at improving the condition of the local population.

Keywords: *public educational, the third State дума, political parties and organizations, liberal and monarchic parties, byelorussian deputies, the problem of education and enlightenment, legislative activity, project of law, the policy of government.*

УДК 94(476):271.2:27-788

**МОНАСТЫРИ И МОНАШЕСТВО НА ТЕРРИТОРИИ БССР
В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ****Л.А. ВАСИЛИЦЫНА****(Витебский государственный университет им. П.М. Машерова)**

Представлен историографический обзор положения монастырей Русской Православной Церкви на территории БССР. Рассмотрены основные подходы и оценки, сложившиеся в современной отечественной исторической науке относительно тенденций государственно-церковных отношений советского периода. Обозначены наиболее важные проблемно-хронологические направления исследовательского поля, отражены текущие выводы, сформулированные в науке по вопросам правового положения монастырских общин в советский период, организации и особенностям их хозяйственной деятельности, взаимоотношения со властными структурами. Показано, что многие проблемы затрагивались преимущественно в контексте общецерковной истории и не становились предметом самостоятельного исследования. Сделан вывод о том, что, несмотря на имеющийся научный интерес к теме монастырской жизни в советский период и определенную разработанность проблемного поля, она требует дальнейшего углубленного изучения.

Ключевые слова: монастыри, монашество, Православная Церковь, БССР, государственно-церковные отношения.

Введение. Русская Православная Церковь в современной Беларуси является институтом, участвующим в формировании духовно-нравственных основ общества. Ее структуры оказывают значительное влияние на различные сферы общественной жизни. Исторически православные монастыри определяли духовное и культурное состояние региона, являлись центрами просвещения и хозяйства. Возрождение монастырской жизни в исторических центрах обусловило интерес научного сообщества к изучению этой проблемы. В связи с этим возникает необходимость систематизировать полученные результаты исследований и оценить перспективы расширения исследовательского поля.

Основная часть. В работах современных отечественных исследователей, раскрывающих проблемы деятельности монастырей в советский период, условно можно выделить несколько проблемно-хронологических блоков.

Изменения в положении обитателей в первые годы советской власти затрагивали Н.В. Довгяло [1], И.И. Янушевич [2], священник Федор Кривонос [3]. Авторы дали общую оценку положения Православной Церкви и ее институтов, в том числе монашества, в условиях становления советской политической системы, определили формы и специфику взаимоотношений государственных структур и православных религиозных общин. Был рассмотрен комплекс мер административного давления на религиозные объединения. Н.В. Довгяло охарактеризовала правовое положение монастырских религиозных сельскохозяйственных общин, отметила тенденцию к закрытию городских монастырей и преобразованию сельских в трудовые коммуны и артели. Автор пришла к выводу, что сельскохозяйственные артели создавались на базе женских монастырей, а мужские чаще всего закрывались по причине малочисленности насельников.

В 1922 г. СНК РСФСР под предлогом помощи голодающим Поволжья начал кампанию по изъятию церковных ценностей. Одна из первых масштабных акций советского правительства против Церкви привлекала внимание исследователей. К вопросу реквизиции монастырских ценностей обращались священник В. Горидовец [4], А.В. Слесарев [5], Е.Н. Борун [6]. Отмечалось, что со стороны руководства монастырей не наблюдалось открытого сопротивления, однако отмечались попытки сохранения ценностей путем сокрытия. В рамках кампании проводились массовые обыски, нарушалась инструкция, изымались употребляемые в службах предметы и личные ценные вещи духовенства. Ученые пришли к выводу, что кампания по изъятию церковных ценностей в православных монастырях осуществлялась по общим принципам сложившейся практики конфискации церковного имущества, иногда местные власти привлекали на помощь силовые структуры [5, с. 136].

При поддержке советской власти предпринимались попытки раскола патриаршей церкви. Генезис обновленчества на территории БССР исследовал священник Д. Шиленок [7]. В своей монографии он указывал, какие из монастырей поддержали обновленческое движение, а какие остались на стороне патриарха. Во многих местах работа носит описательный и статистический характер. К вопросу раскола Православной Церкви в Беларуси в 1920-е гг. также обращался В.И. Новицкий [8], который раскрыл процесс формирования структуры Белорусской обновленческой православной церкви и оценил результаты ее деятельности. В числе прочего проанализировал позицию обновленцев по отношению к институту монашества. В качестве примера борьбы «обновленцев» с «тихоновцами» за храмы и приходы описал слу-

чай административной передачи «прогрессистам» при помощи спецслужб Церкви Минского Спасо-Преображенского монастыря. Наиболее полно этапы становления и деятельности Белорусской обновленческой церкви рассмотрены в диссертационном исследовании и научных статьях В.В. Бараненко [9]. Автор последовательно восстановил события, в том числе охарактеризовал отношение монастырей к «обновленческой» или «патриаршей» церкви в конкретные временные отрезки и определил зависимость этой ориентации от политической обстановки и личных убеждений руководства общин.

Научный интерес вызывают работы сравнительного характера. В статье «Православная церковь в Беларуси в межвоенный период (1921–1939)» [10] И.И. Янушевич сравнил положение Православной Церкви в БССР и Речи Посполитой. Автор рассмотрел основные направления конфессиональной политики советских партийно-государственных структур и польского правительства. Основное внимание было уделено анализу фактов нарушения прав верующих, отмечались тенденции, направленные на подчинение религиозных организаций политическим установкам правящих кругов. В работе освещены гонения на монашествующих, которые происходили в ходе давления на Церковь.

Положение православных монастырей в годы Великой Отечественной войны также становилось предметом исследования. Протоиерей Ф. Кривонос коснулся вопроса возрождения церковной жизни в Восточной Беларуси в начальный период немецкой оккупации [11]. Священник В. Горидовец рассматривал церковную жизнь на территории Полоцко-Витебской епархии в период немецкой оккупации в 1941–1944 гг. [12]. В своей диссертации С.В. Силова [13] описывала процесс организации церковной жизни в годы войны. Авторы сделали вывод, что в процессе открытия храмов на оккупированной территории возрождались и обители. Указывалось, что совершались богослужения в Свято-Духовом мужском монастыре г. Минска, временно возобновил работу Ляданский мужской монастырь, в котором отбывал ссылку митрополит Пантелеймон Рожновский, и Чонковский женский монастырь. Также возобновились богослужения в Казанской церкви Маркова монастыря в г. Витебске, в октябре 1943 г. было совершено перенесение мощей преподобной Евфросинии в Полоцкий монастырь. Авторы отмечали подъем религиозности населения. Например, в неделю Торжества православия в Спасо-Евфросиниевском монастыре у старейшего священника Полоцка архимандрита Модеста (Павлова) причастились более 250 человек, многие дети и подростки исповедовались впервые в жизни [12, с. 282]. В исследованиях описывалось миссионерское путешествие насельников Жировичского монастыря архимандрита Серафима (Шахмутя) и священника Григория Кударенко с целью организации церковно-приходской жизни в Восточной Беларуси.

Активизацию монашеской жизни исследователи связывали с общим оживлением церковной жизни, высказывалось утверждение, что монастыри стали прибежищем для населения, «в монахи шли, как правило, престарелые люди, которые лишились родственников и не могли рассчитывать на помощь в старости» [13, с. 57]. К июню 1945 г. на территории Беларуси действовало три монастыря: в Гродно, Жировичах и Полоцке.

Основные направления хозяйственной деятельности монастырей, их взаимоотношения с государственными властями в послевоенный период нашли отражение в ряде авторских работ. Отмечалось, что Совет по делам РПЦ принял решение сохранить существующее положение монастырей и не препятствовать их деятельности до выработки последующих постановлений. В пользовании монастырей оставляли все движимое и недвижимое имущество, которое принадлежало им на момент освобождения Беларуси, монашествующих было запрещено выселять из занимаемых ими помещений. В повседневной жизни местные власти частично удовлетворяли некоторые требования монастырей [14, с. 73–75]. Уполномоченные Совета по делам РПЦ при облизполкомах систематически собирали сведения обо всех обителях БССР по утвержденной Советом схеме-справке. В целом хозяйственная деятельность монастырей была направлена на решение вопросов самообеспечения и выполнения государственных поставок. Исследователи пришли к выводу, что в конце 1950-х гг. политика местных властей была направлена на прекращение существования обителей [15].

Значимое направление представляют исследования, характеризующие региональную специфику государственно-церковных отношений. Г.Н. Шейкин в работе «Полоцкая епархия» [16] представил историко-статистическое обозрение, в котором описал важнейшие события, указал количество монастырей Полоцко-Витебской епархии. В статье И.И. Янушевича «Антирелигиозная деятельность в Полоцком районе в контексте общественно-политической ситуации в БССР в 1937–1941 гг.» [17] были проанализированы формы и методы антирелигиозной работы, сделаны выводы о степени ее эффективности. Основной помехой на пути продвижения безбожия и обновленчества была названа Полоцкая женская обитель. Авторы указали основные события из жизни Спасо-Евфросиниевского монастыря: изъятие ценностей, вскрытие мощей преподобной Евфросинии, закрытие обители в 1922 г., возобновление монастырской жизни в 1942 г., закрытие монастыря в 1960 г. и переселение монахинь в Жировичи. В.Н. Черепица [18] представил биографические сведения о настоятелях Жировичского мужского и Гродненского женского монастырей, монашествующих, преподавателях Духовной семинарии, проанализировал следственные

дела священнослужителей и монашествующих. В издании Н.И. Дорош «Православный Гродно» [19] отдельный раздел посвящен женскому монастырю Рождества Пресвятой Богородицы и судьбе его настоятельницы игуменьи Гавриилы (Рисицкой). В исследованиях рассмотрены главные вехи в судьбе обители, включая восстановление монастырского храма в 1929 г., взаимоотношения с местными властями в послевоенный период. Ученые отметили, что в 50-е гг. в женском Гродненском монастыре была налажена внутримонастырская жизнь и возросла социальная значимость обители – при ней были открыты приют для детей-сирот, золотошвейная мастерская и свечной цех [18, с. 237]. Освещен механизм закрытия женского монастыря и выселение насельниц летом 1960 г.

Исследователи затрагивали широкий круг проблем, связанных с монастырской жизнью. Социальный феномен женского монашества рассматривала Н.В. Старкова [20]. А. Калинина [21], изучая тему сопротивления верующих антирелигиозной политике государственных властей, представила опыт служения бывших насельников закрытых монастырей. Описанию монастырских комплексов Полоцкого Богоявленского, Полоцкого Борисоглебского, Махировского монастырей, анализу причин, приведших к утрате части архитектурных объектов, посвящены работы Е.Н. Борун [22]. Возрождению Полоцкого монастыря в новейшее время посвящена статья М.В. Пищуленка и Н.В. Старковой [23]. Ценность для исследователя представляют сведения о личностях и судьбах насельников. Это позволяет оценить духовный потенциал и значимость монастырей, их влияние на население [24].

Отдельно следует выделить публикации научно-популярного и краеведческого характера о Свято-Успенском Жировичском [25], Свято-Евфросиниевском Полоцком [26], Свято-Никольском Могилевском [27] и Свято-Рождество-Богородичном Гродненском [28], Барколабовском [29], Бельничском [30] и Кобринском [31] монастырях. Как правило, в них наиболее полно и последовательно изложены события дореволюционного времени, исследуемый же период отражен фрагментарно. В то же время особую значимость работам придает публикация архивных документов и фотографий, а также записей воспоминаний очевидцев. В пособии «Віцебскі раён: краязнаўчыя нарысы» [32] представлены очерки истории монастырей Витебщины. В них отражена хозяйственная жизнь и социальное служение, отмечены факты закрытия и разрушения монастырских храмов.

Наряду с обобщающими и специальными исследованиями следует выделить материалы справочного характера. К ним относятся мартирологи, синодики, энциклопедии и справочники. Наиболее полные синодики и мартирологи составлены священниками Ф. Кривоносом [33], В. Горидовцом [34], М. Носко [35], исследователями Л.В. Моряковым [36], А.В. Слесаревым [37]. Работы содержат биографические данные об иерархах, клириках, монашествующих, подвергшихся гонениям, а также указываются места их последнего служения. Эти сведения позволяют оценить масштабы репрессий и проследить судьбы церковнослужителей и монашествующих после закрытия монастырей.

В энциклопедической и справочной литературе наиболее значимые факты из истории обителей и биографий монашествующих подаются в контексте истории Православной Церкви. Исследуемый период представлен фрагментарно, основное внимание уделялось фактам закрытия монастырей и разрушения монастырских комплексов [38, 39, 40, 41].

Заключение. В современной отечественной исторической науке проблема положения и деятельности монастырей Русской Православной Церкви в советский период представлена разнообразными по проблематике и направленности работами.

Четкую исследовательскую оценку получили вопросы, связанные с динамикой правового положения монастырей и вызванной этим перестройкой их хозяйственной и общественной деятельности. Наиболее содержательно раскрывались вопросы реквизиции монастырских ценностей, обновленческого движения, антирелигиозные мероприятия (изъятие собственности, вскрытие мощей), санкционированные партийно-государственными структурами репрессии в отношении монашествующих. Значимые выводы сделаны специалистами в изучении региональной специфики государственно-церковных отношений. Определенный научный интерес вызывают работы, посвященные сравнению тенденций государственно-церковных отношений в различных государственных образованиях, в которые входили белорусские земли.

Вместе с тем исследований, направленных на комплексное изучение проблемы монашества в пределах всей республики с учетом особенностей государственной политики в различные периоды, не проводилось. Политика партийно-советских структур на республиканском и местном уровнях в отношении монастырей, реакция на нее монашествующих требуют углубленного изучения. Больше внимания следует уделить значению обителей как религиозных и духовных центров, оценить их роль и место в общественно-политических и социально-экономических процессах советской Беларуси.

ЛИТЕРАТУРА

1. Довгяло Н.В. Реорганизация православных монастырей на территории Беларуси в 1924–1939 годах / Н.В. Довгялло // Чацвёрты Міжнародны Кангрэс даследчыкаў Беларусі : прац. мат. – Каунас, 2015. – С. 134–138.

2. Янушевич, И.И. Политика советского государства по отношению к Русской Православной Церкви 1917–1927 гг.: на материалах Беларуси : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / И. И. Янушевич. – Минск, 2001. – 115 с.
3. Кривонос, Ф. Белорусская Православная Церковь в XX столетии : спецкурс лекций для Минской Духовной Семинарии / священник Ф. Кривонос. – Минск : Врата, 2008. – 255 с.
4. Горидовец В. Изъятие ценностей у религиозных общин в Витебской губернии в 1922 году [Электронный ресурс] / Седмица.RU: Церковно-Научный Центр «Православная Энциклопедия». – Режим доступа: <http://www.sedmitza.ru/text/4021493.html>. – Дата доступа: 21.03.2014 г.
5. Слесарев, А.В. Кампания по изъятию церковных ценностей на территории Гомельского уезда (апрель – август 1937 г.) / А.В. Слесарев // Труды Минской духовной академии. – 2011. – № 9. – С. 126–139.
6. Борун, Е.Н. Полоцкий Спасо-Евфросиниевский женский монастырь: век XX (исторический очерк) / Е.Н. Борун // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А. Гуманитарные науки. – 2005. – № 7 – С.17–21.
7. Шиленок Д. Из истории Православной церкви в Белоруссии (1922–1939): (Обновленческий раскол в Белоруссии) / священник Д. Шиленок. – М. : Изд-во Крутицкого подворья, 2006. – 218 с.
8. Навіцкі, У.І. Палітыка расколу Рускай Праваслаўнай Царквы ў Беларусі (1920-я гг.) / У. І. Навіцкі // Беларус. гістар. часоп. – 2003. – № 2. – С. 40–48
9. Бараненко, В.В. Отношение белорусского православного верующего населения к обновленческому движению в 1920-х–1930-х гг. / В.В. Бараненко // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А. Гуманитарные науки. – 2016. – № 1. – С. 79–87.
10. Янушевич, И. И. Православная церковь в Беларуси в межвоенный период (1921–1939 гг.) / И. И. Янушевич // Научные труды РИВШ : историч. и психол.-педагогич. науки / РИВШ ; под ред. М.И. Демчука [и др.]. – Минск, 2012. – С. 371–377.
11. Кривонос Ф. Но печаль ваша в радость будет. Возрождение церковной жизни в Восточной Белоруссии в начальный период немецкой оккупации (первая половина 1941 года) / священник Ф. Кривонос. – Жировичи : Изд-во Минской духовной семинарии, 2013. – 64 с.
12. Горидовец, В. Церковная жизнь на территории Полоцко-Витебской епархии в период немецкой оккупации в 1941–1944 годах / священник В. Горидовец // Вестник церковной истории. – 2008. – № 2(10). – С. 281–282.
13. Силова, С.В. Православная церковь в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) : дис... канд. ист. наук : 07.00.02 / С.В. Силова. – Гродно, 1999. – 126 с.
14. Василицын, А.Г. Правовое положение и хозяйственная деятельность православных монастырей Белорусской ССР в 1944–1946 гг. / А.Г. Василицын // Молодежь – Науке : материалы 57-й науч. конф. студентов и аспирантов ПГПУ. – Псков : ПГПУ, 2012. – Т. 12. – С. 72–74.
15. Дроздов, Д. Витебская епархия: история и современность / архиепископ Димитрий (Дроздов). – Минск : Меди-сон, 2011. – 232 с.
16. Шейкин, Г.Н. Полоцкая епархия: историко-статистическое обозрение / Г.Н. Шейкин. – Минск : Свято-Петропавловский собор, 1997. – 96 с.
17. Янушевич, И.И. Антирелигиозная деятельность в Полоцком районе в контексте общественно-политической ситуации в БССР в 1937–1941 гг. / И.И. Янушевич // Беларуская Падзвінне: вопыт, метадыка і вынікі палявых і міждyscyплінарных даследаванняў : зб. навук. арт. II міжнар. навук. канф., Полацк, 17–18 красав. 2014 г. : у 2 ч. – Наваполацк : ПДУ, 2014. – Ч. 2. – С. 171–177.
18. Черепица, В.Н. Очерки истории Православной Церкви на Гродненщине (с древнейших времен до наших дней) / В.Н. Черепица. – Гродно : ГрГУ, 1999. – Ч. 1. – 320 с.
19. Дорош, Н.И. Православный Гродно / Н.И. Дорош. – Гродно, 2000. – 266 с.
20. Старкова, Н.В. Монашество как реализация женской судьбы / Н.В. Старкова // Германский и славянский миры: взаимовлияние, конфликты, диалог культур : материалы междунар. научно-теоретич. конф. 6–8 дек. 2001 г. – Витебск : Изд-во ВГУ им. П. М. Машерова. – С. 261–263.
21. Калинина, А. Христианские конфессии Советской Белоруссии в 1929–1939 гг.: активные и пассивные формы сопротивления [Электронный ресурс] / А. Калинина // Государство, религия, Церковь. – 2012. – № 3–4. – Режим доступа: http://www.intelros.ru/pdf/GosRelTserkov/2012_03-04/9.pdf. – Дата доступа: 21.08.2016.
22. Борун, Е.Н. Утраченные архитектурные объекты: монастырские комплексы полоцкой православной епархии / Е.Н. Борун, Н.В. Довгяло // Актуальные проблемы архитектуры Белорусского Подвинья и сопредельных регионов : сб. статей респ. науч.-практ. семинара, Новополоцк, 8–9 окт. 2015 г. / под общ. ред. В.Е. Овсейчика (отв. ред.). – Новополоцк : ПГУ, 2015. – С. 48–51.
23. Пішчулёнак, М. Ціхі прытулак, або Чацвёртае адраджэнне / М. Пішчулёнак, Н. Старкова // Беларуская мінуўшчына. – 1995. – № 6. – С. 26–29.
24. Шейбак, В. В. Жировичский монастырь как центр православного паломничества в БССР в конце 1940-х – середине 1980-х годов / В. В. Шейбак // Духовно-нравственное воспитание на основе отечественных культурно-исторических и религиозных традиций и ценностей : материалы междунар. науч.-практ. конф., Жировичи, 27 мая 2010 г. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии, Беларус. Экзархат Моск. Патриархата Рус. Правосл. Церкви; науч. ред. совет: М. В. Мясникович, Высокопреосвящ. Филарет [и др.]. – Минск, 2010. – С. 48–53.
25. История Жировицкого Свято-Успенского монастыря: по письменным источникам, преданиям и свидетельствам современников / авт.-сост. игумена Гавриила (Глухова). – Изд. 2-е испр. и доп. – М. : Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт, 2004. – 165 с.
26. Монастырь у церкви Спаса: Полоцкий Спасо-Евфросиниевский монастырь от древности до наших дней. – Минск : Орех, 2007. – 136 с.
27. Свято-Никольский женский монастырь г. Могилева. Посвящается 20-летию возрождения обители / ред. игум. Евгения (Волощук). – Могилев-на-Днепре, 2011 г. – 58 с.

28. Гродненский Свято-Рождество-Богородичный женский монастырь / авт.-сост. игуменья Гавриила (Глухова). – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Изд-во ПСТГУ, 2007. – 146 с.
29. Барколабовская обитель. Возрождение Свято-Вознесенского женского монастыря Бобруйской Епархии в деревне Барколабово. – Бобруйск : Приход кафедрального собора Святителя Николая Чудотворца города Бобруйска, 2009. – 26 с.
30. Мороз, А. Бельничский монастырь / А. Мороз. – Минск : БелФранс, 2005. – 29 с.
31. Обитель Спаса Всемилового – 550 лет / сост.: игуменья Евфросиния (Куракевич). – Кобрин : Монастырь во имя Всемилового Спаса в г. Кобрине ; Минск : Приход Свято-Петро-Павловского собора в г. Минске, 2015. – 63 с.
32. Віцебскі раён: краязнаўчыя нарысы / І. А. Абрамава [і інш.] ; уклад. М. В. Півавар. – Минск : Паркус плюс, 2008. – 328 с.
33. Кривонос, Ф. Синодик за веру и церковь Христову пострадавших в Минской епархии (1918–1951 гг.) / священник Ф. Кривонос. – Киевец, 1996. – 100 с.
34. Горидовец, В. Витебский мартиролог / священник В. Горидовец. – Витебск, 2008. – 77 с.
35. Носко, М. Мартиролог Брестской епархии / священник М. Носко // Труды комиссии по канонизации в Белорусской православной церкви. – Вып. 1. – 2010. – С. 93–95.
36. Маракоў, Л. У. Рэпрэсаваныя праваслаўныя свяшчэнна- і царкоўнаслужыцелі Беларусі, 1917–1967 : энцыклапед. даведнік : у 2 т. / Л. У. Маракоў. – Мінск : Бел. Экзархат, 2007. – Т. 1. – 464 с., Т.2. – 656 с.
37. Мартиролог Гомельской епархии (1917–1953) : биографический справочник / авт.-сост. А. В. Слесарев. – Минск : Изд-во Минской духовной академии, 2017. – 339 с.
38. Горохов, В.А. Монастыри Беларуси. Витебская епархия / В.А. Горохов. – Сергиев Посад : СТСТ, 2016. – 208 с.
39. Кулагін, А.М. Праваслаўныя храмы Беларусі : энцыклапедычны даведнік / А. М. Кулагін. – Минск : БелЭн, 2001. – 328 с.
40. Православные монастыри Беларуси / сост. Сомов С. Э. [и др.]. – Минск : Четыре четверти, 2003. – 198 с.
41. Страчаная спадчына / Габрусь Т. В. [і інш.]. – Минск : Польша, 1998. – 351 с.

Поступила 30.11.2017

L. VASILITSYNA

The article presents a historiographical overview of the situation of the monasteries of the Russian Orthodox Church in the territory of the BSSR. The main approaches and assessments developed in modern domestic historical science regarding trends in state-church relations of the Soviet period are considered. The paper identifies the most important problem-chronological directions of the research field, reflects the current conclusions formulated in science on the legal status of monastic communities in the Soviet period, the organization and specifics of their economic activities, and relationships with government structures. It is shown that many problems were touched upon mainly in the context of general church history and did not become the subject of independent research. The conclusion is made that despite the scientific interest in the subject of monastic life in the Soviet period and the specific development of the problem field, it requires further in-depth study.

Keywords: monasteries, monasticism, the Orthodox Church, BSSR, state-church relations.

УДК 930.2:94(476.4)«16/17»

**ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОЕ ИЗУЧЕНИЕ САКРАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЫ
МОГИЛЕВСКОГО ПОДНЕПРОВЬЯ XVII–XVIII вв.
В СЕРЕДИНЕ XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 70-х годов XX в.
(ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

К.С. НИКОНЧИК

(Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова)

Рассмотрен историографический аспект изучения сакральной архитектуры Могилевского Поднепровья XVII–XVIII вв. Проанализированы основные публикации XIX – начала 70-х годов XX в., связанные с началом исследования сакральной архитектуры региона. Сделан вывод об условном разделении изученного периода на этапы. Первый этап связан с работами дореволюционных исследователей (М.О. Без-Корнилович, А.С. Дембовецкий, Ф. Жудро). Следующий затрагивает период с 20-х по 50-е годы XX в. (Н. Касперович, М.С. Кацер). Качественно новые изменения в исследованиях (Е.Д. Квитницкая, В.А. Чантурия) наблюдаются в 60-е годы XX в.

Ключевые слова: архитектура, барокко, Могилев, Поднепровье, церковь, костел, историография.

Введение. Конец XIX – первая половина 70-х годов XX в. – важный период в изучении сакральной архитектуры Могилевского Поднепровья XVII–XVIII вв. В это время, в связи с общим развитием исторической науки, происходит становление исследований архитектуры регионов Беларуси. Постепенно все больший интерес ученых стала вызывать сакральная архитектура Могилевского Поднепровья XVII–XVIII вв. Работы данного периода были выделены для рассмотрения как отдельный этап в историографии изучения сакральной архитектуры Могилевского Поднепровья XVII–XVIII вв.

Основная часть. Одним из первых исследователей, заинтересовавшихся архитектурой Могилевского Поднепровья, стал Михаил Осипович Без-Корнилович, генерал-майор русской императорской армии, историк, краевед и топограф. В 1855 г. была опубликована его работа «Исторические сведения о достопримечательнейших городах Белоруссии с присовокуплением и др. сведений, к ней же относящихся», состоявшая из 140 статей, содержащих исторические и статистические данные о городах и поселениях белорусского края [1]. В работе приведены и краткие сведения о сакральных памятниках архитектуры Могилевского Поднепровья XVII–XVIII вв. с упоминанием их местоположения, краткой историей и описанием [1, с. 157, 159, 164, 170, 172, 175, 181–182, 189–190, 204–205, 219, 221, 228].

Работа «Опыт описания Могилевской губернии в трех книгах в историческом, физико-географическом, этнографическом, промышленном, сельскохозяйственном, лесном, учебном, медицинском и статистическом отношениях...» губернатора Могилева Александра Станиславовича Дембовецкого, изданная в 1882–1884 гг., подробно описывает историю Могилева и губернии в целом [2].

Через призму описания религиозных конфессий и истории города в первой книге можно получить сведения о времени и истории возведения в Могилеве некоторых сакральных объектов: Богоявленского собора, Николаевской церкви, костела св. Антония и кляштора бернардинцев, Спасо-Преображенского собора, собора св. Иосифа [3, раздел 1, с. 44, 55–56, 63, 92, 99–100, 116].

Вторая книга содержит в себе очерки по городам и местечкам губернии с указанием количества культовых построек региона как каменных, так и деревянных [4]. В Могилеве на время написания работы существовали 21 каменная церковь (учитывается и превращенный в православный храм костел иезуитов) и 2 каменных костела [3, раздел 1, с. 26]. В очерке по городу Могилеву упоминаются следующие сакральные памятники: Спасо-Преображенский собор, костел св. Ксаверия и коллегий иезуитов (в тексте указана как Воскресенская церковь), Николаевская церковь, костел св. Антония и кляштор бернардинцев, Успенская церковь, Богоявленский собор и монастырь, костел св. Станислава [4, раздел 1, с. 1–34]. Наиболее подробное описание посвящено собору св. Иосифа [4, раздел 1, с. 18–19]. В других очерках содержатся эпизодические сведения о сакральных памятниках, в некоторых лишь статистика о количестве: Церкви Рождества Пресвятой Богородицы в Славгороде и костеле св. Станислава в Мальятичах [4, раздел 1, с. 56, 144–145].

Особое место среди дореволюционных работ историков и краеведов занимает работа священника Ф. Жудро «Барколабовский Свято-Вознесенский женский монастырь» [5], в которой подробно рассматривается история монастыря. В работе высказываются предположения о более раннем времени постройки каменного Предтеченского храма в Барколабовском монастыре [5, с. 8]. Мнение автора обосновывалось тем, что завещание на основание монастыря было выдано Богданом Статкевичам 24 июня 1648 г., т.е. в день пророка Иоанна Крестителя. Именно этим, как считал Ф. Жудро, может быть истолкован тот факт, что несмотря на постройку в 1648 г. Свято-Вознесенского храма последний был освящен только в 1679 г. Это могло быть только в случае, если в течение этого 30-летнего перерыва уже существовал

освященный малый каменный храм [5, с. 7]. Мнение о более ранней датировке и первоначальном внешнем виде храма в 2008 г. подтверждено результатами археологических исследований И.А. Марзалюка [6, с. 6].

Дальнейшая работа по изучению памятников сакральной архитектуры Беларуси продолжилась в послереволюционный период.

В 1925 г. в Витебске вышла работа белорусского краеведа Николая Касперовича «Белорусская архитектура» [7]. Небольшой очерк содержит наблюдения, касающиеся и сакральной архитектуры Могилевского Поднепровья XVII–XVIII вв. В нем автор высказывает свою точку зрения на развитие архитектуры Беларуси в целом и приходит к следующим выводам:

– архитектура Беларуси, находясь на стыке западной и восточной культур, не могла не впитать черты архитектуры и Запада, и Востока;

– каменное сакральное зодчество Беларуси XVII–XVIII вв. является продолжением традиционного деревянного культового зодчества X–XII вв.;

– XVII в. характеризуется развитием базиликального типа храмов (соборы Могилевского и Витебского братства, Витебский и Минский бернардинский костелы и др.);

– XVII в. – время становления и развития белорусской самобытной школы барокко [7, с. 40–42].

В своей работе автор упоминает Богоявленский собор в контексте развития сакральной архитектуры Беларуси XVII–XVIII вв. [7, с. 40]

Дальнейшее изучение архитектуры Беларуси продолжилось лишь в конце 1940-х годов.

В своей работе, посвященной Могилеву, М.С. Кацер обосновывает мнение, что своеобразная архитектура города все время развивалась под влиянием Полоцка и Витебска, а также древнерусской школы архитектуры XI–XII вв. Автор утверждает, что архитектура Могилева XVII в. тесно связана с московской архитектурой XVII–XVIII вв., отрицая при этом ее связь с европейской [8, с. 42].

В других работах М.С. Кацер продолжает отрицать связь архитектурных школ Беларуси с европейскими [9, с. 9–10; 10, с. 28–30]. Позицию автора можно объяснить опасностями и особенностями сталинской эпохи – говорить о связи с европейской культурой, а в частности архитектурой, было опасно. Однако не все рассуждения ученого были навязаны идеологическим диктатом. Утверждения о том, что каменная архитектура Беларуси имела в себе черты, восходящие к эпохе Киевской Руси, и архитектуру деревянных православных храмов, имеют под собой серьезное основание. Однако следует отметить, что не стоит отрицать влияние западноевропейских традиций на архитектуру XVII–XVIII вв.

Принципиально новый этап в изучении архитектуры Беларуси связан с работой Е.Д. Квитницкой. Появление элементов барокко в архитектуре Беларуси она связывает с приходом в XVI в. иезуитов. Этим выводом Е.Д. Квитницкая делится в своей статье «Коллегиумы Белоруссии XVII в.», анализируя материалы, касающиеся иезуитских коллегиумов, в т.ч. и в Могилеве [11, 12]. Е.Д. Квитницкая первой предложила изучать монастыри как особый тип монументальной и культовой застройки.

Реабилитация целого пласта архитектурного наследия Беларуси, табуированного в эпоху сталинизма, связана с именем выдающегося ученого В.А. Чантурии [13–15], автора «Истории архитектуры Белоруссии (дооктябрьский период)» [14], впервые изданной в 1969 г. и неоднократно затем переиздававшейся. Автор ввел в научный обиход ряд планов, фотографий и акварелей, непосредственно относящихся к сакральной архитектуре Могилевского Поднепровья XVII–XVIII вв. В кратких очерках, посвященных Богоявленскому собору, Николаевской церкви, Спасской церкви, костелу св. Антония в Княжицах [14, с. 167–174, 201–202], автор поддерживает теорию влияния на развитие архитектуры региона как западных, так и восточных традиций и стремится подтвердить свои рассуждения, проводя параллели и анализируя их.

В 1973 г. вышла первая, посвященная архитектуре Могилева, специализированная монография Т.И. Чернявской [16], в которой достаточно подробно описывается история и внешний вид памятников: Борисоглебской церкви, Богоявленского собора с монастырем, Николаевской церкви, Спасского монастыря и церкви, Покровской, Успенской и Петропавловской церквей, Иосифовского собора, костела св. Станислава [16, с. 15, 18–21, 21–23, 27–28, 28–29, 30, 39–40, 42–44]. В работе много изображений, планов и фотографий.

С 70-х годов XX в. начинается планомерное археологическое изучение позднесредневекового белорусского города. Корпус работ с этого времени и до начала XXI в. достаточно обширный как по количеству публикаций, так и по подходам к изучению полученных материалов. В связи с этим работы второй половины 70-х – начала XXI в. требуют отдельного комплексного анализа.

Заключение. Увлечение краеведением в конце XIX в. становится отправной точкой в изучении памятников сакрального зодчества Могилевского Поднепровья XVII–XVIII вв. Работы названного периода наиболее ценны, т.к. содержат данные о не существующих ныне сакральных памятниках, и носят описательный характер. Дальнейшее развитие изучение сакральной архитектуры получает и в послереволюционный период. В работах данного периода начинает использоваться сравнительно-исторический метод. В 1960-е годы наблюдается изменение в подходе к изучению архитектуры региона. Работы конца 60-х – начала 70-х годов XX в. вводят в научный обиход значительный источниковедческий материал по архитектуре региона: планы, акварели, фотографии. В исторический оборот вводятся ранее неизвестные памятники архитектуры, начинается подробное изучение каждого из них. Труды ученых конца XIX – первой

половины 70-х годов XX вв. являются первым этапом в изучении сакральной архитектуры Могилевского Поднепровья XVII–XVIII вв.

ЛИТЕРАТУРА

1. Без-Корнилович, М.О. Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии с присовокуплением и других сведений, к ней же относящихся / М.О. Без-Корнилович. – СПб. : В типографии III Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1855. – 355 с.
2. Опыт описания Могилевской губернии в историческом, физико-географическом, этнографическом, промышленном, сельскохозяйственном, лесном, учебном, медицинском и статистическом отношении, с двумя картами губернии и 17 резанными на дереве гравюрами видов и типов : в трех книгах / редкол.: А.С. Дембовецкий (гл. ред) [и др.]. – Могилев на Днепре : Тип. Губерн. правления, 1882–1884. – Кн. 3.
3. Опыт описания Могилевской губернии в историческом, физико-географическом, этнографическом, промышленном, сельскохозяйственном, лесном, учебном, медицинском и статистическом отношении, с двумя картами губернии и 17 резанными на дереве гравюрами видов и типов : в трех книгах / редкол.: А.С. Дембовецкий (гл. ред) [и др.]. – Могилев на Днепре : Тип. Губерн. правления, 1882–1884. – Кн. 1.
4. Опыт описания Могилевской губернии в историческом, физико-географическом, этнографическом, промышленном, сельскохозяйственном, лесном, учебном, медицинском и статистическом отношении, с двумя картами губернии и 17 резанными на дереве гравюрами видов и типов : в трех книгах / редкол.: А.С. Дембовецкий (гл. ред) [и др.]. – Могилев на Днепре : Тип. Губерн. правления, 1882–1884. – Кн. 2.
5. Жудро, Ф. Свято-Вознесенский женский монастырь Могилевской Епархия / Ф. Жудро. – Могилев на Днепре : Скоропечатня и литография Ш. Фридланда, 1906. – 62 с.
6. Марзалюк, І.А. Справаздача аб археалагічным наглядзе на аб'екце «Ускрыццё контура Свята-Іаана-Прадпечанскай царквы Свята-Узнясенскага жаночага манастыра» у вёсцы Баркалабава Быхаўскага раёна ў 2008 годзе (рукопись) / І.А. Марзалюк. – Могилев, 2008. – 30 л.
7. Каспяровіч, М.І. Беларуская архітэктур. / М.І. Каспяровіч. – Віцебск, 1925. – 52 с.
8. Кацэр, М.С. Архітэктур. Магілёва / М.С. Кацэр // Весці Акадэміі навук Беларускай ССР. – Мінск : АН БССР, 1948. – № 6. – С. 43–56.
9. Кацэр, М.С. Архитектура белорусских городов XVII–XVIII вв. / М.С. Кацэр. – М. : ИИИ АН СССР, 1951. – 27 с.
10. Кацэр, М. С. Белорусская архитектура : истор. очерк / М.С. Кацэр. – Минск : Гос. изд-во БССР, 1956. – 118 с.
11. Квитницкая, Е.Д. Коллегиумы Белоруссии XVII в. Ч. I [Электронный ресурс] / Е.Д. Квитницкая. – Режим доступа: <https://harodnia.com/be/uczora/vkl-recz-paspalitaja/546-elena-kvitnitskaya-kollegiumy-belorussii-xvii-v-chast-i>. – Дата доступа: 3.09.2017.
12. Квитницкая, Е.Д. Коллегиумы Белоруссии XVII в. Ч. I [Электронный ресурс] / Е.Д. Квитницкая. – Режим доступа: <https://harodnia.com/be/uczora/vkl-recz-paspalitaja/546-elena-kvitnitskaya-kollegiumy-belorussii-xvii-v-chast-i>. – Дата доступа: 3.09.2017.
13. Чантурия, В.А. Исследование архитектурного наследия Белоруссии / В.А. Чантурия. – Минск : БПИ, 1965. – 30 с.
14. Чантурия, В.А. История архитектуры Белоруссии. В 2 т. / В.А. Чантурия. – Минск : Выш. шк., 1985, 1987. – Т. 1 : Дооктябрьский период. – 295 с.
15. Чантурия, В.А. Памятники архитектуры и градостроительства Беларуси / В.А. Чантурия. – Минск : Полымя, 1986. – 236 с.
16. Чарняўская, Т.І. Архітэктур. Магілёва: з гісторыі планіроўкі і забудовы горада / Т.І. Чарняўская. – Мінск : Навука і тэхніка, 1973. – 92 с.

Поступила 21.12.2017

**HISTORICAL-ARCHITECTURAL STUDY OF THE SACRED ARCHITECTURE
OF THE MOGILEV DNEPER REGION OF THE XVII-XVIII CENTURIES
IN THE MIDDLE OF THE XIX – THE FIRST HALF OF THE 70-S OF THE XX CENTURY
(HISTORIOGRAPHIC ASPECT)**

K. NIKONCHIK

The article deals with the historiographical aspect of the study of the sacred architecture of the Mogilev Dnieper region of the 17th–18th centuries. The author analyzes main publications of the XIX – the early 1970s. This period is connected with the beginning of the study of the sacred architecture of the region. This stage is connected with the introduction of sources of sacred architecture into scientific circulation, the description of architectural monuments, the raising of complex issues in this area of research. The author draws a conclusion that this period is roughly divided into stages. The first stage is connected with the work of pre-revolutionary researchers (M.O. Bez-Kornilovich, A.S. Dembovetsky, and F. Zhudro). The next stage is related to the works of N. Kasperovich and M. S. Katser and includes the period from the 1920s to the 1950s. In the 1960s we can observe absolutely new changes in the studies devoted to the sacred architecture of the Mogilev Dnieper region of the XVII–XVIII centuries. They are associated with the work of such researchers as E.D. Kvitnitskaya, V.A. Chanturia, and T.I. Chernyavskaya.

Keywords: architecture, baroque, Mogilev, Dnieper region, church, Roman-Catholic church, historiography.

УДК 902/904(476.4)

АРХЕАЛАГІЧНЫЯ РАЗВЕДКІ НА ТЭРЫТОРЫІ Г. БЫХАВА МАГІЛЁўСКОЙ ВОБЛАСЦІ ў 2012 ГОДЗЕ

Р.Дз. ГАЛЫНСКІ

(Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.А. Куляшова)

Археалагічныя даследаванні, праведзеныя ў гістарычнай частцы Быхава ў 2012 годзе, дазваляюць казаць пра шырокае распаўсюджанне культурнага пласта, які не абмяжоўваецца гарадскімі ўмацаваннямі, як меркавалася раней. Большасць матэрыялаў датуецца XVI–XVIII стагоддзямі, а самыя старажытныя матэрыялы ўзыходзяць да III–VIII стст.

Ключавыя словы: культурны слой, археалагічныя разведкі, горад Быхаў.

У лістападзе – снежні 2012 г. праводзіліся археалагічныя разведкі ў гістарычным цэнтры г. Быхава Магілёўскай вобласці (мал. 1). Асноўнымі мэтамі даследаванняў сталі: збор пад’ёмнага матэрыялу і ўдакладненне межаў распаўсюджвання культурнага слоя ў гістарычнай частцы г. Быхава.

Малюнак 1. – План сучаснага Быхава

У ваколіцах горада знаходзяцца помнікі каменнага веку, паселішчы I-га тыс. н.э. і эпохі Кіеўскай Русі. На паўднёвай ускраіне горада размешчана гарадзішча мысавага тыпу мілаградскай, ранняга этапу кіеўскай культур і эпохі старажытнай Русі. У гістарычных крыніцах г. Быхаў (Стары Быхаў) узгадваецца з 1393 г. як княжацкае ўладанне. У розныя часы ён належаў Свідрыгайлу, Гаштольдам, Хадкевічам і Сапегам. З канца XVI па пачатак XVIII стст. неаднаразова быў у аблогах падчас казацкіх хваляванняў і войн з Маскоўскім царствам [6, с. 134; 7, с. 137–139; 8, с. 20–21; 9, с. 108].

Старажытны Быхаў падзяляецца на тры асноўныя часткі:

– “Змак” – палаца-замкавы ансамбль, пабудаваны Янам Каралем Хадкевічам і Казімірам Львом Сапегам у 1590-я – 1620я гг., неаднаразова перабудоўваўся.

– Горад, “Места” – асноўная частка Старога Быхава (можна казаць, што гэта вакольні горад), абмежаваная лініяй земляных умацаванняў (бастыёны і равеліны з ровам) – вул. Куйбышава, Куйбышаўскі схіл, Нікіцінскі завулак. На тэрыторыі “Места” знаходзілася гандлёвая плошча з уніяцкай царквой (зараз плошча Савецкая), мураваная сінагога (захавалася), касцёл з келлямі (захаваліся толькі келлі – зараз будынак Быхаўскага ляггаса і правслаўны храм).

– Пасады (Юдаўка, Сабілаўка, Юраўка, Вільня, Лявонаўская слабада, магчыма, былі і іншыя) ішлі радыяльна ад “Места”.

Акрымя гэтага, на тэрыторыі паўднёвай часткі горада (на скрыжаванні вул. Вільня і Набережная (Прыбрэжная)) знаходзіцца шматслойнае гарадзішча жалезнага веку і эпохі Кіеўскай Русі. У XIX ст. на тэрыторыі гарадзішча размяшчаліся могількі, аб чым узгадвае ў сваіх працах Л.Д. Побаль і мясцовы жыхар Бараноўскі Віктар Георгіевіч, хата якога знаходзіцца на самім гарадзішчы [5, с. 214–215].

Згодна плана Генеральнага межавання Старыхаўскага ўезда 1783 г., на поўнач ад Старога Быхава ляжала сяло Белая гара, якое зараз уваходзіць у гарадскую рысу (перакрыжаванні вул. Нікіцінская і Француза/Якуба Коласа).

Археалагічнае вывучэнне (раскопкі і разведкі) Быхава і яго ваколіц праводзілася С.С. Шутавым, К.М. Палікарповічам, І.І. Арцёменкам, В.М. Сівагракавым, Л.Д. Побалем, А.В. Ісаенкам, Я.Р. Рыерам, І.І. Сінчуком, В.Ф. Капыціным, Н.П. Саханьковым, І.А. Марзалюком і аўтарам артыкула [3, с. 32].

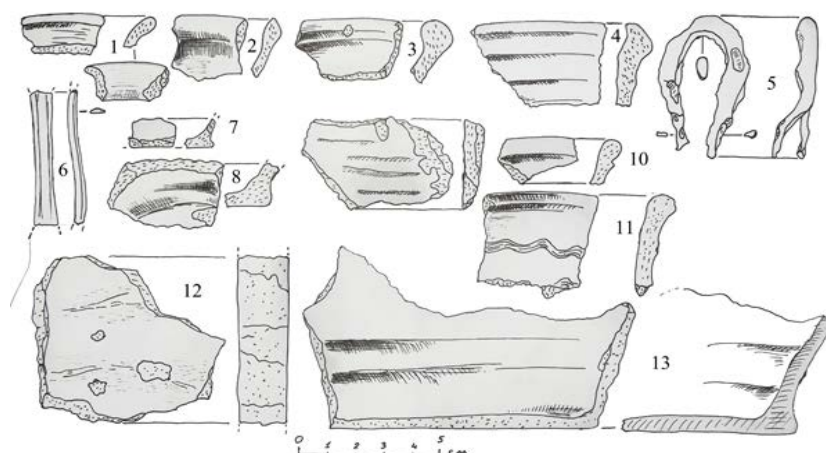
Быхаўскія абарончыя ўмацаванні даследаваліся М.А. Ткачовым. Ім было зроблена дэтальнае апісанне Быхаўскага замка і комплексу гарадскіх умацаванняў на падставе пісьмовых крыніц.

Разведкі аўтара артыкула праводзіліся шляхам збора археалагічных матэрыялаў, якія знаходзіліся на паверхні вуліцы Валадарскага, прысядзібных надзелаў мясцовых жыхароў. Папярэдне намі вывучаліся і аналізаваліся тапаграфічныя і архітэктурныя планы Быхава XVIII–XIX стст, планы XX ст. У працэсе археалагічных разведак з мэтай збора карыснай інфармацыі па тэме даследавання праводзілася апытванне мясцовага насельніцтва.

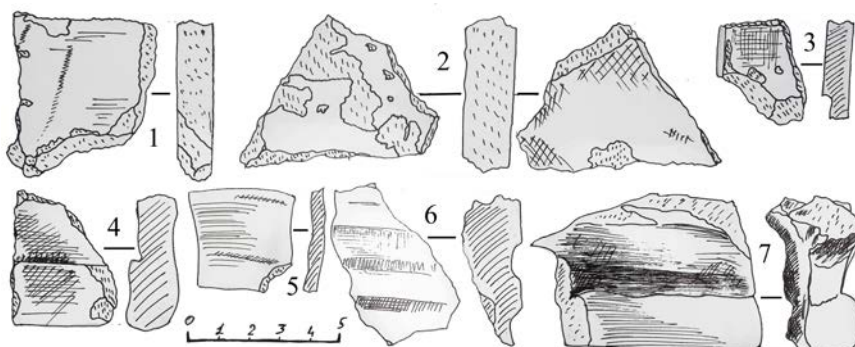
У ходзе археалагічных разведак у межах вуліц Валадарскага і Француза, а таксама плошчы Савецкай была атрымана невялікая калекцыя археалагічных матэрыялаў (фрагменты кафлі, посуду і металічныя вырабы) усяго 63 экзэмпляры.

Керамічны матэрыял быў досыць аднародны. Гэта керамічны посуд, выкананы пераважна на нажным і ручным ганчарным крузе, а таксама кафля. Асноўная маса фрагментаў керамікі мае характэрную для вырабаў першай паловы XVI – сярэдзіны XVIII ст. прафіліроўку. Частка са знойдзенага керамічнага начыння і кафлі гэтага храналагічнага перыяду пакрыта палівай зялёнага колеру.

Вуліца Валадарскага і Савецкая плошча: асноўная частка матэрыялаў паходзіць з тэрыторыі, максімальна набліжанай да замка (мал. 2). Артэфакты былі знойдзены на месцах старых ручаін і на паверхні грунтовых дарог: жалезны прабой (пятля пад навясны замок ці клямка ад дзвярэй), выраб з каляровага металу (фрагмент лыжкі(?)), кавалкі кафлі, цэгла-пальчатка, фрагменты посуду (мал. 2–3).

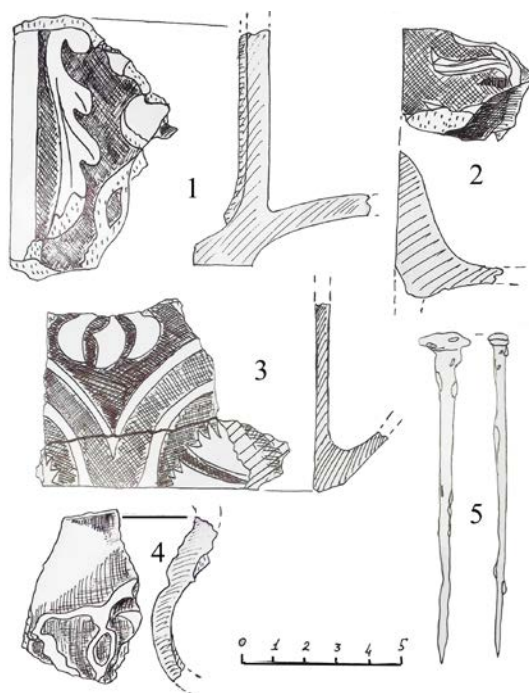
Малюнак 2. – Матэрыялы з вуліц Валадарскага (1–12) і Француза (13). Пад’ёмны матэрыял. Венцы непаліванага – 1–2 і паліванага – 4 начыння XVII–XVIII стст.; венцы місак зялёнапаліванай – 3 (інд. № 46) і непаліванай – 10 XVII–XVIII стст.; венца дымлёнай макотры XVIII ст. – 11; донцы: непаліванае – 7, паліванае – 8, дымлёнае – 13, XVII–XVIII стст.; фрагменты паліванай кафлі XVII–XVIII стст. – 9, 12; прабой – пятля – 5; фрагмент ручкі ад лыжкі XIX – пач. XX стст. – 6

Малюнак 3. – Матэрыялы з вуліцы Валадарскага і Савецкай плошчы. Пад’ёмны матэрыял. Фрагменты зялёнапаліванай керамікі XVII–XVIII стст. – 1–3; румпы ад каробкавай кафлі – 4, 7; сценка дымлёнага начыння – 5; фрагмент цэгла-пальчаткі – 6

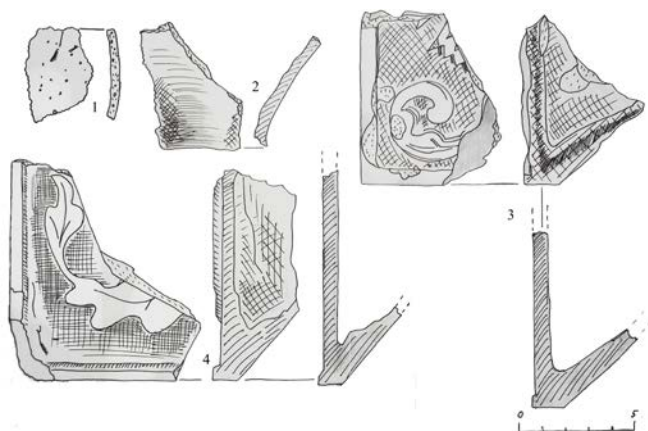
Акрамя таго, на тэрыторыі былога касцёла, каля будынка ДЛГУ “Быхаўскі лягас”, брыгадай будаўнікоў быхаўскага лягаса праводзіліся неўзгодненыя земляныя работы: імі выкапаны дзве ямы ўшчыльную да сценаў будынка (далей – *заходняя і паўднёвая ямы*). З-за гэтай прычыны аўтар быў вымушаны сабраць і апісаць матэрыял, атрыманы ў ходзе земляных работ, а таксама зрабіць фотафіксацыю ям. Глыбіня ям – 1,85 і 1,75 м (апошняя лічба запісана са слоў будаўнікоў, так як па прыбыцці аўтара на месца глыбіня ямы была крыху меншай – каля 155 см – з-за асыпання адвалу і сценак ямы). Даўжыня і шырыня: яма № 1 – 2,1 × 0,7, яма № 2 – 1,5 × 0,65–0,7 м. На сценах ям выразна прасочваліся некалькі выразных стратыграфічных гарызонтаў, якія адрозніваліся паміж сабой колерам.

З заходняй ямы паходзяць два фрагменты кафлі і фрагмент керамічнага посуду (мал. 4: 2–4).

Малюнак 4. – Матэрыялы з паўднёвай ямы каля будынка ДТСААФ (ДЛГУ “Быхаўскі Лягас”). Пад’ёмны матэрыял. Фрагмент каробчатай кафлі, канец XVI–XVII стст. – 1; фрагмент каробчатай безрамкавай кафлі XVII ст. – 2; фрагмент дывановай кафлі, XVII–XVIII стст. – 3; фрагмент зялёнапаліванай карнізнай (?) кафлі XVIII стст. – 4; каваны кастыльны цвік – 5

Матэрыялы: фрагменты кафлі (каробкавая і міскавая), кастыльны цвік, посуд, кавалкі сцянной абмазкі з атынкоўкай (мал. 2, 4: 1, 2).

Малюнак 5. – Матэрыялы з паўднёвай (1) і заходняй (2–4) ям каля будынка ДТСААФ (ДЛГУ “Быхаўскі Лягас”). Пад’ёмны матэрыял. Фрагмент сценкі ляпнога начыння III–VIII стст. – 1; фрагмент прыдоннай часткі дымлёнага начыння XVI–XVIII стст. – 2; фрагменты каробчатай кафлі Канец XVI–XVII стст. – 3–4

Пры візуальным аглядзе прафілёў ям прасочваюцца два археалагічныя гарызонты, якія раздзяляе слой пажарышча. На нашу думку, гэта можа быць пажар часоў Паўночнай вайны, калі горад моцна пацярпеў ад войска Пятра I (аблога 1707 года).

Вуліца Француза: увесь матэрыял з гэтай вуліцы быў ласкава перададзены Маркоўскім Юрыем Мікалаевічам, які быў сабраны на тэрыторыі яго прысядзібнага надзела (Француза 14а). Адсюль паходзяць ручкі ад гляка/кубка і накрыўкі, фрагмент дымлёнага донца ад начыння, вырабленага на ручным ганчарным крузе, фрагмент мартырнай бомбы і аморфны кавалак шкла (мал. 2: 13).

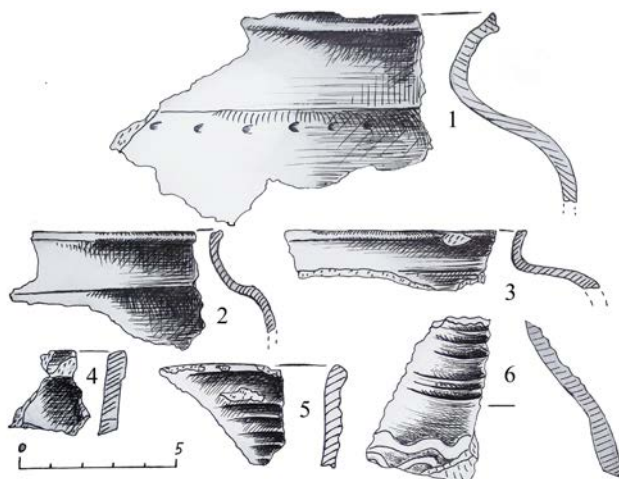
Калі апісваць археалагічны матэрыял, то трэба адзначыць, што побытавай керамікі знойдзена шмат (36 экз.). Кухонны і сталовы посуд рэпрэзентаваны знаходкамі фрагментаў гаршкоў і місак, макотраў, талеркі, накрыўкі і кубка.

Ляпная кераміка ў калекцыі прадстаўлена адзінкавым фрагментам сценкі гаршка III–VIII стст. На жаль, больш вузкая датаваць гэты артэфакт не выпадае магчымасці з прычыны таго што, ён паходзіць з перамешанага слоя. Кераміка шурпатая, мае так званую “храпаватую” паверхню. Пры візуальным аглядзе чарапка бачна, што ганчары выкарыстоўвалі ў якасці асноўнага дамешка буйную жарству. Цеста шчыльнае на зломе, аднароднае, што сведчыць аб даволі высокай якасці абпалу (мал. 5: 1). Унутраны шурпаты бок з жарствой.

Ганчарная кераміка прадстаўлена непаліванымі і паліванымі вырабамі.

Гаршкі можна падзяліць на некалькі тыпаў, адразу заўважым, што гэтая тыпалогія ўмоўная і грунтуецца на невялікай колькасці знойдзеных артэфактаў. Пры атрыбуцыі і апісанні керамікі выкарыстоўваліся тыпалагічныя схемы Ю.А. Заяца [2, с. 77–83] і В.М. Ляўко [4, с. 32], распрацаваныя для перыядызацыі і тыпалагізацыі керамічнага матэрыяла Заслаўля і гарадоў паўночна-ўсходняй Беларусі.

Гаршкі тыпу I па класіфікацыі Ю.А. Заяца адносяцца да 2-га аддзела тыпу V, альбо ПІ 2-й групы паводле В.М. Ляўко. Гэтая катэгорыя гаршкоў характарызуецца схематычнай мадэліроўкай адцягнутага да гары венца пад карнізік і наяўнасцю стылізаванага рабра па плечуку (мал. 4: 1). Бытаваў у XV–XVI стст.

Малюнак 6. – Матэрыялы з паўднёвай ямы каля будынка ДЛГУ “Быхаўскі Лягас”.
Пад’ёмны матэрыял. Венцы гаршкоў: канец XV – пачатак XVI стст. – 1–2, XVI–XVII стст. – 3;
зялёнапаліваныя венцы макотраў XVII–XVIII стст. – 4 (?); 5;
сценка зялёнапаліванай міскі XVII–XVIII стст. – 6

Да тыпу II адносяцца гаршкі з нязначна адагнутым вонкі скругленым венцам, нізкай шыйкай і слаба выразным плечуком. Па Ю.А. Заяцу адносяцца да тыпу V, паводле В.М. Ляўко – да 2-й групы тыпу АП і датуецца XVI – першай паловай XVII стст. (мал. 4: 3).

Тып III – гэты гаршкі 2-й групы тыпу АП паводле В.М. Ляўко, ці Шв 1-га аддзела па Ю.А. Заяцу. Адрозніваецца катэгорыя ад папярэдніх відаў гаршкоў наяўнасцю згладжанага рабра плечука і скругленым венцам, па верхняй (тарцавой) часткі якога прасочваецца бароздка да 1 мм у глыб (мал. 4: 2). Датуецца першай паловай-сярэдняй XVI – пачаткам XVII стст.

Апісаныя фрагменты венцаў гаршкоў належаць гаршкам, выкананым на ручным ганчарным крузе з дамешкамі жарствы ў цесце. Характэрнай асаблівасцю гэтых фрагментаў з’яўляецца іх чорны колер і наяўнасць на іх сажы (асноўная частка якой не захавалася пасля камеральнай апрацоўкі).

Астатнія фрагменты гаршкоў прадстаўлены сценкамі і донцамі.

Донцы ў пераважнай большасці выкананы на нажным ганчарным крузе, але маюцца таксама вырабы, выкананыя на ручным ганчарным крузе на падсыпцы.

Макотры рэпрэзентаваны венцамі (3 экзэмпляры). У калекцыі прысутнічаюць дымлэныя і зялёна-паліваныя асобнікі, з аздабленнем хвалістымі і простымі рыскамі (мал. 2: 2, 4). Былі выяўлены таксама фрагменты зялёнапаліваных місак (мал. 6: 5) і талерак (мал. 6: 6) (па адным экзэмпляры), а таксама ручак ад накрывкі і кружкі.

Мяркуючы па шматлікіх аналагах, керамічнае начынне з такой прафіліроўкай бытавала ў шырокім храналагічным дыяпазоне – XVI – XVIII стст. Пры гэтым прысутнічаюць рэчы, характэрныя для больш ранняга часу – XV–XVI стст.

Значную частку калекцыі складаюць фрагменты кафлі. Асноўная частка матэрыялаў – каробчатая кафля, прысутнічае таксама і міскападобная.

Міскападобная кафля – адзіны фрагмент донца з адбіткамі палівы зялёнага колеру і можа адносіцца да сярэдзіны XVI – пачатку XVII стст [1, с. 321–333].

Каробкавая кафля: знойдзена тэракотавая кафля з аднапрыступковай рамкай і раслінным арнамантам (мал. 5; 4), а таксама безрамкавая дывановая (мал. 2: 2). Падабныя вырабы былі характэрныя для сярэдзіны – другой паловы XVII ст.

Акрамя тэракотавай кафлі, ў калекцыі прысутнічаюць таксама і фрагменты зялёнапаліванай кафлі з арнамантам і без яго (мал. 2: 4, 2: 12, 3: 1–3).

Дывановая кафля прадстаўлена рэшткамі толькі адной кафліны (2 экзэмпляры) з выявай кветак васілька і лілеі (?) у круглых ці эліпсоідных формах (мал. 2: 3). Такая кафля бытавала пачынаючы з канца XVI ст., найбольш пашырана ў другой палове XVII ст.

На згаданых частках горада трапляюцца фрагменты цэгля палычкі, а каля будынка ДЛГУ “Быхаўскі Лягас” у адной з ям былі знойдзены рэшткі атынкаўкі. Металічныя вырабы калекцыі падзяляюцца на рэчы, выкананыя з чорных і каляровых металаў. З чорнага метала выкананы кастыльныя цвікі (мал. 2: 5), пяцця пад дзвярную клямку/кручок (мал. 6: 5) і фрагмент мартырнай бомбы. Выраб з каляровага метала хутчэй за ўсё з’яўляецца парэшткамі лыжачкі (мал. 2: 6) XIX – пач. XX стст.

Праведзеныя археалагічныя разведкі дазваляюць зрабіць наступныя высновы.

1. Культурны слой горада не абмяжоўваецца гарадскімі ўмацаваннямі Старога Быхава, а пашыраецца да вуліцы Француза (у паўночным напрамку). Гэта дае падставы інтэрпрэтаваць гэтую частку тэрыторыі як неўмацаваны пасад, які прымыкаў да гарадскіх умацаванняў.

2. Найбольш раннія матэрыялы, знойдзеныя ў ходзе даследаванняў, адносяцца да XVI–XVIII стст. Асноўная частка вырабаў датуецца XVII–XVIII стст. Адзінкавым экзэмплярам прадстаўлены фрагмент ляпной керамікі III–VIII стст.

3. Знаходкі XVII–XVIII стст., якія ў асноўнай сваёй масе прадстаўлены керамічнымі вырабамі, шэраговыя (сталовы і тарны посуд, каробкавая кафля).

ЛІТАРАТУРА

1. Археалогія Беларусі : у 4 т. / В.М. Ляўко, М.Ф. Гурын, Ю.А. Заяц [і інш.] ; пад рэд В. М. Ляўко [і інш.]. – Мінск : “Беларуская навука”, 2001. – Т. 4. Помнікі XIV–XVIII стст. – С. 321–333.
2. Заяц, Ю.А. Заславль в эпоху феодализма / Ю.А. Заяц. – Мінск : Навука і тэхніка, 1995. – 207 с. : ил.
3. Копытин, В.Ф. Археологические памятники Быховского района Могилёвской области / В.Ф. Копытин. – Могилёв, 1995. – 179 с. : ил.
4. Левко, О. Н. Средневековое гончарство Северо-Восточной Беларуси / О.Н. Левко. – Минск, 1992.
5. Поболь, Л.Д. Славянские древности Белоруссии (свод археологических памятников раннего этапа зарубинецкой культуры – с середины III в. до н.э. по начало II в. н.э.) / Л.Д. Поболь ; ред. Ю.В. Кухаренко. – Минск : Наука и техника, 1974. – С. 214–215.
6. Сінчук, І.І. Быхаў / І.І. Сінчук // Археалогія Беларусі : энцыкл. : у 2 т. / рэдкал.: Т.У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2009. – Т. А-К. – С. 134.
7. Ткачев, М.А. Замкі Белоруссии / М. А. Ткачев. – Минск : Полюмя, 1987. – 222 с. : ил.
8. Ткачоў, М.А. Абарончыя збудаванні / М.А. Ткачоў // Археалогія і нумізматыка Беларусі : энцыкл. / Беларус. энцыкл. ; рэдкал.: В.В. Гетаў [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1993. – 702 с. : іл. – С. 20–21.
9. Ткачоў, М.А. Быхаў / М.А. Ткачоў // Археалогія і нумізматыка Беларусі : энцыкл. / Беларус. энцыкл. ; рэдкал.: В.В. Гетаў [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1993. – 702 с. : іл. – С. 108.

Паступіў 15.12.2017

ARCHAEOLOGICAL EXPLORATION IN BYKHOV MOGILEV REGION IN 2012

R. GALUNSKY

Archaeological surveys conducted in the historical part of Bykhov in 2012 allow us to speak about the wide spread of the cultural layer, which is not limited to city fortifications, as was previously assumed. Most of the materials date back to the XVI–XVIII centuries, and the most ancient materials (a single artifact) date back to the III – VIII centuries.

Keywords: cultural layer, archaeological exploration, Bykhov.

УДК 94(476)

**ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
НА ГОМЕЛЬЩИНЕ МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА****Н.Н. КОЗЛОВА***(Гомельский государственный колледж искусств им. Н.Ф. Соколовского)*

Рассматривается конфессиональная политика в регионе в указанный период, приводятся имена гомельских священников, епископов. На основании архивных документов Национального исторического архива Беларуси, Государственного архива Гомельской области, Гомельской церковно-исторической комиссии дополняется общеизвестный дореволюционный список православных церквей г. Гомеля, функционировавших в XIX–XX веках. Уточняются даты возведения церквей региона, имена их меценатов и инициаторов, в частности, уничтоженной Георгиевской церкви, сгоревших Ново-Белицкой и Николаевской церквей; систематизируется деятельность Административного отдела, курирующего клириков в послеоктябрьский период.

Ключевые слова: *конфессиональная политика, Православная Церковь, гомельские церкви, клирики, Гомельский окружной административный отдел, Первая мировая война, «военные церкви» региона.*

Введение. Православие на Беларуси насчитывает тысячелетнюю историю, его неотъемлемой частью является история храмов. Составная часть богатого историко-культурного наследия Гомельской области – это не только 27 православных храмов, созданных в XVIII–XX веках и занесенных в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь [1, с. 234–310], но и большое количество недостаточно исследованных культовых памятников обозначенного периода. Дореволюционная история гомельских церквей освещалась в документах НИАБ, ГАГО, Могилевских Епархиальных Ведомостей, Памятной книжке Могилёвской губернии [2], а также фрагментарно – в трудах Л. Виноградова [3], Ф. Жудро, И. Сербова, Д. Довгялло [4]. Этноконфессиональные процессы региона описаны в трудах Ал. Вл. Гурко и Ал. Викт. Гурко [5]. Гомельский историк О.Г. Ященко исследовала архивные материалы по истории церквей г. Гомеля [6]. Архитектурные особенности белорусских церквей исследуют академик А.И. Локотко [7]; В.Ф. Морозов [8]; А.М. Кулагин [9]; Ю.А. Чантурия [10]; особенности церквей региона – И.Г. Малков [11]; Е.Р. Маликов [12].

Значительную роль в освещении обозначенной темы привносит церковное краеведение. Выпускниками Минской духовной семинарии, возрожденной в 1989 году при Свято-Успенском Жировичском монастыре, написано более 30 работ, повествующих об истории благочиний, находившихся на территории современной Беларуси. Из них только семь посвящены церковной истории Гомельщины, их авторами стали: Г. Прищепов [13], Г. Пшенко [14], Е. Новик [15], В. Дубяго [16], Р. Губаревич [17], В. Грень [18], Д. Шиленок [19, 20]. В 2017 г. вышла книга преподавателя Минской Духовной Академии А.В. Слесарева «Матриолог Гомельской епархии», содержащая биографические сведения о 150 клириках региона [21].

В 2013 г. при Гомельской епархии Белорусского Экзархата была создана церковно-историческая комиссия. На базе личных архивов ее сотрудников – С.В. Цыкунова, Е.Р. Маликова, Н.А. Шуканова, В.А. Потапова, А.В. Ананьева, С.И. Буйнович, семьи Шестаковых – издаются книги по истории приходов региона. При поддержке гомельской епархии подготовлена к печати серия книг С.В. Цыкунова «Исторические сведения о приходах Гомельской епархии», в апреле 2017 г. издан первый исторический блокнот [22]; исследование А.В. Ананьева «История Скитковского монастыря». История православия Рогачевского и Жлобинского районов с 2000 г. освещается в книгах В.А. Потапова и Н.А. Шуканова. В 2017 г. – в исследованиях С.В. Цыкунова и Н.Н. Козловой «История Чонко-Макарёвского монастыря XVIII–XXI веков» [12].

Историю православных церквей г. Гомеля XIX–XX веков можно условно разделить на три периода (первый и второй состоят из этапов созидания и разрушения). Первый период – храмовое созидание в XIX – начале XX веков и первая попытка уничтожения церкви в 1920–1930-е годы. Второй период – возрождение конфессии в годы Великой Отечественной войны и вторая попытка создания атеистического государства в 1950–1960-е гг. Третий период – религиозный Ренессанс конца XX – начала XXI веков.

Дореволюционная история православных церквей города. В XIX – начале XX веков между светскими и церковными институтами сформировалось взаимодействие, которое можно охарактеризовать как «симфонию». В 1914 г. 75% (338 тыс. из 450 тыс.) населения Гомельского уезда были прихожанами Русской Православной Церкви [2, с. 46–47]. В 1912 г. в Могилевской губернии (в которую входила восточная половина современной Гомельской области) было 7 соборов и 791 церковь. Православных священников насчитывалось 2155, раввинов – 271, ксендзов – 113 [23, с. 157].

Согласно данным первых гомельских историков начала XX века Л. Виноградова [3, с. 40], Ф. Жудро, И. Сербова и Д. Довгялло [4, с. 114] в 1900 г. в г. Гомеле богослужения осуществлялись в 11 православных церквях: *в девяти городских*: Петропавловский собор (1808–1824 гг.), Троицкая церковь (1828–1833 гг.), церковь Александра Невского в Ново-Белице (1850–1861 гг.), Николаевская церковь в Ново-Белице (1904 г.) (выявлено точное месторасположение) [12], *из них в пяти домовых*: Церковь Вознесения Господня при духовном училище (1896 г.), церковь Иоанна Богослова и св. Елизаветы (1856 г.), церковь Александра Невского при городской тюрьме (1895 г.), Успенская Либаво-Роменская железнодорожная церковь (1901 г.) и церковь Александра Невского при мужской гимназии (1898 г.), *в двух кладбищенских*: Рождество-Богородицкая на Новиковском кладбище в конце Румянцевской улицы (1896 г.) и Феодора Тирона на Ново-Белицком кладбище (1885 г.).

Однако на основании изученных документов МЕВ, НИАБ, ГАГО, ГАООГО, документов Гомельской церковно-исторической комиссии следует дополнить названный список действующих до 1917 г. православных культовых зданий ещё *четырьмя*: Преображенская церковь (1901–1907 гг., улица Замковая, 55); Георгиевская военная церковь (угол улиц Румянцевской и Почтовой). Выявленные автором архивные документы конкретизируют дату постройки – 1905 г., в то время как предыдущие исследователи ошибочно указывали иные даты – 1900 [13, с. 66] и 1904 г. [24, с. 234]. Основателями церкви ошибочно считали военных 160 полка, но на самом деле она была создана на средства государственной казны [25, л. 2]. Никольская привокзальная церковь (1904 г., улица Никольская, 4, в Залинском районе города); Николаевская церковь в Волотове (1799–1805 гг., древнейшая в городе, располагавшаяся у старого русла р. Сож, не упоминается Ф. Жудро и Л. Виноградовым, очевидно, потому, что в данный период была малопосещаемой прихожанами и временно закрыта в 1907 г. [12; 13, с. 28].

В качестве культовых зданий следует учесть также часовню и усыпальницу князей Паскевичей, являющуюся в настоящее время объектом дворцово-паркового ансамбля, и часовню в честь царя Александра II (размещалась на современной площади Ленина, не сохранилась) [12; 13, с. 45]. В Национальном историческом архиве Беларуси были выявлены сведения о привокзальной часовне, построенной на средства Чёнковского монастыря и железнодорожных служащих [26, л. 146; 27, л. 162]. В часовне проходили послушание монахини этого монастыря [27, л. 215], в ней же состоятельные горожане Петрограда и Ирина Паскевич осуществляли пожертвования для монастыря и для слепой послушницы Александры Евмененковой в 1916–1917 гг. (по 50 руб.) [26, л. 156]. Таким образом, накануне Первой мировой войны в регионе функционировали 15 указанных церквей и 3 часовни.

Период первой мировой и гражданской войны 1914–1919 гг. В экстремальный период 1914–1919 гг. в Гомеле действовали семь военных госпиталей: № 716, № 791, № 955, № 972, № 151 и Курский [28, л. 23; 29, л. 34]. При них часто имелись церкви. Наиболее полная информация о временной церкви Гомельского военного госпиталя, дислоцированной в здании гинекологической больницы, содержится в выявленных метрических книгах этой церкви. Она была построена С. Шабуневским на средства И. Паскевич, действовала с 3.10.1914 г. по 5.11.1916 г. Треб было много, только в 1915 г. было отпето и погребено 1146 человек [30, л. 167]. Книги фиксировали не только смерть православных воинов, скончавшихся в 1914–1918 гг., но и крещение новорожденных горожан [30, л. 3–240]. Медперсонал и клирики ухаживали за больными и ранеными, уделяя большое значение поддержанию их духовного и эмоционального состояния, необходимого для выздоровления, тем самым облегчали их страдания. Основную часть обрядов отпевания и погребения православных воинов совершал священник Георгий Тиховский, который вел всю необходимую документацию.

Г. Тиховскому помогали известные гомельские священники, которые также постоянно сотрудничали со священниками, служившими в полевых запасных госпиталях Западного фронта № 209, 288, 297, 302, 315, 436, дислоцированных на территории Гомельщины, среди них благочинный Гомельских городских церквей П. Левашов; настоятель Петропавловского собора, протоирей А. Зыков; П. Гинтовт, священник Гомельского военного распределительного пункта [30, л. 10–40; 21, л. 5–30]. Также известны четыре священника Троицкой церкви: Феодор Страдомский [30, л. 220–221, 232–233]; Андрей Трусович [30, л. 224–225, 234–236, 240]; Павел Карнажицкий [30, л. 238, 240, 242–244]; Иоанн Розмаинский [30, л. 97, 101, 194, 222, 236, 238; 31, л. 111]; Стефан Цитович, представитель церковной династии, священник тюремной церкви Александра Невского [30, л. 356], который в служении церкви полевого запасного госпиталя № 288 упоминается неоднократно [30, л. 228–230, 234, 237].

Следует также учесть временную церковь при созданном в 1914 г. «распределительном пункте, средства на существование которых были выделены представителями Русской Армии. Доказательством большого вклада военнослужащих в создание надлежащей обстановки этой церкви служит выявленный членом Историко-церковной комиссии А. Ананьевым протокол «Союза гомельских православных приходов» от 26.01.1918 г., в котором говорится, что «...военные часто за свои средства приобретали необходимую церковную утварь...» [32, л. 44]. Несмотря на годы военного лихолетья, внутреннее убранство церкви оставалось эстетичным и хорошо сохранённым, поэтому в 1919 г., после окончания военных действий, «...члены Союза гомельских православных приходов приняли решение о передаче иконостаса и

внутреннего убранства временной (закрываемой за ненадобностью) церкви на хранение в Никольский храм ...», «...гомельчане... присутствующие на очень торжественных литургиях в церкви при распределительном пункте... постоянно ощущали духовную благодать...» [32, л. 44, 45 и об.], церковь была закрыта за ненадобностью в 1919 г. [24, с. 49; 32, лл. 44, 45 и об.].

В указанный период также функционировала Свято-Николаевская церковь-вагон Полесских железных дорог, созданная в сентябре 1913 г. [33, л. 662; 34, л. 658]. Священник Автоном Ширинский и псаломщик данной церкви Евстафий Келлер, проезжая от станции к станции, окормляли православных жителей Гомельского уезда. В 1916 г. они исповедовали и причастили 409 прихожан [35, л. 663–680].

Таким образом, служение гомельских православных священников в «военных» церквях региона, их неустанная и кропотливая работа свидетельствуют об их гражданской позиции, добросовестном служении обществу. Следовательно, количество церквей в городе накануне новой конфессиональной политики составляло 19 единиц (таблица).

Таблица. – История православных церквей г. Гомеля

Название церкви	Время возведения, меценаты и инициаторы	Место расположения	Межвоенный период (1917–1941 гг.)	Период Второй мировой войны (1941–1945 гг.)	Послевоенный период (1945–1989 гг.)	Современное состояние церкви, адрес
1	2	3	4	5	6	7
Петропавловский (каменный) Собор	1808–1824 гг., Н.П. Румянцев	Берег р. Сож	Изъят в 1931 г., переоборудован для антирелигиозного музея с 1939 г. по 1942 г.	Открыт	Закрыт, переоборудован для историко-краеведческого музея в 1946 г., затем для планетария с 1962–1985 г., с 1985–1989 гг. пустовал	Открыт в 1989 г., площадь Ленина, 6
Никольская (каменная) Церковь	1904 г., железнодорожные служащие; Ф.И. и И.И. Паскевичи	Никольская улица, 4	Изъята в 1929 г., переоборудована для рабочего клуба, затем для сельскохозяйственных мастерских	Открыта	Работала, единственная действующая православная в городе церковь	Реконструирована в 1999 г., при ней размещается Никольский мужской монастырь, Д. Бедного, 4
Троицкая (каменная) Церковь	1828–1833 гг. Н.П. и С.П. Румянцевы	На пересечении Румянцевской (Советской) и Троицкой (Крестыанской) улиц	Изъята в 1929 г., в 1930 г. снесена верхняя часть, переоборудована для городского авиаклуба в 1938 г.	Разрушена во время бомбежек летом 1941 г.	Снесена в 1961 г.	На её месте возведена гостиница «Сож», пересечение улиц Советской и Крестыанской
Церковь (деревянная) Александра Невского в Ново-Белице	1850–1861 гг., переведена из Пахомьего монастыря, купец В.И. Смолин, в 1902 г. – заново перестроена	Центр заштатного городка Ново-Белицы, при шоссе, улица Разина	Изъята в 1930 г., переоборудована для пионерского клуба в 1934 г.	Открыта в 1942 г.	С 1948 г. – изъята, переоборудована для пионерского клуба, банка, затем снесена в 1960 г.	Одноименный храм сооружен в 1996–2003 гг. в Ново-Белице, улица Ильича, 126-а. На месте разрушенной церкви – Райисполком; улица Ильича, 30
Николаевская (каменная) церковь в Вологове	1799–1805 гг., Н.П. Румянцев	У старого русла р. Сож в д. Вологова	Закрыта с 1907 по 1930 гг., в 1935 г. переоборудована для клуба	Закрыта	Значительно разрушена местными жителями, сохранилась одна кирпичная коробка, на которой тренировались гомельские альпинисты, собирались сектанты и сатанисты	Реконструирована в 2005 г., меценат В.Г. Савкин; улица Брянская

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7
Николаевская (деревянная) церковь в Ново-Белице, приписанная к А. Невской	1888 г., иерей Василий Щировский, княгиня М.М. Любомирская, пожертвования горожан, заново перестроена в 1908 г.	Пересечение улиц 7-й Поперечной и Шоссейной	Изъята в 1920 г., была неоднократно переоборудована для милиции, общежития, столовой рабочего клуба, в 1920 г. улица была переименована в Ленинскую, здание сгорело в 1931 г.	–	–	Жилый дом по ул. Герцена, 22
Георгиевская (каменная) военная церковь 160-го Абхазского полка	1905 г., возведена на средства гос. казны	Угол Румянцевской (Советской) и Почтовой (Победы) улиц	Изъята в 1923 г., переоборудована для промышленной выставки в 1923 г., Советская, 24	Открыта	В 1946 г. переоборудована для Дворца Спорта, снесена в 1964 г.	На ее месте проезжая часть проспекта Победы, угол пересечения с улицей Советской, одноименная церковь воздвигнута по адресу переулок Крупской № 8.
Преображенская (каменная) Церковь	1901–1907 гг., возведена на средства Св. Синода и пожертвования	Замковая, 55; пересечение современных улицы Ирининской и проспекта Ленина	Несмотря на постановление об изъятии в 1931 г., действовала до 1939 г., снесена после 1939 г.	–	–	На её месте сейчас внутренний двор и гаражи дома по ул. Ленина 33; одноименная – по адресу ул. Каменщиков, 8
Успенская Либавская железнодорожная церковь-школа	1901 г., возведена на средства гос. казны	Около вокзала	Закрыта в 1921 г.	–	–	–
Домовая церковь (каменная) Вознесения Господня при духовном училище	1896 г., возведена на средства духовенства	Миллионная улица	Закрыта в 1918 г., переоборудована в одну из комнат для 23-х Минских пехотных курсов, затем – в одну из комнат для средней школы и УПК	–	–	Аудитория второго учебного корпуса Медуниверситета, по ул. Билецкого, 11
Домовая церковь Александра Невского при мужской гимназии	1899 г., возведена на средства гос. казны	Угол улиц Могилёвской (Кирова) и Гимназической (Комсомольской)	Закрыта в 1920 г. Переоборудована в одну из комнат Управления Западной железной дороги	–	1953 г. переоборудована в актовый зал БелИИЖТа	Актовый зал БелГУТа, пересечение улиц Кирова и Комсомольской
Домовая церковь св. Иоанна и св. Елизаветы при дворце Паскевичей	1856 г., Ф.И. Паскевич	Окончание северной галереи дворца Паскевичей	Закрыта в 1918 г., переоборудована для антирелигиозного музея в 1931–1939 гг.	–	Переоборудована в одно из помещений Дворца пионеров	Переоборудована в выставочный зал Дворца Румянцевых-Паскевичей, пл. Ленина, 4
Домовая церковь Александра Невского при городской тюрьме	1895 г., мировой судьей Брянчанинов	Улица Румянцевская (Советская)	Закрыта в 1919 г., переоборудована в одно из помещений тюрьмы	–	–	–

Окончание таблицы

1	2	3	4	5	6	7
Кладбищенская церковь Рождества Богородицы (каменная)	1896 г., создана на средства казенных крестьян	Окончание Румянцевской (Советской) улицы, Новиковское крестьянское кладбище	В 1931 г. изъята	Открыта	Перестроена. Размещался пункт кинопроката, позднее – художественно-производственные мастерские комбината «Искусство»	В 1990 г. передана католикам, в 1991–1994 г. открыта католическая часовня Рождества Пресвятой Девы Марии, в 1994–2000 гг. перестроена в костёл Рождества Пресвятой Девы Марии, Советская, 118
Кладбищенская (деревянная) церковь Феодора Тирона	1885 г., надворный советник Феодор Малеванский	Засожское кладбище в Новобелице	Закрыта в 1919 г., разрушена	–	–	Частный сектор Новобелицкого района
Церковь при Гомельском военном лазарете	3.10.1914 г. по 5.11.1916 г.	Берег р. Сож, здание гинекологической больницы, построена на средства И. Паскевич С. Шабуневским	–	–	–	–
Николаевская привокзальная церковь-вагон	1913–1916 гг.	Передвижная	–	–	–	–
Церкви полевых запасных госпиталей	1914–1919 гг.	Новобелица, бараки	–	–	–	–
Временная церковь при распределительном пункте	1914–1919 гг., средства русской армии		–	–	–	–

Динамика закрытия культовых зданий города в контексте новой конфессиональной политики в 1920–1930-е гг.

Согласно Декретам Советской власти «О земле», «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», культовые сооружения подлежали национализации и переходили в ведение местных Советов депутатов. На основе названных Декретов Советской власти оформлялась новая конфессиональная политика. В ее контексте, на основании документов НИАБ, НАРБ, ГАГО и ГАООГО, прослеживается следующая динамика закрытия культовых учреждений Гомеля. В 1920 г. в городе действовало уже 8, а не 15 православных церквей: Успенская церковь-школа, Св. Георгиевская, Полесская церковь, Преображенская церковь, Троицкая церковь, Петропавловский собор [36, л. 32]. Две церкви учтены в других документах: Александро-Невская церковь в Новобелице [37, л. 186; 38, л. 57], а также церковь Рождества Богородицы на Новиковском кладбище [39, л. 18 и об., л. 41]. В 1923 г. была закрыта Свято-Георгиевская церковь [40, л. 30-57], следовательно, в 1924 г. в городе оставалось 7 действующих церквей.

Итоги первой попытки создания атеистического государства. К 1928 г. в г. Гомеле остались действовать только Петропавловский собор и четыре православные церкви: Преображенская, Рождества Богородицы (Кладбищенская), Троицкая и Никольская [36, л. 26]. В создавшейся обстановке Архиепископ Дасифей (Степанов) неоднократно просил Адмотдел спасти от закрытия Никольскую церковь [37, л. 13; 38, л. 3, 16, 446]. Согласно отчету т. Рославцева, данные церкви объединяли 11,5 тысяч верующих (для сравнения: 21 синагога официально объединяла в этом же году 3740 человек, Римско-Католический Костел – 1683 верующих) [38, л. 41–42].

Ситуация изменилась в связи с новым Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных

объединениях» от 8 апреля 1929 г. [38, л. 40–41, 62]. На его основании в городе была сформирована Центральная комиссия по отделению церкви от государства, состоящая из начальника Адмтдела т. Млодака, помощника прокурора т. Маргуса, окринспектора Наробразования – т. Кандыбовича и представителя Гомельского ГПУ т. Симановского [38, л. 43–44]. Именно эта комиссия в дальнейшем закрыла пять оставшихся в городе церквей. Так, в соответствии с протоколом № 9 от 18 ноября 1929 года «...Пленум Горсовета постановил изъять ...Троицкую и Полесскую церкви...» [13, с. 90]. Проведение данных мероприятий трактовалось как результат «многочисленных просьб трудящихся», в данном контексте показателен протокол № 9 заседания Пленума Гомельского Горсовета от 3.10.1931 г., согласно решению которого были изъяты: Петропавловский собор, церковь Рождества Богородицы и Преображенская [41, л. 213–214]. Таким образом, все православные церкви города к 1931 г. были официально закрыты.

Заключение. Согласно отчету заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК КП(б) Б.Н. Сигналова от 21.01.1937 г., результаты первого периода создания атеистического государства следующие: «...с 1917 г. по 1936 г. в стране была закрыта 1371 церковь, ... они переоборудованы под культучреждения и зерносклады...в разобранных помещениях – 1059 единиц, не действующих – 238, осталось 74 действующих» [42, л. 90–91]. К 1940 г. в БССР осталось два действующих храма – в Орше и Мозыре, в которых изредка, по двенадцатым праздникам, проводились богослужения [3, с. 140]. Аналогичная ситуация была в г. Гомеле: 19 церквей стали недействующими, из них 10 переоборудованы, 6 закрыты, 3 разрушены и уничтожены. После описанного Пленума Горсовета в 1931 г. только в Преображенской церкви, несмотря на официальное закрытие, вплоть до 1939 г., по просьбам верующих, проводились литургии [43, л. 23]. Однако, несмотря на уничтожение храмов и репрессии против священников, большая часть – 57% граждан БССР – продолжала считать себя верующими, о чем свидетельствуют результаты Всесоюзной переписи населения, проведенной 6 января 1937 г. Этот факт стал одной из причин того, что результаты данной переписи не были напечатаны и находились в архивах под грифом «Секретно» [23, с. 176]. Кредо православных жителей региона сконцентрировано в речи осужденного в 1937 г. клирика Рылло П. «...никогда не уничтожится церковь...арестуют одних священников, появятся другие...сейчас растет преступность, жизнь безысходная, поэтому вскоре Советская власть обратится к церкви за помощью к духовенству для морального воспитания людей...уничтожить веру нельзя никаким оружием...» [12]. Религиозный Ренессанс конца XX–XXI веков, востребованность 23 православных церквей города подтверждают эти слова. Православная церковь не просто выстояла, но и занимает свое достойное место в социокультурной жизни общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абламскі, В.Я. Дзяржаўны спіс гістарычна-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь / В.Я. Абламскі, І.М. Чарняўскі, Ю.А. Барысюк. – Мінск : БЕЛТА, 2009. – 680 с.
2. Памятная книжка Могилёвской губернии на 1916 год. – Могилев, 1916. – 432 с.
3. Виноградов, Л. Гомель. Его прошлое и настоящее, 1142 – 1900 г. / Л. Виноградов. – 44 с. – (Факсимильное воспроизведение издания 1900 года из фондов Гомельского областного краеведческого музея).
4. Жудро, Ф.А. Весь Гомель. Географическо-статистический очерк / Ф.А. Жудро, И.А. Сербов, Д.И. Довгялло // Записки Северо-Западного отдела Императорского Русского географического общества. – Вильно, 1911. – 180 с.
5. Этнокультурные процессы Восточного Полесья в прошлом и настоящем. – Минск, 2010. – 465 с.
6. Ященко, О.Г. Гомель во второй половине XIX - начале XX века. Историко-этнографический очерк / О.Г. Ященко. – Гомель, 1997. – 80 с.
7. Локотко, А.И. Архитектурное наследие Беларуси (развитие традиций, охрана и реставрация) / А.И. Локотко. – Минск : ИООО «Право и Экономика». 2004. – 304 с.
8. Морозов, В.Ф. Гомель классический. Эпоха, меценаты, архитектура / В.Ф. Морозов. – Минск, 1997. – 335 с.
9. Кулагін, А.М. П'раваслаўныя храмы на Беларусі : энцыклап. давед. / А.М. Кулагін. – Мінск : БелЭн, 2001. – 656 с.
10. Чантурия, В.А. Памятники архитектуры и градостроительства Белоруссии / В.А. Чантурия. – Минск, 1986. – 237 с.
11. Малков, И.Г. История и современность каменных православных храмов Белорусского Полесья / И.Г. Малков, Д.П. Ковалев. – Гомель : БелГУТ, 2011. – 110 с.
12. Архивные материалы ИЦК – историко-церковной комиссии.
13. Прищепов, Г. Историческое обозрение храмов Гомеля / Г. Прищепов. – Жировичи, 2001. – 99 с.
14. Пшенко, Г. Жизнь и проповеднические труды священномученика архиепископа Митрофана Краснопольского (1869–1919 гг.) : дис. канд. богословия / Жировичи, 2002. – 239 с.
15. Новик, Е. Историко-статистическое описание приходов Светлогорского благочиния Гомельской епархии / Е. Новик. – Жировичи, 2009. – 128 с.
16. Дубяго, В. Жизнь и деятельность протоиерея Иоанна Григоровича (1792–1752) : дис. канд. богословия / В. Дубяго. – Жировичи, 2009. – 82 с.
17. Губаревич, Р. О жизни и деятельности И. Григоровича (1792–1852 гг.) / Р. Губаревич. – Жировичи, 2000. – 75 с.
18. Грень, В. Православные архиереи Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) : дис. канд.

богословия / В. Грень. – Жировичи, 2003. – 131 с.

19. Шиленок, Д. Жизнь и архипастырские труды епископа Тихона (Шарапова) / Д. Шиленок. – Жировичи, 2000. – 80 с.
20. Шиленок, Д. Из истории православной Церкви в Белоруссии (1922–1939) (Обновленческий раскол в Белоруссии). – М. : Крутицкое патриаршее подворье, Общество любителей церковной истории, 2006. – Материалы по истории Церкви: кн. 38. – 218 с.
21. Слесарев, А.В. Матриолог Гомельской епархии / А.В. Слесарев. – Минск, 2017. – 150 с.
22. Цыкунов, С.В. Исторические сведения о приходах Гомельской епархии / С.В. Цыкунов. – Гомель, 2017. – 170 с.
23. Канфесіі Беларусі (канец XVIII–XXст.). – Мінск, 1998. – 340 с.
24. Гомель : энциклопед. справочник. – Минск, 1991. – 587 с.
25. Нац. ист. арх. Беларуси. – Ф. 3004. Оп. 1. Д. 5.
26. Нац. ист. арх. Беларуси. – Ф. 2301. Оп. 1. Д. 721.
27. Нац. ист. арх. Беларуси. – Ф. 2301. Оп. 1. Д. 847.
28. Гос. арх. Гом. Области. – Ф. 11. Оп. 1. Д. 581.
29. Гос. арх. Гом. Области. – Ф. 11. Оп. 1. Д. 1168.
30. Нац. ист. арх. Беларуси. – Ф. 2301. Оп. 13. Д. 308.
31. Нац. ист. арх. Беларуси. – Ф. 2301. Оп. 13. Д. 311.
32. Нац. ист. арх. Беларуси. – Ф. 2415. Оп. 1. Д. 459.
33. Нац. ист. арх. Беларуси. – Ф. 2301. Оп. 13. Д. 9.
34. Нац. ист. арх. Беларуси. – Ф. 2301. Оп. 13. Д. 11.
35. Нац. ист. арх. Беларуси. – Ф. 2301. Оп. 13. Д. 13.
36. Гос. арх. Гом. Области. – Ф. 1354. Оп. 5. Д. 68.
37. Гос. арх. Гом. Области. – Ф. 185. Оп. 1. Д. 86.
38. Гос. арх. Гом. Области. – Ф. 161. Оп. 1. Д. 49.
39. Гос. арх. Гом. Области. – Ф. 161. Оп. 1. Д. 176.
40. Гос. арх. Гом. Области. – Ф. 9. Оп. 1. Д. 30.
41. Гос. арх. Гом. Области. – Ф. 161. Оп. 1. Д. 177.
42. Нац. арх. Респ. Беларусь. – Ф. 4. Оп. 1. Д. 11305.
43. Нац. арх. Респ. Беларусь. – Ф. 951. Оп. 1. Д. 15.

Поступила 15.06.2017

THE RELATIONS BETWEEN THE STATE AND THE CHURCH IN THE GOMEL REGION DURING THE PERIOD BETWEEN TWO WORLD WARS

N. KOZLOVA

The article is devoted to the confessional policy of the region in the described period. Having studied archival documents of the National Historical Archive of Belarus and the State Archive of the Gomel Region the author has enlarged the well-known list of Gomel churches which functioned in the XIX–XX centuries. An attempt was made to give more accurate information about the dates of the regional churches construction in the prerevolutionary period as well as to find out the names of their sponsors and initiators. In particular, the author mentions the names of initiators and defines a more precise date of the construction of the destroyed St George's Church and burnt New St Nikolay's Church in Belitsa. Much attention is paid to the work of the Executive Committee administrative department which supervised clergymen in post-revolutionary time.

Keywords: *confessional policy, Gomel Orthodox Church, Regional Church, administrative department, Clergymen the First World War, the Civil War, "unusual military" churches of the region, orthodox church, high moral standards.*

НАУКОВАЯ ШКОЛА ПА ВЫВУЧЭННІ ГІСТОРЫІ, АРХЕАЛОГІІ, ЭТНАГРАФІІ, АНТРАПАЛОГІІ БЕЛАРУСКАГА ПАДЗВІННЯ

Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт на сённяшні дзень з'яўляецца адным з буйнейшых цэнтраў па вывучэнні гісторыі і культуры Полацка і Паўночнай Беларусі.

З моманту заснавання кафедры гісторыі ў Полацкім дзяржаўным універсітэце плённа развіваюцца этналагічныя і палявыя этнаграфічныя даследаванні. Заснавальнікам этналагічнага накірунку з'яўляецца вядомы беларускі этнолаг, кандыдат гістарычных навук Уладзімір Аляксандравіч Лобач. На сённяшні дзень вакол У.А. Лобача сфарміравалася кола з яго вучняў – кандыдат гістарычных навук Уладзімір Яўгенавіч Аўсейчык, кандыдат гістарычных навук Святлана Уладзіміраўна Андрееўская, Вера Іванаўна Мішына, Аксана Юр'еўна Бабіч. Этнаграфічныя экспедыцыі выкладчыкаў і студэнтаў Полацкага ўніверсітэта за 1995–2017 гг. ахапілі ўсе без выключэння раёны Беларускага Падзвіння і дазволілі сабраць унікальны матэрыял па сямейнай і каляндарнай абраднасці, народнай медыцыне, фальклору, сакральнай геаграфіі і міфалогіі Паўночнай Беларусі. Знаёмства са скарбамі традыцыйнай беларускай культуры, якое адбылося ў часе этнаграфічнай практыкі, стала для многіх студэнтаў сваёсасаблівымі ўводзінамі ў свет этналагічнай навукі і знайшло сваё далейшае ўвасабленне ў курсавых і дыпломных работах, магістарскіх і нават кандыдацкіх дысертацыях. Вынікі этнаграфічных даследаванняў адлюстраваны ў манаграфіях, дзясятках навуковых артыкулаў, а таксама ў “Полацкім этнаграфічным зборніку”, які атрымаў заслужанае прызнанне не толькі ў беларускіх, але і ў літоўскіх, польскіх, украінскіх і расійскіх этнолагаў і фалькларыстаў. Этнаграфічныя экспедыцыі і даследаванні не толькі адкрываюць для студэнтаў чароўны і непаўторны свет беларускай этнічнай культуры, але дазваляюць на свае вочы ўбачыць характэрнае роднай краіны, што нязмушана і арганічна выходзіць сапраўдных патрыётаў Беларусі не на словах, а на справе.

З адкрыццём гістарычнай спецыяльнасці ў Полацкім дзяржаўным універсітэце з'явілася магчымасць правядзення планамерных археалагічных раскопак. Амаль за 20 гадоў сістэматычных археалагічных даследаванняў пад кіраўніцтвам былых выпускнікоў Полацкага ўніверсітэта, а зараз вядомых археолагаў – доктара гістарычных навук (на дадзены момант рэктара Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта ім. А. Куляшова) Дзяніса Уладзіміравіча Дука, кандыдата гістарычных навук Ігара Уладзіміравіча Магалінскага, а таксама магістра гістарычных навук Аляксея Леанідавіча Коца – зроблены найважнейшыя археалагічныя адкрыцці ў гісторыі самага старажытнага горада на Беларусі – Полацка. Так, стала вядома, што горад Полацк як рэгіянальны цэнтр пачаў фарміравацца амаль на стагоддзе раней першай сваёй узгадкі ў летапісах. Старажытны цэнтр горада – Полацкае гарадзішча – з'яўляўся цэнтрам жыцця палачан не толькі ў IX–XI стст., але дзейнічаў ажно да XIV ст. Тут пражываў князь, магчыма, прадстаўнікі яго дружыны і заможнае баярства. Значнага тэрытарыяльнага пашырэння горад дасягнуў у XI–XII ст., калі былі заснаваны Вялікі і Запалоцкі пасад. Унікальны помнік археалогіі – Заходняя частка Запалоцкага пасада – быў адкрыты і даследаваны полацкімі археолагамі ў 2004 і 2013 гг. Адкрыццё месца знаходжання бернардынскага кляштара, дзе атрымаў сваю першую адукацыю Францыск Скарына, вызначэнне планіроўкі старажытных вуліц і іх назваў, адкрыццё пасадаў правага берага Дзвіны, лакалізацыя курганных і шэрагу грунтовых могільнікаў горада – гэта далёка няпоўны пералік тых новых стэронак гісторыі, якія раскрылі полацкія археолагі падчас раскопак.

Старажытны Полацк быў моцна звязаны эканамічнымі, сацыяльнымі і культурнымі сувязямі з навакольнымі паселішчамі, таму тэма даследавання полацкай акругі таксама вельмі цікавая для археолагаў. Пачынаючы з 2011 г. пад кіраўніцтвам археолага, магістра гістарычных навук Віктара Уладзіміравіча Чараўко праводзіцца сістэматычныя археалагічныя даследаванні пахавальных помнікаў XIV–XVIII ст. на Падзвінні.

Намаганнямі супрацоўнікаў універсітэта сфарміравана моцная база для правядзення археалагічных раскопак, створана паўнаватарская лабараторыя па камеральнай апрацоўцы старажытных артэфактаў. Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт актыўна супрацоўнічае з Нацыянальным Полацкім гісторыка-культурным музеем-запаведнікам, які забяспечвае захаванне знаходак, з Нацыянальнай Акадэміяй навук Беларусі, з Дзяржаўным Эрмітажам (Санкт-Пецярбург, Расійская Федэрацыя).

У выніку сістэматычных раскопак полацкіх археолагаў сфарміравалася багатая антрапалагічная калекцыя, прадстаўленая матэрыяламі гарадскіх і вясковых пахаванняў з тэрыторыі Полацка і Полацкай зямлі. Дзякуючы навуковай дзейнасці антрапалага, кандыдата біялагічных навук Вольгі Антонаўны Емяльянчык Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт з'яўляецца другім пасля Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі навуковым цэнтрам антрапалагічных даследаванняў. Старажытнае насельніцтва Беларускага Падзвіння вывучаецца па комплекснай праграме, якая ўключае астэаметрыю, палеадэмаграфію, рэгістрацыю паталогій і шкілетных індыкатараў стрэсу. Антрапалагічныя даследаванні дазваляюць прасачыць гісторыю фарміравання насельніцтва Беларускага Падзвіння, старажытныя міграцыі і міжэтнічныя кантакты, даведацца пра стан здароў'я і ўмовы жыцця нашых далёкіх продкаў. У галіне антрапалогіі развіваюцца і міжнародныя кантакты. Сумесныя навуковыя даследаванні праводзіцца ў супрацоўніцтве з расійскімі

антрапологами з Інстытута этналогіі і антрапалогіі ім. М.М. Міклуха-Макля Расійскай акадэміі навук, Маскоўскага дзяржаўнага ўніверсітэта. Развіваюцца кантакты з літоўскімі і ўкраінскімі антрапологамі.

У апошні час на кафедры актывізаваліся ўласна гістарычныя даследаванні. Так, на працягу некалькіх год з'явіўся шэраг цікавых навуковых прац, прысвечаных малавядомым старонкам гісторыі Полацка і Полацкай зямлі. Унікальнасць дадзенага напрамку заключаецца ў тым, што кожны перыяд гісторыі Беларусі мае свайго непаўторнага спецыяліста.

Перыяд Полацкага княства і звязаныя з ім падзеі палітычнага жыцця ў абсалютнай кампетэнцыі кандыдата гістарычных навук Юрыя Мікалаевіча Кежа. Віктар Уладзіміравіч Якубаў, кандыдат гістарычных навук, займаецца вывучэннем грамадска-палітычнай, ваеннай і эканамічнай гісторыі Рэчы Паспалітай і Паўночнай Еўропы другой паловы XVI–XVII стст.

XVIII–XIX стст. – адзін са складаных перыядаў у гістрыі Беларусі – у сферы навуковай дзейнасці кандыдатаў гістарычных навук Сяргея Алегавіча Шыдлоўскага і Сяргея Яўгенавіча Глазырына, а таксама магістра гістарычных навук Яўгена Уладзіміравіча Глазырына. С.А.Шыдлоўскі займаецца вывучэннем культуры беларускага прывілеяванага саслоўя, а таксама этнічнай гісторыі Беларускага Падзвіння, займаецца перакладам і публікацыяй польскамоўных мемуарных крыніц. С.Я. Глазырын даследуе грамадска-палітычнае жыццё Беларусі ў другой палове XIX – пач. XX ст. Ён жа падрыхтаваў да выдання навуковую працу, прысвечаную падзеям паўстання 1863 года на тэрыторыі Віцебскай і Магілёўскай губерняў. Я.У. Глазырын на падставе архіўных і гістарычных крыніц стварыў падрабязны летапіс падзей вайны 1812 года на Полаччыне, актыўна займаецца вывучэннем дзейнасці Полацкай езуіцкай акадэміі і Полацкага кадэцкага корпуса, складае гісторыка-біяграфічны слоўнік выдатных выкладчыкаў і выпускнікоў гэтых навучальных устаноў.

Былыя выпускніцы Полацкага ўніверсітэта, кандыдаты гістарычных навук Алена Мікалаеўна Барун, Наталія Віктараўна Даўгяла і Галіна Міхайлаўна Мыслівец, на працягу 10 год займаюцца вывучэннем канфесійнага жыцця Беларусі XIX – першай паловы XX стст.

20–30-ыя гг. XX ст. – спрэчны і неадназначны перыяд у развіцці беларускай дзяржаўнасці. Непасрэдна даследаваннем гэтага перыяду з адкрыццём і ўвядзеннем ў навуковы зварот новых архіўных дакументаў і фактаў займаюцца кандыдаты гістарычных навук Алена Вячаславаўна Сумко і Аляксей Леанідавіч Радзюк.

У згаданых вышэй напрамках актыўна развіваюцца міжнародныя кантакты з Ягелонскім універсітэтам (Польша), Варшаўскім універсітэтам (Польша) і Інстытутам гісторыі Польскай акадэміі навук.

Даследаванне перыяду Другой сусветнай і Вялікай Айчыннай вайны – праблема Халакосту, пытанні паўсядзённага жыцця падчас нацысцкай акупацыі – у сферы кампетэнцыі кандыдата гістарычных навук Алесі Іосіфаўны Корсак. Апошнім часам адным з прыярытэтаў у межах выканання Дзяржаўнай праграмы на 2015–2020 гг. па ўвекавечанні памяці ахвяр вайны, у тым ліку і Вялікай Айчыннай, з'яўляецца праца над верыфікацыяй і ўстанаўленнем новых імён загінуўшых падчас ваенных дзеянняў на тэрыторыі Беларусі у цэлым і на Полаччыне ў прыватнасці на працягу 1941–1944 гг. Адным з вынікаў дадзенай працы з'яўляецца стварэнне электроннага рэсурсу ў межах навукова-адукацыйнага праекта “Полацк. Вызваленне. Памяць”, які рэалізуецца сумесна са студэнтамі і магістрантамі Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта і супрацоўнікамі Музея баявой славы СШ № 2 г. Наваполацка.

Навуковыя набыткі па ўсіх азначаных накірунках падсумоўвае канферэнцыя «Беларускае Падзвінне: вопыт, метадыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў», якая праводзіцца на бадзе Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта кожныя два гады. Канферэнцыя стала знакавым форумам не толькі для беларускіх гісторыкаў, археолагаў, антрапологаў, этнолагаў і фалькларыстаў, але збірае зацікаўленых даследчыкаў з Польшчы, Літвы, Украіны, Расіі.

Безумоўна, навуковая школа па вывучэнні гісторыі, археалогіі, этнаграфіі, антрапалогіі Беларускага Падзвіння – непаўторная і ўнікальная з'ява на навуковай прасторы Віцебскага рэгіёна і ў некаторым сэнсе з'яўляецца працягам тых традыцый, якія былі закладзены яшчэ навукоўцамі першай на Беларусі вышэйшай установы адукацыі Полацкай Іезуіцкай Акадэміі, у сценах якой і адбываецца падрыхтоўка кадраў гістарычнай спецыяльнасці.

*Кафедра гісторыі і турызму
Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта*

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ярмусик Э.С. Религиозная культура Гродненщины на современном этапе	2
Корсак А.И. Братские могилы г.п. Боровуха-1: к вопросу об увековечении памяти советских солдат, погибших при освобождении Полоцкого района в июле 1944 года	9
Емельянчик О.А., Шипилло В.А. Краниологическая характеристика материалов погребений с территории Нижнего замка в Полоцке	18
Карнялюк В.Р. Расійскія газеты 1915–1917 гадоў як крыніца па гісторыі вымушанай міграцыі насельніцтва з Беларусі	24
Косов А.П. Западные исследователи о развитии белорусско-российской интеграции в конце XX – начале XXI века	30
Довгяло Н.В. Меры экономического воздействия на конфессии в БССР в 1921–1939 гг.	39
Мацук А.У. Перапіска Міхала Чартарыйскага з Міхалам Масальскім з фондаў польскай бібліятэкі ў Парыжы як крыніца па палітычнай гісторыі ВКЛ 1737–1764 гг.	44
Сумко А.В. Абмен і гандаль у беларускім традыцыйным грамадстве як прадмет этналагічнага даследавання	54
Серак Е.В. Ссылные участники восстания 1863–1864 гг. уроженцы Беларуси в Сибири: численность, сословный состав и география расселения	59
Коц А.Л. Жыллёва-гаспадарчыя комплексы X–XVIII стст. Ніжняга замка Полацка (па выніках раскопак 2014 года)	67
Кузьмин А.Д. Конфессиональный и национальный состав чиновничества белорусских губерний в 1864–1914 гг.	81
Таляронак К.А. Яўрэйскае насельніцтва Беларусі ў аграрнай палітыцы Расійскай імперыі ў канцы XVIII – пачатку XX ст.: гістарыяграфія і сучасны стан даследаванняў	89
Василенко В.В. Использование труда военнопленных на территории Минской и Могилевской губерний Минского военного округа в 1915–1917 гг.	97
Андрэйчык К.В. Трансляцыя гісторыка-культурнай спадчыны Беларусі ў дзейнасці публічных бібліятэк на прыкладзе ўстаноў Віцебскай вобласці	104
Філіпчык Д.У. Вывучэнне і актуалізацыя нематэрыяльнай культурнай спадчыны Нацыянальным Полацкім гісторыка-культурным музеем-запаведнікам у 1991–2016 гг.	110
Чжан Иньлин Чеснок и крапива в традиционной медицине Белорусов: семантический и культурно-сравнительный анализ	119
Леонченко Т.И. Предмет исторической науки в трактовке российской критико-позитивистской историографии	125
Головач Е.И. Проблемы народного образования в деятельности либеральных и монархических партий в III государственной думе (на материалах Беларуси)	131
Василицына Л.А. Монастыри и монашество на территории БССР в современной отечественной историографии	136
Никончик К.С. Историко-архитектурное изучение сакральной архитектуры Могилевского Поднепровья XVII–XVIII вв. в середине XIX – первой половине 70-х годов XX в. (историографический аспект)	141
Галынскі Р.Дз. Археалагічныя разведкі на тэрыторыі г. Быхава Магілёўскай вобласці ў 2012 годзе	144
Козлова Н.Н. Государственно-церковные отношения на Гомельщине межвоенного периода	149
Навуковая школа па вывучэнні гісторыі, археалогіі, этнаграфіі, антрапалогіі Беларускага Падзвіння	156